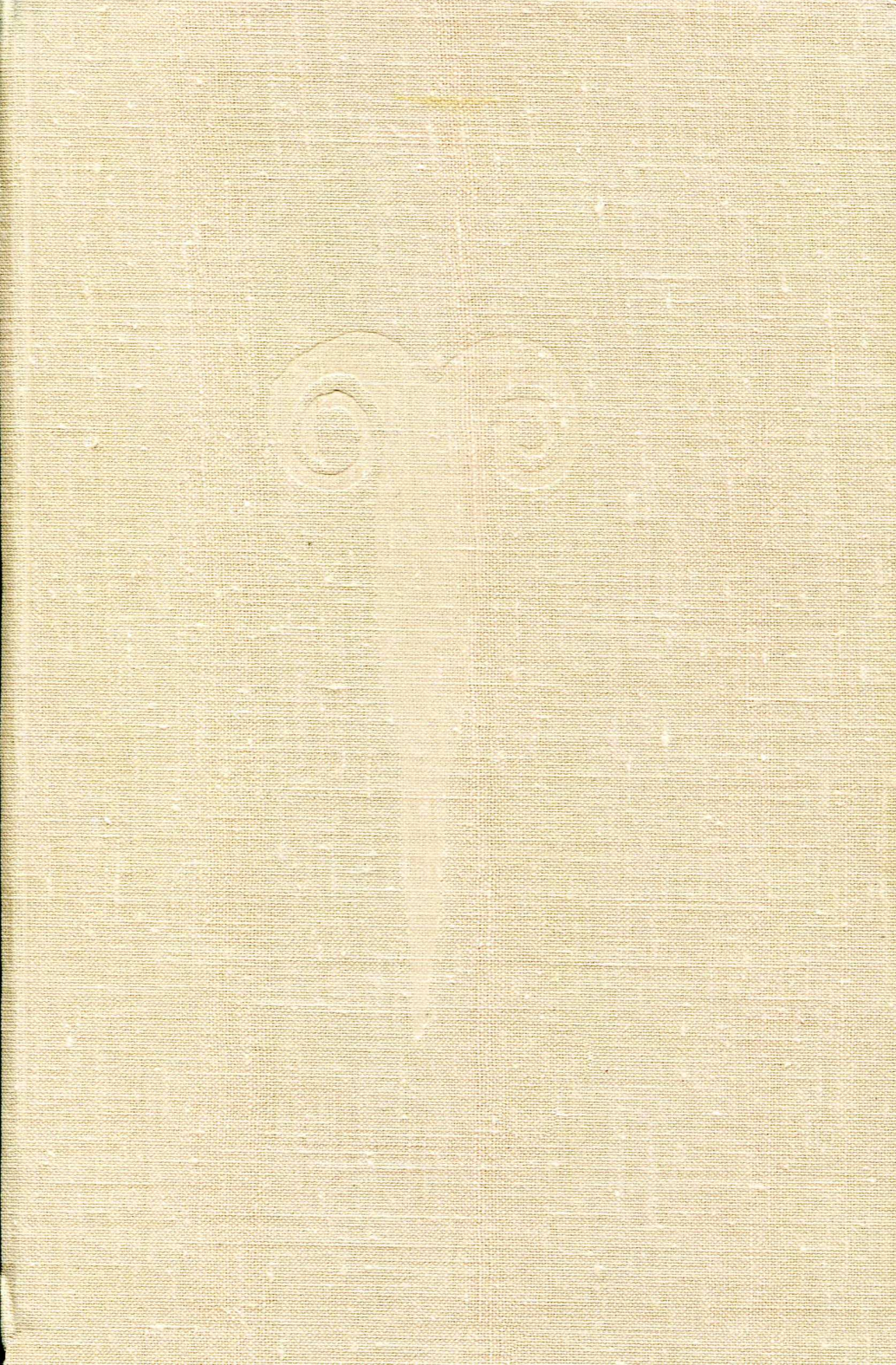

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ივ. ჯავახიშვილის სახელობის ისტორიის,
არქეოლოგიისა და ეთნოგრაფიის ინსტიტუტი

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ им. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

1968

Оцифровка: dziglo

Эл. почта: dziglo2013@yandex.ru

კავკასიის ეთნოგრაფიული კარტები

II

მთაწმინდის ეთნოგრაფიის ნაკვეთები

**გამომცემლობა „მცნეობა“
თბილისი
1968**

КАВКАЗСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

II

ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФИИ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1968

Кавказский этнографический сборник, II содержит «Очерки по этнографии горной Ингушетии», в основе которых лежат новые полевые материалы, собранные в 1962—1965 гг. Чечено-Ингушской этнографической экспедицией Института Истории, Археологии и Этнографии АН Грузинской ССР.

В «Очерках» рассматриваются вопросы этнонимии и топонимии Чечено-Ингушетии, памятники народного зодчества, в частности жилые и оборонительные башни, укрепления, формы поселения, характер сословной структуры, пережитки ранних форм социальных отношений, в частности важнейшие стороны семейной и сельской общины, а также система родства и некоторые формы хозяйственного быта.

Благодаря новому полемому материалу, широкому привлечению данных грузинских письменных источников и сравнительного материала из быта других народов Кавказа «Очерки» представляют интерес для широкого круга кавказоведов.

ОТ РЕДАКТОРА

Среди коренных кавказских горцев нахи являются одним из древних и многочисленных народов. Вместе с другими народами Кавказа они принимали деятельное участие в созидании того «кавказского культурного мира», которому принадлежит значительная роль в развитии общечеловеческой цивилизации. Замечательная башенная культура, развитые формы альпийского хозяйства, оригинальные черты общественного быта, высокохудожественные образцы народного творчества, подчеркивая внушительный вклад нахов в общекавказскую культуру, представляют собой вместе с тем неисчерпаемый источник изучения Кавказа в целом.

Сознание культурно-исторической общности народов Кавказа берет начало в глубокой древности. Наиболее яркое выражение оно находит в общеизвестной этно-генетической концепции грузинского летописца начала XI века Леонти Мровели, которая господствует на всем протяжении феодальной Грузии. О ней писали лучшие представители общественной мысли второй половины XIX века. В наше время исследование общекавказских проблем приобрело новое содержание, новое направление. И. А. Джавахишвили, обосновывая научное значение изучения грузино-кавказских взаимоотношений, вместе с тем писал: «...так как выяснилось, что кавказские языки являются языками братских племен наших предков, каждый образованный грузин обязан знать историю этих языков и племен так же как историю своего народа, своей страны».

В результате исследований А. С. Чикобава положение о

структурном родстве иберийско-кавказских языков получило широкое признание.

Подтверждение «жизнеспособности гуманистической теории Л. Мровели» С. Н. Джанашия искал в современном быту народов Кавказа, бережно собирая соответствующие языковые данные.

По словам Н. А. Бердзенишвили «Древнегрузинские источники указывают на тесные культурно-исторические связи между народами Закавказья и Северного Кавказа, на перемещение племен с севера на юг и с юга на север, на их генетическое родство».

Ближайшие задачи грузинской этнографии в области кавказоведения Р. Л. Харадзе сформулировала следующим образом: 1. Изучение на этнографическом материале истории грузино-кавказских культурно-исторических и генетических связей, выявление общих черт культуры и быта, обусловленных общностью происхождения, сходными общественно-экономическими условиями, взаимным обогащением; 2. Освещение генезиса и путей развития важнейших элементов культуры и быта, в первую очередь форм социальных взаимоотношений, в общэтнографическом плане; 3. Исследование процессов сближения национальных культур социалистических наций.

Народы Кавказа, ко времени присоединения к России, находились на различных ступенях общественного развития. В условиях автохтонности этих народов, их генетической близости и общности культурно-исторических судеб, создается возможность изучения важнейших элементов культуры и быта в процессе их развития. Так например, этнографические материалы из быта народов Кавказа выявляют не только богатое разнообразие типов жилища, складывающихся применительно к различным конкретно-историческим условиям, но и последовательные формы того или иного типа, отражающие отдельные этапы в процессе его развития. Одним из очевидных примеров этому является жилая башня, повсеместно распространенная у горцев Центрального Кавказа, представленная еще совсем недавно в живом быту народа в самых раз-

личных формах, начиная от простейшей, характерной для сельско-общинного быта, и кончая крупными замковыми сооружениями феодального характера. Рассмотрение этой серии этнографического материала в сравнительно-историческом аспекте способствует более глубокому и всестороннему освещению узловых вопросов этнографии того или иного народа Кавказа, ибо, по справедливому замечанию Н. Я. Марра, «невозможно понять историю Кавказа в рамках отдельных национально-исторических построений». Широкий диапазон хронологии и разнообразия форм культуры и быта, характерный для этнографии народов Кавказа, в условиях вышеуказанной общности вместе с тем способствует выявлению общих закономерностей процесса возникновения и развития данного элемента культуры и быта в общетеоретическом плане. Благодаря этому свойству кавказского этнографического материала многие исследователи именно здесь искали ключи от неизведанных тайн истории человеческой цивилизации.

Длительная сохранность традиционных форм культуры и быта, берущих начало в далеком прошлом, не всегда является признаком отсталости. Она нередко указывает на преемственность процесса развития в области социальной, хозяйственной, культурной, идеологической жизни, на автохтонность, на жизнедеятельность, на способность традиций выполнять различные функции на различных ступенях общественного развития.

Сходство отдельных элементов культуры с аналогичными явлениями из быта других народов, также не может стать поводом для отрицания самостоятельной творческой способности народа, ибо оно не всегда является результатом заимствования, а может представлять собой продукт родственного происхождения народов, сходства общественно-экономических условий и многих других причин. Да и заимствование не является пассивным актом механического перенесения данной формы культуры и быта из одной этнической среды в другую. Оно возможно лишь при наличии соответствующего уровня общественно-экономического развития и активной творческой деятельности...

В предлагаемых «Очерках» содержатся статьи, посвященные различным сторонам культуры и быта ингушей, однако все они подчинены одной задаче — способствовать, по мере возможности, раскрытию особенностей общественного быта нахов. Среди различных источников, привлекаемых к изучению общественной жизни народа, помимо собственно социальных институтов, большое значение приобретают памятники материальной культуры, формы хозяйствования, религиозные представления. Использование последних в качестве источников изучения социальной истории народа требуют большой осторожности, ибо они, хотя и являются отражением реальной жизни, являются отражением фантастическим. Воспринимаемые из инородной этнической среды легче чем другие элементы культуры и быта, более податливые ко всякого рода наслоениям и труднее всего датируемые, они, прежде чем сделаться надежным источником для выводов относительно характера их социально-экономической основы, нуждаются в особых способах препарации. Здесь уместно напомнить примечание Ф. Энгельса к «Капиталу» К. Маркса, согласно которому «Конечно много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод».

И. А. Джавахишвили, как известно, придавал большое значение этнографическому материалу, в том числе религиозным верованиям, как источнику исторических исследований. Однако вместе с тем, он указывал на необходимость критического к ним отношения, исходя из того, что если даже письменные источники не избежали пагубного влияния времени, тем паче нельзя представить себе, что устные сказания на протяжении веков не испытали изменений и дошли до нас в первоначальном виде.

Использование форм хозяйствования в качестве источников изучения общественного быта таит в себе другую опасность, в частности, излишнее аграризирование исследования

и подчинение его интересам истории сельского хозяйства в ущерб интересам собственно этнографии. Выделение т. н. аграрной этнографии в особую отрасль этнографических исследований может быть оправдано лишь при условии сохранения этнографией собственного лица, т. е. собственных задач, проблематики, источников и метода.

Формы материальной культуры, как источник изучения социальных взаимоотношений, имеют некоторое источниковедческое преимущество сравнительно с вышеуказанными. В первую очередь это относится к монументальным памятникам народного зодчества, сложившимся в глубокой древности, пережившим исторические эпохи и дошедшим до недавнего прошлого в качестве бытовавших элементов культуры и быта. Благодаря сравнительно большому хронологическому диапазону своего активного существования, сохранности первоначальных форм и возможности их датировки, они приобретают достоверность археологического материала, выгодно отличаясь от него перспективой применения к ним методов этнографических исследований, т. е. изучения их в живом быту, методом опроса и непосредственного наблюдения. В этом случае предания, сопутствующие памятникам материальной культуры, и строже контролируемые со стороны последних, приобретают более веский авторитет.

Стратиграфический метод, получающий все более широкое применение в этнографических исследованиях, предполагает именно эти преимущества памятников материальной культуры.

Формирование нахов, так же как и других народов Кавказа, прошло долгий и сложный путь развития. Этот длительный процесс начался с мелких племенных групп, шел по линии образования более крупных этнических общностей, легших в основу формирования ингушского и чеченского народов, на базе которых развилась социалистическая нация. Изучение сложнейшего процесса этногенеза любого народа требует предварительного монографического исследования его отдельных сторон и стадий. Настоящий сборник имеет целью осветить вопросы этнографии одной ветви нахского народа, в

частности, ингушей, которые вместе с чеченцами составляют ныне Чечено-Ингушскую АССР. Чеченский материал в этих первых «Очерках» приведен лишь в отдельных случаях. Предполагаемые «Очерки по этнографии горных чеченцев» вместе с настоящими, думается, в некоторой степени восполнят недостаток, ощущающийся в этнографической литературе по Чечено-Ингушетии.

Предлагаемые же «Очерки» пусть послужат посильной данью исторически сложившейся дружбе между грузинским и нахским народами и залогом их совместной творческой деятельности рука об руку с другими народами Кавказа, всего Советского Союза в деле строительства светлого будущего.

Чечено-Ингушская этнографическая экспедиция (сокращено ЧИЭЭ) Института Истории, Археологии и Этнографии АН Грузинской ССР вела полевые исследования в 1962—1966 годах. Она, на протяжении всего этого времени, пользовалась неизменным одобрением со стороны руководящих органов Чечено-Ингушской АССР, постоянной поддержкой соответствующих научных учреждений и исключительно доброжелательной помощью народа, в гуще которого приходилось ей работать. Нахи, в лице их замечательных сказителей, несмотря на долгий период отчуждения от родных гор, бережно сохранили память о прошлом. Прекрасное знание древностей своей страны, ясное понимание задач экспедиции и искреннее желание быть полезным в нашем общем деле способствовали сбору надежного, нового, ценного материала, легшего в основу «Очерков». Написание «Очерков» в первую очередь обязано именно сказителям, законно заслужившим самую глубокую и самую искреннюю благодарность.

Экспедиция работала в составе: Робакидзе А. И. и Харадзе Р. Л. (руководители), Итонишвили В. Дж., Джавахадзе Н. В., Гегечкори Г. Г., Гамкрелидзе Б. В., Шамиладзе В. М., Чиковани Т. А., архитекторов Горгадзе Т. П., Капанадзе Р. Д., Нозадзе З. С., Бежанова В. И., Миндиашвили Т. Н., Ошакмашвили Г. Д., художника Сулава О. А.. Со стороны Чечено-Ингушского ИИЯЛ в экспедиции принимали участие

Саидов И. М. и Шамилев А. В., а со стороны Чечено-Ингушского краеведческого Музея — Ошаев М. Х.

«Очерки» еще в рукописи были просмотрены А. А. Саламовым, В. Б. Виноградовым, Х. Д. Ошаевым, И. М. Саидовым, А. В. Шамилевым, ценные замечания которых с благодарностью использованы авторским коллективом.

Ныне действующая официальная транскрипция чечено-ингушской оро-гидро-топо-этнонимии не всегда соответствует местному произношению (Армхи — Iармхий, Эгикал — АIегикал, Ольгет — ОIгатIе, Цори — Цхьори, Итум-кале — Итум-кхаьлле, Куазлом — Кхоазлоам, Чанти-Аргун — ЧIаьнти-Орга, Сунжа — Шолж, галгаевцы — гIалгIа и т. д.). В специальной литературе, особенно дореволюционной, также наблюдается большое разнообразие. Некоторое разночтение, к сожалению, имеет место и в современной научной литературе. В «Очерках» авторы стремились придерживаться официальной номенклатуры за исключением цитат, в которых воспроизводится форма, указанная в источнике, и тех случаев, когда анализ термина требует транскрипции, полностью соответствующей местному произношению. В уточнении транскрипции большую помощь оказали Т. Гониашвили, Д. Имнайшвили, А. Мациев и И. Оздоев, за что авторский коллектив «Очерков», приносит им глубокую благодарность.

А. И. Робакидзе

Р. Л. ХАРАДЗЕ, А. И. РОБАКИДЗЕ

К ВОПРОСУ О НАХСКОЙ ЭТНОНИМИКЕ

Исконной колыбелью нахской культуры являются центральные котловины, образуемые двумя продольными хребтами главной цепи Кавказских гор—Передовым и Скалистым—и замыкаемые с востока Дагестанским нагорьем, а с запада ущельем реки Терек¹. Однако существовало и другое мнение, согласно которому в частности ингуши считаются пришельцами на данную территорию. Так например, по мнению Г. Вертепова, родоначальники восточных ингушских обществ пришли, вместе с родоначальниками отдельных чеченцев из Дагестана, Ичкерии или Грузии приблизительно в конце XVI века. По Г. Вертепову пришельцы заняли сперва плодородные долины по рр. Сунже, Шавдону и Аргуну, а затем и нынешнюю территорию².

Это типично миграционистская теория, имеющая в основе предания, не проверенные ни памятниками материальной культуры, ни сообщениями письменных источников, ни другими какими-либо достоверными данными.

По мнению В. Христиановича ингуши и чеченцы, в противоположность осетинам, балкарцам, карачаевцам и кабардинцам, пришедшим в горы из степей, пришли на Северный Кавказ «с юга, из-за гор»³.

¹ Г. К. Мартиросов. История Ингушии, Орджоникидзе, 1933, I.

² Г. А. Вертепов. Ингуши. Историко-статистический очерк, Т. С., 2, Влад., 1892, 80—90.

³ В. П. Христианович. Горная Ингушия, Ростов н/Д, 1928, 70.

Вопроса о первоначальной родине нахов касается и А. Генко. Анализируя характер и ареал распространения культа божества Тушоли, А. Генко «оплотом чечено-ингушского национального бытия» считает современную Тушету «впоследствии огрузинившуюся»⁴. В обширной рецензии В. Дондуа на цитированную работу А. Генко, автор рецензии обоснованно отвергает такую постановку вопроса, при которой «пребывание в Тушети культа Тушоли и его почитателей—ингушей исключает мысль о том, что с ними в тех же границах могли существовать и другие культы и их почитатели»⁵. Опираясь на теснейшие языковые связи, Н. Марр пшавов и хевсур считал «грузинизированными племенами чеченского народа»⁶. Е. И. Крупнов, на основе многочисленных данных археологии, говорит об этнических связях ингушей с языково-родственными им грузинскими племенами⁷. Эта точка зрения подходит ближе, чем какая-либо из вышеприведенных, к концепции Теймураза Багратиони, который в «Истории Иверии», опубликованной на грузинском языке в Петербурге в 1848 году, описывая истоки рек Абанта и Алазани, говорит о стране «...тушов, пшавов, хевсур и глигвов, народы которой суть грузины же (только, авт.), живущие в кавказских горах»⁸.

Многочисленные народные предания, как правило, не подающиеся документации и лишенные исторической перспективы, происхождение родов ведут из Лавии, Сирии и др. далеких стран, точно так, как и многих других народов Кавказа⁹. В этих преданиях, в большинстве случаев, проявляется

⁴ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, ЗКВ, V, М. 1930, 710.

⁵ В. Д. Дондуа. А. Генко, Из культурного прошлого ингушей, ЯМ, II, Лен., 1934, 146.

⁶ Н. Я. Марр. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа, ИАН, 1916, № 15, 1395—1396.

⁷ Е. И. Крупнов. К истории Ингушии, ВДИ, 1939, № 2, 84.

⁸ Теймураз Багратиони. История Иверии с древнейших времен..., СПб., 1848, 14 (на груз. яз.).

⁹ Б. А. Алборов. Ингушское «гальерди» и осетинское «аларды», ИИНИИК, I, Влад., 1928, 367.

желание феодализирующей верхушки, связав свое происхождение с народами «великих цивилизаций», обособиться от собственного народа и «исторически» обосновать свое господство над ним.

Наличие таких диаметрально противоположных взглядов об этногенезе нахов говорит о том, что наука не располагает достаточными данными для объективного решения вопроса. Вместе с тем привлекает внимание то обстоятельство, что часть вышеприведенных аспектов решения вопроса не обходится без грузинского этнического элемента и без территории ныне занимаемой грузинами. А это не может быть случайным. Новейшие исследования, посвященные вопросу древнейшей топографии кавказских племен, указывают на значительно более обширную территорию, занимаемую ранее нахскими племенами. По словам Г. А. Меликишвили адыгейско-чечено-лезгинские племена «...были распространены не только к северу от Главного Кавказского хребта, но, по-видимому, и к югу от него, в Закавказье и еще южнее»¹⁰. В свете этих реально-исторических фактов вышеуказанные предания о происхождении нахов приобретают характер реминисценций; они вместе с тем делают несомненным ранее высказанное положение, которое в нахах видит древнейшее кавказское племя, в культурном и языковом отношении родственное грузинам¹¹.

Данные этнографии Кавказа, в частности, этнонимические материалы, хотя и относятся к более позднему периоду, не лишены интереса с точки зрения этногенеза нахов.

Наименование ингуши, употребляемое для одного из народов нахской группы, наиболее позднего происхождения. Еще Н. Грабовский отмечал, что ингушами именуются «потомки выселившихся с гор джераховцев, галгаевцев и других жителей соседних с ними горских обществ»¹². В литературе это

¹⁰ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, 120.

¹¹ В. Н. Гамрекели. Двалы и Двалети в I—XV вв. н. э., Тбилиси, 1961, 145 и др.

¹² Н. Ф. Грабовский. Ингуши..., ССКГ, IX, 1876, 2.

наименование одной группы нахов видимо правильно увязывается с наименованием поселения Ангушт¹³, которое было основано переселенцами с гор. По наблюдению А. Генко впервые в европейской литературе этот термин упоминается у И. Штелина (1770 год), а в дальнейшем он встречается у академика Георги (1776)¹⁴. Это положение разделяют Г. Мартиросиан¹⁵, а затем и Е. Крупнов, датирующий основание вышеназванного поселения XVII веком¹⁶. В последующих компендиумах ничего нового по данному вопросу не сказано¹⁷. Грузинские письменные источники по этому вопросу содержат ценные данные. Например, В. Багратиони дает чрезвычайно интересное сообщение, согласно которому ко времени написания его работы (вторая четверть XVIII века) в ущелье р. Борагнис-Цхали (р. Сунжа) «находится Ангусти, селение большое; и ущелье это с строениями и селениями»¹⁸. Видимо заселение этого ущелья ингушами началось задолго до XVIII в.

Современные ингуши сами себя называют *гIалгIа́*; также именуют их чеченцы. У осетин они известны под наименованием *ма кх кх а л о н* (по осет. *мæхъхъæлон*) помимо этого ингуши известны под названием *ло а м а р о й*, букв., горец. Лоам означает гору, а *рой*, также как и *хой*, — суффикс атрибутивности¹⁹. Этот путь образования этнонима не является в кавказской среде исключением; таким же путем образовано параллельное наименование балкарцев *та у л у*, наименование одной группы аварцев *ма а р у л а л*, горных абазинцев *аш х а р у а* (в отличие от равнинных — *та п а н т а*), этнографической группы горцев восточной Грузии *м т и у л и* и т. д.

¹³ К. Ф. Г а н. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей, КВ, № 6, 1900, 72.

¹⁴ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, 700.

¹⁵ Г. К. М а р т и р о с и а н. История Ингушин, 13.

¹⁶ Е. И. К р у п н о в. К истории Ингуши, 82.

¹⁷ Народы Кавказа, I, М., 1960, 375.

¹⁸ В а х у ш т и Б а г р а т и о н и. География Грузии, Тифлис, 1904, 151.

¹⁹ А. И. Р о б а к и д з е. Дневник ЧИЭЭ, 1962, тет. № 2, 1.

Со своей стороны ингуши называют своих соседей: осетин — х I и р и й, чеченцев — н о х ч и й, хевсуров и пшавов — п х и й (что соответствует п х о в е л и древнегрузинских письменных источников), тушин — т у ш-б а ц о й, цовцев — ц I о й-б а ц о й, мохевцев — б е н и, вообще грузин — г у р ж и й и т. д. По наблюдению А. Генко ингуши раздельно обозначают хевсур—п х и й, а пшавов—ш у о и; в отношении тушов употребляется термин ч а г м а б а ц о й, а в отношении цовцев—ф а ъ п п и б а ц о й²⁰. Ю. Дешериев дает следующую чечено-ингушскую этнонимику, не дифференцируя по отдельным языкам: осетин — х I и р и, андиец — I а н д и, бацбиец — б а ц о, дагестанец — с у ъ й л и, кабардинец — г I ё б а р т о, калмык — г I а л м к х о, кумык — г I у м к и, грузин — г у ъ р ж и е и др.²¹.

Для обозначения ингушей среди горцев Грузии известен еще один этноним — кисти, однако этот термин в различные времена имел различное содержание, собственно нахам в настоящее время он неизвестен и в качестве самоназвания употребляется лишь кистами Панкисского ущелья, живущими на территории Грузии, вперемежку с грузинами; этим и можно объяснить использование ингушами в качестве самоназвания наименования, под которыми они известны у грузин. Однако обнаруженный М. Х. Ошаевым топоним Кисти-Басо (склон кистов) в Хачароевском ущелье, говорит о том, что возможно нахам и раньше был известен этот этноним.

Грузины-горцы, преимущественно мохевцы, данным этнонимом обозначают в основном всех нахов, независимо от их расположения, за исключением цовцев. В таком понимании грузинское кисти включает и ингушей и чеченцев²². Однако письменные источники XVIII века упоминают раздельно ки-

²⁰ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, 686.

²¹ Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков..., Грозный, 1963, 53.

²² G. Nioradze. Begrebnis und Totenkultu bei den Chewsuren, Stuttgart, 1931, 9.

стов (ქისტო), глигвов (ღღღღღ) и дурдзуков (დურძუკო)²³. В выявленных Г. Тогошвили письмах Ираклия II-го к Бальдуку, Шолугу и Алхазу Чичисшвили — ингушам по происхождению — раздельно упоминаются в одном (1786 г.) кисты, глигви, а в другом (1788 г.) ангуштинцы, кисты, глигви, не включая сюда чеченцев.²⁴

Также раздельно обозначает киштов (кистов) и глигвов грузинский историк П. Орбелиани.

Народное осмысление грузинского термина кисты в значении ингушей и чеченцев, видимо проникло и в русские источники. В различных русских изданиях особенно конца XIX и начала XX веков часто упоминаются «дальние кистины» и «ближние кистины», среди которых под последними подразумевались жители ущелья р. Армхи (Кистинка русских источников, Кистетис Цхали по В. Багратиони), а под первыми жители верховьев р. Аргун, т. е. чеченцев²⁵. По наблюдению Г. Вертепова дальние кистины раньше относились к ингушам и лишь «в настоящее время эту группу чеченского населения относят к собственно чеченцам»²⁶. Видимо грузинское наименование кисты, охватывающее и ингушей и чеченцев, отражает традицию, восходящую к этническому единству нахов.

В некоторых источниках термин кисты применяется лишь в отношении жителей Армхинского ущелья²⁷. Такое понима-

²³ Л. Меликсет-Беков. «Описание сопредельных с Грузией стран», ТГГУ, XVIII, 1940, 135 (на груз. яз.); ср. «Описание Дидоети, Кистети, Зурзуки, Пшав-Хевсурети и Хеви», Древняя Грузия, т. II, Т., 1910, 64—68 (на груз. яз.); Также раздельно упоминает глигвов, дзурдзуков и кистов Теймураз Багратиони (Описание Иверии с древнейших времен... 36—37).

²⁴ Г. Д. Тогошвили. Из истории грузино-вейнахских политических взаимоотношений во второй половине XVIII века, ИЧИНИИИЯЛ, V, в. I, Грозный, 1964, 152 и след. Подробно см. Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Hd, № 2221 и ф. Ad, № 948.

²⁵ А. П. Берже. Чечня и чеченцы, Тиф., 1859, 80—81.

²⁶ Г. А. Вертепов. Ингуши, 75—76.

²⁷ Б. А. Алборов. Ингушское «гальерды» и осетинское «аларды», 354.

ние этнонима кисты не расходится с концепцией В. Багратиони, который называя р. Армхи рекой Кистети, при описании этого ущелья говорит: «Где же сливаются обе эти реки (имеются в виду Армхи и Терек — авт.), там между ними находится Джариехи, огромная скала, огораживающая большую долину, утесистая, и через это она очень крепка. Тут стоит большая башня, обведенная, подобно крепости, стеной. И на этой реке, в ущелье, выше Джариехи, находится Кистети с селениями, строениями»²⁸. Багратионовская локализация Кистети совершенно определена и в комментариях не нуждается. Уточняя границы расселения нахских племен, В. Багратиони пишет: «А к югу от сего, выше Кистетин, находится Дзурдзукия с строениями, селениями» и, далее, «А к востоку от сей Кисто-Дзурдзукии находится Глигви»²⁹. Следовательно нахов В. Багратиони делит на три племени — кисты, дзурдзуки и глигви, среди которых локализация дзурдзуков не совсем ясна. Эту неясность усугубляет отсутствие у Вахушти каких-либо сведений относительно чеченцев. Это обстоятельство еще раз подтверждает, что в грузинской литературной традиции термин кисты постепенно суживается, ограничиваясь пределами расселения лишь части жителей Армхинского ущелья, хотя в живой речи горцев Грузии он все еще охватывает и ингушей и чеченцев.

Ценным источником по этнонимике и расселению нахов во второй половине XVIII века является И. А. Гюльденштедт, лично побывавший в этих краях и зарекомендовавший себя как надежный источник. По словам автора Кистетия или Кистиа, либо народ кисты (*die Nation Kisti*) граничит с крайним востоком Малой Кабарды, расположена в бас. р. Сунжа, как на северных склонах Большого хребта, так и на территории между ними и северными предгорьями Кавказа. Кисты является наименованием, данным им грузинами. Ингушами называют себя кисты некоторых краев, проживающие в высоких горах вблизи Малой Кабарды.

Перечисляя в тексте отдельные края (*der Distrikt*)

²⁸ Вахушти Багратиони. География Грузии, 151.

²⁹ Там же.

Кистети, с определением их расположения, автор указывает на следующие: (Ratschkilik) Endre, Jachsai, Achkingurt, Ardachli, Wappi, Osset, Makarl, Anguscht, Tschetschenen, Atachi, Schalcha, Rulga, или Dgaute, Galgai (Груз. Galga), Dschanti, Tschabrillo, Schabet, Tschischrikaker, Karabulak, Meesti, Meredschi, Galaschka, Duban.³⁰

В определенных случаях дается наименование сел, входящих в края, незначительная часть которых довольно искажена, в большинстве же передана точно. Ценной является и карта, составленная рукой И. Гюльденштедта, с указанием расположения части вышеназванных дистриктов по определенной гидро-орографической схеме, позволяющая географически локализовать эти края.

Таким образом по И. Гюльденштедту общим наименованием всех нахов является этноним кисты, которые делились на отдельные, сравнительно малые этнические единицы.

Существование термина кисты в грузинских письменных памятниках, предшествующих по времени «Географии» В. Багратиони, не было известно, и это дало повод А. Генко предполагать его сравнительно позднее происхождение³¹.

Однако в настоящее время имеется попытка в одном из грузинских письменных источников, датируемых XIII веком, вычитать, наряду с наименованиями ряда племен Кавказа, и этноним кишты³². Вместе с тем в последнее время приобретает все более широкое признание точка зрения, которая в термине куст, упоминаемый А. Ширакаци, видит наименование кисты. И действительно, упоминание кустов наряду с ныне хорошо известными тушинами и нахчаматянами (под последними имеются в виду чеченцы³³) окончательно убеждает нас в правомочности такого понимания термина куст. В этом

³⁰ Путешествие Гюльденштедта по Грузии. II, Тбилиси, 1964, 74—78, 171 (нем. и груз. яз.).

³¹ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, 701.

³² А. И. Шавхелишвили. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами, Грозный, 1963, 39.

³³ Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков..., 25.

аспекте вполне естественным представляется выражение, употребляемое в одном из документов XIX века — «кисты глигвского племени»³⁴, что предлагает наличие кистов и других племен.

Существует несколько попыток этимологизации этого этнонима. Помимо типичных для этого случая преданий, которыми этот термин увязывается с эпонимом и, как правило, с лицом, пришедшим из далеких стран³⁵, имеется попытка объяснить этот этноним наименованием одного, соседнего с Хевсурети, чеченского села — Кий, расположенного вблизи Малхисты и Майсты³⁶.

Содержание термина кисты по данным русских письменных источников XVI—XVII веков специально рассмотрен Е. Кушевой. По ее словам в русских источниках данного периода она этот термин не обнаружила, зато установила упоминание его в греческих текстах грузинского происхождения «как общее для ингушских племен название»³⁷, что, принимая во внимание происхождение этих текстов, вполне закономерно.

В грузинских источниках для обозначения ингушей, упоминается еще один термин — глигви, который соответствует ингушскому *ḡal ḡlā*. В настоящее время основным очагом расселения галгаевцев является главным образом средняя часть ущелья р. Ассы и ее притоков в этой части. Территория эта называется *ḡal ḡlāy čloj*, в отличие от верхней части Ассинского ущелья, которая у ингушей именуется *ḡxij čloj*, т. е. ущелье пхий — ущелье хевсур. Локализация территории галгаевцев, которую мы находим у В. Багратиони, в основном совпадает с ныне занимаемой ими территорией³⁸. Одни из исследователей разделяют народную этимологию этнонима галгай, согласно которой он происхо-

³⁴ Материалы по истории Грузии, «Кребули», 1872, № 6, 133 (на груз. яз.).

³⁵ Ч. Ахрпеев. Ингуши (их предания, верования, поверья), ССКГ, VIII, Тиф., 1875, I.

³⁶ А. И. Шавхелишвили. Из истории взаимоотношений..., 40.

³⁷ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVIII вв., М., 1963, 67.

³⁸ Вахушти Багратиони. География, 150—151.

дит от наименования типичного для ингушей жилища — гІ āла³⁹, другие в основу этого этнонима кладут наименование центрального места поселения гальгаевцев ГІ алгІ ай чē⁴⁰, третьи вслед за Л. Ельницким, комментатором Страбона, увязывают этот этноним с гаргареями Страбона⁴¹.

Объяснение этнонима гІ алгІ ā его связью с наименованием жилища гІ āла нам не кажется убедительным, т. к., помимо всего остального, в жилищах подобного типа жили не только ингуши, но и другие народы Кавказа. Это не было отличительной чертой ингушей и не могло служить основанием для образования этнонима. Не мог произойти этот этноним и от ГІ алгІ ай чІ о ж т, к по своей структуре последний сам является производным от гІ алгІ ай, подобно ПхийчІ о ж, имевшему в основе наименование племени пхий.

Связь страбоновских гаргареев с современными галгаями имеет решающее значение как для географической локализации древнейшей территории расселения нахов, так и для их этнической истории. Ю. Д. Дешериев, исходя из соображений лингвистического порядка, отрицает прямую связь между ними⁴². Отрицают наличие этой связи и В. Б. Виноградов с К. З. Чокаевым⁴³. Однако, приводимые Е. И. Крупновым археолого-этнографические параллели и ссылка на употребление терминов гергара/гаргара в нахских языках в значении «родственник», «близкий»⁴⁴, являются заманчивыми аргументами в пользу установления генетической связи между гаргареями античных источников и современными гІ алгІ аями.

³⁹ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, 703; ср. Ю. Д. Дешериев. Сравнительная грамматика нахских языков..., 54.

⁴⁰ Н. Ф. Яковлев, Ингуши, М., 1925, 100; прим. I.

⁴¹ В. Н. Гамрексли. О племени двалов, МЭГ, IX, Тб., 1957, 203, прим. 2.

⁴² Ю. Д. Дешериев. Сравнительная грамматика нахских языков..., 53 — 54.

⁴³ В. Б. Виноградов, К. З. Чокаев. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен, АЭС, Грозный, 1966, 64 и след.

⁴⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, 72—74.

Бытование этнонимов кисты и глгивы в горно-грузинских диалектах в полном соответствии и с данными грузинских письменных источников и с фактическим расселением вышеуказанных этнографических групп нахов, еще одно свидетельство тому.

Что касается термина дурдзук, упоминаемого В. Багратиони, неясность его локализации, а также отсутствие каких-либо четких указаний на этот счет в других письменных источниках, заставляет воздержаться от предположений, касающихся его содержания, хотя фраза Багратиони, которой он завершает описание этого района Северного Кавказа: «Все же эти ущелья, описанные нами, прежде назывались общим именем — Дзурдзукетией, а теперь подразделены так»⁴⁵, может быть использована для обоснования положения относительно общего значения этого этнонима, охватывающего когда то всю нахскую группу народов. Не случайно В. Багратиони называет Дзурдзука, согласно своей генеалогической концепции, «превосходнейшим из потомков Кавкасса», и определяет территорию расселения его потомков как «восточную часть от Арагвы (которая, по словам В. Багратиони есть Ломеки, а ныне Терек) до границы Лекетии». Не случайно также и то, что касаясь раздела дзурдзуков, имевшего место, по сообщению автора, в период царствования в Грузии Парнаваза (нач. III века до н. э.), он пишет: «Затем Дзурдзукия опять разделилась на дзурдзук, кист и глгив». Это «олять» в данном сообщении В. Багратиони наводит на мысль о разделах, которым подвергалась Дзурдзукети и до этого.

В связи с вопросом об этнической и политической истории нахов небезынтесно и сообщение грузинских письменных источников более раннего периода. Так, напр., Леонти Мровели (нач. XI в.) сообщает о посещении Саурмагом, сыном Парнаваза (III в. до н. э.) «страны дурдзуков». Это говорит о том, что по концепции грузинского историка начала XI века, в III веке до н. э. Дурдзукия представляла четко очерчиваемую территориальную общность с этнически одно-

⁴⁵ Вахушти Багратиони. География Грузии, 152.

родным населением. Для более позднего времени (X в.) об этом же говорит и известное сообщение Факих-Хамадани о наличии в Дурдзукии множества крепостей видимо общедурдзукского значения. Но какова была политическая организация дурдзуков за указанный период, нам не известно. Лишь в конце XII века анонимный автор «Истории и восхваления венценосцев», говоря о народах Северного Кавказа, упоминает «царей Дурдзукии». А это, даже при не совсем ясном для нас содержании, вкладываемым историком в понятие «царь», говорит об отсутствии у дурдзуков этого периода единой для всего населения Дурдзукии политической организации, единого государства или царства в нашем понимании этого термина.

Покоятся ли вышеуказанные сообщения грузинских письменных источников о дурдзуках на литературной традиции или на устном предании они заслуживают полного доверия, ибо именно в период царствования Парнаваза, женатого, кстати сказать, на дурдзучке, грузино-нахские взаимоотношения характеризовались чрезвычайно тесными контактами. Это обстоятельство, помимо прочего, должно было обусловить основательную осведомленность грузинских летописцев в дурдзукских делах. Приведенные сообщения относительно дурдзуков говорят о сложном процессе становления нахского этноса, в котором исторически складывавшаяся общность иногда сменялась разделами. Вышеуказанный процесс однако был не только сложным, но и длительным, как и аналогичные процессы в быту других народов горного Кавказа; он характеризовался сменой содержания этнонима дурдзук. Об этом в частности говорит интересное сообщение Г. Тогошвили, касающееся уже позднефеодального периода, согласно которому с начала XVIII века, а может быть и раньше, этноним дурдзук в этом общем значении исчезает⁴⁶, уступая место новой этнической номенклатуре.

Вышеуказанные факты дают нам основание говорить утвердительно, что в грузинских письменных источниках XI

⁴⁶ Г. Д. Тогошвили. Из истории грузино-восточнокавказских политических взаимоотношений во второй половине XVIII века, 140.

века (Леонти Мровели) фиксируется этноним дурдзук, который в осмыслении позднейших историков (В. Багратиони) покрывают всю группу нахских народов, выражая вместе с тем их общность.

Имеется попытка обнаружить этот этноним и в более ранних письменных источниках, в частности, и в «Армянской Географии» (VII век н. э.), с ссылкой на дурцки, как на вариант дурдзуки⁴⁷. Эту попытку, однако, едва ли можно считать убедительной, ибо в перечислении народов Кавказа, представленном в вышеуказанной «Географии», этноним дурцки вообще не упоминается. В этом перечне народов Кавказа вслед за кустами, под которыми сейчас единогласно подразумеваются кисты, указаны антропофаги, цхаваты, гудамакары и, затем, дуичики (в армянском оригинале *Դուիչիք*, в нахской транскрипции дуичикик)⁴⁸. Для идентификации последних с дурдзуками не дает основания ни

⁴⁷ В. Б. Виноградов К. З. Чокаев. Древнейшие свидетельства о названии и размещении нахских племен, 84.

⁴⁸ «Армянская география», 16 и 37. Здесь же считаем необходимым отметить несостоятельность отождествления цовцев с цхватами «Армянской Географии», чем, кстати сказать, страдает и А. И. Шавхелишвили (см. его «Из истории взаимоотношений...» 35). Такому отождествлению мешает в первую очередь точная локализация хорошо известной по древнегрузинским письменным источникам и этнографическому материалу области Цхавати в районе Мтиулет, в непосредственной близости от гудамакарцев (Р. Л. Харадзе, А. П. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом. Тб., 1965, 6), и вполне оправдывающая ее помещение в списке народов Кавказа «Армянской Географии» именно рядом с гудамакарцами. Во-вторых, сам этноним цюва как «сравнительно недавно образованный» (Ю. Д. Дешериев. Ук. работа, 28), во всяком случае позднее термина кист, в качестве этнонима мог появиться лишь после переселения группы нахов на территорию Тушет. Время этого переселения, как отмечают сами авторы, неизвестно и у них нет фактов, позволяющих перенести это время ранее чем XVI в. При таких обстоятельствах навряд ли существует какое-либо основание даже ставить вопрос об отождествлении современных цюва с цхватами VII века. Таким образом, вышеуказанная попытка не может быть оправдана ни в географическом (точная локализация цхаватов и по древнегрузинским и по древнеармянским письменным источникам в непосредственном соседстве с гудамакарцами), ни в историческом (позднее поселение нахов в Тушети), ни в лингвистическом (цювата-цхавати) отношениях.

форма этого этнонима, ни локализация народа, под ним подразумевающегося.

Среди попыток найти этот этноним в более ранних письменных источниках наибольшей вероятностью отличаются соображения И. А. Джавахишвили по поводу одного места из арабского перевода сообщений Григория Просветителя (конец III, начало IV века). Этот перевод Н. Я. Марр датирует временем не раньше первой половины IX и не позднее X века⁴⁹. На стр. 137 арабского текста упоминается «страна Д-р-з-к-й-т». Анализируя этот термин в Примечаниях к тексту, Н. Я. Марр считает начальное Д «ошибочным повторением последней буквы предшествующего арабского слова» и подразумевает под ним Л а з и к і е т⁵⁰. И. А. Джавахишвили не соглашается с таким чтением, и, с ссылкой на Н. Адонца, который переводит это место как «страну Дурзуков», принимает эту версию, добавляя со своей стороны, что под этим наименованием подразумевается Дзурдзукети//Дурдзукети грузинских источников, т. е., как отмечает автор, «страна чеченцев»⁵¹.

Точная датировка арабского текста сообщений Григория Просветителя дает возможность, таким образом, ввести в научный оборот при изучении интересующего нас вопроса еще один литературно-фиксируемый и хронологически определенный этноним — дзурдзуки//дурзуки.

К столь пространному экскурсу в историю этнонима дзурдзук нас вынудил интерес не только к вопросам этногенеза нахов; упоминание его в вышеуказанном контексте приобретает важное значение для изучения культурной истории чеченцев и ингушей и их связей с народами Закавказья.

Аналогичное значение для изучения истории нахов имеет наблюдение Г. А. Меликишвили. Указывая, с ссылкой на древнейший топоним *Zugzukka* в приурмийских краях,

⁴⁹ Н. Я. Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием, ЗВОРАО, т. XVI, в. II—III, СПб., 1905, 159 и след.

⁵⁰ Н. Я. Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием, 160.

⁵¹ И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, I, Тбилиси, 1951, 188 (на груз. яз.).

Г. А. Меликишвили привлекает этот факт в качестве одного из аргументов для обоснования положения о наличии там во II—I тысячелетиях до н. э. нахских элементов, не исключая, вместе с тем, их распространения в более северных и восточных районах Кавказа⁵².

История этнонима дурдзук до сих пор была, как это отмечалось неоднократно, окутана тайной. Одна из ранних и, по тому времени обычных попыток выявить этимологию этого этнонима, принадлежит А. Н. Генко, который старался объяснить его посредством осетинского дурдзук в значении «каменная яма»⁵³. В статье В. Б. Виноградова и К. З. Чокаева эта интерпретация этнонима дурдзук опровергается и, по нашему, довольно убедительно. Вместе с тем в этой статье, посвященной специально нахской этнонимике и расселению нахов, приводится весьма ценный топонимический материал с современной территории Чечено-Ингушетии, указывающий на наличие здесь интересующего нас термина, в частности наименования горы дурзов (дорзов) с соответствующим обозначением села⁵⁴. То же самое подтверждает Х. Д. Ошаев, который основываясь на материалах М. Х. Ошаева, подчеркивает существование в районе Итумкале топонима Дурзий-корт, в значении вершины дурзов, при осмыслении последнего в качестве эквивалента дурзук⁵⁵. Вышеуказанные наблюдения хорошо увязываются и подтверждаются преданиями, записанными в свое время Н. С. Иваненковым, которые рассказывают о живших в этом же районе дардыкоях, в дальнейшем смененных современными чеченскими тайпами. Этим устанавливается факт бытования на современной территории Чечено-Ингушетии топонима, имевшего несомненную связь с их этнонимом. Если не счи-

⁵² Г. А. Меликишвили. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1965, 202 (на груз. яз.). Его же. К истории древней Грузии, 121; Его же. Новая урартская надпись из Иранского Азербайджана, ВС, I, Тбилиси, 1960, 73 (на груз. яз.).

⁵³ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, 705.

⁵⁴ В. Б. Виноградов и К. З. Чокаев. Древнейшие свидетельства о названиях и размещении нахских племен, 85.

⁵⁵ Х. Д. Ошаев. Замечания, 2 (рук.).

тать исчерпанными все возможности толкования этого этнонима на основе нахских языков и продолжить его дальнейшие поиски в письменных источниках, тайна его в недалеком будущем будет окончательно развеяна.

Вышеприведенные сообщения письменных источников и данные грузинской этнографии подтверждают, что для обозначения собственно ингушей существовали различные наименования, в частности, кисты видимо грузинского происхождения, содержание которого однако у горцев Грузии охватывало и чеченцев, а в некоторых грузинских письменных источниках, наоборот, суживалось вплоть до этнографической группы; гIалгI — самоназвание одной части нахов — ингушей, и дурдзуки — эквивалент общего наименования нахов, хотя происхождение этого этнонима и неизвестно.

Ингуши, как и все народы горного Кавказа, состояли из различных этнографических групп с особыми для них наименованиями, о чем речь будет ниже.

Вышеуказанная неустойчивость ингушской этнонимии не случайна. Она наглядно отражает пути общественного развития и особенности этнической истории ингушей.

В образовании и сохранении столь пестрой этнической номенклатуры, которая в различной степени характерна и для других народов горного Кавказа, свою роль сыграл характер процесса формирования ингушского народа. Схема расселения ингушей и их административная структура, устанавливаемые методами этнографии, подтверждает наличие пережитков племенной организации при вообще высоком уровне общественного развития. Это и должно было послужить причиной столь длительного бытования вышеуказанного многообразия этнонимии.

Этническая пестрота Кавказа, представленная в русских нарративных источниках, нашла свое выражение в отношении Ингушетии. А. Берже, один из ранних авторов по этнической истории народов Кавказа, дает следующую номенклатуру ингушей: назрановцы, карабулаки, галашевцы, жерахи, кисты, галгаевцы, цоринцы, акинцы. Как видно, подавляющее большинство этнонимов образовано по наименова-

нию местожительства⁵⁶. Аналогичная номенклатура представлена Ч. Ахриевым, который перечисляя все вышеуказанные группы за исключением акинцев, относительно карабулаков говорит, что в последнее время они именуются галашевцами⁵⁷. И. Пантюхов номенклатуру ингушей представляет по более крупным образованиям; он перечисляет шесть обществ — Джайрахское, Мецхальское (соответствующее кистинскому обществу А. Берже и Ч. Ахриева), Цоринское, Хамхинское (соответствующее галгаевскому обществу вышеуказанных авторов), Галашевское (очевидно, включая сюда карабулаков) и Назрановское⁵⁸. Г. Вертепов, перечисляя пять обществ: Джайрахское, Кистинское, Глигвское, Назрановское и Галашевское, уточняет, что Кистинское к этому времени уже называлось Мецхальским, а Глигвское было разделено на два — Хамхинское и Цоринское⁵⁹.

Несколько отличается от вышеприведенных номенклатура Н. Грабовского, согласно которому восточнее Джайрахского укрепления были размещены два общества — Джайрахское и Кистинское, далее за Коджар-Догуштинским хребтом, с перевалом в Ассинское ущелье, жили галгаевцы и цоринцы, восточнее которых размещались в ущелье р. Гехи акинцы, а в ущелье р. Фортанги — мереджийцы⁶⁰.

К. Ган упростил эту номенклатуру. По его мнению ингуши и кисты это два племени чеченцев. Из общей численности кистов в 6150 душ, приблизительно 3000 душ, по сообщению К. Гана, проживают в ущелье р. Меше и его притоков⁶¹. Таким образом, К. Ган вывел кистов и за пределы Армхинского ущелья⁶². Вместе с тем имеется основание предполагать, что

⁵⁶ А. П. Берже. Чеченя и чеченцы, 82.

⁵⁷ Ч. Ахриев. Ингуши, I, 4—5.

⁵⁸ И. И. Пантюхов. Ингуши..., ИКОРГО, XIII, 1., 1900, 124.

⁵⁹ Г. А. Вертепов. Ингуши..., 75.

⁶⁰ Н. Ф. Грабовский. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа, ССКГ, III, Т., 1870, 2.

⁶¹ К. Ф. Ган. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей, 65.

⁶² Там же.

К. Ган в этом случае может быть подразумевал мельхестинцев, т. к. р. Меше-хи является притоком р. Чанти-Аргуна, т. е. частью бассейна, которая считается территорией распространения чеченцев. Помимо того, имея в виду маршрут движения К. Гана, его заявление о том, что после кистов он попал к ингушам Ассинского ущелья, вполне согласуется с таким именно пониманием употребляемого им в данном случае понятия кисты.

Г. Мартиросян в горной Ингушетии насчитывал четыре общества Джайрахское, Мецхальское, Хамхинское и Цоринское⁶³. Аналогичной номенклатуры придерживается и В. Христианович⁶⁴. Не совсем точно представлен этот вопрос в соответствующем разделе 1-го тома «Народы Кавказа», в котором сказано: «Древнейшие ингушские поселения находились в горах, где ингуши жили отдельными родоплеменными группами (обществами). Такими обществами были Джераховское, Фепинское (Кистинское) Галгасвское, Цоринское, Мецхальское»⁶⁵. Во-первых, в период существования «обществ» ингушское население больше не жило родоплеменными группами, о чем подробно будет сказано ниже. Во-вторых, «Мецхальское общество» это более позднее наименование того же Кистинского (Фепинского), образованное по названию села, куда была перенесена канцелярия этого общества.

Вышеуказанный вопрос привлекает столь пристальное внимание своим значением для этнической истории ингушей, с точки зрения характеристики путей их общественного развития. Иные исследователи предполагали, что вышеуказанные этнонимы имеют случайное происхождение и связаны с наименованием места их жительства. Так, например, Г. Вертепов в этих этнонимах видел наименование рек, сел и т. д., которыми русские именовали живущих здесь ингушей⁶⁶. В из-

⁶³ Г. К. Мартиросян. Нагорная Ингушия, ИИНИК, 1. Влад., 1928, 17.

⁶⁴ В. П. Христианович. Горная Ингушия, 71.

⁶⁵ Народы Кавказа, I, 375.

⁶⁶ Г. А. Вертепов. Ингуши, 75.

вестных случаях это так и было. Однако значительная часть этих наименований представляла собой этнонимы, имевшие глубокие традиции и указывающие на отдельные этапы в процессе формирования ингушской этнической общности. В этом отношении привлекает внимание этноним *гIалгIа* как самоназвание ингушей. Наличие общего самоназвания не исключает бытования даже у народов со сложившейся буржуазной нацией отдельных наименований локальных этнографических групп, в определенных случаях имеющих племенное происхождение. Примеры такой этнографической пестроты можно обнаружить у всех народов Европы, у которых, несмотря на давно закончившийся процесс формирования буржуазной нации, отдельные районы все еще носят в своих наименованиях следы бывшего этнографического районирования. Таковы во Франции Овернь, Лангр, Гасконь, Бретань; в Германии Бавария, Швабия, Вестфалия; в Италии Тоскана, Ломбардия, Болонья; в Испании Галиссия, Андалузия; в Англии Девоншир, Корнуэлл, Суссекс и Эссекс и т. д., и т. п.

Аналогичные явления были и в других странах. Деление на графства кантоны, департаменты, земли, штаты, провинции и т. д. в какой-то мере отражает племенные традиции, хотя в своем общественно-экономическом развитии эти страны давно прошли племенную стадию и в настоящее время являются собой пример давно сложившихся наций.

И на Кавказе, в частности, в Грузии и Армении, которые в период присоединения к России представляли собой в социально-экономическом отношении более развитые на Кавказе страны, также существовали внутри каждого из этих народов этнографические группы. Консолидация в частности грузинского народа прошла также сложный и длительный путь. Сваны, мегрелы и лазы, аджарцы, имеретины, гурийцы, рачинцы и лечхумцы; тушины, пшавы и хевсуры и т. д. являются продуктом различных исторических условий и эпох. Собирательное значение, которое приобрели колхи и иберы в первом тысячелетии до н. э., говорит об определенном пути, пройденном к тому времени грузинскими племенами в процессе консолидации грузинского народа. Формула

— «Грузиєю считается обширная страна, в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке»⁶⁷, свидетельствует о том, что процесс консолидации грузинского народа был завершен задолго до литературной фиксации этой формулы (X век). Это было очень хорошо осознано еще феодальными историками Грузии и наиболее яркое выражение нашло в характеристике, которую дает В. Багратиони единой феодальной Грузии, акцентируя три основных момента: и месхи, и имеры, и кахи называют себя грузинами, а не как-нибудь по другому; все они говорят на одном языке — грузинском; на всех выдающихся гражданских сооружениях, церквах, иконах и крестах имеется одна надпись — «царь Грузии»⁶⁸.

Мощная феодальная монархия конечно не терпела племенной обособленности, но в силу внутренних противоречий, свойственных любому феодальному обществу, окончательно преодолеть местничество не смогла. Более того, с разделом Грузии на три царства и несколько княжеств, процесс стирания этнографических особенностей был в некоторой степени замедлен. Вместе с тем такие понятия как «Западная и Восточная Грузия», или «горная и равнинная Грузия», отражали уже не племенные различия, а разницу географического и экономического порядка. Однако, по времени зарождения и темпам консолидации народа, горцы Кавказа, естественно, отличались друг от друга, хотя направленность этого процесса была одна — развитие раннефеодальных отношений на базе разложения общинного быта.

Наличие таких локальных групп и их отдельных наименований и в Ингушетии не означало отсутствия общего названия народа. Именно потому формулировка, данная Е. Кушевой относительно источников XVI—XVII вв., которые не приводят общих названий — ингуши, чеченцы, а перечисляют отдельные горские «землицы»⁶⁹, правильно акцентирует не

⁶⁷ Житие Григория Хандзтийского, ТРАГФ, кн. VII, СПб., 1911, 123.

⁶⁸ В. Багратиони. История Грузии, II, СПб., 1854, I, (на груз. яз.).

⁶⁹ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., 76.

отсутствие общего этнонима, а его незнание источниками указанного периода, ибо задолго до этого они уже давно существовали и были известны кавказским соседям ингушей.

Для правильного понимания характера и значения вышеуказанной этнонимической пестроты Ингушетии, определенное значение приобретает этнографический материал. Он подтверждает, что на территории Ингушетии непрерывно протекал процесс перемещения различных групп ингушей, распада старых этнических общностей и возникновения новых. Этот процесс сопровождался интенсивным обменом этническими элементами с соседними народами.

Внутренние перемещения иногда приобретали довольно широкий характер. В Армхинском ущелье примером этому может служить современное село Ольгет. По преданиям, записанным в этом ущелье, предки ольгетцев жили в сел. Киралт, в довольно неприступном месте. В последующем они переселились ниже и основали селение Кербит, от которого в настоящее время остались лишь развалины. Это было довольно сильно укрепленное село, состоявшее из ряда взаимосвязанных комплексов жилых и оборонительных сооружений. Упомянутое в предании выражение относительно того, что при приближении врага селение «запирало ворота», может быть говорит о наличии огады.

Население Кербита затем спустилось на плато и основало здесь село Эрзи. По записи Б. Гамкрелидзе «до этого здесь люди не жили; места эти были покрыты лесом. Когда люди начали вырубать лес и строить башни, они наткнулись на гнездо орла, почему и назвали это село Эрзи»⁷⁰. На последнем этапе переселений было основано село Ольгит, которое расположено в долине р. Армхи, у подошвы эрзинского плато.

Аналогичные предания существуют и относительно других сел. Во многих случаях путем отпочковывания выселков образовалась группа сел, происходящая из одного села и заполнявшая целое ущелье.

⁷⁰ Б. В. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1962, тет. № 1, 2. В различных вариантах это предание неоднократно публиковалось (А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, 707 и след.).

Такие предания, касающиеся отдельных мест поселений, являются частью целого цикла, который ведет к первородине ингушей. Более или менее убедительному решению этого вопроса мешает отсутствие каких-либо письменных источников. Этот недостаток лишь частично восполняется устными преданиями, хотя в тех случаях, когда эти предания находят подтверждение в параллельных преданиях самостоятельного происхождения и в памятниках материальной культуры, они приобретают определенную достоверность.

По этим материалам устанавливается, что прослеживаемым по преданиям одним из древнейших этнических пластов ингушей являются *ḡlalgīā*, а древнейшим местом их поселения — Эгикал, Хамхи и Таргим, расположенные в центральной зоне Ассинского бассейна. Чах Ахриев, напр., пишет, что относительно галгаевцев ничего не известно⁷¹, но В. Христиановичу удалось зафиксировать предание, согласно которому лет 800 тому назад жил некто Эльберт, имевший трех сыновей — Эги, Хамхи и Таргима. По шаблону типичных для данного случая преданий, эти братья, разделившись основали три села — Эгикал, Хамхи и Таргим⁷². Надо было бы полагать, что не расселение вышеуказанных селений происходило так, как это указано в предании, а предание создавалось по уже имеющемуся расселению. Однако, параллельные предания, зафиксированные у соседних народов, подкрепляют вышеуказанную версию. В этом отношении привлекает внимание хевсурское предание, опубликованное со слов хевсур еще в 80-ых годах XIX века. По этому преданию «Во времена царицы Тамары, в Грузии, в Архотском ущелье жили татары (имеются в виду магометане — авт.), а наши предки жили в глигвском обществе или теми, в селениях Шахал (Гапи), Цолата (Цоли), Никапси (Ниакст), Биасер (Бийсер), Амга и Макали-Бихиели; и когда царица Тамар была в Глигви и выстроила православную церковь недалеко от села Ариах (Хиарас), наши предки, приняли православную религию. В результате этого, спустя некоторое время тамошние

⁷¹ Ч. Ахриев, Ингуши, 4.

⁷² В. П. Христианович. Горная Ингушия, 28.

жители взяли церковь и наши предки по этой причине переселились обратно в Архотское ущелье, где стояли татары, которые однако испугались царицы Тамар, что она их будет крестить, и выселились оттуда»⁷³. В этом предании следует подчеркнуть следующие моменты: 1. По представлению хевсур глигвы населяли те селения, которые являются составной частью ГІалгІайчІож в описании самих ингушей, т. е. Гаппи, Цоли, Неакист, Бийсер, Кайрак и т. д. 2. Предание содержит указание о переселении нынешних жителей Архоти из Ингушетии и принятии ими христианства уже в Грузии. 3. В данном предании часто упоминаются «глигвские кисты» или «кисты из глигвского темн», что видимо указывает на более широкое содержание термина кисты, по отношению к которому глигвы в данном случае является частью.

Абрамовская комиссия, сопоставив и критически разобрав вышеуказанные предания, пришла к выводу о том, что Хамхой и Цорой представляют собой древнейший этнический пласт ингушей, на котором выросли два вышеуказанных общества горной Ингушетии⁷⁴. Помимо этого, предания указывают, что в Ассинском ущелье первоначально глигвами было заселено место, где впоследствии выросло селение Эгикал. Это предание находит подтверждение в наименовании ГІалгІайче, под которым и ныне известны окрестности Эгикала. По замечанию Н. Яковлева, в те времена еще не существовало общего для всех ингушей наименования гІалгІа и под этим этнонимом подразумевался тот основной этнический слой, который лег в основу образования ингушского народа⁷⁵. Он же впоследствии и дал имя всему народу.

Что Эгикал является органической частью древнейшей этнической территории ингушей, на которой происходил про-

⁷³ Показания хевсур относительно их земель по ту сторону Кавказского хребта, «Кребули», 1872, № 6, 133—160 (на груз. яз.).

⁷⁴ Труды комиссии по обследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области, Влад., 1908, 181.

⁷⁵ Н. Ф. Яковлев. Ингуши, 100 и след.

цесс консолидации ингушского народа, помимо преданий, хорошо прослеживается и по памятникам материальной культуры. Имеются в виду т. н. дома-крепости, которые в наибольшей архаических формах и в наибольшем количестве сохранились именно в Эгикале. Это село, можно сказать в основном, состоит из домов — крепостей, которые, очевидно, предшествовали башням; они являются основой, на которой в дальнейшем развивается более сложный комплекс жилого и оборонительного сооружения. В известной мере это можно сказать и относительно Хамхи, но Таргим дает уже иную картину — в нем преобладает сложный комплекс замкового типа, в котором дом-крепость представляет лишь один из элементов.

В пользу того, что Эгикал-Хамхи-Таргим действительно является колыбелью ингушского народа и его замечательной культуры, говорит также строительство именно в этом месте крупнейшего храма средневековья — Т х а б а Е р д ы, — который в территориальном отношении занимал ключевые позиции и был средоточием не только религиозной, но и культурно-политической жизни галгаевцев. Тхаба-Ерды как памятник христианской культуры довольно подробно изучен⁷⁶ и здесь нет надобности специально останавливаться на нем. Отметим лишь, что как и все места наиболее почитаемого культа, он представлял собой место встречи старейшин, общенародных сходов и сбора вооруженного ополчения. Здесь решались все важнейшие вопросы из жизни нахов — вопросы хозяйственного развития и культурного строительства, вопросы войны и мира. При храме устраивались ежегодные празднества, после которых вооруженные дружины направлялись в соседние общины с целью обложения их данью⁷⁷.

Это придавало особое положение глигвской прослойке среди всех остальных ингушей. По данным литературы, галгаевцы выделялись из остальной массы ингушских обществ выборным началом правления. У них отсутствовала потомственная передача власти, а право суда и расправы принадле-

⁷⁶ Е. И. Крупнов. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе, КСИИМК, XV, М., 1947.

⁷⁷ Н. Ф. Яковлев. Ингуши, 100 и след.

жало не старшим в роде, а выборным лицам, хотя старейшим членам общества принадлежало право вето и без их согласия выборные лица не могли вынести окончательного приговора⁷⁸.

Таким образом предания, имеющие различные происхождения и потому контролируемые друг друга, памятники материальной культуры, связанные с вышеуказанными преданиями и отражающие различные стадии в развитии нахского народа, а также данные этнонимии подтверждают, что в лице галгаев мы имеем позднее наименование древнейшего этнического компонента нахов, а в месте поселения—древнейшую территорию их обитания. В процессе более поздних внутренних миграций собственно галгаевцы начали распространяться на восток в сторону Цори, а на запад в сторону ущелья Армхи. После того, как выселившиеся в Цори галгаевцы основали несколько селений, стало необходимым все галгаевское население разделить на два общества — Хамхинское и Цоринское. Заселившие же Армхинское ущелье образовали со своей стороны тоже два общества—Джайрахское и Кистинское (или Мецхальское, или Фаьппинское);

Внутренние миграции продолжались до недавнего времени. Волны, идущие на запад, двигались в двух направлениях. Ранние поселенцы обосновались в Чулхойском ущелье, где и появилось несколько селений. Так по материалам В. Христиановича, которые в последующем приводит и Г. Мартиросян, по преданию, род Салгиевых выселился из Цори и основал здесь селение Салги⁷⁹. Вместе с ним поселились и другие галгаевские фамилии. Вторая волна переселенцев направилась к верховьям р. Армхи и начала населять Джайрахское ущелье⁸⁰. По некоторым записям село Хули было заселено жителями села Таргим⁸¹. В дальнейшем хулхоевцы

⁷⁸ Г. А. Вертепов. Ингуши, 86.

⁷⁹ Г. К. Мартиросян. История Ингуши, 33.

⁸⁰ В. П. Христианович. Горная Ингушия, 68.

⁸¹ Б. В. Гамкрелидзе. Дневники ЧИЭЭ, 1963, тет. № 3, 32.

постепенно начали спускаться вниз по ущелью. А. Генко приводит интересные архивные данные, подтверждающие заселение ущелья Герчиош выходцами из Хули⁸². Возможно наименование одной группы поселенцев Армхинского ущелья — ф а ъ п п и — действительно связано с понятием пришлый (но не этнически инородный) элемент, ибо, как это указано в материалах Абрамовской комиссии, они ни по культуре, ни по быту не отличаются от остальных галгаевцев.

Жители Джайрахского общества, которые в отличие от мецхальцев (кистин), хамхинцев и цоринцев называли себя д ж а й р а х о й, населяли несколько селений. Древнейшими насельниками предание считает Цуровых. Их башня признана древнейшей в Джайрахском обществе, хотя по сравнению с другими башнями этого ущелья она имеет более развитые формы. Эпоним Цуровых — Чур имел трех сыновей — Боца, Джабо и Солема. После раздела семьи младший остался в Джайрахе, в башне своего отца, Джабо обосновался в Верхнем Езми, а Боч — в Нижнем. В народе сохранились сведения о порядке расселения сыновей Чура. Первое жилище в Верхнем Езми в виде дома-крепости построил Джабо; оно представляет собой двухэтажное каменное здание на растворе с плоским перекрытием. В процессе сегментации семьи один сын Джабо — Джамбот — поставил свой дом. Третий подобный дом построил себе второй сын Джабо, имя которого не сохранилось⁸³.

Такова генеалогия первых Цуровых в Джайрахе, подкрепляемая народом указанием на памятники материальной культуры. Что касается происхождения Цуровых, и здесь на передний план выступает шаблонная теория иностранного их происхождения, по которой эпоним Джаирахоя Джерахмат, так же как и эпоним мецхальцев Кист якобы являются выходцами — первый из Ирана, а второй — из Сирии. Джерахмат, как уточняет предание, имел вооруженную дружину и от него зависело получение права на жительство и строитель-

⁸² А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, 696.

⁸³ В. Дж. И т о н и ш в и л и, Дневник ЧИЭЭ, 1963, тет. 1, 5.

ство жилого комплекса⁸⁴. Эту версию в дальнейшем повторяют многие авторы⁸⁵.

Согласно второй версии, тоже легендарного происхождения, в сел. Фуртоуг впервые поселились Ахриевы, Боровы и Лияновы, предка которых звали Дзерах. Он считался выходцем из Аравии⁸⁶. По третьей версии Джайрахские Хаматхановы и Цуровы считаются осетинами, вышедшими из селения Тменикау⁸⁷.

Вместе с тем существовали реальные историко-географические предпосылки, питавшие традицию о грузинском происхождении некоторых ингушских фамилий и об ингушском происхождении некоторых грузинских.

С территорией, занимаемой нахами, Грузию соединяли многие перевалы. Среди коммуникаций, связывающих Грузию с Ингушетией, важнейшими были верховья Армхинского, Ассинского и Аргунского ущелий. Из вышеуказанных коммуникаций Аргунская трасса проходила по Шатили и Ардоти, Ассинская по Архоти, а Армхинская по Хеви. Последняя из названных трасс представляла собой проезжую дорогу, функционирующую на протяжении всего года. Она соединяла Ингушетию с одной стороны с Грузией, а с другой с Осетией, откуда она имела доступ во все основные районы Северного Кавказа. Армхинское ущелье, помимо вышеуказанных перевалов, которыми Ингушетия была связана с Грузией, располагала еще трассой ГерцЮж, по которой осуществлялась связь Ингушетии с Осетией, а отсюда с Кабардой⁸⁸. Через Ассинское, а затем Цоринское ущелье Ингушетия была связана с Чечней.

Помимо вышеуказанных коммуникаций существовали и внутренние тропы, которыми та или иная ингушская общи-

⁸⁴ Ч. Ахриев. Ингуши, 2.

⁸⁵ Г. А. Вертепов. Ингуши, 80.

⁸⁶ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг., Грозный, 1963, 212.

⁸⁷ Л. П. Семенов. Там же, 206.

⁸⁸ В. П. Христианович. Горная Ингушия, 40—41.

на общалась с соседними грузинскими общинами, имея с ними более или менее постоянные связи. С Грузией Армхинское ущелье, помимо выхода к Тереку, была связана следующими перевалами:

1. ЛовшхойчЮж. Ближайшее к перевалу — селение Ольгет. Дорога проходит через Кхоазлоам и спускается в Пассанаури. Ею пользуются и всадники, иногда даже зимой.

2. ОрцхойчЮж с перевалом через Хахрилоам. Дорога переходит в селение Гвелети. Проходима и для всадника и для скотины.

3. ШоанчЮж. Дорога идет с селения Шоане по ущелью того же названия и через Джута попадает в Казбек. По записи Б. Гамкрелидзе Ахиел — это первое селение хевсур в которое приходит путник, перейдя через Шоанский перевал. Дорога занимает один день. При наличии скота необходимо было переночевать в пути⁸⁹.

4. ЧулхойчЮж. Начиная с селения Хули дорога пролегает по следующему маршруту: Гу-Селги-Хани-Кязи-Лее-лаг-Бишти-Амага (хевсурское селение Амга). А. Берже в следующих словах характеризует этот перевал: «Дорога эта от пограничного хребта, который делит кистинцев от галгаевцев, начинается спускаться весьма круто к аулу Косты, которого достигает в 3½ верстах. Далее 6½ верст до аула Хамхи, и на 7-ой версте соединяется с дорогой, идущей к г. Сугулам по долине при ауле Таргим. Не доходя до аула Хайрах, дорога переходит р. Ассу»⁹⁰.

5. ГалгайчЮж. Дорога проходит по селению Таргим и по Ассинскому ущелью соединяется с сел. Амга. По описанию А. Берже: «Дорога эта начинается бродом через р. Тобачоч и идет сначала правым берегом реки Ассы до аула Нельхи, который встречает в 8½ верстах. Перейдя здесь р. Чора-хий дорога через одну версту тянется уже вдоль левого берега Ассы и следует им до границ хевсур»⁹¹. Все эти

⁸⁹ Б. В. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1962, тет. № 1, 76.

⁹⁰ А. П. Берже. Чечня и чеченцы, 40.

⁹¹ А. П. Берже. Чечня и чеченцы. 41; А. Шавелишвили. Из истории взаимоотношений..., 16—17, 22, 24—25.

перевалы были значительно более легкопреодолимыми, сравнительно с Герчлож, о котором В. Христианович писал: «Довезя до скалистого хребта на подводе пудов тридцать зерна, горец вынужден дальше через хребет направлять этот груз на ишаках. Для этого ему нужно или нанять 6 ишаков, или же одним ишаком совершить 11—12 подъемов и 11—12 спусков с Герчоча, все время рискуя потерять не только ишака и хлеб, но и свою жизнь»⁹².

Но естественно-историческую основу взаимоотношений ингушей с соседними народами в западном направлении составляло ущелье Терека, с выходом в которое было обеспечено регулярное сообщение с грузинами, осетинами, кабардинцами. В восточном направлении Ингушетия перевальными дорогами была связана с Чечней, а отсюда с Дагестаном. Эта широко разветвленная сеть коммуникаций говорит не о «замкнутости» ингушского общества, а наоборот, о наличии благоприятных природных условий, способствующих развитию не только экономических, политических и культурно-исторических, но и этнических связей. В этом последнем случае мы вновь переходим в область преданий, еще раз подчеркивая особенность этого источника, показания которого в каждом отдельном случае нуждается в подтверждении фактами, о чем будет сказано ниже. Однако даже при наличии достоверных данных, подтверждающих факты этнического обмена, и здесь, в отношении Ингушетии, подтверждается общее правило. Несмотря на значительные вкрапления этнически инородных элементов, она представляла собой исторически сложившуюся этническую общность, которая прошла длительный путь развития на местной почве и создала свои высоко-развитые формы культуры и быта.

⁹² В. П. Христианович. Горная Ингушия, 41.

А. И. РОБАКИДЗЕ

ЖИЛИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНЫХ ИНГУШЕЙ

В специальной литературе неоднократно отмечалось, что в горных районах Кавказа архаические черты быта, в том числе и древние формы материальной культуры оказались более жизнеспособными и стойкими, чем в плоскостных районах¹. В первую очередь это относится к жилым комплексам, расположенным в пограничных районах и представляющим монументальные сооружения, способные выдержать не только натиск врага, но и разрушительное влияние времени. Межплеменные распри, свойственные любому докапиталистическому обществу, сравнительно замедленные темпы развития общественной жизни, вообще характерные для высокогорных областей, а также высокий уровень народного зодчества способствовали созданию в горных районах Кавказа монументальных комплексов жилых и оборонительных сооружений, активное бытование которых измеряется столетиями и доходит вплоть до XIX века.

В результате вышеуказанного внутри традиционных населенных пунктов складывались различные формы жилых и оборонительных сооружений, каждая из которых отражает последовательные ступени в процессе развития данного на-

1 Die Tschetschenen. Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in der Jahren 1918-20 und 1927-28 von Dr. Bruno Plaetschke. Veröffentlichung des geographischen Instituts der Universität Königsberg, H. XI, Hamb., 1928, 39; Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, М., 1963, 342.

селенного пункта. В этом отношении указанные комплексы являются в известном смысле археологическими памятниками. Вместе с тем живые свидетели недавнего прошлого, сохранившие предания, подкрепленные показаниями памятников материальной культуры сравнительно большой давности, все еще составляют ценный и надежный источник для их изучения методом не только непосредственного наблюдения, но и опроса компетентных информаторов. В этом отношении данные памятники материальной культуры составляют предмет этнографического изучения.

Благодаря вышеуказанному обстоятельству, исследование этих памятников создает более широкую возможность изучить не только историю материальной культуры, но также вместе с тем историю хозяйственного уклада, форм социальных взаимоотношений и религиозных представлений.

В этом одно из достоинств источниковедческого характера памятников материальной культуры народов горного Кавказа.

В свете указанных фактов положение Фредерики де Лагуны о том, что этнографы якобы не могут дать ясного представления о «культурной глубине эпохи» (*cultural depth in time*)² нуждается в некотором уточнении. В уточнении нуждается и положение Ф. Гребнера, который с точки зрения достоверности этнографического материала, среди различных видов «непосредственных показаний» (*die unmittelbare Zeugnisse*) хотя и отдает предпочтение памятникам материальной культуры³, возможности изучения посредством этих памятников других важнейших сторон народного быта оставляет вне внимания.

Предложенный К. Диттмером «критерий ретроспекции» (*Kriterium die Wiederköhr*), который предполагает изучение культуры посредством прогрессивной редукции от простейших комплексов к сложным⁴, носит формальный характер да

² Frederica de Laguna. Some problems of objectivity in Ethnology, „Man“, London, 1957, vol. LVIII, 179-182.

³ Fr. Graebner. Methode der Ethnologie, Heidelberg, 1911, II.

⁴ Kunz Dittmer. Allgemeine Völkerkunde, Braunschweig, 1954, 15-20.

и вообще не ставит вопроса о памятниках материальной культуры, как о важнейшем источнике комплексного изучения народного быта в единстве социальной организации, форм хозяйствования, материальной культуры и идеологии.

Особо следует отметить предложенный в ГДР последние три-четыре десятилетия т. н. стратиграфический метод исследования жилища. Этот метод подразумевает исследование различных пластов жилых комплексов в том или ином населенном пункте⁵, но и он ограничивается лишь формами памятников материальной культуры, оставляя за пределами внимания остальные стороны народного быта, в частности, формы социальных взаимоотношений, хозяйствования и религиозной жизни, без учета которых социальная природа самих этих памятников не может быть полностью раскрыта.

Памятники материальной культуры народов горного Кавказа, т. н. «башенная культура», при комплексном подходе к ней составляет ценный источник изучения всех важнейших сторон народного быта, освещения многих вопросов истории данного народа, а также выявления некоторых закономерностей, представляющих определенный интерес с точки зрения общей этнографии.

К такого рода сооружениям относится и ингушская жилая башня.

Одно из ранних свидетельств, сохранившихся в грузинских памятниках исторической литературы об ингушских жилых и оборонительных сооружениях, содержится в «Географии» Вахушти Багратиони, по словам которого ингуши «...умеют строить из камня на извести и из них воздвигают дома, башни и укрепления»⁶.

Основными компонентами ингушского жилого комплекса являются жилая башня Гала и оборонительная башня в Гов. Древнейшим из них, судя по сравнительному материа-

5 K. Braungarten. Stratigraphische Untersuchung in der deutschen Hausforschung, М., 1964, 126/11.

6 Вахушти Багратиони. География Грузии, Тиф., 1904, 152.

лу, нам представляется жилая башня⁷. В дальнейшем к ней стали пристраивать оборонительную башню, а затем этот комплекс начали обносить высокой и прочной каменной стеной. В этом виде комплекс именуется галан, гIап. Одноэтажный деревянный дом — цIа нам кажется сравнительно поздним по своему происхождению; очевидно он появился в связи с углублением социальной и имущественной дифференциации, и развивался параллельно с формированием укрепления типа галан, гIап.

В Чечне, так же как и в Ингушетии, бытовали четыре разновидности жилого комплекса — одно-или двухэтажный жилой дом, каменный, строенный па растворе, и здесь именуемый цIа, трех-четырёхэтажная жилая башня — гIāла, многоэтажная боевая башня бIов и укрепленный комплекс под названием гIап; наименование галан для данного типа укрепленного сооружения в Чечне не зафиксировано. В терминологическом отношении, как видно, мы здесь имеем дело с диалектальными формами, однако расхождения между формами жилищ имеют более существенное значение.

О чеченском цIа, выстроенном из дерева, мы можем судить лишь по литературным источникам, т.к. в современном быту от него не осталось каких-либо осязаемых следов. О низких саклях из «дерева, плетенок или сырцового кирпича» говорит Н. К. Зейдлиц, касаясь Харачоевского общества⁸. Что касается горных районов Чечни, в ущельях Чанти и Шаро-Аргуна, были распространены не деревянные, а каменные двухэтажные дома⁹. Нашей экспедиции удалось один из таких домов описать именно в Шарое. Имеется в виду жилище Унцима Даоева, план и разрез которого дается в соответствующих таблицах (рис. 2). Аналогичные жилища существовали и в других ущельях горной Чечни. Н. С. Иваненков прилагает к своей работе план и разрез описанных им жилищ дан-

⁷ Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Сванское село в прошлом, Тб., 1964, 24 (на груз. яз.).

⁸ Н. К. Зейдлиц. Поездка в Чечню..., ИКОРГО II, Т., 1894, 154.

⁹ Народы Кавказа. I, 359.

ной формы в Хакмадое¹⁰. Одно из них принадлежало Хаси Магомедову (рис. 3). Поскольку об этом можно судить по прилагаемым иллюстрациям, этот дом почти полностью повторяет описанное нами жилище в Шарое. Другое жилище принадлежало Курбану Хусейнову (рис. 4). По общей своей схеме этот дом проявляет сходство с мтиульским жилищем, описанным нами в Арагвском ущелье Грузинской ССР¹¹, хотя особенностями фасада, балконом и сегментацией верхнего этажа по отдельным камерам и отличается от него.

Наиболее подробное описание жилища данного типа имеется у К. Ф. Гана. Этот дом им описан в Ахкинском ущелье. По словам автора «Дом достаточного чеченца построен обыкновенно из известняка в два этажа под плоской крышей. В нижнем этаже помещаются хлев и кухня. К верхнему этажу, отступающему на сажень назад, снаружи ведет каменная лестница. Этот этаж делится на четыре помещения, из которых первое у входа, самое большое, имеет шагов 12 в ширину и до 20 в длину. Тут стоят несколько деревянных кроватей и высокие кадки, выдолбленные из цельного дерева, диаметром в два-три фута, где хранятся пшеница и кукуруза; тут же стоят громадные мешки, набитые шерстью. На лево от этого помещения гостиная или кунацкая с двумя кроватями, несколькими сундуками и полками по одной стене; на другой висит разного рода оружие; пол тут, как и во всех комнатах, земляной, но здесь он покрыт коврами. К кунацкой примыкает маленькое помещение для хозяйственных принадлежностей. За всеми этими комнатами расположена громадная кладовая, таких же размеров, как входная комната. Тут опять стоят кровати и громадные сундуки грубой плотницкой работы, сколоченные когда-то пленными русскими солдатами, несколько больших чанов, наполненных чеченским сыром, две-три высокие кадки с кукурузой. К стенам прикреплены тазы, тарелки и посуда разной величины, а к

¹⁰ Н. С. Иваненков. Горные чеченцы, ТС, 7, Влад., 1910, таб. VI и VII.

¹¹ Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом, Тб., 1965, таб. 27—28 (на груз. яз.)

потолку на больших деревянных крючках привешены слегка прокопченные курдюки и надхребетные части хорошо выкормленных баранов»¹².

Видимо в западных районах Чечни раньше существовали деревянные двухэтажные жилища, подобные ингушским цІа, но в восточных, особенно непосредственно примыкающих к Дагестану, более широкое распространение имели каменные двухэтажные дома, которые и по архитектурным формам, и по материалу, и по распределению площади отличались от ингушских.

В восточных районах Чечни появляется и новая форма жилища, видимо, неизвестная в Ингушетии. Она описана нами в сел. Макажой; существовала она и в других селах Чеберлая. По полевым записям этот дом представлен в виде одноэтажного каменного здания с плоским перекрытием. В сел. Хой дом Адула Муслимова стоит на склоне горы в конце селения, рядом с башней. Весь жилой комплекс состоит из трех частей: жилище — цІа, хлев — божал, желал и летнее помещение (рис. 5).

ЦІа представляет собой четырехугольное помещение, к задней стене которого во всю его длину пристроена каменная тахта (паднар). С левой стороны от входа, примерно на высоте тахты, выложена из камня полка, занимающая одну треть стены. На ней была расставлена посуда, необходимая для переработки молока и хранения молочных продуктов. Такая же полка была устроена и с правой стороны от входа — на ней находилась посуда для воды.

В центре жилого помещения воздвигнут каменный столб — ког (букв. нога), который по мере приближения к потолку разветвляется на четыре рукава, создающие четыре арки — нартол, и поддерживающие потолок, деленный этими арками на четыре сводчатых сектора. Каждый из этих сводов сложен из каменных плит сухой кладкой и представлен в виде венцеобразно-сводчатого перекрытия. Внутренние концы арок опираются на каменную прокладку — гІайба (по-

¹² К. Ф. Гап. Экскурсия в нагорную Чечню и западный Дагестан летом 1901 г., ИКОРГО, XV, Т., 1902, 217.

душка), а ког покоится на каменном же подножии — бух (дно, основа). В обычном жилище, по наблюдениям Х. Д. Ошаева, перекрытие поддерживалось матицей — а р ц д у к ъ у; под которой была подложена подушка, опирающаяся на центральный столб э р д а - б I ъ г I а м. Этот столб, также как и надочажная цепь, считался священным. Процесс сосружения арочных сводов носит название н а р т о л х ъ в з ъ р (закрутить нартол).

Пристроенный к жилищу хлев состоит из пяти секторов (ъга) каждый из которых имеет свое венцеобразное перекрытие и предназначен для определенного вида скота. Хлев выстлан плитняком; из него же сделаны и ясли — х ъ о й д а.

В летнем помещении находились члены семьи при соответствующей погоде¹³.

Вышеописанный дом привлекает внимание в первую очередь одноэтажностью, выделением из жилого комплекса хлева в виде самостоятельного помещения и, что самое главное, характером перекрытия, аналогия которому, как отмечалось, ни в Ингушетии, ни в восточных районах Чечни нам не известна.

Это оригинальное для Чечено-Ингушетии сооружение, вместе с тем, представляет существенный интерес с точки зрения развития форм жилища на Кавказе. Отличаясь от типичных для Чечено-Ингушетии жилищ наличием центрального столба с четырехсводчатым разветвлением и венцеобразным перекрытием, оно открывает перед нами возможность исследования вышеуказанных элементов в связи с центральными столбами некоторых форм жилых башен, бытующих у многих народов горного Кавказа под названием кула, и венцеобразным перекрытием, характерным для кавказских жилищ типа дарбази.

В настоящее время мы не располагаем достаточными данными для того, чтобы утвердительно говорить о генетической связи между четырехсводчатым столбом и центральной опорой, но широкое распространение в Закавказье дере-

¹³ Г. Г. Гегечкори. Дневник ЧИЭЭ, 1965 г., тет. № 1, 50.

вянных конструкций венцеобразных перекрытий в самых различных формах¹⁴ и, особенно, наличие иммитации подобного перекрытия в скальных жилых помещениях в Юго-Западной Грузии¹⁵, по нашему мнению, несомненно указывают еще на один элемент народной строительной техники, который составляет достояние общекавказского культурного мира.

Наличие жилищ с подобной особенностью и у других народов Кавказа было бы еще одним свидетельством, подкрепляющим это соображение.

Жилая башня в Ингушетии, как указывалось, именуется гIа́ла. Под этим же термином она известна и в Чечне. На чеченском языке гIа́ла — 1) город, столица; 2) крепость; 3) дворец; 4) башня¹⁶. Аналогичный термин имеется и у других народов Кавказа, в частности, у народов Дагестана — къа́ли (дарг.), квал (лезг.), гIал (куб.) и т. д.

Ингушские гIа́ла представляют собой преимущественно трехэтажное каменное строение на извести, хозяйственные, жилые и оборонительные помещения в котором расположены в вертикальном плане.

Основу перекрытия составляло большое бревно — арц, поперек которого расположены малые бревна — гIа́им. На последних плотно разложены расколотые пополам ветви — а́хкаш, которые покрываются хворостом сара — пичхаш, являющимся подстилкой для слоя земли — латта, который трамбуется специальной трамбовкой — толма. Таким образом, создается плоское глинобитное покрытие — тхов.

Первый этаж подобного дома, как правило, отводился под хлев — кхнй, в котором скот был привязан к яслям в определенной последовательности. Для лошади устраивали особый угол. Часть этого помещения огораживалась плетнем; в этом углу хранили зерно. В некоторых случаях для мелко-

¹⁴ Т. А. Чикова и н. Грузинское народное жилище, Тб., 1960, 28—48 (на груз. яз.).

¹⁵ Г. Г. Гаприндашвили. Пещеры Вардзии и ее окрестностей, Тб., 1957, рис. № 7, 32, (на груз. яз.).

¹⁶ Чечено-русский словарь, на слово гIа́ла.

рогатого скота отводился весь второй этаж, куда скотину подгоняли по устроенному для этого деревянному настилу.

Следующий этаж представлял жилое помещение—*лакхсрацIа*. Здесь были расположены предметы домашнего обихода—спальные принадлежности, посуда, утварь. Здесь же был устроен центральный очаг — *кхерч*, однако в более позднее время он был заменен стенным камином — *товха*. Над центральным очагом с перекладины — *дукъу* — спускалась надочажная цепь — *зIа*.

Последний этаж предназначался для хранения продуктов и сельхозинвентаря. Это было место, где находилась семья летом.

Гостя зимой принимали в жилое помещение, но на ночь устраивали в верхнем этаже, где ему стлали солому, а поверх соломы войлок. Новобрачные не имели собственного угла; они укладывались спать в свободном углу дома, после того как семья засыпала.

Стены имели световые проемы, похожие более на бойницы, чем на окна. Дверь низкая, сколоченная из дубовых досок, имела засов — *гIуи*. Некоторые дома имели дверь и на втором этаже, куда подымались по приставленной снаружи лестнице.

Привлекает внимание размер площади; в некоторых домах площадь жилого этажа достигала 60—70 кв м. Высота этого этажа превышала 3—4 м. Лишь в тех случаях, когда второй этаж предназначался для хлева, его не делали высоким.

Иногда к третьему этажу пристраивали балкон, имевший хозяйственное назначение.

В качестве примера жилой башни, в которой под хлев было отведено нижнее помещение, можно указать на жилой комплекс из селения Фылхын (рис. 6). Имеющееся описание этого дома достаточно ясно представляет порядок внутреннего расположения жилища, в котором под хлев был отведен лишь первый этаж, а под жилище два последующих.

В том же ущелье, в сел. Бейни описан жилой комплекс Мурзабек-тейпа, разрез которого дает возможность предста-

вить как все сооружение в целом, так и место хлева, который в этом случае занимал два первых этажа (рис. 25). Аналогичное явление наблюдается и в жилых комплексах из сел. Фуртоуг (рис. 8) и сел. Эгикал (рис. 20).

Вышеуказанные жилища, которые видимо являются наиболее типичными для Ингушетии, имели некоторые особенности. Имеется в виду жилище Гамботовых в сел. Кашет. Трехэтажное каменное здание, повторяющее ингушский способ возведения стен, выстроено на краю выступа и носит все черты жилой башни. Однако передняя стена третьего этажа представлена в виде трех колонн, между которыми оставлены довольно широкие проемы. Перекрытие этого комплекса не сохранилось и поэтому нет возможности восстановить полностью картину этого этажа. Однако, надо полагать, мы и в этом случае имеем дело с открытым верхним этажом, который предназначался для провеивания зерна (рис. 7).

В доме из сел. Фылхын вышеуказанные проемы были заполнены сухой кладкой и довольно неряшливо, что дало возможность создать более или менее точное представление о размерах проемов и характере третьего этажа (рис. 6). Такого рода проемы имелись и в жилищах Мтиулетн, где они именуются санио (рис. 26).

Ингушская оборонительная башня рано привлекла внимание исследователей, многие из которых сделали попытку дать более или менее подробное описание. Однако большинство этих описаний нас не может удовлетворить. Так, напр., Г. Вертепов говорит о каком-то «кривом корридоре, который при том же идет вверх по косогору»¹⁷, хотя жилищ с такими корридорами ни до, ни после Г. Вертепова никто не описывал. Не совсем ясно и описание внутреннего убранства ингушского жилища, по которому «Грязные и прокопченные стены, сложенные из едва отесанных камней, стоят совершенно голые; по полу вдоль их тянутся низенькие лавки... валяются нагие дети» и т. д. За Г. Вертеповым следует и И. Пантюхов, который повторяет вышеприведенное описание, при

¹⁷ Г. А. Вертепов. Ингуши. Историко-статистический очерк, Т. С., в. 2, Влад., 1892, 96.

чем оборонительную башню принимает за жилую¹⁸. За Г. Вертеповым следовал и К. Ган. Во всяком случае и К. Ган имел в виду не типичное ингушское жилище, а какое-то позднейшее сооружение, называемое им «домиком»¹⁹.

Научное описание ингушского жилища и вообще памятников материальной культуры Ингушетии начинается с работ И. Щеблыкина и Л. Семенова. По словам И. Щеблыкина «Жилые башни являются принадлежностью каждого ингушского села. Своим внешним видом они резко отличаются от боевых башен и по форме основания бывают двух видов: квадратные и продолговатые прямоугольные. Стены постепенно суживаются кверху. Кладка этих башен не так хороша, но более старые из них сложены гораздо лучше и отличаются тщательной отделкой и точной пригонкой камней. Обычно они имеют три этажа: первый этаж для скота, второй и третий этажи для семьи ближайших родственников»²⁰. Более кратко касается ингушского жилища Л. Семенов, по словам которого «Приземистые сакли с плоской земляной кровлей, выстроенные в несколько ярусов, сооружены очень незатейливо. Они низки, невелики по размеру; свет слабо проникает в них сквозь окошки»²¹. Очевидно описание относится также к позднему периоду, т. к. типично ингушские башни жилого назначения «невеликими по размеру» назвать никак нельзя.

В. Христианович, касаясь ингушского жилища, приводит интересный материал относительно способа его раздела при сегментации семьи. Согласно его сообщению «При разделе только распределяют между отдельными семействами данной фамилии или родовой общины этажи и комнаты замка. Если население замка не очень плотное, то нижний этаж башни назначается для скота, а в верхнем этаже живут люди, но с

¹⁸ И. И. Пантюхов. Ингуши..., ИКОРГО, XIII, Т., 1900, 128.

¹⁹ К. Ф. Ган. Путешествие в страну пшазов, хевсур, кистин и ингушей, К. В., № 6, Т., 1900, 73.

²⁰ И. П. Щеблыкин. Инкуство ингушей в памятниках материальной культуры, ИИНИИК, I, Влад., 1928, 282.

²¹ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг., Грозный, 1963, 30.

уплотнением населения скот выселяют и нижний этаж отводится одному из новых семейств²².

Чеченские жилые башни по своим основным чертам не отличаются от ингушских. В этом отношении в литературе подчеркиваются лишь более совершенные формы чеченского жилого комплекса²³. Однако наши полевые материалы дают основание говорить о различиях и в габаритах, ибо некоторые чеченские башни по своим размерам намного превышают ингушские. В четырехэтажных жилых башнях Чечни первые два этажа, как правило, отведены под хлев. В соответствии с этим второй этаж имеет свой самостоятельный вход снаружи. Третий этаж чеченской жилой башни составляет жилое помещение, где сконцентрирована вся жизнь семьи. Здесь находится центральный очаг и весь домашний инвентарь, а также часть продуктов. Здесь же принимают гостей. Четвертый этаж первоначально имел лишь оборонное значение, однако в дальнейшем, с распадом семейной общины, им стали пользоваться в качестве жилой площади для выделившейся семьи.

Одна из типичных жилых башен описана в сел. Тазби-чи. Этот дом, принадлежавший Лаузи Муртазовне Шугаиповой, стоит на склоне горы, в результате чего нижняя линия стен находится на различных высотах. Стены возведены из хорошо обработанного камня; он состоит из трех этажей. Пол в первом этаже покрыт плитняком. С левой стороны от входа устроены плетенные ясли. Скот привязывали к кольям (к о ж е л г), которые были вделаны в стены. И здесь наблюдается определенный порядок расположения скота в хлеву: отдельно ставили быков, коров и молодняк.

По середине жилой башни, начиная с хлева, идет каменный столб — эрда ЫбгІам — несущий тяжесть перекрытия. Межэтажные перекрытия покоятся на продольных балках, на которых поперек разложены более мелкие балки. Затем идет хворост и, наконец, утрамбованная глина в виде плоского перекрытия.

²² В. П. Христианович. Горная Ингушия, Р. н/д, 1928, 40.

²³ К. Н. Россиков. Поездка в юго-западную часть горной Чечни и в западный Дагестан, ИКОРГО, IX, Т., 1888, 102.

Тяжелая деревянная дверь запиралась изнутри большим засовом; сообщение между этажами осуществлялось посредством четырехугольных лазов, оставленных в межэтажных перекрытиях, к которым приставлялись деревянные же лестницы.

Второй этаж представлял собой жилище семьи. Источником освещения, отопления и изготовления пищи служил стеной камин. Основную часть времени, свободного от работы, семья проводила здесь. Здесь же устраивались трапезы членов семьи, которые располагались у камина вокруг низеньких столов в зависимости от пола и возраста.

На третьем этаже хранились запасы продуктов и рабочий инвентарь. Первое время молодожены устраивались здесь же. Отсюда посредством лаза выходили на площадку, которая была представлена в виде глинобитной крыши. Здесь происходила сушка снопов и их ручная молотба. В летнее время крыша служила местом сбора всей семьи²⁴.

Одно из первых описаний подобной жилой башни в Чечне принадлежит К. Гану. По его словам «Самый дом Цотеша, расположенный над глубоким оврагом, представляет из себя громадную четырехугольную башню в три этажа, с некоторыми пристройками. Она построена из громадных глыб шифера сухой кладкой. Пройдя большой мощенный двор, окруженный высокой стеной, мы через низенькую дверь вступили в нижний этаж; это темное помещение без света, где помещается скот. Карабкаясь в темноте по узенькой каменной лестнице, мы скоро очутились во втором этаже, где живут женщины... На стенах стоят или висят большие медные и оловянные тазы, тут же помещаются большие сундуки с богатой резьбой. Пол земляной; комната плохо освещается немногими маленькими отверстиями в стене. Плохо приставленная лестница ведет в верхний этаж, в жилище хозяина, где помещается брачное ложе. Тут стены увешаны разного рода оружием и праздничной одеждой хозяина и его семьи. Перед комнатой плоская крыша образует что-то вроде тока, окаймленного низенькой стеной. С этого высокого балкона представляется чудный вид в долину, на аул и гордый замок предков Цотеша»²⁵.

Более обстоятельное описание чеченских жилых башен с хорошо выполненными иллюстрациями дано в работе Б. Плечке «Чеченцы», в которой акцентируется вопрос о «ба-

²⁴ Г. Г. Гегечкори. Дневник ЧИЭЭ, 1965, тет. № 1, 9 и след.

²⁵ К. Ф. Ган. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей, 65—67.

шенной культуре» народов горного Кавказа, о чем речь будет ниже.

Чеченские жилые и оборонительные сооружения, как отмечено в литературе, подвергались более интенсивному разрушению, чем ингушские²⁶. Поэтому более или менее полного материала о характере использования чеченской жилой башни и относительно ее социальной природы получить в условиях экспедиционной работы уже не удастся. Единственным источником остаются литературные данные, которые, к сожалению, содержат лишь отрывочные сообщения по интересующим нас вопросам. Так напр., по сообщению К. Гана «...в ауле Шикарой на Шаро-Аргуне в трехэтажной башне, основание которой равно 40×50 кв. фут., живет целых 12 семейств»²⁷. Видимо и здесь, так же как и в Ингушетии, филиаций сегментированных семейных общин продолжали жить под одной кровлей, но в различных этажах одной и той же башни, а может быть и в отдельных камерах, полученных в результате устройства перегородок в одном и том же этаже. Это обстоятельство не должно вызывать удивления т. к. аналогичный порядок сегментации семейной общины, помимо Чечни и Ингушетии, засвидетельствован и в других районах горного Кавказа. По материалам В. К. Тотрова, которые касаются сел. В. Эрман в Осетии вся община (Габуевых А. Р.) проживала в одном большом доме, размером 15,0 на 6,6 метра. Стены дома до сих пор сохранились хорошо. Они сложены из камня без раствора. Для поддержания тепла и приготовления пищи в доме одновременно находилось семь очагов с таким же количеством надочажных цепей²⁸. Как известно, очаг является не только местом приготовления пищи, но и средоточием всей семейной жизни, в силу чего выделение самостоятельного очага надо рассматривать как первый и, может быть самый значительный шаг в сегментации семьи, за которым следует раздел семьи и образование самостоятельных хозяйств.

Эти данные чеченской этнографии вместе с вышеприведенными, касающимися горных ингушей, совершенно определенно указывают на порядок образования раннепатронимического поселения, которое на первых порах представлено

²⁶ Н. К. Зейдлиц. Поездка в Чечню..., 151.

²⁷ К. Ф. Ган. Экспедиция в нагорную Чечню и западный Дагестан, 218.

²⁸ В. К. Тотров. Семья и семейный быт крестьян северо-восточной части Юго-Осетии в конце XIX — начале XX в., 158 (рук.).

в виде одной общей жилой башни, дававшей кров сперва одной семейной общине, а затем и всем семьям, образовавшимся в результате сегментации первоначальной семьи.

Аналогичная форма поселения патронимии была известна и в Пирикитской Хевсурети, в частности, в Шатили, где некоторые жилые башни также были заселены филиациями одной семьи, хотя были случаи и проживания в одном доме и более отдаленных родственных семей.

Чечено-Ингушский вариант раннепатронимического поселения отличается от патронимических форм поселения, известных в других районах горного Кавказа. В данном случае имеется в виду балкарский вариант, предполагающий по мере появления новых брачных пар внутри семьи, устройство соответствующих пристроек к старому дому. Размножаясь, эти пристройки образуют П-образное жилище, в котором каждая брачная пара имеет свою комнату, как место сна, а «отчий дом» все время остается местом средоточия всей семейной общины, уже распавшейся на отдельные семьи²⁹. В процессе дальнейшего развития семьи и с увеличением отпочкованных семей, они выходят за пределы «отчего дома», образуя новые патронимические поселения.

Отличной была и абхазская форма патронимического поселения, представленная в виде основного дома, вокруг которого выстраивались дома сравнительно малого размера по мере появления брачных пар, возникающих внутри семьи. Однако и в этом случае «отчий дом» оставался основным; в нем проживали родные старшего поколения, здесь же принимали гостей и устраивались общесемейные праздники³⁰. Своеобразные черты носило и сванское патронимическое поселение. Оно характеризовалось расселением филиаций семейной общины вокруг старого дома, при чем каждая новая семья строила себе полностью повторяющий старый и по форме и по расположению жилых и хозяйственных помещений³¹. По существовавшему в Сванети обычаю, до раздела семьи каждый из дольщиков должен был быть обеспечен достаточным для ведения самостоятельного хозяйства земельным фондом и полноценным жилищем. Лишь при появлении параллельного хозяйства вдали от основного жилища и образования выселков, выделившиеся семьи вынуждены были нару-

²⁹ А. И. Робакидзе. Формы поселения в Балкарии, 2. Морфология поселения, МЭГ, XII—XIII, Тб., 1963, 189 и след., табл. II (на груз. языке).

³⁰ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, Сухуми, 1960, 193 и след.

³¹ Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Сванское село в прошлом, 60 и след.

шить принцип патронимического поселения, в результате чего нередко возникали новые поселения.

В Хеви и Мтиулету выделившиеся семьи селились в большинстве случаев вокруг оборонительной башни, образуя особую форму патронимического поселения, несколько отличную от вышеуказанных³².

В Западной Грузии, которая в равнинной и предгорной частях характеризуется вообще рассредоточенным поселением, также наблюдается патронимический принцип поселения, однако такого рода кварталы не имеют скученной формы, которая характерна для большинства горных районов или для восточной Грузии в целом³³.

Таким образом материалы, касающиеся порядка использования чечено-ингушской жилой башни, дают возможность выявить своеобразный способ расселения дочерних семей, образовавшихся в результате сегментации семейной общины, которые, оставаясь под одной крышей, но по существу разделившись, создавали раинепатронимическую форму поселения, несколько отличную от абхазской и балкарской, а также от горногрузинской, в последнем случае за исключением шатильской формы, которая довольно близко стоит к чечено-ингушской.

Сопоставляя чечено-ингушскую жилую башню с аналогичными памятниками материальной культуры других народов горного Кавказа, нельзя не обратить внимание на центральный столб, несущий систему перекрытия.

Б. Плечке, базируясь на чеченском материале, строго различает жилую башню (*Die Wohnturm*) от оборонительной (*Die Wehrturm*)³⁴. Жилая башня им описана в Итум-кале, Малхисте и других районах Чечни. Это описание совпадает с имеющимися описаниями ингушского жилища³⁵. В этом описании подчеркивается центральный столб (*Die Säule*), в качестве аналогии к чему он приводит жилище не только из других районов горного Кавказа, но и довольно дальние параллели в виде материала с Балеарских островов. Безусловно прав Б. Плечке, когда эту деталь жилища считает древнейшим элементом строительной техники народов Кавказа. Мы не располагаем полноценным материалом о существовании подобной детали жилища за пределами Кавказа, однако на Кавказе центральный столб в качестве несущей опоры изве-

³² Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом, 31 и след.

³³ Р. Л. Харадзе. Грузинская семейная община, II, Тб., 1961, таб. 5.

³⁴ *Tschetschenen*, 40.

³⁵ *Die Tschetschenen*, 43—44.

стен в Грузии у мохевцев и мтиульцев, а у народов Северного Кавказа, — у осетин и некоторых народов Дагестана.

С точки зрения соотношения между чеченским и ингушским вариантами жилой башни привлекает внимание и порядок использования I и II этажей в качестве хлева соответственно для крупного и мелкого рогатого скота. Аналогичное явление широко распространено у других народов Северного Кавказа. Среди горцев Грузии тот же порядок расположения скота нам известен лишь у шатильских хевсур.

Чечено-ингушская жилая башня имеет сходство и с осетинским жилищем типа гæ нах, которое состоит в большинстве случаев из трех этажей (рис. 10). По краткому описанию А. Х. Магометова «В плане они имели квадратное основание, были значительно шире, чем оборонительные башни. Первый этаж использовался для содержания скота и хранения зерна. На втором этаже располагалась семья, а третий этаж выполнял функцию оборонительного сооружения³⁶. Подобную картину осетинского гæнах рисуют и другие источники³⁷. Наличие в этих домах центрального столба в качестве основной опоры, подчеркивает типологическое сходство между осетинскими и чечено-ингушскими жилыми башнями, при наличии локальных особенностей.

Аналогичные жилые башни имелись и у горцев Грузии. Ближайшим к чечено-ингушской нам кажется опять-таки шатильская башня в Хевсурети. По описанию Г. Г. Гегечкори жилая башня Джалабаури, именуемая здесь квитири, состояла из четырех этажей, была выстроена на растворе и имела плоское глинобитное перекрытие. Первый этаж именовался с а д з р о х е, т. е. коровник, второй — с а ц х в р е, т. е. овчарня, третий — ш и д а т в а л и — средний этаж представлял основное жилое помещение, а четвертый — з е д а т в а л и — верхний этаж выполнял оборонительную функцию³⁸. В Хевсурети имелись и другие формы оборонительных башен, несколько отличавшихся от вышеописанной и распространенных в центральных районах Хевсурети, в верховьях Арагвского ущелья, в то время как башня Джалабаури расположена

³⁶ А. Х. Магометов. Культура и быт осетинского крестьянства, Орджон., 1963, 96.

³⁷ Народы Кавказа, I, М., 1960, 319.

³⁸ Г. Г. Гегечкори. Дневник ЧИЭЭ, 1965, тет. № 5, 60. Ср. С. И. Макалатиа. Боевые и оборонительные постройки в нагорной Грузии, Тб., 1945, 30 и след., рис. 17 и 18 (на груз. яз.); Е го же — Хевсурети, Тб., 1935, 126—127 (на груз. яз.).

в Шатили, т. е. в верховьях р. Аргуна, в непосредственной близости от чечено-ингушского населения.

Аналогичны жилые башни Тушети (рис. 12), также непосредственно примыкающей к Чечено-Ингушетии. По описанию, представленному в насыщенной фактами и содержащей ценные обобщения книге С. И. Макалатия, они именовались *пихе* (букв. крепость), имели три-четыре этажа, каждый из которых имел определенную функцию и наименование. I этаж именовался *баште* и был предназначен для скота. Во-втором, именуемом *шуа* и в третьем — *зедашуа*, было устроено жилое помещение, а четвертый — *чёрхо* имел оборонительное назначение (рис. 11)³⁹.

Наши данные мтиульской этнографической экспедиции подтверждают, что и здесь одной из основных форм жилого комплекса была жилая башня. В сел. Кимбариани напр., описана одна такая типичная башня, которая по своим основным чертам (архитектура, расположение жилых, хозяйственных и оборонительных помещений) может быть отнесена к вышеуказанным башням⁴⁰.

Жилые башни Хеви изучены сравнительно хорошо⁴¹. Описанная В. Дж. Итонишвили состоит из трех этажей, среди которых первый — *кIoитai* — был отведен под хлев, второй — *шуасaxли*, представлял собой жилое помещение с центральным очагом и надочажной цепью, с основным домашним инвентарем и продуктами, а третий — *зaitIsaxли* — был местом хранения продовольственных запасов семьи и хозяйственного инвентаря⁴².

³⁹ С. И. Макалатия. Боевые и оборонительные постройки в нагорной Грузии, 29 и след., рис. 15; Его же, Тушети, Тб., 1933, рис. 47 (на груз. яз.).

⁴⁰ Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом, 28 и след.

⁴¹ В. Дж. Итонишвили. Хеви в прошлом и настоящем, Тб., 1967, 21 и след. (на груз. яз.); С. И. Макалатия. Хеви, Тб., 1934, 138—140 (на груз. яз.); В. Цинцадзе. К характеристике одного вида жилого дома, «Грузинское искусство», IV, Тб., 1955, 238 (на груз. яз.); В. Долидзе. Народные жилища Хеви, «Грузинское искусство», V, Тб., 1959, 243—245 (на груз. яз.).

⁴² Ср. Р. Л. Харадзе. Грузинская семейная община, II, Тб., 1961, таб. 20.

Сходство между горногрузинскими и чечено-ингушскими жилищными башнями не ограничивается пределами Восточной Грузии. В Западной Грузии мы имеем соответствующие аналоги в виде рачинских дуроебиани сахли и сванских губенд⁴³ (рис. 13).

Помимо вышеуказанных черт, по которым чечено-ингушская горная жилищная башня входит в круг общекавказских элементов культуры, привлекает внимание и порядок его наследования. По наблюдениям Н. Харузина отцовская сакля «должна переходить к старшему брату, но если у последнего уже есть своя сакля, отцовский дом остается за младшим братом»⁴⁴. Аналогичное положение существовало и у других народов Кавказа.

Общекавказские параллели простираются и на некоторые нормы обычного права, связанные с домом. Так напр., воровство, совершенное в различных частях дома, наказывалось различно, при чем если вещь была украдена около очага, укравший, помимо трехкратной стоимости вещи, обязан был уплатить еще 9 коров, одного быка, кусок магерии, одну овцу. Если же кража происходила в нижнем этаже, штраф за покражу значительно уменьшался⁴⁵. Аналогичное положение имело место и в Грузии, в частности в Мтиулет. То же самое необходимо сказать и относительно дифференцированного штрафа за оскорбление, размер которого регулировался в зависимости от того места в доме, где было нанесено оскорбление⁴⁶.

Вышеприведенные материалы позволяют наметить основные черты чечено-ингушского жилища типа гIāла, который представлен в виде трех-четырёхэтажного сооружения из камня, на растворе, с плоским перекрытием. Жилые, хозяйственные и оборонительные помещения в таком доме расположены в виде единого комплекса и в вертикальном плане. Строился такой дом из больших каменных блоков, которые сравни-

⁴³ С. И. Макалатиа. Боевые и оборонительные постройки в нагорной Грузии, рис. 43; Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом, 28 и след.; Их же — Сванское село в прошлом, таб. X.

⁴⁴ Н. Н. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей, СМЭ, т. III, 1882, 125.

⁴⁵ Н. Ф. Яковлев. Ингуши, М., 1925, 94—95.

⁴⁶ И. М. Саидов. Материалы по купачеству и гостеприимству у чеченцев и ингушей, Сборник статей, Грозный, 1964, 139.

тельно хорошо обрабатывались. Известь обжигалась на месте. Распределение площади и соотношение жилой и хозяйственной частей, в частности, место первого этажа во всей системе жилища, говорит о том, что ведущей отраслью хозяйства горных чеченцев и ингушей в период формирования этого жилища было крупнорогатое скотоводство, а местами овцеводство.

Большие габариты жилого помещения, его неделимость по отдельным брачным парам, порядок расположения семьи во время сна и отдыха, место членов семьи и гостей, а также место молодоженов и многие другие признаки говорят о том, что это жилище предназначалось для семейной общины, хотя в последний период активного существования данного дома он уже подразделялся по отдельным семьям, отражая разложение семейной общины и своеобразный порядок образования раннепатронимического поселения.

Кроме того чечено-ингушский вариант жилой башни как по своим архитектурным формам и строительной технике, так и по способу распределения жилых, хозяйственных и оборонительных помещений, характеру их освоения, а также некоторым нормам обычного права, связанным с домом, представляют собой локальную модификацию широко распространенного у горцев Кавказа традиционного типа жилого комплекса. Аналогии ему мы находим среди грузин в Тушети, Хевсурети, Хеви и Мтиулети, а на Северном Кавказе — у осетин.

Оборонительная башня, как правило, обозначается термином б I о в (чеч.), в I о в (инг.). А. А. Саламов этот термин увязывает с чеч. б I о в значении «войско». «Видимо, пишет автор, первоначально б I о означало «дозор», «охрана». А сооружение, в котором находилась боевая группа «дозор», «охрана», «войско» и получило название б I о в»⁴⁷.

Сравнительно с жилой башней она более позднего происхождения, что хорошо прослеживается как по архитектурным особенностям и строительной технике, так и по преданиям, записанным на месте. Во всех этих преданиях подчеркивается, что поселенцы, как правило, строили в первую очередь жилую башню и лишь после того как семья размножалась и усиливалась, приступали к строительству оборонительной башни.

Выбор места для строительства дома, около которого в дальнейшем должна была появиться оборонительная башня, происходил по ряду признаков, среди которых основными были территориальное отношение к хозяйственным угодьям и

⁴⁷ А. А. С а л а м о в, Отзыв, 8, 9 (рукопись).

стратегическое положение при наличии положительного комплекса естественных условий — климат, свойства почвы, обеспеченность водой, коммуникаций и т. д. Условия доставки материала в числе вышеуказанных признаков занимали не последнее место.

Обращение к знахарке за советом и жертвоприношения до начала строительных работ преследовали чисто магические цели, хорошо прослеживаемые по этнографическим данным и из других районов горного Кавказа. Имелись и такие способы проверки пригодности к строительству выбранного для этого участка, подлинный смысл которых нам до сих пор неизвестен. Так например, по сообщению местного информатора Б. Эльджеркиева, которое приводит в своей книге Л. Семенов, землю, на которой предполагалось строить башню, поливали молоком и если оно просачивалось, почву для фундамента рыли до тех пор, пока не прекращалось просачивание молока⁴⁸.

После выбора места приступали к заготовке строительного материала и, завершив все работы по заготовке, приступали к строительству.

Вопрос о строителях ингушских жилых комплексов до сих пор не нашел правильного решения. В дореволюционной литературе заранее была исключена возможность строительства ингушских памятников материальной культуры самим ингушским народом по причине его «дикости в полном смысле этого слова». А. Ипполитов, напр., писал: «... до сих пор везде в горах Северного Кавказа остались еще башни, постройки весьма древней, и сооружение которых нельзя никаким образом приписывать гуннам, хазарам и другим ордам, неоднократно разорявшим Грузию, но народу стоявшему уже на известной ступени цивилизации. Все это ясно доказывает присутствие здесь некогда народа, господствовавшего когда-то, как завоеватель, над местным туземным населением»⁴⁹. В свое время широко было распространено предание о том, что эти сооружения воздвигались д ж е л т а м и, т. е. греками.

Однако, по мере изучения ингушских памятников материальной культуры, стала выявляться возможность видеть в строителях этих сооружений самих ингушей. По наблюдению Г. Кокиева в Ингушетии были целые тейпы, которые из

⁴⁸ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания..., 71.

⁴⁹ А. И. Ипполитов. Этнографические очерки Аргунского округа, ССКГ, I, Т., 1868, 51.

поколения в поколение занимались строительством башен не только на территории Ингушетии, но и за ее пределами. К таким фамилиям относятся напр., Бархановы, жители села Бархан в горной Ингушетии⁵⁰. Приглашение ингушских Янды-тейпа в Осетию для строительства башен подтверждается преданиями, записанными Л. Семеновым⁵¹. Этим вопросом заинтересовался и И. Щеблыкин. Анализируя предания относительно строителей ингушских памятником материальной культуры, указывающие в качестве таковых и на грузин, и на осетин, и на греков, И. Щеблыкин привел новые данные, опровергающие вышеприведенные сообщения. По данным, собранным И. Щеблыкиным строителями башен были сами ингуши, в частности, в более позднее время Дуго Ахриев и Хабзи Цуров, которые славились своим строительным искусством⁵². По мнению И. Щеблыкина строителями этих башен являются люди, которые ныне проживают на территории их распространения. Такая постановка вопроса нам кажется вполне естественной. Желательно было лишь привлечь в качестве сравнительного материала не только хевсурские и ананурскую башни, как это делает И. Щеблыкин, но также и тушинские. Вместе с тем сравнительному изучению в этом же плане должны подвергнуться и осетинские склепы, имеющие, как и многие другие склепы на Кавказе, перекрытия, аналогичные тем, которые имеют ингушские.

Особенность строительной техники и некоторые детали оборонительных башен Ингушетии должны пролить дополнительный свет на историю происхождения этого оригинального сооружения.

Несмотря на трудности, возникающие при изучении древних памятников материальной культуры, все же удается установить некоторые моменты как из области строительной техники, так и использования этих сооружений.

Мы не знаем подробностей организации строительных работ, но известно, что среди строителей башни ведущим был мастер, которого нанимал хозяин башни на заранее оговоренных условиях. Вместе с ним и под его руководством работали каменщики, которые занимались обтеской и укладкой камня.

⁵⁰ Г. А. Кокнев. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии, ИЮНИИК, II, Сталинир, 1935, 221.

⁵¹ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания..., 72.

⁵² И. П. Щеблыкин. Искусство ингушей..., 280.

Обтезка и укладка блоков различной величины, среди которых некоторые достигали значительных размеров, требовали высокого искусства. После окончания работы мастер оставлял на одной из стен отпечаток своей руки и получал сверх обусловленной платы в подарок быка⁵³.

В литературе одно время почему-то утвердилось мнение, якобы башни строились без лесов⁵⁴. Это сомнительно. При строительстве жилых и оборонительных сооружений, по углам стен с внутренней стороны, на определенном расстоянии друг от друга укладывались замковые камни, которые имели вид выступов. Возможно они и служили опорой лесов, устраиваемых внутри сооружения, хотя не исключено, что выступы носили чисто конструктивную функцию.

Строительный материал, в том числе крупные каменные блоки, поднимали посредством приспособления, подобного вороту. По сообщению Н. Яковлева для подъема камней служила особая машина, называемая по-ингушски чегыркъ⁵⁵, точнее чIагIаг. Более основательно строительная техника описана Л. Семеновым, который пишет. «По мере возведения стен, камни и балки поднимались при помощи ворота. Башни сооружались без лесов. Наиболее трудным считалось возведение ступенчатой кровли боевой башни. Ее начинали воздвигать изнутри. Когда же надо было закончить покрытие свода и поставить замковый камень, на машикули ставили лестницу, привязанную веревками, прикрепленными к столбу, поставленному на время в верхнем этаже. Веревки пропускали сквозь отверстия, сделанные между уступами кровли. Мастер привязывал себя ремнем к этой лестнице, поднимался на купол башни и заканчивал работу»⁵⁶.

В настоящее время трудно составить более подробное представление о строительной технике башни, т. к. в имеющихся описаниях не все ясно. Видимо для решения этого и многих подобных вопросов необходимо привлечь более полный сравнительный материал.

Подробнейшее описание памятников материальной культуры Ингушетии, данное И. П. Шеблыкиным, и прекрасно выполненные чертежи освобождают нас от необходимости их повторения. Ограничимся лишь приведением указанной им

⁵³ Н. Ф. Яковлев. Ингуши, 90.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Н. Ф. Яковлев. Ингуши, 91.

⁵⁶ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания..., 72.

терминологии, обозначающей отдельные части сооружений, и некоторыми данными нашей экспедиции, проливающими свет на вопрос о социальной природе этих памятников.

И. П. Шеблыкин приводит следующие термины: верхний камень—zhogæl, шиферная плитка—hāqhæ, čardæg, наблюдательное окно—kor, машикули, защитный балкончик—čerx, ход на третий этаж в своде—thævoalæ hurg, гурт—qorær, глухая ниша—qhorg kor, лаз—neh, очаг—quvŋæč, каменный мешок для зерна—læræm, канал для засова—qhuv boallæ hurg.

Характеризуя назначение каждого из этажей оборонительной башни, И. П. Шеблыкин пишет, что I этаж предназначался для пленников, II—для стражи и защитников, III и IV—для защитников и семьи, а V—для наблюдателей и семьи⁵⁷.

По данным нашей экспедиции ингушская оборонительная башня представляет собой сооружение, построенное из крупных каменных блоков на специальном растворе. В период непосредственной опасности в нее укрывались все члены тейпа, которой она принадлежала. Первый этаж оборонительной башни, так же как и жилой, называли кхий. Последующие этажи назывались: д̄аха цIа, хьаьша цIа и тиема цIа. Второй и третий этажи использовались под жилье, а самый верхний имел исключительно оборонное назначение: здесь хранилось оружие и предметы, необходимые для обороны башни. В башню входили по приставной лестнице—бревну с зарубками для ступни, которую подбирали вверх после укрытия семьи в башне. Эта лестница—лоами—использовалась и при переходе с одного этажа в другой. Входная дверь находилась на значительном расстоянии от поверхности земли, иногда на высоте трех метров. Дверные створки—ниI—изготавливались из толстых досок и запирались на засов, конец которого помещался в стенной нише—кьоргь. Иногда делали два засова. В межэтажных перекрытиях оставлены были лазы—хьаьша ниI, в которые поднимались посредством вышеуказанной лестницы. С этой целью пользовались и угловыми камнями, представлявшими собой замковую перемычку, на которых строились леса. Такого рода камни именовались сьаьнг.

В верхнем этаже башни имеются коргиш—бойницы.

⁵⁷ И. П. Шеблыкин. Искусство ингушей..., 277.

Почти все башни снабжены машикулями — маленькими пристройками в роде балкончиков, именуемыми кор. Иногда этим термином обозначается маленькое оконце, пробитое рядом с входной дверью.

Перекрытие первого этажа сводчатое — тхов; оно нередко укреплено крестообразно расположенными сводами, именуемыми мо артол. Такого рода перекрытие называется мо артол тхов в отличие от деревянного — да хчан тхов.

Однако наиболее оригинальным в башенной культуре Ингушетии является верхнее перекрытие башни. Оно складывается из плитняка или шифера в виде ступенчато-пирамидальной крыши, при чем число ступеней не часто и не на много отклоняется от тринадцати. Такого рода крыша, и здесь именуемая ч I е р х, заканчивается вертикально поставленным пирамидальным камнем высотой около 30-40 см., чем и заканчивается башня. Этот завершающий камень в конце пирамидальной крыши именуется дз I о г а л (инг.), ц I у р к о (чеч.).

Точное представление о размерах башни в целом и ее отдельных частях дают прилагаемые чертежи фасадов, планов и разрезов башен. Наиболее типичными из них являются Цуровская башня из сел. Джайрах (рис. рис. 14, 15), а также башни из сел. Къошк (рис. рис. 16, 40), Хени (рис. 19), Лежг (рис. 38), Эрзи (рис. рис. 17, 27, 34, 39), Таргим (рис. 9), Эгикал (рис. 22) и др.

Средняя высота башни нередко превышает 25 метров, а отдельные этажи имеют площади различных размеров, ибо башня довольно ощутимо суживается кверху. Так напр., в неоднократно опубликованной башне из сел. Джайрах площадь первого этажа равна 7×7 кв м, второго 6×6 , третьего $5,30 \times 5,30$, четвертого 5×4 , а пятого 4×4 . Неодинакова и высота отдельных этажей, в частности, начиная с первого этажа, последовательно — 3 м, 2 м, 3 м, 3-25 м. Необходимо здесь же добавить, что Джайрахская башня является одной из самых крупных в Ингушетии.

Несмотря на однотипность ингушских оборонительных башен, они различаются по габаритам, но эта разница отражает скорее имущественную дифференциацию, нежели какие-либо другие признаки. Интереснее различия в архитектуре башен, однако этот вопрос требует особого рассмотрения.

Все известные мне оборонительные башни Ингушетии представляют собой элемент жилого комплекса с автономны-

ми оборонительными функциями. Все они имели типичное значение и лишь при появлении общего врага, угрожавшего всей тейпа или всему селению в совокупности, составляли одно целое. Это значение оборонительных башен приводило к такому развитию поселения, при котором жилые башни и другие жилища оказывались внутри линии, образованной оборонительными башнями. Примером этому может служить в Архизинском ущелье сел. Эрзи (рис. 17), а в Ассинском — сел. Таргим (рис. 9).

Общесельские оборонительные башни, так же как и сторожевые, мне в Ингушетии неизвестны. Л. Семенов, видимо, заметил башни, которые по его мнению имели общесельское значение. По его словам: «Благодаря своей значительной высоте, они бывают видны невооруженным глазом на большом расстоянии; башни то группируются в селении, то бывают расположены в одиночку в его окрестностях, на возвышенных пунктах, имеющих стратегическое значение»⁵⁸. Во всех подобных случаях, когда имелись башни, расположенные в одиночку, наши опросы выявляли наличие отдельных поселений, образованных в результате выселок, от которых осталась лишь башня и стены жилых домов. Лишь в одном случае была обнаружена оборонительная башня вне жилого комплекса, которая, как выяснилось после опроса, представляла собой стоянку скота, охраняемую оборонительной башней.

Однако под влиянием вышеуказанного сообщения Л. Семенова версия о существовании в Ингушетии сторожевых башен проникла в литературу. Так например, А. Шавхелишвили, касаясь памятников материальной культуры Ингушетии, пишет: «...в указанных ущельях сохранился ряд сторожевых башен...»⁵⁹.

В литературе имеются указания о существовании сторожевых башен в Чечне⁶⁰; имеются и полевые материалы, однако о них будет сказано в соответствующем месте. Что же касается вопроса о существовании сторожевых башен в Ингушетии, мы можем сослаться на слова И. Шеблыкина, согласно которому «Сторожевых башен, в полном значении этого по-

⁵⁸ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания., 6.

⁵⁹ А. И. Шавхелишвили. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами, Грозный, 1963, 23.

⁶⁰ М. А. Иванов. В горах между р.р. Фортангой и Аргуном, ИКОРГО, XVII, Т., 1904, 44.

нения, здесь не встречается»⁶¹. Это положение, имеющее большое значение для характеристики социальной природы оборонительных сооружений, в наших полевых материалах нашло полное подтверждение.

Вопроса о характере ингушской оборонительной башни коснулся не один исследователь, однако большинство из них лишь попутно. По словам Н. Грабовского напр., «Вид этих последних, как нельзя более ясно говорит об их исключительном оборонительном назначении: от самого низу до верху стены имеют множество амбразур, расположенных причудливой рукой строителя в форме треугольников, крестов и других изображений»⁶². Также общо описание, оставленное нам Г. Вертеповым, по словам которого «Здесь часто встречаются пирамидальные башни, стройно возвышающиеся одна над другой и придающие аулам своеобразный живописный вид крепостей отдаленных времен»⁶³. То же самое можно сказать и относительно И. Пантюхова, описание которого также кратко и носит весьма общий характер⁶⁴. Более обстоятельно характеризует эти башни И. Шеблыкин. По данному описанию «Помимо башен с пирамидальными крышами встречаются еще несколько типов башен. Один тип — с плоской кровлей. Выше крыши камни сложены без вязкой заливки, служат как бы бруствером и материалом для защиты от нападающих. Основание подобных башен не всегда бывает квадратным. Другой тип, башни с плоской кровлей, имеет подобие амбразуры без верхнего перекрытия. Амбразуры обычно заполнялись камнями. Тип такой башни мы наблюдали в Мецхале и в замке Точиева.

И, наконец, последний тип — башни с амбразурами защищенными машикулями, с плоской кровлей и с оригинальными, высеченными из цельного камня фигурными столбиками по всем четырем углам. Подобную башню наблюдали в Цори»⁶⁵.

По словам Л. Семенова «Сложены они весьма искусно из дикого или груботесанного камня, на извести. Стены по-

⁶¹ И. П. Шеблыкин. Искусство ингушей..., 271.

⁶² Н. Ф. Грабовский. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа, ССКГ, III, Т., 1890, 27.

⁶³ Г. А. Вертепов. Ингуши..., 94—95.

⁶⁴ И. И. Пантюхов. Ингуши..., 128.

⁶⁵ И. П. Шеблыкин. Искусство ингушей..., 279.

крыты снаружи облицовкой желтого цвета, кверху они суживаются. Основание башен прямоугольное (с равными и неравными сторонами). Кровля их различного рода; у жилых, более низкая, плоская; у боевых, высота которых достигает 25 метров, троякого рода: 1. плоская, с барьером, 2. плоская, с зубцами на стенах, увенчанная иногда конусообразными камнями (Цори), 3. пирамидальная ступенчатая, с конусообразным замковым камнем (Джерах, Лежг, Эрзи, Салги, Хани, Лейлаг, Пуй, Таргим); обычное число ступеней 13. В стенах башни устроены лазы, окна и узкие несимметрично расположенные бойницы. Нередко верхние окна башен бывают защищены навесными бойницами (машикулями). На боевых башнях встречаются углубления в виде крестов (Хани, Таргим, Эгикал)»⁶⁶.

Ингушские оборонительные башни отличались и габаритами. Большими размерами выделялись напр., Джайрахская башня, состоящая из шести этажей, стросная на растворе. Перекрытие первого и последнего этажей представлено в виде свода, снабженного укрепительными крестообразно расположенными поясами. Верхний этаж со всех сторон имеет машикули. Пирамидальное перекрытие состоит из 13-ти ступеней. Входная дверь устроена во втором этаже, начиная с которого все этажи снабжены бойницами. Башня представляла собой сильно укрепленное фортификационное сооружение, расположенное в наиболее узком месте у входа в ущелье Армхи, и составляла важнейший элемент большого жилого комплекса.

Аналогичные башни были и в других местах Армянского ущелья, например, в сел. Эрзи, где высота отдельных башен достигает 22-х мт. То же самое необходимо сказать и относительно сел. Таргим в Ассинском ущелье. В литературе они получили наименование «изящных башен» и, действительно, они резко выделяются от других кавказских оборонительных башен соотношением между высотой башни и шириной ее основания, которое зачастую достигает 10:1. При таком соотношении, наличие в Ингушетии башен имеющих уклон, говорит в первую очередь о чрезвычайно высоком уровне народных способов строительного искусства. Эти башни имеют широкое распространение в центральных ущельях Ингушетии — Армхи и Ассы, в боковых же ущельях башни характери-

⁶⁶ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания..., 190.

зуются меньшими размерами, хотя своего изящества не теряют и здесь.

Однако ингушская боевая башня имела не только оборонное значение. Ее строили также в интересах показа своего достоинства и в качестве символа единства тейпа.

Несмотря на то, что основную и первоначальную функцию башни составляла оборона семьи, и от башни зависело не только благосостояние семьи, но и ее физическое существование, соответствующую возможность имели не все семьи. Только лишь после того, как семья разрослась в более или менее мощную родственную организацию, располагавшую и материальными ресурсами и многочисленным составом боеспособных мужчин, она приступала к строительству башни. В случае если затевалось строительство башни в селении, где другие тейпы уже имели свои башни, это строительство разрешалось лишь при условии наличия гарантии завершения строительства в продолжении одного года. При невыполнении этой гарантии, башня оставалась незавершенной навсегда. Наличие незавершенной башни, по информации местных сказителей, говорило о некоторой неполноценности этого тейпа и, если это так, в нем надо искать социальное значение обычая, по которому не все тейпы имели не только возможность, но и право строить завершенные башни.

Вышеуказанный обычай распространялся в первую очередь на т. н. пришедшие тейпы, которые вынуждены были примкнуть к какому-либо сильному тейпу и стать по отношению к нему в зависимое положение.

Именно поэтому количество завершенных башен в селе, как правило, соответствовало количеству т. н. полноценных тейпов, а наличие рядом с ними незавершенных башен и домов-крепостей без оборонительных башен указывает на довольно четкое деление, имеющее безусловно социальный смысл. К примеру можно было бы указать на селение Эрзи, в котором было девять башен, по числу основных тейпов, почему она у хевсур и называлась цх р а ц и х е — *ḡḡḡḡḡḡ* (девятибашенное). Хотя нам удалось насчитать 14 тейпов, дальнейшие наши исследования показали, что пять из них были образованы позднее в результате развития и превращения гара в самостоятельные тейпы.

Здесь, в связи с вопросом о социальном значении оборонительных сооружений, нельзя не вспомнить справедливое замечание Н. Бердзенишвили, по словам которого оборонительные сооружения отражают не только уровень техническо-

го развития, не только характер наступательного и оборонительного оружия; они не менее четко отражают «... социальные моменты общественного развития. Когда и кому служила эта крепость, чье господство, чью оборону, чье порабощение предполагала она»⁶⁷.

На социальное значение завершенной и незавершенной башни указывалось и в литературе. По сообщению Н. Яковлева «Вся постройка такой башни должна была закончиться непременно в один год. В противном случае, башня так и оставалась неоконченной. Она стоила дорого и боевые башни решались строить, конечно, только зажиточные и воинственные семьи; в дальнейшем башни, также как и родовой могильник, делались неотчуждаемой общей «фамильной» собственностью всех потомков ее владельца-строителя. Только имевший наследственную долю в боевой башне и могильнике считался полноправным свободным ингушем. На неимевших такой доли смотрели как на низших, с ними остерегались заключать браки»⁶⁸. Это сообщение Н. Яковлева находит свое подтверждение в полевых материалах, собранных нами в 1962—1964 гг., хотя конкретный характер социального неравенства, явно выраженный в этом обычае, и нуждается в уточнении, о чем будет сказано ниже.

Чеченские оборонительные башни — б I о в, — оставаясь вместе с ингушскими в пределах одного типа, вместе с тем приобретают некоторые отличительные черты. Эти изменения касаются в первую очередь габаритов и пропорций. Большинство чеченских башен больше ингушских, и это увеличение размеров идет за счет увеличения основания площади и смягчения уклона стен, в результате чего резко изменяется пропорция и башня теряет «изящество». Это со своей стороны привело к общему увеличению жилой и хозяйственной площади, благодаря чему она более широко использовалась под жилье, нежели ингушская башня.

Чеченскую башню строили из различных камней. Стена напр., воздвигалась из рванного камня ч х а р, а для перекрытия и настила употребляли плитняк э к ъ а. Строили, как правило, на известковом растворе — кир (жженная известь), который изготовляли на месте. Строительный камень для кладки стен подвергался более чистой обработке сравнительно

⁶⁷ Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, I, Тб., 1964, 257; 41—42, 88—89 и др. (на груз. яз.).

⁶⁸ Н. Ф. Яковлев. Ингуши..., 90.

с Ингушетией, для чего пользовались различными инструментами: ж I о в, в а́ р з а п и т. д. Обычно приглашали мастера, которому помогали все члены семьи, привлекая ближайших членов тейпа.

Сравнительно полное описание чеченской оборонительной башни с хорошо выполненными иллюстрациями и местными терминами имеется в работе Б. Плечке. Он особое внимание уделяет пирамидальному перекрытию и машикулям, считая последние местом, откуда, при обороне башни выливали жидкость. Оба эти элемента автор признает в качестве особенностей чеченской башни⁶⁹. Вместе с тем он обратил внимание и на то, что при разделе семьи и всего имущества башня остается как общая собственность дочерних семей, как он говорит, в общей собственности всего рода⁷⁰. Это наблюдение Б. Плечке полностью подтверждается полевыми исследованиями в Ингушетии, по которым башня выступает не только как общая собственность тейпы, но и как символ его единства. Т. н. в Хачарое, в упомянутом уже селении Гамхи, проживали два тейпа—Батти-тейпа и Гяри-тейпа. Последних считали за пришлых и по этой причине они не имели ни жилой ни оборонительной башни. Имевшаяся здесь оборонительная башня именовалась Батти-бIов, по имени тейпа, собственность которой она составляла. Этот пример типичен для всей горной Чечни, хотя во многих случаях эти башни уже потеряли свое тейповое название. Этому способствовал процесс замены тейпового поселения территориальным, в результате чего вышеуказанные тейповые башни были превращены в общесельские. Т. о. в отношении форм собственности, распространяемых на башни, мы видим полное сходство между чеченским и ингушским материалом, хотя и в этом случае по степени сохранности более древних форм они дают различные показания.

Неделимость оборонительной башни и ее превращение в тейповую собственность, которая была отмечена в отношении Чечни и Ингушетии, имеет аналогии и в других районах горного Кавказа. В частности, в отношении горной Грузии можно указать на мтиульский этнографический материал, по которому патронимическое образование, именуемое здесь к о м о б а, как правило, имело оборонительную башню в общей собственности. В Хадском ущелье, в частности, в сел. Цкере описана одна такая башня, ныне именуемая башней Квира-

⁶⁹ Die Tschetschenen..., 44 и след.

⁷⁰ Там же, 45.

цховели, которая в свое время составляла собственность всей патронимии и была местом хранения культового инвентаря и отправления патронимического культа. Здесь собирались все члены патронимии Гивиани из фамилии Закаидзе, но в дальнейшем, по мере развития села, башня превратилась в культовую, около которой справляло праздник Квирацховлоба все селение⁷¹. Соответствующий хевсурский материал пока еще не опубликован, поэтому остановимся на нем более подробно. По данным, записанным в сел. Хахмати, здесь проживали Алудаури, которые состояли из шести мамоба — патронимическое объединение соответствующее мтиульскому комоба и чечено-ингушскому гӀар а н в а ь р — в частности Гамгивараулни, Зена, Алексаури, Пшавела, Бичикури и Пераули. Среди вышеуказанных мамоба Бичикури считались «пришлыми» и по существовавшим и здесь обычаям им не дали права строить свою оборонительную башню. Пшавели появились, говорит предание, позже Бичикури, почему и они остались без башни. Остальные мамоба, считавшиеся «коренными», располагали своими оборонительными башнями и местное население называло каждую из них по патронимическому наименованию — Гивиант (Гамгивиант)-цихе, Алексаурт-цихе, Зенат-цихе и Пераулт-цихе⁷².

Аналогичное положение зафиксировано и в других районах горной Грузии — в Хеви и Тушети. Видимо, это было явлением общим для горцев Восточной Грузии.

Органическая связь между чеченскими и ингушскими башнями подчеркивается вышеуказанным социальным аспектом, который был характерным и для чеченских оборонительных башен. Это значение чеченских оборонительных башен было замечено еще Б. Плечке⁷³; подтверждается оно и материалами последующих экспедиций. Видимо это было общекавказским явлением, характерным не только для чеченцев и ингушей, не только для горцев Грузии. Например, В. Багратиони, касаясь общественного быта осетин, пишет: «Но если ове или двал возвысится или разбогатеет, то он или женится на двух, трех женах или строит башню, или убивает человека, и, если кровомститель одолеет его, он запирается в свою башню и не выходит из нее до смерти»⁷⁴. В наше вре-

⁷¹ Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом, 31.

⁷² А. И. Робакидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1965, тетр. № 3, 15—20.

⁷³ Die Tschetschenen..., 45.

⁷⁴ Вахушти Багратиони. География Грузии, 149.

мя в отношении тех же осетин Г. Кокиев отмечает следующее: «Боевые башни в жизни осетин играли исключительно важную роль. Состоятельность и общественный вес того или иного осетинского рода измерялись наличием боевой башни, павозника, мельницы и родового склепа... В Ингушии с неимеющим боевых башен тоже не принято было заключать браки»⁷⁵. Это не мешает однако автору вышеуказанные башни считать «атрибутами родового строя», а наличие таких привилегий объяснять уровнем в правах некоторых осетинских фамилий с русскими дворянами, осуществленным царской Россией⁷⁶. Квалификация ингушских башен в качестве атрибутов родового строя также широко была распространена. Так думали об ингушской башне Н. Харузин⁷⁷, Н. Яковлев⁷⁸, Г. Кокиев⁷⁹ и многие другие.

Вышеприведенные данные о социальной значимости чечено-ингушской башни говорит о том, что нельзя считать ее сооружением специфическим для родового строя; она соответствует более высокому уровню общественно-экономического развития, характеризующемуся наличием совершенно определенной социальной дифференциации.

При сопоставлении чеченского башни с ингушским башней большинство исследователей подчеркивает, что, несмотря на их однотипность, между ними имеются и некоторые различия. Это касается главным образом архитектурных форм вышеуказанных оборонительных сооружений. В хозяйственном отношении они не содержат каких-либо различий, но в части, касающейся социальной функции, наблюдаются некоторые расхождения, имеющие определенное значение.

При рассмотрении ингушских башен было отмечено, что в Ингушетии общесельские оборонительные башни не имели распространения.

В Чечне общесельские оборонительные башни были обычным явлением. Помимо того здесь были распространены оборонительные сооружения общесельского значения и более крупного масштаба. За исключением тех случаев, когда тейповые башни, по мере утраты тейпами их бывшего значения и

⁷⁵ Г. А. Кокиев. Боевые башни..., 222.

⁷⁶ Там же 229—230.

⁷⁷ Н. Н. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей, 118.

⁷⁸ И. Я. Яковлев. Ингуши, 75—76.

⁷⁹ Г. А. Кокиев. Боевые башни..., 223.

укрепления территориальных связей, приобретали значение общесельских сторожевых и оборонительных сооружений, как это и было в Шарое, Гухое и других местах Чечни, имело место строительство специальных башен, с начала же предназначенных для целей обороны всего села. К таковым по первому впечатлению относится напр., Ушкулойская башня. В настоящее время она стоит на правом берегу реки, в теснине Аргуна, образованной выступами скалы. Спinoй башня упирается в скалу, которая служит ей в качестве одной из стен, а фасад ее, можно сказать, оmyвается волнами и в этом месте довольно бурной реки. К башне подходит лишь узкая тропа, проложенная между скалой и рекой. Вблизи этой башни нет каких-либо видимых следов жилища, нет и удобной для обработки земли. По материалам X. Д. Ошаева до построения шоссейной дороги к Итум-кала тропа в этом месте шла сначала по левому берегу Аргуна. Около башни был перекинут на правый берег мостик. Тропа пролежала у основания башни. Около второй башни был перекинут второй мост и путник опять переходил на левый берег. За пользование мостами владельцы башен брали с путников дань: пулю, заряд пороха, руно шерсти и т. д.

О существовании в Чечне оборонительных и сторожевых башен общесельского значения имеются сообщения и в литературе. Башня, подобная Ушкулойской, существовала и в ущелье р. Аккхи. По словам М. Иванова «у самого входа в него на высоком каменистом утесе в устье бокового оврага, разрывающего склоны главной долины, гордо высится башня, очень красивой архитектуры, известная под названием Мозыр-юрт»⁸⁰. Аналогичная башня стояла и на противоположной стороне реки. По словам Н. С. Иваненкова существовали и наблюдательные башни, имеющие вверху «... одну маленькую дверь и перед ней площадку из плиты песчаника, служившую для зажигания сигнального огня из дров»⁸¹.

Многочисленные предания о том, что в подобных башнях селение выставляло по четыре сторожа с различных семей и по очереди, еще раз указывает на утерю тейпами значения

⁸⁰ М. А. Иванов. Верховья р. Гехи, ИКОРГО, XV, Т., 1902, 283—285.

⁸¹ Н. С. Иваненков. Горные чеченцы, 152.

родственных организаций и замену их связями территориального характера. Это говорит о больших социальных изменениях, происшедших в общественной жизни горных чеченцев в период строительства общесельских оборонительных сооружений, об ослаблении родственных связей и замене их территориальными.

Таким образом чеченская и ингушская башни представляют собой по существу однотипные сооружения оборонительного характера, которые по ряду основных черт — перекрытие, машикули, многэтажность, назначение отдельных этажей и т. д. — аналогизируются с оборонительными башнями горцев Восточной Грузии (хевсуры, туши, мтиулы, мохевцы). Принимая во внимание наличие склепов со ступенчато-пирамидальным перекрытием, почти полностью повторяющим перекрытие чечено-ингушских башен, и в других районах горного Кавказа, а особенно в Осетии, мы можем констатировать, что вышеуказанная чечено-ингушская оборонительная башня входит в точно очерчиваемый круг распространения общекавказских элементов культуры, составляя один из важнейших ингредиентов башенной архитектуры горного Кавказа, представленной различными локальными вариантами, в частности чеченским, ингушским, тушинским, хевсурским, осетинским и т. д.

Это однако не исключает наличия некоторых различий между собственно чеченскими и ингушскими оборонительными башнями как в области архитектурных форм, так и в области социальной природы этого типа оборонительных сооружений. Среди этих различий важнейшее значение имеет наличие в Чечне общесельских оборонительных и сторожевых сооружений, что указывает на более высокий уровень общественного развития.

Чеченская башня, как автономная оборонительная единица, независимая от жилого комплекса семьи и имеющая общесельское значение, видимо, явление сравнительно позднее. И в качестве органической части жилого комплекса, по сравнению с жилой башней, оборонительная появилась тоже позднее. По справедливому замечанию Л. Семенова, касающегося ингушского жилого комплекса, «Более древними, по нашим наблю-

дениям, следует считать жилые башни; по кладке и общей композиции они несравненно примитивнее боевых»⁸². Это положение полностью можно распространить и на чеченскую башню. Аналогичное соотношение, по времени появления, между жилыми и оборонительными башнями, хорошо прослеживается и по горно-грузинскому этнографическому материалу, в частности, по сванскому⁸³ и мтиульскому⁸⁴. Видимо, мы и здесь имеем определенную закономерность в процессе развития жилых комплексов народов горного Кавказа, по которой появление жилых башен во времени предшествует боевым башням, лишь после определенного периода пристраиваемым к жилым.

В результате складывается комплекс сооружений, основными компонентами которого являются жилая и оборонительная башня. Значительная часть чечено-ингушских жилых комплексов представлена именно в этом виде. Оборонительная башня либо непосредственно примыкает к жилой, как это наблюдается в жилом комплексе Кушти-тейпа из сел. Дохоргешт (рис. 24), либо находится от нее на незначительном расстоянии, почти во всех случаях, предполагая возможность непосредственного общения между жилой и оборонительной башней. Аналогичным этому является сванский жилой комплекс, состоящий также из жилой и оборонительной башен, соединенных переходом (рис. 23)⁸⁵. Также близким к чечено-ингушскому, и по своим внешним признакам и по распределению различных помещений, по нашему мнению, является мтиульский жилой комплекс, принадлежавший Надираани и описанный в сел. Арахвети Арагвского ущелья (рис. 26)⁸⁶.

⁸² Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания... 32.

⁸³ Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Сванское село в прошлом, 24.

⁸⁴ Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом, 29 и след.

⁸⁵ Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Сванское село в прошлом, таб. III, V, таб. XXIV, рис. 1, 2, 3, 4, 5.

⁸⁶ Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом, рис. 44, 45, 46.

В процессе дальнейшего развития спаренные жилая и оборонительная башни обносятся оградой, что превращает весь комплекс в серьезное фортификационное сооружение. В нахских языках этот комплекс именуется *гIап*, однако в ингушском, особенно среди населения Армхинского ущелья, он известен и под наименованием *галан*, который сближается с осет. *галуан* и груз. *галавани* в том же значении⁸⁷.

Формирование подобного комплекса начинается с появления между жилой и оборонительной башнями соединяющей их стены со стороны наиболее вероятного нападения внешнего врага. Примером этому может служить один комплекс из сел. Эгикал, который, так же как и несколько других подобных комплексов, обращен к востоку, в сторону верховий *ГIалгIай-чIожI*, где находился перевал, ведущий в Армхинское ущелье (рис. 20). В дальнейшем соединяющая две башни стена перерастает в оборонительную стену, которой обносится вся территория жилого комплекса.

В Ингушетии сложный оборонительный комплекс *гIап* представлен в сравнительно более сохранной форме. Сопоставление наиболее типичных из них, в частности, комплекса из сел. сел. Лежг (рис. 38), Джайрах (рис. рис. 14, 15), Хени (рис. 19), а также Эгикал (рис. 20) говорит о том, что эта форма поселения и по Армхинскому ущелью и по Ассинскому, включая сюда и комплексы из боковых ущелий, однотипна и каких-либо существенных колебаний форм не содержит.

С переходом в Чечню картина несколько меняется. Вышеуказанные комплексы приобретают более монументальный характер. В частности в Аргунском ущельи вышеуказанные памятники материальной культуры описаны Майрбеком Халидовичем Ошаевым. В наиболее сохранившемся виде чеченский *гIап* описан им в 1964 году в Тёрлое в селениях Никорой и

⁸⁷ В. И. Абаев. ИЭСОЯ, I, М.-Л., 1958, 507. *ГIап* возможно имеет отношение к азербайджанскому *гапы* в значении «ворота». (Дербент-Демиргапы). Не совсем точно определяет *галуани* Н. Н. Харузин (см. По горам Северного Кавказа, ВЕ, 1888, т. 5, № 9, 497).

Моцлорой. В Шаро-Аргунском ущелье эти комплексы претерпевают более существенное изменение — здесь они имеют завершенные формы типа раннефеодальных крепостных сооружений.

Среди данной серии памятников материальной культуры особое место занимают Баулойские, в частности, жилой комплекс Келоевых в сел. Ушни. С последним мы знакомы по публикации Н. С. Иваненкова, которому принадлежит и попытка реконструкции недостающих частей. Автор это сооружение называет «двор-крепость». По его словам «Двор» представляет из себя квадрат 18×18 аршин, обнесенный каменной стеной в 8 аршин вышины. По трем углам стены были башни, из них одна и сейчас цела, и в ней внизу живет Муса, другие две наполовину обвалились и разобраны — нижние этажи служат сараями»⁸⁸.

Независимо от той оценки, которая будет дана реконструкции Н. С. Иваненкова, та часть комплекса, которая в период ее фиксации вышеуказанным автором все еще продолжала существовать, дает довольно наглядное представление об этом памятнике в целом. Мы сейчас не располагаем широким сравнительным материалом для соответствующих выводов в масштабе всего горного Кавказа, однако можем привести параллельные данные из быта горцев Грузии, дающие возможность сопоставления. Имеется в виду, в первую очередь, мтиульский этнографический материал, касающийся укрепления Шивиани в сел. Млета⁸⁹. Наличие трех башен, размещенных по трем углам неправильного треугольника, образуемого высокой оградой, размер всей площади, а также форма и габариты башен, говорит в пользу сходства между ними, хотя ступенчато-пирамидальное перекрытие чеченского комплекса и не имеет здесь аналогии (рис. 2).

Крупные оборонительные комплексы описаны и в других горных районах Чечни. По сообщению М. А. Иванова «На поляне Мешт имеется группа старинных башен; пять из них,

⁸⁸ Н. С. Иваненков. Горные чеченцы, 152, таб. IX.

⁸⁹ Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом, рис. 54, 55, 56.

служившие жилищами, трёхэтажные и одна сторожевая — в шесть этажей. Верхние бойницы ее отвалились. Все постройки группированы так, что образуют в некотором роде цитадель с сторожевой башней в углу»⁹⁰.

Н. К. Зейдлиц говорит о дер. Кей, «замечательной своей крепостью с высокой башней»⁹¹. Описывая жилище состоятельного чеченца, К. Ф. Ган замечает: «Хотя у него обширный, хорошо сохранившийся замок, с высокими стенами, но он не называет себя князем»⁹².

Дальнейшее развитие этого типа жилого комплекса приводит к образованию цитадели в полном смысле этого слова, примером чему может служить описанное нами в Чеберлое, в сел. Кезеной крепостное сооружение с несколькими оборонительными линиями в виде высоких, плотных стен (рис. 29), а также комплекс из сел. Макажой в том же ущельи (рис. 28).

Во всех формах чечено-ингушского жилого комплекса (за исключением, конечно, простейшего жилища цIа) основным элементом является оборонительная башня.

В Чечне, так же как и в Ингушетии, бытовало несколько разновидностей башни. Первая попытка классификации чеченских оборонительных башен принадлежит Б. Плечке, который различает три ее формы. В первую группу он вносит узкие башни с своеобразным перекрытием (*vergündete Wehrtürme mit der eigenartigen Dachkonstruktion*), которые Мерцбахер в свое время назвал пирамидально-ступенчатым (*pyramidalgestuft*). Опираясь на свой материал и литературные источники, Б. Плечке определяет границы распространения башен данного типа, внутри которых оказываются Чечня, Ингушетия, Хевсурети, Тушети, Мтиулет. Имея в виду Мтиулет, автор опирается на Дюбуа де Монпере (с ссылкой на Ф. Баумхауера), который в данном случае имел в виду Ананурскую башню. Во вторую группу внесены короткие и невзрач-

⁹⁰ М. А. Иванов. В горах между р.р. Фортангой и Аргуном, 44.

⁹¹ Н. К. Зейдлиц. Поездка в Чечню..., 152.

⁹² К. Ф. Ган. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей, 66.

ные (plumperal) башни с плоским перекрытием, имеющие, по словам автора, сравнительно меньшую территорию распространения, в частности, помимо Чечни и Ингушетии, лишь Осетию. Третью группу составляют башни, подобные башням первой группы, но имеющие не ступенчато-пирамидальное перекрытие, а плоское и с четырьмя зубцами по углам⁹³.

Как видно эта классификация в основных чертах совпадает с классификацией ингушских башен, разработанной Л. Семеновым и И. Шеблыкиным.

Основным недостатком данной классификации является то обстоятельство, что в основу берется такой показатель как перекрытие, в то время как подобная система перекрытия, широко распространенная в других горных районах Кавказа и хорошо известная, в частности, по культовым памятникам, не принимается во внимание. Дальнейшее комплексное изучение памятников материальной культуры народов горного Кавказа поможет внести больше ясности в этот вопрос.

Социальная значимость боевой башни придает особое значение вопросу ареала распространения и датировки их.

Ареал распространения чечено-ингушских башен с ступенчато-пирамидальным перекрытием строго локализован. Как оборонительное сооружение оно помимо Чечни и Ингушетии распространено также в Тушети⁹⁴ (рис. 32) и Хевсурети⁹⁵ (рис. 33). Одна такая башня находится и в Мтиулет, в частности в Ананурском комплексе⁹⁶ (рис. 35). Эта башня, так же как и маленькая пристройка с пирамидальным перекрытием, имеющаяся в Хеви, видимо позднейшего происхождения. Сооружения с подобным перекрытием имеются и в Пшави. В виде склепа оно широко распространено в Осети и других районах Кавказа.

По интенсивности распространения и завершенности архи-

⁹³ Die Tschetschenen..., 67.

⁹⁴ С. И. Макалатиа. Тушети, 119 и след.; Его же. Боевые и оборонительные постройки в нагорной Грузии, рис. 20.

⁹⁵ С. И. Макалатиа. Боевые и оборонительные постройки в нагорной Грузии, рис. 22.

⁹⁶ Н. П. Закарая. Архитектурный ансамбль Ананури, Тб., 1953, 21 и след. Там же план и разрез башни (на груз. яз.).

тектурных форм во всей Чечено-Ингушетии выделяется Ассинское ущелье. Возможно треугольник, образуемый селениями Эгикал, Хамхи, Таргим и действительно было местом, где оборонительная башня со ступенчато-пирамидальным перекрытием получила наивысшее развитие.

Вопрос о происхождении кавказской башенной культуры вообще и в частности башни со ступенчато-пирамидальным перекрытием подвергнут специальному исследованию в работе Б. Плечке. Горнокавказские боевые башни Б. Плечке делит на четыре группы: 1. Башни со ступенчато-пирамидальным перекрытием, 2. Башни с плоским перекрытием, при чем местом распространения первой группы он считает области, лежащие к востоку от Военно-Грузинской дороги, т. е. Чечню, Ингушетию, Тушети и Хевсурети. В частности Чечню и Ингушетию автор, в смысле распространенности этих башен, считает «замкнутым единством» (*geschlossene Einheit*)⁹⁷.

Местом распространения второй группы автором названа Осетия.

Третью группу горнокавказских башен, по Б. Плечке, составляют сванские оборонительные башни, а четвертую — дагестанские. Затем автор обращается к исторической этнографии и сопоставляет эти башни с колхскими башенными сооружениями, описанными Ксенофонтom и Витрувием, пытаясь установить генетическую связь с аналогичными памятниками Передней Азии. Однако от окончательного вывода автор воздерживается до привлечения более обширного сравнительного материала⁹⁸.

В связи с вопросом о происхождении той или иной разновидности кавказских оборонительных башен нередко приводят материалы, касающиеся строителей этих башен. Высказаны различные предположения. Напр., У. Лаудаев, приписывая строительство башен в Чечне грузинам, пишет: «Так, грузины, владея приаргунским краем, оставили в нем памятники своего пребывания в различных башнях, существующих и

⁹⁷. Die Tschetschenen, 69.

⁹⁸. Там же, 73-74.

6. Кавказский этнографический сборник

ныне»⁹⁹. В другом месте он более осторожно говорит: «Весьма вероятно, что башни в горах — грузинской постройки»¹⁰⁰. По многочисленным преданиям, записанным и опубликованным в различное время, постройка этих башен приписывается помимо грузин, осетинам, грекам и т. д. Одно время бытовало мнение о том, якобы чеченцы и ингуши вообще не способны строить такие сооружения. Так, напр., Е. Максимов и Г. Вертепов об этих башнях писали: «Создать могли их только народы, несравненно более культурные, чем чеченцы»¹⁰¹. А по материалам, записанным С. И. Макалатия в Хевсурети, местные жители для строительства башен приглашали кистов¹⁰². В другом месте он пишет, что «хевсуры, также как и туши, строительство этих башен приписывают кистам»¹⁰³. Но вместе с тем автор там-же сообщает, что «и кисты строителями своих пирамидальных башен считают грузин»¹⁰⁴. Видимо ни кисты, ни хевсуры, не придавали принципиального значения вопросу о приоритете, охотно уступая эту честь друг другу. Да и по существу навряд ли предания о том, кто построил ту или иную башню, могут служить достаточным доводом для решения вопроса о происхождении этих башен.

Последнее время вопросу о происхождении чечено-ингушских оборонительных башен со ступенчато-пирамидальным перекрытием специальную главу посвятил Н. П. Закарая в своем исследовании, посвященном архитектурному ансамблю в Ананури¹⁰⁵. Автор дает подробную характеристику означенной башни, сопоставляет ее с чечено-ингушскими башнями, критически рассматривает высказанные по данному вопросу мнения и приходит к выводу, что данный тип башни имеет грузинское происхождение. В основу этого утверждения

⁹⁹ У. Лаудаев. Чеченское племя, ССКГ, VI, 1872, 16.

¹⁰⁰ Там же, 41.

¹⁰¹ Е. Максимов и Г. Вертепов. Туземцы Северного Кавказа, Влад., 1892, 18.

¹⁰² С. И. Макалатия. Хевсурети, 117.

¹⁰³ Там же, 122.

¹⁰⁴ Там же, 122—123.

¹⁰⁵ Н. П. Закарая. Архитектурный ансамбль Ананури. 21 и след.

положены данные, указывающие на сходство между ананурской и чечено-ингушскими башнями и факт культурного влияния Грузии на Чечню и Ингушетию.

Наличие сходства между вышеуказанными оборонительными башнями в настоящее время не вызывает сомнения. Данные нашей экспедиции полностью подтвердили ранее высказанное мнение об этом. Основу этого сходства, как указывалось, составляет ступенчато-пирамидальное перекрытие, которое и по форме и по материалу и по технике строительства полностью идентично. То же самое можно сказать и относительно машикулей, и также формы корпуса башни, который характеризуется довольно резким сужением снизу вверх. Забученность первого этажа и назначение каждого из последующих, способ межэтажных перекрытий и средства сообщения между ними также подтверждают это сходство.

Вышеуказанное сходство подчеркивается терминологией, касающейся как техники строительства башни, так и ее отдельных элементов. В. И. Абаев напр., сопоставляет чечено-ингушское к I и р с грузинским к и р в значении извести, чечено-ингушское х е р х с грузинским х е р х и в значении пилы, чеченский х е н с грузинским х е в значении дерева, ингушское т х о в с грузинским т х в и м (та в и) в значении головы и т. д.¹⁰⁶ На интересные грузино-нахские параллели в этой области деятельности указывает и А. Генко, по словам которого «Одна из конструктивных деталей военных башен, т. н. машикули, защитный балкончик, носит название *čherx*, грузинского же происхождения (< груз. диалект. ჯერხ, в хевсурском ზეთვალის სახლის, буквально, 'верхний глаз дома', верхний этаж двухэтажного хевсурского дома), ингушск. к h o г 'окно' связано, быть может с грузинским ქობო (соотв. 'этаж', ქობედი 'потолок', resp. ქობეთი, рачинский

¹⁰⁶ В. И. Абаев. Осетино-вейнахские лексические параллели. ИЧИНИИИЯЛ, т. I, в. II, Грозный, 1959, 115—117. Существует мнение, согласно которому т х о в можно увязать с чеч. т х а в значении «шерсть», считая, что «когда-то нахи свое жилье — шалаш (или кибитку) сверху накрывали войлоком (как казахи свою кибитку)» см. А. А. С а л а м о в, Отзыв 7.

диалект). В этой же связи стоят: ингушск. *čhog* (æ) 'жердь, потолочная балка' (груз. ჯგო)“. ¹⁰⁷

Материалами нашей экспедиции подтверждается общность груз.-инг. *ч а р д а х* и *ч а р х*, в значении соответственно «машикули» и «ворот для поднятия тяжестей».

Вышеуказанные лексические параллели, при наличии сходства по линии архитектурных форм, техники строительства и порядка использования площади, является важнейшим источником для выявления и изучения грузино-нахских культурных взаимоотношений.

Сходство между памятниками материальной культуры горцев Грузии и нахов давно привлекает внимание исследователей. Это положение развито, в частности, Л. П. Семеновым, по словам которого «Ингушские боевые башни очень сходны с чеченскими и хевсурскими, отчасти с осетинскими»¹⁰⁸. Е. И. Крупнов ингушские башни считает «сугубо индивидуальной особенностью» ингушей¹⁰⁹. Так же думаем и мы

Нынешнее состояние изученности боевых башен со ступенчато-пирамидальным перекрытием дает основание говорить о том, что эти памятники материальной культуры являются результатом высокоразвитого зодчества народов Кавказа, в основе которого лежали местные традиции, корнями уходящие в глубокую древность. Вместе с тем становится несомненным, что, как по уровню развития строительного искусства, так и по характеру использования оборонительных комплексов, основой которых являлась оборонительная башня, она соответствует развитым формам социальной жизни. Этнографический материал, касающийся данных комплексов, указывает на наличие определенной дифференциации, хотя юридически и не фиксированной, но имеющей характер сословного деления.

Как указано в главе, посвященной вопросам социальных взаимоотношений, в частности вопросу о роли этих башен

¹⁰⁷ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, 739—740.

¹⁰⁸ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания, 54.

¹⁰⁹ Е. И. Крупнов. К истории Ингушии, ВДИ, 1939, № 2, 85.

в развитии зависимых отношений, они служили интересам феодализирующейся верхушки, которая формировалась в процессе расслоения свободных общинников.

В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос датировки этих памятников. Литература, посвященная этому вопросу, основательно проанализирована В. Марковым и здесь нет необходимости еще раз останавливаться на ней¹¹⁰. Большинство авторов разделяет мнение В. И. Крупнова о том, что наиболее ранние из этих памятников датируются XII—XIII вв., а наиболее поздние XVII—XVIII вв.¹¹¹.

Это дает основание предполагать начало процесса возникновения раннефеодальных отношений к периоду формирования вышеуказанных памятников материальной культуры, в частности, оборонительной башни.

*

* *

Определяющим фактором в процессе формирования поселения является не географическая среда, как это представлено в трудах некоторых зарубежных авторов, а уровень развития производственных отношений, причем поселения нередко переживают различные ступени общественно-экономического развития, каждая из которых оставляет свой след. У народов горного Кавказа, в результате наличия сходных естественно-исторических условий, складывались поселения, имеющие много общих черт. Это дает возможность изучить важнейшие элементы материальной культуры в общекавказском масштабе, выявить новые данные в области культурно-исторических связей между народами Кавказа, использовать этот материал для освещения вопросов возникновения и развития некоторых форм материальной культуры в общегеографическом аспекте.

Одним из характерных явлений вышеуказанного культурно-исторического региона надо считать горно-ингушское

¹¹⁰ В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна, ДЧИ, М., 1963, 269 и след.

¹¹¹ Е. И. Крупнов. К истории Ингушии, 82.

село, при описании которого, в силу названных обстоятельств, основное внимание будет уделено чертам общим для народов горного Кавказа.

Территория горной Ингушетии представляет собой длинный коридор, расположенный между Передовым и Скалистым хребтами Кавказа, идущими почти параллельно Главному хребту. Средняя высота Переднего хребта приближается к 4000 м. н. у. м., местами достигая 5000 м. Средняя высота Скалистого не превышает 3000 м.

Длина коридора, населенного горными ингушами, исчисляется в 50 км, а его ширина в 10 км. Западная оконечность вышеочерченной территории имеет свободный выход к ущелью р. Терек, а восточная упирается в Чечню. Местами этот коридор перегорожен боковыми отрогами Передового и Скалистого хребтов, образующими котловины, которые соединяются перевалами. Один из перевалов — Кори-Дук (ок. 1900 м) с верховьев р. Армхи ведет в Ассинское ущелье, другой — Коджар-Дагешт (ок. 1800 м) лежит между Ассой и Цори, а перевал Кумарил (2300 м) сообщается с Чечней.

Основные речные магистрали горной Ингушетии — Армхи со своими притоками, Гер-чЮж, Асса, имеющая характер широко разветвленный речной системы.

Для горной Ингушетии характерна ярко выраженная вертикальная зональность: пашни и поселения расположены в пределах 200—1500 м, сенокосные угодия и весенне-осенние пастбища на высоте 1500—2000 м, а летние — в границах 2000—3000 м. Наивысшим летним пастбищем в ущелье р. Армхи является «Столовая гора» (3060 м) и Шон-чЮж (4300 м).

Значительная часть поселений расположена выше 1000 м. К таким селам относятся Фуртоуг (1115 м), Ольгет (1230), Эгикал (1250 м), Хули и Салги (1600 м), Цори (1790 м).

Принципу вертикальной зональности подчиняется и расположение земельных угодий. По наблюдениям В. П. Христиановича «Нижележащая зона продуцирует молочные продукты. Вышележащая предназначена для выращивания мо-

лодняка, крупного рогатого скота и, наконец, самая высокая зона продуцирует «скот»¹¹².

Горноингушские села, как правило, ориентированы по ущелью, именуемому здесь чЮж, В. П. Христианович считает, что соответствием инг. чЮж является «котловина». Однако топографические особенности чЮж и порядок использования данной территории для образования поселения дает основание в качестве русского эквивалента инг. чЮж считать не котловину, а ущелье. В этом смысле вышеуказанный ингушский термин по своему значению полностью соответствует груз. хеви, св. абуа:сд, абх. аапста, осет. ком, балк.—карач. аузу и т. д. По своему же первоначальному значению инг. чЮж выражает понятие «рот»¹¹³. В виду расположения ингушских сел главным образом по речным магистралям, определенное значение приобретает и нахское обозначение реки — хи, которое В. И. Абаев сопоставляет с грузинским хеви в значении ущелья¹¹⁴. После соответствующего лингвистического подтверждения возможно в этом же ряду окажутся и некоторые другие кавказские термины, обозначающие ущелье, в частности хундз. хал, дид. эху, в котором начальное э является показателем класса, а также каб. -черк. къуэ.

С точки зрения удобств поселения, различали тепевую сторону ущелья—хъовхъе, от его солнечной стороны—церахъе.

Значение этого фактора в процессе образования поселения горцев Кавказа хорошо прослеживается и по наименованию многих сел, в частности, Чирдили в Хевсурети, Шгед в Сванети, Чегет в Балкарии, а также ЦаготекIау в Осетии, при чем три последних случая дают основание предполагать общую у них основу.

Группа сел, расположенных по отдельным ущельям, пред-

¹¹² В. П. Христианович. Горная Ингушия, 92.

¹¹³ За это интересное сообщение приношу большую благодарность Тинати Гониашили.

¹¹⁴ В. И. Абаев. Осетино-вейнахские лексические параллели. 117.

ставляла в свое время объединение сельско-общинного типа. Общность покоилась на совместной эксплуатации лесов, горных пастбищ и некоторых сенокосов, а также на общих интересах обороны. Устройство дорог и мостов на своей территории, уход за общинным святилищем, пабеги на соседние общины и т. д. составляли немаловажные черты этой общности. Однако, видимо задолго до крестьянской реформы, с распадом сельско-общинного единства, основной единицей поселения стало село, а вышеуказанные группы сел, именуемые в последующем «обществами», либо, на местном языке п е т ъ и ш а х а р, приобрели значение административных единиц.

Каждая группа сел, расположенная по отдельным ущельям, имела свое собственное наименование, в большинстве случаев, образуемое из наименования реки//ущелья или селения и суффикса атрибутивности х о й//-о й. Таковы. Джаирхой, Хамхой, Хулхой в Ингушетии и Аккихой, Чаптхой, Мартанхой в Чечне.

Населенный пункт в пахских языках обозначался различными терминами — ю р т, э в л а, к х а ъ л л а и т. д. Однако ни один из них не признан за местный термин. Лишь в отношении последнего имеется попытка И. М. Саидова увязать его с наименованием места стоянки скота к х и й (инг.), к х ё (чеч.). Ранее предполагаемая связь нах. к х а ъ л л а с тюрк. к І а л а, в значении укрепленного места, в данном случае отвергается ссылкой на наличие ряда топонимов, включающих кхаьлла для таких населенных пунктов, для которых укрепления не являются характерными. В качестве примеров для такого рода наименований населенных пунктов указываются Гучуц — к х а ъ л л а, Г І а ч а-к х а ъ л л а, Ак-к х а ъ л л а и т. д.

А. А. Саламов эту часть топонима — кхаьлла — увязывает с наименованием навоза — к х е л л и й (чеч.), к х е л л (инг.), принявшим значение «унавоженная пашня». «Все аулы, в наименовании которых имеется вторым компонентом к имени владельца пашни термин кхелла или кхелл, по словам А. А. Саламова, без исключения находятся в горной местности»¹¹⁵.

¹¹⁵ А. А. Саламов. Отзыв, 8.

Параллельно с вышеуказанными терминами, обозначающими населенный пункт, в нахских языках употреблялся термин пхъа (инг. чечен.) и пхъе (бацб.). В новейших словарях в качестве чеченского соответствия термина аул указывается пхъа¹¹⁶. Наличие таких топонимов, как Эль-Пхъа, Пхъа-Меттой, Пхъа-Коче, Цай-Пхъеда, Пхъа-линг, НакIари-Пхъеда и т. п., говорят в пользу такого понимания термина пхъе. Если этот термин действительно местный, он может привлечь внимание возможностью увязать его с нахским наименованием сельской площади пхъегIа (инг.), пхъоьха (чеч.). И в фонетическом и в семантическом отношениях он полностью соответствует грузинскому (хевсурскому), сапехно (საფეხნო). Но дело не только в этом. С. Н. Джанашиа, в свое время, выставил обоснованное положение о возможной связи грузинского (сванского) наименования сельской площади свипh (სვიფი) с термином, обозначающим в груз. село — сопели (სოფელი). Эти два наименования населенного пункта С. Н. Джанашиа справедливо считает отражением двух различных ступеней в развитии населенного пункта, среди которых первый соответствует доклассовому обществу, а второй классовому¹¹⁷. Наличие подобных фактов в кавказских языках дает возможность поставить вопрос: не имеем ли мы и в этом случае аналогичное явление? Связь груз. сопели с термином, обозначающим понятия «собственность» и «владение» делает чрезвычайно интересным исследование терминов пхъегIа—пхъоьха в этом отношении.

Отдельный квартал села в нахских языках именуется юкъ и куп, а выселки—кIотар. Этот термин также имеет параллели в других кавказских языках, в частности, он очевидно имеет отношение к абх. а-сáфа, в котором он означает «село», «город», «деревня». Н. Я. Марр это, по его выражению «абхазское слово скифского происхождения»¹¹⁸, считает термином «имеющим отношение к праву собственности» и ана-

¹¹⁶ Чечено-русский словарь, М., 1961, на слово пхъа.

¹¹⁷ С. Н. Джанашиа. Труды, I, Тб., 1949, 286 (на груз. яз.).

¹¹⁸ Н. Я. Марр. И. Р., V, М.-Л., 1935, 158.

логизирует его с груз. «мквидри» с основной kwd, kwid, ku-d¹¹⁹. В этой же связи он рассматривает груз. с а-ку т h-а р-и в значении «собственный»¹²⁰.

Образование названий отдельных сел, кварталов, выселков происходило по разному. В большинстве случаев села именовались по имени действительного или предполагаемого первоначальника—Таргим, Хамхи, Эгикал (инг.), Итум-кхалла, Узмат-мохк (чеч.) и т. д. Нередко села называются по имени основоположника патронимии—ХилхИи-оул, Шоршоул, Шакки-оул. Эти примеры взяты из Шароя, где указанные пункты были населены соответствующими патронимиями—ХилхИи-гār, Шоршо-гār, Шакки-гār. В случаях, когда село имеет много жилых и оборонительных башен, иногда в основе названия такого села, кладется термин, обозначающий башню—Бювнашка (инг.), Бюв, Бювлой, КирдБюв, АтимБюв (чеч.). Имеются случаи наименования населенного пункта в зависимости от географических особенностей расположения села, напр., ДукьIарой (живущие по хребту), Басахой (живущие на склоне), Навхорой (живущие по теневой стороне) и т. д.

Отдельные топонимы дают основание предполагать их связь с термином, обозначающим определенную социальную прослойку, напр., Лешк и Лейми, которые сопоставляются с нахским наименованием зависимого сословия л а й // л е й¹²¹. Топоним Ялхой-мохк, возможно также указывает на наличие прослойки «платящей дань».

Кварталы, села, следуя общему правилу, имевшему повсеместное распространение, именовались верхними — м а г I а р а, нижними — э г I а р а, по ингушски, а по чеченски — л а к х е р и л о х е р.

Большинство ингушских сел в горах действительно малочисленно, что неоднократно отмечалось в литературе. Н.

¹¹⁹ Н. Я. Марр. И. Р., III, М.-Л., 1934, 190.

¹²⁰ Там же, 190—191.

¹²¹ О нахских топонимах с окончанием шк см. К. З. Чокаев. Суффиксальное образование топонимических названий в вейнахских языках, Сборник статей, Грозный, 1964, 58 и след.

Грабовский, например, писал: «...две-три каменных постройки, вмещающих в себе несколько семейств, составляют горский аул»¹²². Однако имелись и большие села, насчитывавшие несколько десятков дымов. Таковы в Ингушетии в первую очередь Джайрах, Эрзи, Эгикал и Цори.

Только в Эрзи, как об этом подробно будет сказано ниже, в последнее время существовали 14 тейпа, каждая из которых включала в среднем 3—4 семейства.

В Чечне сельские общины имели более сложный характер. Одна из крупных общин Аргунского ущелья, напр., Хачаровская община, состояла из 16 населенных пунктов. Некоторые из них состояли из 3—4 дымов, но были и такие, численность которых превышала 60 дымов. В Гамхое числилось до 100 дымов, а в Атимбюв свыше 200. Более обширную территорию занимала Шаровская община. Она объединяла свыше 25 населенных пунктов, среди которых собственно Шарой, ставший впоследствии районным центром, насчитывал около 300 дымов.

Села, как правило, располагались по трудно доступным местам, в результате чего они, в большинстве случаев, имели террасообразный вид. Таковым рисует нам предание село Кербит, которое в настоящее время представляет собой развалины. В дальнейшем происходило выселение из Кербита на отроги той же горы, в результате чего образовалось село Эрзи. Последним этапом в истории развития этого села является Ольгет, расположенный уже в долине р. Армхи, вдоль его берегов. Процесс постепенного смещения населения высокогорных районов Кавказа с гребней в долины наиболее интенсивный характер принимает после завершения присоединения Кавказа к России и прекращения межобщинных распрей.

Аналогичная форма поселения была характерна и для горной Чечни. Хотя в верхнем течении Шаро и Чанти-Аргуна

¹²² Н. Ф. Грабовский. Экономический и домашний быт жителей горного участка Ингушевского округа, ССКГ, III, 1870, 2; ср. Г. А. Вертепов, Ингуши..., 113—114; В. П. Христианович. Горная Ингушия, 76, И. И. Пантихов. Ингуши, 128 и др.

имеются довольно обширные плато, дающие возможность более свободного расселения, отдельные населенные пункты характеризуются высокой плотностью населения. Это приводило к увеличению расстояния между отдельными населенными пунктами общины, не оказывая существенного влияния на скученность села. Одной из особенностей поселения в Ингушетии и Чечне являлось полное соответствие между границами расселения общины и естественными рубежами местности. По словам Н. С. Иваненкова «При обследовании границ земельных обществ обнаружилось, что они в громадном большинстве случаев проходят по определенным границам, а именно: хребтам гор, рекам, балкам и чертам отвесных обрывов скал»¹²³.

Защита села обеспечивалась башнями,—представлявшими основное звено комплекса жилых и оборонительных сооружений. Воздвигаемые первоначальными пасельниками, и, как правило, принадлежавшие различным тейпам, в атмосфере межтейповой вражды, эти сооружения имели самостоятельное значение и не могли быть материально взаимосвязанными. Однако, угроза нападения со стороны внешнего врага заставляла располагать эти комплексы с учетом возможного обеспечения взаимной помощи. Эта система общесельской защиты, построенная на комплексах с автономными оборонительными функциями, способствовала развитию села внутри оборонительной черты за счет увеличения плотности.

Хозяйство ингушей было типично альпийским со специализированным скотоводством. Земельные угодия располагались следующим образом: в непосредственной близости от села, на ровных местах размещались пашни. Первоначально пашни не выходили за пределы присельских территорий. По месту расположения по отношению к дому они именовались хъ алишкара кха и тIехъашкара кха (соответственно «передние» и «задние» пашни). Однако впоследствии образовались пашни и на дальних расстояниях от села. Они именовались гаьнара кха и гаргара кха (соответственно «дальние» и «ближние» пашни). Это полностью

¹²³ Н. С. Иваненков. Горные чеченцы, 32.

повторяет порядок расположения и образования наименований пашен и в других районах горного Кавказа. В горной Грузии напр., различали соответственно вышеприведенному порядку цинкяна и уканкяна, гарекяна и шинкяна.

Гаргара кха-- ближние, приусадебные пашни-- нередко, обносились изгородью, именуемой карт (инг.), керт (чеч). Некоторые источники для ингушского в данном случае указывают форму керто¹²⁴. Этот термин давно привлекает внимание исследователей. В. И. Абаев справедливо относит его к важнейшим культурным терминам, представляющим собой достояние многих языков мира. В частности, у народов Кавказа автор ставит его наряду с осетинским карт в значении «двор» и грузинским карта в значении «огороженное место для скота»¹²⁵. Думается данные термины имеют отношение к сванскому лы-кырта (топоним одного из сенокосных лугов в Эцери), абхазским а-хырта (пастбище), а отсюда с агварта западно-грузинских диалектов, в значении параллельной хозяйственной базы¹²⁶. Г. А. Меликишвили наименование страны Картли предположительно объясняет посредством термина карта¹²⁷.

Возможное родство грузинского карта с иранским картак при обычной для аналогичных случаев утере конечного к (агарак--агара и мл. др.), в свете связи картак с формами собственности придает особое значение термину карта.

С. Н. Джанашиа, анализируя с этой точки зрения одно место из исторического произведения «Обращение Картли», в котором термины «село и кардаги» упоминаются вместе, выставили положение о наличии в Картли IV века «раннефеодального землевладения»¹²⁸, при чем выяснение вопроса

¹²⁴ Чечено-ингушко-русский словарь, Грозный, 1962, 85.

¹²⁵ В. И. Абаев, ИЭСОЯ, I, 587.

¹²⁶ Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Сванское село в прошлом, 39 и след.

¹²⁷ Г. А. Меликишвили. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, ВС, I, Тбилиси, 1960, 237 и след. (на груз. яз.).

¹²⁸ С. Н. Джанашиа. Труды, I, Тб., 1949, 287 (на груз. яз.).

о происхождении термина кардаги оставил иранистам. Г. А. Меликишвили предполагает, что кардаги в указанном источнике обозначает поместье — «агараки»¹²⁹. В. Н. Габашвили в специальной работе, посвященной этому термину, грузинское кардаги возводит киранскому *картак*, устанавливая его различные значения, в частности — «действие», «дело», «акт» и т. д. Вместе с тем в результате анализа памятников юридической литературы сасанидской эпохи он выявляет новое значение *картак*, употребляемого в смысле «участок земли», «доля имущества»¹³⁰. Тем самым подтверждается предположение С. Н. Джанашиа о связи термина кардаги, употребляемого в грузинских письменных источниках, с раннефеодальными формами собственности, а наличие его параллельной формы «карта» в ингушском приобретает совершенно определенный смысл.

За пашнями следовали т. н. абсолютные пастбища на высоте 3000 до 4500 фут. н. у. м. с уклоном в три фута на каждую сажень. Специализация хозяйства горных ингушей выражалась в зональности скотоводства.

Состав земельного фонда горной Ингушетии во второй половине XIX века изучен сравнительно хорошо. По статистическим данным общий земельный фонд к этому времени составлял 88,659,15 десятин. Отсюда приусадебные земли составляли 52,80 дес. (т. е. 0,06%), пашни — 474,43 дес. (т. е. 0,50%), сенокосы — 3,470,29 дес. (т. е. 3,90%), а пастбища — 28,246,57 дес. (т. е. 32,04%). Таким образом, полезная в сельско-хозяйственном отношении земля составляла чуть больше одной трети всего земельного фонда (остальную площадь занимали кустарник, лес, овраги и т. д.), а, в частности, пашни занимали всего 0,5%. Эти данные приводит В. П. Христианович, в результате анализа которых пишет: «Такое распределение угодий предполагает направление хозяйства, от-

¹²⁹ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, Тбилиси 1959, 415.

¹³⁰ В. Н. Габашвили. Социально-экономическая терминология в древнегрузинских источниках, ВИАК, Тб., 1966, 117—118; ср. М. К. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, I, Тб., 1966, 195 (оба на груз. яз.).

водит земледелию самое последнее место в ряду хозяйственных отраслей»¹³¹.

На такое соотношение земельных угодий указывалось и раньше. Так, напр., И. Пантюхов отмечал, что если в равнинной части Ингушетии на одну душу населения приходится 4,3 дес., в горах эта цифра снижается до 1,8 дес. при чем более половины неудобной¹³².

Характерным для альпийского хозяйства является ведущее место скотоводства в нем. По данным начала XX века в общем бюджете семьи горного ингуша 82,8% составляли доходы с животноводства и лишь 17,2% — доходы с полеводства¹³³. По подсчетам Н. Ф. Грабовского на одного ингуша «выпадает» около 2½ четвертей кукурузы и несколько более полу-четверти пшеницы¹³⁴. Аналогичную картину рисует нам и К. Ф. Ган¹³⁵.

В «Трудах» Абрамовской комиссии имеются материалы по отдельным обществам Ингушетии, которые еще раз убеждают нас в правильности положения о ведущем месте скотоводства в хозяйстве горных ингушей.

Г. К. Мартиросиан, специально занимающийся этим вопросом, указывает, что если в Армхинском ущелье, на одну душу населения «падает» 2½ четвертей пшеницы, в Ассинском ущелье эта цифра доходит до 1,8 (Галгайчи) и даже 0,6 (Цори)¹³⁶. По наблюдениям автора собственного зерна семье хватало в Джайрахе 80—90 дней, в Мецхале и Цорое по 86 дней, а в Хамхи всего на 30 дней¹³⁷.

Положение о ведущем месте скотоводства в хозяйстве горных ингушей подтверждается и современными исследованиями. По словам Е. И. Крупнова «с древнейших времен

¹³¹ В. П. Христианович. Горная Ингушия, 26.

¹³² И. И. Пантюхов. Ингуши, 129.

¹³³ В. П. Христианович. Горная Ингушия, 90.

¹³⁴ Н. Ф. Грабовский. Ингуши, 90.

¹³⁵ К. Ф. Ган. Путешествие... 73.

¹³⁶ Г. К. Мартиросиан. Нагорная Ингушия, 89.

¹³⁷ Там же. 100.

до переселения на плоскость главным занятием ингушей в горной полосе было скотоводство»¹³⁸.

Данные этнографии, в частности, материалы, касающиеся семейного имущества, организации работ, распределения функций внутри семьи, порядка наследования и т. д. еще раз подтверждают тезис о решающем значении скотоводства в хозяйственном быту горных ингушей.

Недостаток в зерне восполняется закупками его вне Ингушетии на доходы, получаемые от скотоводства. Завоз зерна в горные районы Ингушетии был сопряжен со многими трудностями, о чем неоднократно говорилось в прессе в свое время¹³⁹.

Однако это не означало полного отсутствия полеводства. Недостаточность пахотной земли в горной Ингушетии, так же как и в других районах горного Кавказа, приводила к интенсификации земледелия. Искусственное террасирование, удобрение, орошение и севооборот составляли те средства народной агротехники, при помощи которых горные ингуши стремились хотя бы частично перекрыть всегда испытываемый ими недостаток в зерне.

Наиболее распространенным пахотным орудием была соха — дохчийнох¹⁴⁰, которая в некоторых местах именовалась готан, термином, подобным груз. гутһан (გუთხან).

Особый интерес представляет сообщение В. П. Христиановича, согласно которому «Применяется в большинстве случаев однократная вспашка, которая производится двумя горскими орудиями: специальным резцом проводится обрез пласта, а деревянным, висячим плугом делается затем оборот пласта»¹⁴¹.

Однако наиболее типичной чертой горного земледелия

¹³⁸ Е. И. Крупнов. К истории Ингушии, 86; ср. Народы Кавказа, I, 376; Е. Н. Кушева. Народы северного Кавказа и их связи с Россией, 75 и др.

¹³⁹ В. П. Христианович. Горная Ингушия, 41.

¹⁴⁰ По А. Генко — пич (чеч), пич (инг) с основой в косв. падс-же пичар (см. его «О названиях плуга в северо-кавказских языках», ДАН СССР, 1930, № 7, 128—135).

¹⁴¹ В. П. Христианович. Горная Ингушия, 189.

ингушей являлось искусственное террасирование. Ингуши и терминологически различали естественные террасы, образуемые в результате длительной обработки почвы и именуемые ими *могриш*, от искусственных — *гоу*, создаваемых ими в садах, пашнях, покосах, вдоль дорог посредством возведения каменных оград. Террасы, укрепленные деревом назывались *иче*¹⁴².

В некоторых местах горной Ингушетии создавались и искусственные пашни. По сообщению Н. Ф. Грабовского «...чтобы устроить площадку в 10—12 аршин длины и в 5 аршин ширины, необходимо было горцу расчистить и уровнять выбранную для этого площадку, но так как и после этого площадка кроме камня ничего другого не представляла, то понадобилось перетаскать туда земли и вообще удобрить ее настолько, чтобы она могла приносить желаемую пользу»¹⁴³. По словам И. Пантюхова такого рода искусственные площадки устраивали посредством земли, которую приносили в мешках с довольно отдаленных мест¹⁴⁴. В Хули напр., для устройства таких площадок землю носили на расстоянии двух верст¹⁴⁵. Это было конечно не только в Хули¹⁴⁶.

Ведущее место скотоводства в хозяйстве горных ингушей и его характер играли организующую роль в процессе формирования поселений сельско-общинного типа, способствуя его длительной сохранности. В конечном итоге гора — *лоам* была той территорией, которая, представляя основной фонд пастбищных и сенокосных угодий, объединяла вокруг себя общину. Анализ структуры и расположения т. н. обществ даже по материалам, отражающим положение вещей во второй половине XIX века, делает ясным, что формирование групп сел, составляющих сельскую общину, происходило по отдельным *лоам-ам*, общее пользование которыми порождало

¹⁴² Б. В. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1962 г., тет. № 1, 29.

¹⁴³ Н. Ф. Грабовский. Экономический и домашний быт жителей горного участка Ингушевского округа, 10.

¹⁴⁴ И. И. Пантюхов. Ингуши, 129.

¹⁴⁵ В. П. Христианович. Горная Ингушия, 32, 52.

¹⁴⁶ Г. А. Вертепов. Ингуши, 115—116.

общность хозяйственных интересов. Отсюда вытекала необходимость согласовывать между семьями всей общины сроки выпаса скота, уборки сена, начала и конца полевых работ, снятия урожая, в также нормы обычного права, касающиеся возмещения потравы и других нарушений.

Накладывая свой отпечаток на общественный быт горных ингушей, вышеуказанный тип хозяйства оказывал определенное влияние на форму поселения в целом, также как и на формы жилища. Скотоводство в частности определяло место для поселения, которое выбиралось с учетом расстояния от сенокосов и пастбищ. Длительное нахождение скота на подпожном корму способствовало расположению сел в возможно близком от пастбищ месте, т. е. на сравнительно большой высоте н. у. м. Незначительные масштабы приусадебных участков определяли скученность поселений, что было выгодно также с точки зрения укрепления общесельской обороны. Необходимость охраны людей от пленения и скота от угона, ибо основной целью набегов г I е р являлись именно эти объекты, сыграла определенную роль в формировании жилой башни. Все это вместе взятое, в условиях межтейповой вражды и межплеменных распрей привело к образованию укрепленного поселения, расположенного по хребтам и горным отрогам, на довольно большой высоте, скученного и состоящего из отдельных жилых комплексов, представляющих собой укрепления, включающиеся в себя и хозяйственные, и жилые, и оборонительные функции.

Для решения общесельских вопросов собирались на сельской площади, именуемой п х ъ е г I а (инг.), п х ъ о ъ х а (чеч.); термин, как указывалось выше, и по форме и по содержанию аналогичен хевсурскому п I е х о н и. В сванском подобная площадь, помимо свип h, обозначается термином л а н к I а в (ლ ა ნ კ ა ვ) в лазском о г I а р т I а л и, (ო ზ ა რ ტ ზ ა ლ ი) в тушинском с а а м д ж н о (ს ა ა მ დ ჯ ნ ო) — грузинские диалектальные формы, выражающие понятие «беседа». В рачинском сельская площадь именуется с а - н а х ш - о (ს ა ნ ა ხ შ ო), что имеет отношение к осетинскому н и х а с // н и х а ш и балкарско-

му н ы г а ш. У дидойцев тоже была такая площадь, известная под наименованием gudikan¹⁴⁷.

Сельско-общинное единство находило свое выражение в наличии святилищ различного ранга. Ингуши имели общее с другими народами святилище — грузинский храм — Тхаба-Ерды¹⁴⁸, которое служило местом встречи представителей соседних народов для разрешения вопросов главным образом обычного права (рис. 36). Ингушский праздник Ати-наг и соответствующий ему грузинский праздник Атенген-ноба (ა თ გ ბ გ ბ ა თ გ ნ ა) справлялись поочередно с обязательным присутствием ингушских и хевсурских гостей. Эти праздники, подобно осетинскому Ати-наг, были связаны с сенокосом. В. И. Абаев, с ссылкой на материалы Н. С. Джанашиа, считает возможным сблизить этот грузино-вейнахо-осетинский праздник с абхазским Аџипѣ «молитвы по поводу в значении засухи», увязывая наименование праздника с христианским Афиногеном. Из датированных грузинских письменных источников, находящихся в нашем распоряжении, мы можем сослаться на дарственную грамоту царя Георгия, помеченную 1338 годом, по которой Ивану Джавахишвили из Тори пожалован монастырь Атенагуены (ა თ გ ბ ა გ ა თ გ ბ ა), расположенный в Кожоры. Это говорит о наличии на территории Грузии одного из центров официального культа Афиногена, бытовавшего, естественно, задолго до XIV века, и было бы не трудно предположить и в этом случае обычные для того времени влияния христианской религии, если бы не некоторые атрибуты обряда, по-нашему, указывающие на дохристианские корни вышеуказанного культа¹⁴⁹. Помимо того имелись

¹⁴⁷ Р. Л. Харадзе. Коллатеральное родство в Дидоеи, Известия АН Гр. ССР, 1946, № 8, 543—547.

¹⁴⁸ Е. И. Крупнов. Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе, КСИИМК, XV, М., 1947, II и след. Литература там же.

¹⁴⁹ Р. Л. Харадзе. Братство народов (научная публикация), газ. «Комунист», 1962, № 281; В. И. Абаев. ИЭСОЯ, 82; Б. А. Алборов. Ингушское «галлерды» и осетинское «аларды», ИИНИИК, I, Влад., 1928, 411; Древности Грузии II, I, 1909, 8—9 (на груз. яз.); Материалы по исторической географии и топонимике Грузии, I, Тб., 1964, 15 (на груз. яз.).

общингушские святилища вроде Мятцель на Столовой горе, общинные святилища по каждой группе сел и, наконец, сельские святилища в виде сил (рис. 18).

С точки зрения грузино-нахских связей исключительное значение приобретает одно шатильское святилище в Хевсурети, общее для анаторцев (часть населения Шатили) и кистов соседних с Шатили сел — в произношении грузин Джераго, (Джарего), Сахано (Сахана), Корбата (Кербета), Бониста (Баниста), Теретого (Терте), Мизу (Мизу), Додзу (Додзу)... По сообщению столетнего сказителя Хвтисо Абулетишвили Джинчараули в день Воздвижения здесь собирались для отправления ритуала и кисты вышеуказанных сел и анаторцы Шатили. Среди обслуживающего святилище (хати) персонала деканозом всегда бывал шатилец, а знаменосцем кист. Кисты приводили своих жертвенных животных, которых, по существовавшему в горах Грузии обычаю, должен был заколоть деканоз. Однако ислам не разрешал магометанину есть мясо животного, заколотого христианином, и, хотя ислам проник в нахскую среду сравнительно поздно, а христианство среди горцев Грузии не смогло до конца искоренить более древних религиозных представлений, кистам запрещалось употреблять в пищу мясо жертвенного животного, зарезанного хевсуром. Во избежание этого противоречия деканоз делал лишь незначительный надрез на ухе животного, достаточный для того, чтобы у животного появилось несколько капель крови, после чего животное закалывал сам кист, приносящий его в жертву.

Исполнение этого обряда сопровождалось словословием, которое произносил деканоз на грузинском языке, причем, согласно обычаю, приносящий жертву кист стоял на одном колене, без головного убора и выслушивал словословия, в которых не так уж редко упоминались и бог, и Христос, и ангел и прочие персонажи христианской религии. В это время знаменосец-кист потряхивал знаменем, к которому были привязаны маленькие колокольчики.

Затем устраивалось общее пиршество, хевсуры пили араку и крепкое пиво, а кисты употребляли в напиток то же пиво, но не сбродившееся и поэтому лишенное алкоголя. Про-

износились взаимные тосты, как это принято на народных праздниках горцев Кавказа вообще.

После пиршества деканоз вышеуказанного святилища, вместе с кистами, направлялся в селения кистов, где продолжалось отправление совместного праздника теперь уже на родине кистов¹⁵⁰.

Здесь не место давать более подробное описание этого праздника. Но и вышеприведенное, вместе с материалами относительно Атинаг-Атенгеноба, по нашему, достаточно красноречиво указывает на то, что ни суровый Кавказский хребет и местнические распри, характерные для любого классового общества, ни религиозные противоречия не смогли воздвигнуть стену отчуждения между народами, культурно-историческое развитие которых проходило в условиях самых тесных контактов и взаимного обогащения.

Выявляя параллели в этой области нельзя не указать на некоторые стороны религиозного быта вейнахов, в частности, чеченцев, которые находят аналогии и у горцев Грузии. В этом случае имеются в виду хозяйственные основы святилища, которые, несмотря на различие религиозных систем, проявляют некоторое сходство.

Подобно святилищам многих других горцев Кавказа, а в том числе и горцев Грузии, мечети нахов имели свое движимое и недвижимое имущество, образованное в результате пожертвований со стороны общинников, в частности загоня (маъждыган кха), покосы (маъждыган цана) и овец (маъждыган жа). Так, например, Атимбауская мечеть имела 28 загоня, в Хуландойская 12 загоня и 300 овец¹⁵¹. Загоны мечети сдавали тем односельчанам, от которых ожидали больше выгод, обычно из половины урожая зерна и соломы, с обязательством печь хлеба и варить пищу из пшеницы в поминальный пост. Овец и баранов резали на четвертом году тоже на пищу богомолам. Шкура, внутренности и шерсть овец поступали в пользу их содержателя. По свидетельству, вышеназванного Н. С. Иваненкова, участки зем-

¹⁵⁰ А. И. Робакидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1965, тет. № 2, 39 и след.

¹⁵¹ Н. С. Иваненков. Горные чеченцы, 88—92.

ли жертвовались «с незапамятных времен» и, хотя это имущество находилось в ведении муллы, «высший надзор над ним принадлежит обществу».

Материалы нашей экспедиции подтвердили это положение. По данным, собранным в Итумкале земли святилища именовались *Д ж а м а I а т а н л а т т а*, а персонал обслуживающий хозяйство святилища *тур к х*¹⁵².

Эта организация по отдельным своим моментам проявляет некоторое сходство с кое-какими чертами из прошлого религиозного быта горцев Грузии. Земли святилища (святилище — *х а т и* (*ხ ა ტ ი*), отсюда земли святилища — *с а х а т о м и ц I а* (*ს ა ხ ა ტ ი მ ო წ ა*), и здесь образованные главным образом в результате пожертвования со стороны общинников, также давались на обработку отдельным семьям селения по очереди с условием обеспечения расходов, связанных с отправлением культа данной общины, именуемой в Хевсурети *с а к м о - с а г л е х о* (*ს ა ყ მ ო ს ა გ ლ ე ხ ო*) (кма—крепостной, глехи—крестьянин), которой, по ранее бытовавшим представлениям хевсур, принадлежало хати. В этом институте и дореволюционные и современные исследователи вполне резонно усматривают элементы эксплуатации, сопутствующие процессу класообразования.

Из дореволюционных авторов в первую очередь надо указать на Г. Радде и Н. Хизанашвили. В этих первых попытках осмысления института *х а т и - с - к м о б ი* (*ხ ა ტ ო ს ყ მ ო ბ ი*) аппарат, обслуживающий святилище, именуется сильной и влиятельной кастой, которая, являясь верхушкой общины, руководит ею и присваивает часть имущества хати¹⁵³. К правильному пониманию социальной природы этого института наиболее близко из дореволюционных авторов подошел А. Хаханашвили, отметивший отсутствие крепостного права у горца (в данном случае у пшавы), который «...перенял этот институт, применив его к святому, которого он называет «ба-

¹⁵² Б. В. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1965, тет. № 7, II.

¹⁵³ Н. Т. Хизанашвили. Статьи по этнографии, Тб., 1940, 18 и след. (на груз. яз.).

тони» (барин), а себя «кма» (крепостной)»¹⁵⁴. В этом чрезвычайно интересном наблюдении А. Хаханашвили привлекает внимание не отрицание крепостного права у пшавов, это было, по тому времени, довольно распространенным, хотя и не единственным мнением. В последнем случае имеется в виду крупнейший представитель этнографической мысли Грузии Н. Хизанашвили, который в статьях, опубликованных в восьмидесятых годах XIX века, в результате анализа «Судебника» Георгия V, выставил и обосновал положение о наличии у горцев Грузии еще в середине XV века ранних форм феодальных отношений¹⁵⁵. Это было крупнейшим открытием в условиях господства «теории родового строя», имевшим принципиальное значение для правильного понимания особенностей общественного быта горцев Грузии...

Цитированное положение А. Хаханашвили привлекает внимание во-первых утверждением заимствования вышеуказанного института горцами Грузии из районов с более развитыми формами общественной жизни и его применения к отношениям, исторически сложившимся между общинниками и общинным святилищем. Во-вторых, вышеуказанное наблюдение А. Хаханашвили привлекает внимание признанием в качестве основы этих взаимоотношений не рабовладельческого, а феодального начала.

Это положение в дореволюционной грузинской этнографии не нашло дальнейшего развития. Спустя лишь долгое время, в частности, в 1930 году, появляется статья В. Басилашвили, которая, несмотря на довольно существенные противоречия, содержит небезынтересные наблюдения в отношении социальной природы хевсурского хати. Характеризуя хати, как наследие своеобразных социальных взаимоотношений, возникших в процессе развития родовой организации, ее расцвета и упадка, В. Басилашвили предлагает читателю по условиям журнальной статьи довольно подробное описание

¹⁵⁴ А. С. Хаханов. Пшавы, СМЭ, в. III, 1888, 84. Перевод груз. «батони» посредством рус. «барин» не точен. В данном контексте точнее «господин», «владелец», «владыка».

¹⁵⁵ Н. Т. Хизанашвили. Статьи по этнографии, 167.

хозяйства хевсурского святилища. Обстоятельное знание хевсурского этнографического материала помогает ему более или менее правильно ориентироваться в сложных вопросах форм землевладения, в частности, установить наличие у хевсур в прошлом земли святилища—сахато мица, наряду с общинными землями—сатемо мица, как самостоятельных видов общинного землевладения. Анализируя порядок использования урожая с земель хати и части жертвенных животных, а также других своих привилегий служителями хати, В. Басилашвили говорит о большом землевладельческом хозяйстве хати, которое «изолируется от бедных сородичей». Отсюда, подчеркивает автор, известная зажиточность, а на этой основе — имущественное расслоение, которое порождает классовую дифференциацию. Так представлена социальная сущность хевсурского хати в работе В. Басилашвили, опубликованной еще в 1930 году¹⁵⁶.

Но утверждать наличие классового общества без указания на его характер — это еще не все. Как же В. Басилашвили отвечает на этот, по нашему мнению, кардинальный вопрос? По его словам хевсур считает себя к м а — «вассалом своего хати». Если термином в а с с а л автор здесь пользуется в прямом его смысле, а для другого предположения у нас оснований нет, видимо, он, также как и А. Хаханашвили, в основе взаимоотношений между общинниками и их хати видит феодальное, а не другое начало, хотя весь этот процесс по мнению автора протекает в условиях распада родовой организации.

Вопросу хевсурской общины посвящено несколько работ В. В. Бардавелидзе, рассматривающих этот вопрос в свете истории религии. В одной из них (1932 г.) автор пишет: «Субординация божеств и иерархия священослужителей... с четким и резким разделением функций между ними, конечно, сравнительно позднее явление, относящееся к родовому быту. Но множество фактов, связанных с религиозным ритуалом, и, вообще, весь комплекс религиозно-культовых установлений,

¹⁵⁶ В. Басилашвили. В нетрах Хевсуретії, Червоний схід. № 6(15), 1930, Харків, 159—179 (на укр. яз.).

которые сохранились по сегодняшний день в законсервированном виде, уводят нас в дородовой строй общества¹⁵⁷. В другой работе (1939 г.) хевсурский институт святилища увязывается с «затянувшимся процессом разложения родового строя»¹⁵⁸. В дальнейшем (1949 г.), подводя итоги изучению форм земельных отношений в связи с сакмо, которые «вследствие затяжного характера периода разложения родового строя, в горных районах Грузии вплоть до ее советизации продолжали сохраняться» и «которые носили характер патриархально-родовых и территориально-общинных отношений»¹⁵⁹, автор говорит, что «...они представляют собой историческую гамму, развертывая перед нами ряд образцов, начиная от почти сохранившейся аграрной коммуны и кончая намечающимися формами разложения земельной общины»¹⁶⁰.

В работе, посвященной системе управления хевсурской общины (1952) автор, в результате реконструкции хевсурских общин на основании этнографических пережитков, по структуре, формам землевладения и хозяйственной жизни, сближает ее с древневосточными обществами¹⁶¹. Наконец, в обобщающей монографии (1957), исследуя в целом всю совокупность специфических данных, характеризующих пантеон святилища, автор утверждает, что «...он составлял религиозную надстройку восточно-грузинских племен на раннеклассовой ступени их общественно-исторического развития»¹⁶², подразумевая под раннеклассовым раннерабовладельческое общество¹⁶³.

¹⁵⁷ В. В. Бардавелидзе. Опыт социологического изучения хевсурских верований, Тб., 1932, II. В дальнейшем автор отказался от этого взгляда (В. В. Бардавелидзе. Хевсурская община, «Сообщения» АН ГССР, 1952, т. XIII, № 8, 495).

¹⁵⁸ В. В. Бардавелидзе, Г. С. Чнтая. Хевсурский орнамент, Тб., 1939, 3, 42 и 64.

¹⁵⁹ В. В. Бардавелидзе. Земельные владения древнегрузинских святилищ, СЭ, 1949, № 1, 94.

¹⁶⁰ Там же, 107.

¹⁶¹ В. В. Бардавелидзе. Система управления хевсурской общины, САН Гр. ССР, т. XIII, № 10, 1952, 625.

¹⁶² В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое, графическое искусство грузинских племен, Тб., 1957, 242.

¹⁶³ Там же, 241.

Этнографические материалы, касающиеся мтиулов — соседняя с хевсурами этнографическая группа, — содержат некоторые данные, позволяющие внести новый свет в исследование этого чрезвычайно интересного, но столь же сложного вопроса. По вышеуказанным материалам, в частности, устанавливается наличие земель святилища, которые здесь именовались сакулухо мица (საკულუხო მიწა), лиц, поочередно, обрабатывающих эти земли — мекулухе (მეკულუხე) и урожая с этих земель, который шел на покрытие расходов, связанных с праздником в честь данного святилища, под наименованием кулухи, (კულუხი), а также определенного порядка использования этого урожая. Кулухи — термин, которым обозначается определенный вид подати в феодальной Грузии. Отсюда сакулухо мица и мекулухе. Терминология, обозначающая общинные земли, урожай с них идущий в пользу святилища, и лицо, берущее в порядке очереди эти земли на предмет их обработки и обеспечения праздника, а также, что самое главное, характер обязательств этого лица по отношению к святилищу, полностью соответствуют номенклатуре и сущности, присущих зависимым отношениям феодального порядка и являются несомненно заимствованными из районов с развитым феодальным строем, ибо они не могли соответствовать ни уровню общественного развития (стойкая сохранность сельско-общинных институтов), ни хозяйственным условиям края (отсутствие виноградников, подать с которых именовалась кулухи в отличие от гала — подати с пахотных угодий)¹⁶⁴.

И в Хевсуретии надо полагать, взаимоотношения между общинником и святилищем носили не рабовладельческий, а феодальный характер, о чем говорит в первую очередь сам термин сакмо — саглехо, соответствующий лишь феодальному обществу, откуда и был заимствован этот термин для обозначения взаимоотношений между общинником и его хати. Это полностью согласуется с положением Г. Мелики-

¹⁶⁴ Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом, 80—81.

швили, который, касаясь института хевсурского сакмо-сариго пишет: «Здесь мы имеем, несомненно, дело с заимствованием из феодальной среды термина для обозначения понятия бес-предельно подчиненного (по отношению к божеству и его свя-тилищу) человека»¹⁶⁵.

Этот материал, еще раз подчеркивая некоторые общие черты в сфере духовной жизни народов Кавказа, вместе с тем нам кажется, не безынтересным для дальнейшего изучения соответствующих институтов у народов горного Кавказа, так как последние имеют важное значение для окончательного уточнения и более правильного понимания важнейших сторон этнографии горцев Грузии, ибо, как правильно отмечает Н. Я. Марр, «...невозможно понять истории Кавказа в рамках отдельных национально-исторических построений»¹⁶⁶.

Возвращаясь к характеристике горноингушского села, считаем необходимым остановиться на вопросах этнического, фамильного, сословного и профессионального состава.

Многочисленные предания говорят, что в Ингушетии, также как и в других районах Кавказа, имело место инкорпорирование инородных элементов.

Наиболее полным материалом по данному вопросу располагала Абрамовская комиссия, которая изучив соответствующие предания заключила, что ингуши, находясь продолжительное время в тесных связях с осетинами, часто принимали в свою среду осетин на жительство и в свою очередь сами поселялись к ним и вступали в родственные связи¹⁶⁷.

Аналогичных примеров много, но делать какие-либо конкретные выводы относительно происхождения того или иного тейпа было бы преждевременным до того, пока приведенные предания не получают подтверждения в фактах. Независимо от этого они бесспорно указывают на отсутствие отрицательного отношения народа к довольно широко распространенной практике этнического обмена, которая любым народом рас-

¹⁶⁵ Г. А. М е л и к ш в и л и. К истории древней Грузии, 411.

¹⁶⁶ Н. Я. М а р р. К вопросу об историческом процессе в освещении эфетической теории, ИР, III, М.-Л., 1934, 152.

¹⁶⁷ Труды комиссии..., 14.

сма тривалась как вполне естественное явление в процессе своего развития, ибо аналогичные явления и не в меньших масштабах он наблюдал у всех народов горного Кавказа.

Эти предания были известны и досоветской кавказоведческой этнографии, однако они получали зачастую неправильную интерпретацию. Так напр., А. Ипполитов, касаясь этнического состава чеченцев, писал: «Что большая часть племен Аргунского округа и племена, населяющие Чечню одни и те же, это бесспорно, но совершенно ошибочно мнение, приписывающее всему народу чеченскому и племенам этим единство, общность происхождения, между тем, каждое племя (тайпа) на самом деле считает себя происхождения по большей части различного. Так, например, фамилия Зумсой считает себя происхождения грузинского, Калой — тушинского, Ахшипотой — фипенгенского, т. е. европейского, родоначальники фамилии Варандинской — выходцы из Хевсуретии»¹⁶⁸. Более того, анализируя эти предания, К. Ган версии о кабардинском или черкесском происхождении отдельных ингушских фамилий называл «наивными детскими сказаниями», однако, вместе с тем писал: «Но наверно происходило также смешение с соседними осетинами, потому что разные обычаи при заключении брака, при рождении ребенка, а также некоторые семейные праздники, как-то новый год, праздник св. Ильи и Троицы, без сомнения введены были осетинскими матерями»¹⁶⁹. Это последнее положение К. Гана безусловно неверно, так же как неверно и вышеприведенное положение А. Ипполитова. Мы в настоящее время располагаем достаточным этнографическим материалом, хорошо отражающим многочисленные, проверенные факты широко практикующегося обмена этническими элементами у всех без исключения народов горного Кавказа. В качестве примера достаточно указать на сванско-балкарские этнические связи, подтверждающие систематический и широкий обмен этническими элементами несмотря на различное происхождение, принадлежность к разным языко-

¹⁶⁸ А. П. Ипполитов. Этнографические очерки Аргунского округа, 4—5.

¹⁶⁹ К. Ф. Ган. Путешествие в страну пшагов, хевсур, кистин и ингушей, 73.

вым группам и наличие противоположных религиозных систем. Такие же этнические связи у балкарцев существовали и с кабардинцами, черкессами, осетинами, чеченцами и другими народами Кавказа. Однако, необходимо здесь же отметить, что такого рода перемещения этнических элементов, в прошлом независимо от места, направления и масштабов, как правило заканчивались полной ассимиляцией инкорпорируемых, что означало практически принятие языка, быта и религии инкорпорирующей среды.

Подобно Ингушетии и в Чечне существует немало преданий, указывающих на инородное происхождение некоторых тейпа, вышедших якобы из Дагестана или Грузии. Не избежал влияния этих преданий и У. Лаудаев. По его словам «Предание говорит, что первобытные фамилии Чеченского племени вышли из-за снеговых гор на северные их подножья, откуда стали уже разветвляться по другим местам. Можно допустить, что во время великого переселения народов... движение это отозвалось и на Грузию, а потому грузины и соседние с ними горские племена зашли в нынешнюю Чечню, и, поселясь в ней, смешались с туземцами»¹⁷⁰.

Нельзя отрицать, что в условиях горного Кавказа, особенно в его лимитропной зоне, существовали факты обмена этническими элементами, факты взаимной инкорпорации инородных элементов. Видимо этот процесс не носил исключительного характера. Более того надо предполагать, что вкрапления этнически инородных элементов имели характер длительного и довольно интенсивного процесса. Однако, предания, касающиеся инородного происхождения отдельных тейпов в большинстве случаев не имеют под собой реальной почвы; отражают желание выделявшейся родовой верхушки поставить себя в исключительное положение, которое в феодализирующемся обществе определялось происхождением.

Отсюда ассирийское, аравийское, грузинское, греческое происхождение т. е. происхождение, ведущее свое начало за пределами своей страны из государств, ранее занимавших на мировой арене видное место.

¹⁷⁰ О. У. Лаудаев. Чеченское племя, 9.

И если предания об инородном происхождении того или иного рода имеют какое-либо значение, они являются интересным в первую очередь тем, что отражают взгляды народа на подобные процессы, которые представлялись ему вполне естественными и ни в какой мере не ущемляющими достоинство рода, откуда бы он не вел свое происхождение.

По тейповому составу традиционное горно-ингушское село не является однородным. Независимо от того объяснения, которое получит понятие тейпа в Ингушетии, несмотря на то, что мы увидим под этим термином — род, фамилию или более крупное родственное, а может быть и не родственное объединение, наличие многих тейпа в одном селе, так же как и наличие одного тейпа в различных селах говорит о неоднородном составе села. В сел. Эрзи Армхинского ущелья, напр., насчитывается 14 различных тейпа, в Фуртуге — три, в Лежги — четыре, в Морчи тоже четыре, в Фылхыне — пять, в Эгикале — пять, в Таргиме — четыре и т. д. Вместе с тем имеются села, в которых проживала одна тейпа, например сел. Салги в Чулхое. В некоторых случаях одна тейпа проживала в двух селах, напр. Эвкур-тейпа в сел. сел. Эрзи и Ольгет.

Аналогичное положение наблюдается и в Чечне. Так, напр., в ущелье одного из левых притоков Чанти-Аргуна в районе Итум-кале было расположено «общество» Гухой. Оно состояло из семи сел. В двух из них (Тути-мохк и Кончхой) проживала одна тейпа, именуемая Чинхой-тейпа; в остальных пяти селах жили представители одной тейпа, в частности Гухой-тейпа (Мулкхой). По преданиям эта тейпа проживала в сел. Гухой, но затем по мере размножения, ее представители начали селиться порознь, но недалеко от сел. Гухой, в результате чего они основали еще четыре села. Этот процесс сопровождался делением тейпа на отдельные гӀары, т. е. патронимии. По этому признаку мы можем называть данный порядок расселения патронимическим, но конечно не родовым. То же самое можно сказать и относительно Хачароя, где ряд селений являют пример четкого деления на отдельные кварталы, при чем каждый из них населен одной патронимией. Сел. Гамхи напр., состоящее из двух кварталов, населено

двумя тейпами, одна из которых живет в верхнем квартале (Гари-тейпа), а другая в нижнем (Бати-тейпа).

Чантой дает пример расселения одной тейпа по различным, часто отдаленным друг от друга селениям. Здесь, напр., имелось 16 населенных пунктов, в которых проживали представители трех тейпа.

Вместе с тем и здесь имелись села, населенные лишь одной тейпа. Примером этому служит село Лому в Хилдихарое, которое целиком принадлежало Алдан-тейпа.

При определении характера поселений горцев Чечено-Ингушетии необходимо учитывать особенность наследования родового имени. Фамилии, как таковой, у чеченцев нет. Фамильным обозначением у вышеуказанного народа служит имя отца или деда. Во всяком случае уже на четвертом поколении прекращается старая «фамилия», и начиная с этого поколения, образуется новая, но лишь для того, чтобы прерваться на третьем. Таким образом, обозначение фамилии, которое в других случаях является одним из признаков родственных связей, здесь теряет это свое значение. Из вышеуказанного следует, что термин «фамилия» по отношению к родственным организациям применить в общеупотребительном смысле этого слова нельзя. Следовательно и поселение, построенное по определенному родственному принципу именовать фамильным было бы неправильно.

Нельзя назвать этого рода поселение и родовым, ибо наличие различных тейпа в одном селе равно как и наличие одной тейпа в различных селах говорят о нарушении территориального единства — одной из специфических черт рода. Такое поселение называть родовым нельзя и в силу особенностей образования данных родственных коллективов. Род в своем чистом виде, как известно, является источником образования семьи как продукта его сегментации. Родственная же организация, характерная для горцев Чечено-Ингушетии и фиксируемая по этнографическим материалам XIX века у всех без исключения народов Кавказа, сама является продуктом размножения семьи. Это последнее обстоятельство не может вызвать никаких возражений, ибо факт образования больших родственных организаций в результате разрастания

семьи находит подтверждение в этнографическом материале повсеместно. Это, пожалуй, можно назвать единственным правилом в сложной сфере социальных отношений, которое не знает исключения.

Родственная же организация, которая развивается в результате размножения семьи, именуется патронимией. Именно поэтому форма поселения, описанная у горцев Чечено-Ингушетии так же как и у других народов Кавказа, соответствует патронимическому поселению. Принимая во внимание эту особенность родственной структуры чеченцев и ингушей данный тип патронимического поселения можно именовать тейповым, в первичном значении этого слова, ибо, как видно из соответствующей главы «Очерков», она первоначально является ничем иным как разросшейся патронимией. В последующем развитии тейпа обозначает более крупное объединение, охватывающее несколько различных по происхождению родственных групп, а иногда принимающее значение даже племени. За патронимией же, в собственном смысле этого слова, закрепляется наименование гָра. В этом смысле патронимическое поселение можно именовать и гָровым, ваьровым.

Выявлены некоторые факты поселения по сословному признаку. К ним относится в первую очередь сел. Гу в Чулхойском ущелье, которое было основано, как утверждает предание, выходцами из сел. Цори по фамилии Гуховыми (и в этом случае мы имеем дело с тейпой, а не фамилией). Гуховы взяли на это разрешение Салгиевых, ранее Гуховых, пришедших сюда и завладевших землями. Салгиевы согласились дать землю Гуховым, но за это поставили их в зависимое положение.

Имеется предание и относительно сел. Кашет, образованного переселившимися сюда Гамботовыми, взявшими на это разрешение от Шаухоловых сел. Бейни и ставшими по отношению к ним в зависимое положение.

Наименование Лешк, как указывалось, некоторые исследователи объясняют как «место поселения леев». Наименование Оздик возможно также имеет отношение к социальному термину о з д о й, который является вариантом общеизве-

стного узденъ — в этом селе жили Оздоевы, причислявшие себя к древнейшим родам галгаевцев.

Приведенные примеры образования сел по сословному признаку единичны, но несмотря на это они бесспорно указывают на высокий уровень общественно-экономического развития горноингушского села.

На это же обстоятельство указывает и довольно сложная структура села. В наиболее крупных селах горной Ингушетии выделяются отдельные его части — магIара и эгIара (инг); лакхе и лохе (чеч.). Подобное деление характерно в большинстве случаев для сел, развивающихся путем образования выселков с последующим формированием на их базе самостоятельных сел. В случаях же роста села внутри черты поселения, его развитие шло по пути образования кварталов, именуемых куп. Однако, независимо от особенностей процесса развития села, и выселки и кварталы, как правило носили моногенный характер.

В качестве примера развитого села остановимся более подробно на описании селения Эрзи.

Ко времени завершения формирования основных элементов этого села в нем было 9 тейпа (Янды, Евкур, Мамилга, Эсьмарза, Заура, Хаза, Дасхой, Алдыган и Кете), каждая из которых, представляя наиболее широкое родственное объединение, имела свою, завершенную в строительстве оборонительную башню—хевсуры так и называли это село—Цхр а ц и хе (букв. «Девятибашенная»). В результате развития некоторых тейпа и их сегментации на отдельные в а ъ р (первое ответвление от тейпа), последние со своей стороны, путем дальнейшего развития, перерастали в самостоятельные тейпы, вновь делившиеся на новые в а ъ р и т. д. В силу такой структуры родственной организации, мы застали в Эрзи уже 14 тейпа, при чем некоторые из них включали по несколько ваър, не успевших еще оформиться в самостоятельные тейпы. Т. н. Янда-тейпа состоял из трех ваър—Сурхой-ваър (A^I I), Черкхий-ваър (A^{II} I) и Эрселга-ваър (A^{III} 1; рис. 17). То же самое можно отметить и в отношении Евкур-тейпа, состоявшей из Муража-ваър (B^{II} I), Итр-ваър (B^{II} 4) и Евкур-ваър (B^I I; рис.

39), переселившегося в Ольгет и там построившего свою оборонительную башню.

Были, конечно, и такие тейпа, которые по уровню своего численного и имущественного развития, не имели своих подразделений на ваър. К числу таковых относится напр., ГІазда-тейпа, насчитывавшая всего три жилых комплекса (Е, Е 1 и Е 2). От отдельных тейп остались лишь башни (напр., Досхоу-тейпа, С).

Ваър со своей стороны включает ряд наькъе — группу семей одного происхождения. Так, напр., Евкур-ваър состоит из Лорса-наькъе (В^І 1), Возка-наькъе (В^І 2), Евкур-наькъе (В^І 3) и Итр-наькъе (В^І 4).

Мельчайшей ячейкой была семья — дѣзал, группы которых, ближайших по происхождению, составляли наькъе.

Помимо этого деления родственного объединения тейпа, по которым происходило расселение внутри села, в частности деления на ваър и наькъе, среди ингушей было известно также деление на доал (букв. «отцов»), которые по времени выделения, а следовательно и по близости родственных связей, подразделялись на дальних — гаьнари и близких — йи хера. Это полностью соответствует порядку деления чеченской тайпа на гѣнара дайш и гаргара дайш в том же значении.

Рассматривая эту серию ингушского материала в свет данных этнографии Грузии, в частности хевсур, нельзя не отметить довольно близкого сходства в структуре родственных объединений. И здесь, как это установлено Р. Л. Харадзе, наиболее широкое родственное объединение дзири (ძირი) подразделяется на старые и новые мамани (მამანი) (букв. отцы) также в зависимости от времени их выделения и степени близости именуемые старыми и новыми¹⁷¹.

Между прочим, при сопоставлении груз. мамани и нах. доал, привлекает внимание порядок образования термина для

¹⁷¹ Р. Л. Харадзе. Хевсурское «дзири» и «гвари», Тезисы докладов на V научной конференции Отделения Общественных наук АН Груз. ССР. 1942, 9—11 (на груз. яз.); Ее же. Хевсурское «рджули» (кровная мѣсть). «Апалеби», I, Тб., 1947, 163 и след. (на груз. яз.); Ее же Хевсурское «дзири» и «гвари», «Мимомхилвели», I, Тб., 1949; 187 и след. (на груз. яз.).

обозначения наследственного владения, который в нахских языках представлен в виде долу, как производный от да (отец) подобно грузинскому мамули (მამული) от мама მამა (тоже отец). Параллели этому, естественно, не исчерпываются примерами из языков народов Кавказа.

В условиях более высокого уровня общественного развития, характерного для Сванети, мы имеем аналогичную структуру, при чем наиболее широкое родственное объединение сванов, именуемое с а м х у б // л а м х у б სამხუბლლამხუბ (бук. братство), также делилось по времени возникновения и степени близости по д з и р и ш м е х у б а р а р (ძირიშ მეხუბარარ მებარარ) и კ I а х и к а м е х у б а р а р, ჟ ა ხ ი კ მ ე ხ ბ ა რ ა რ т. е. близкие и дальние братства¹⁷².

В форме поселения, характерной для Чечни, сословное деление, естественно, принимает более четкое выражение. Это проявляется в первую очередь в габаритах жилых и оборонительных башен. Самое поверхностное сравнение вышеуказанных комплексов делает несомненным, что между чеченскими и ингушскими сооружениями существует хорошо прослеживаемая разница, о чем было сказано в своем месте. Помимо габаритов, также хорошо прослеживается стремление сословной верхушки и территориально обособиться от рядовых поселенцев. Примером этому может служить укрепление в сел. Макажое (Чеберлой). Оно расположено на краю села, на выступе скалы, и контролировало дорогу, идущую из Чеберлоя в Ботлих. Укрепление представлено в виде комплекса трех больших башен, каждая из которых превышает в высоте 30 м, с основанием в 8×8 м. Предание рассказывает, что в этом селе жили три тайпа — Алдамгеза, Терион и Ти-ахамарой, по имени трех братьев. В числе этих братьев наиболее сильным и влиятельным был Алдамгеза, у которого также было трое сыновей — Омар, Зандакъ и Хазбот. Каждый из них построил башню, которые назывались по имени братьев

¹⁷² Р. Л. Харадзе. Верхняя Сванети (Отчет об этнографической экспедиции 1937 года), ИИЯИМК, II-з, Тб., 1939, 25 (на груз. яз.); Е е ж е. Пережитки большой семьи у сванов, Тб., 1939, 19—28, 33—39 (на груз. яз.).

— ОмарабIов, ЗандакIабIов и ХазботабIов. В дальнейшем между ними началась борьба за власть, которую выиграл ЗандакI, в результате чего он сделался властителем всего укрепления.

Этот пункт имел существенное стратегическое значение. Он был расположен в ущелье р. Макажой, которая впадает в Андийское Кой-су. Отсюда идет дорога в Дагестан. Ближайшим пунктом, расположенным уже на территории Дагестана, является Ангалта; он расположен от Макажоя на расстоянии семи километров. До Ботлиха отсюда всего 18 км.

Схема расположения селения Кезеной (рис. 29), о котором уже говорилось выше, значительным образом отличается от обычных ингушских поселений наличием здесь мощной ограды в виде акрополя, который коренным образом меняет характер поселения.

К особенностям поселения горных чеченцев относится также наличие сторожевых башен, что накладывает свой отпечаток на форму поселения, указывая вместе с тем на более высокий уровень общественного развития, на более глубокий распад сельско-общинных традиций.

Вышеприведенные материалы, касающиеся жилищ и поселений, дают основание сделать следующие выводы:

Горноингушское поселение по памятникам материальной культуры, топографическим и морфологическим признакам является местным вариантом горнокавказского поселения. По характеру жилого комплекса, в котором акцентируется его оборонительная функция, обеспечивающая в первую очередь охрану семьи, а также возможность сочетания отдельно-семейной и общесельской обороны, при наличии специальных помещений для пленников, он отвечает военно-демократическому укладу, на почве которого видимо и происходило его формирование. Эта социальная почва однако была неоднородной, в пользу чего говорит наличие различных по степени укрепления комплексов и, особенно, обычай, регулирующий право на строительство башен. Обычай, в силу которого одни вовсе не имели права строить оборонительную башню, другие имели право строить лишь незавершенную, а третьи не ограничивались в правах строить завершенную башню, которая

имела не только оборонительную функцию, но и по местным представлениям выражала «достоинство семьи», говорит о наличии совершенно определенной дифференциации общества, хотя вышеуказанное право и не было юридически зафиксировано и в каждом отдельном случае поддерживалось силой оружия.

Наиболее развитые формы жилых комплексов представляют собой укрепления раннефеодального типа. По этому же типу складывались и поселения в целом.

Такая квалификация горноингушских поселений предполагает наличие классового общества, складывавшегося на почве развития раннефеодальных отношений, при наличии стойких пережитков дофеодального общества в виде различных форм общинной собственности, семейной общины и др. институтов.

В хозяйственном отношении вышеуказанная форма поселения в целом и в частности жилые комплексы отвечают интересам альпийского хозяйства, характеризуемого ведущим положением специализированного скотоводства, в пользу чего говорит и характер распределения площади в жилище и топография села.

Имея много общего во всех сферах культуры и быта с соседними народами Кавказа, ингуши вместе с тем характеризуются наличием оригинальных форм. К ним в первую очередь относится боевая башня, характерная для Чечено-Ингушетии.

Х. Д. ОШАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАХСКИХ БАШЕН В БОЮ

Все ученые, проводившие в горной Ингушетии и Чечне археологические и этнографические исследования останавливают внимание на изумительных памятниках средневекового зодчества: жилых и боевых башнях. Некоторые из них сходятся на том, что башенно-строительная культура нахов стояла на очень высоком уровне и была вполне самобытна. По времени возникновения жилые башни Чечено-Ингушетии, так же как и других районов горного Кавказа¹, считаются древнее боевых. Искусство строить изящные, стройные, двадцатиметровой высоты, геометрически правильные, сложенные на века, боевые башни ингуши и чеченцы освоили несомненно не в десяток лет: на это понадобилось по крайней мере столетия, в течении которых накапливался опыт. Мнение упомянутых исследователей сходится и на том, что постройку стоящих и поныне, многочисленных боевых башен Нагорной Ингушетии и Чечни нужно датировать XV—XVII веками.

Строительство боевых башен, надо полагать, началось в XIII—XIV веках, но как менее совершенные по технике сооружения, башни, построенные в этот период, вероятно, до наших дней не дошли.

Основные границы распространения боевых башен в

¹ Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Сванское село в прошлом, Тб., 1964, 24.

Ингушетии и Чечне определены в трудах Б. Плечке², Л. П. Семенова³ и в небольшой весьма ценной работе Ф. И. Марковина⁴; строились боевые башни только в границах районов, где имеются крепкие скальные материковые основания и в достатке поблизости был строительный камень. В тех районах, где имелись хрящевые, щебнистые или глинистые основания, боевые башни не строились.

Все исследователи сходятся на мысли, что боевые башни нахов имели оборонное значение и строили их для самозащиты отдельные тайпы.

Но почему боевые башни вытягивали ввысь на 18—20 метров, а по данным Л. П. Семенова даже на 20—25 метров?

Разве нельзя было обороняться в жилой башне, укрепив ее должным образом, подняв ее повыше и проделав в верхнем этаже боевые проемы, как это имеет место в ауле Никарой⁵.

Известно, что и в рабовладельческих государствах и в средневековой Европе города и крупные населенные пункты обносились высокими стенами, с боевыми башнями по углам. В горной Ингушетии и Чечне, в районах с сильно изрезанным рельефом, ограниченным земельными площадями, не было условий для столь массового скопления людей. Жили здесь сообществами, включающими множество небольших тайпа.

Строить сооружения, типа замков средневековой Европы не было ни нужды, ни возможности и к тому же социальный строй нахов не достиг еще до степени развитого феодализма.

Но почему же строили столь высокие башни?

² Die Tschetschenen. Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in der Jahren 1919-20 und 1927-28 von Dr. Bruno Pläetschke, Veröffentlichung des Geographischen Instituts der Universität Königsberg, H. XI, Hamb., 1928, 342.

³ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг., Грозный, 1963, 54 и след.

⁴ В. И. Марковин. Памятники раннего средневековья, КСИИ, АН СССР Вып. 90, Москва, 1962 г.

⁵ М. Х. Ошяев. Рекогносцировочное описание памятников средневековья р. Терлой-Ахк, АЭС, Грозный, 1966, 161.

Ответ по нашему мнению заключается в характере боевой техники того времени, когда строились эти башни. Боевые башни имели назначение для лучного и каменного боя.

По мнению В. И. Марковина, узкие бойницы свидетельствуют об употреблении огнестрельного оружия, которое якобы появляется с XV и повсеместно распространяется в XVI в.

Вряд ли можно согласиться с этим утверждением. Огнестрельное оружие в Ингушетии и Чечне не могло появиться в сколько-нибудь значительном количестве ни в XV, ни в XVI веках. В своей работе А. Бутков упоминает, что еще в бою с войсками Ветерани у кумыкского села Эндери в 1732 году чеченцы, наряду с огнестрельным, применяли и лучный бой⁶.

Верхний, пятый этаж башни имел боевое назначение. «Узкие бойницы» в нижних этажах служили лишь смотровыми щелями. Конечно, иногда они могли использоваться и для стрельбы из лука, а после появления огнестрельного оружия и для целей огневого боя.

Верхний боевой этаж имел четыре оконных проема, обращенные на четыре стороны. Высота проемов по данным И. П. Щерблыкина 1,6 метра. Нижняя часть проема была защищена отвесно стоящей на кронштейнах плитой машикулей. Стоя у боевых проемов во весь рост четыре защитника башни имели возможность обстрелять из лука любую точку вокруг жилого и башенного комплекса. Узкие проемы в смотровых щелях из-за длины лука этого не позволяли. Пущенная нападающим в защитника стрела по закону тяготения значительно теряла в полете в верх на 20 метров, свою боевую силу. При этих условиях для защитников стрелы представляли меньшую опасность и наоборот, стрела, пущенная защитником, приобретала большую убойную силу и он имел возможность вести обстрел более дальних целей. Чем выше башня тем больше преимуществ у защитника. По словам Д. Д. Мальсагова у ингушей был термин «в I е в х о а д а я р» — подрезать башню. В случае попытки «подрезать» башню подкопом под угол или в случае, если нападающие пытались проникнуть в башню

⁶ П. Бутков. Материалы к новой истории Кавказа, том. I, СПб. 1869, стр. 256.

через дверной проем, с боевого этажа сбрасывали на нападающих тяжелые камни.

Продолжительность осады, надо полагать, была в общем не длительной. Отсиживание в башне могло лимитироваться запасом воды, пищи и количеством стрел, имеющихся в распоряжении защитников. То, что при защите башен применялся лук, свидетельствует множество петроглифических изображений лука на склепах, башнях и других сооружениях, сцены охоты, фольклорные упоминания, находки луков в склепах, описанных в отчетах Л. П. Семенова. Несомненно, что лук был основным, метким и достаточно убойным оружием при обороне башенного комплекса.

Но при той дороговизне железа, которая в то время несомненно была, надолго ли хватили бы защитникам башни запасы стрел? Можно предположить, что подобным оружием служил, так называемый тIулга-Іад — лук для камня, являющийся сочетанием лука и пращи (рис. 1).

Праща, как боевое оружие, была известна предкам нахов еще со скифских времен. По крайней мере Е. И. Крупновым в Сержень-Юртовском поселении найдено множество обожженных керамических шаров, величиной с кулак, служивших для метания из пращи. Е. И. Крупнов доказал, что Сержень-Юртовское поселение было разрушено во время нашествия скифов. Праща по-чеченски носит название жIормак. Меткость бросания камня пращой не велика. Было в старину и другое оружие для метания камня именуемое ширдолаг⁷. Ширдолаг — оружие более меткое и дальнебойное, чем праща, (рис. 2). Им можно забросить каменные кругляши на расстояние до 300 метров.

Чеченские и ингушские дети развлекались метанием камней при помощи ширдолаг до наших дней.

Третьим орудием для метания круглых камней величиной с голубиное яйцо служил упомянутый лук для камня. Хороший лук может забросить камень на двести метров. Меткость его

⁷ Ширдолаг (чеч.), шурдолг (инг.) переключаются с груз. шурдули (შურდული) в том же значении (ред.).

высокая, но ниже чем у лука для стрелы. Устройство пращи общеизвестно: это кусочек продолговатого мягкого ремня; в две дырочки, проткнутые по краям ремешка, пропущены и закреплены узлами две тесемочки, длиной в 50—60 см. Камень кладется на ремешок, одну тесемочку зажимают в ладони, вторую держат между большим и указательным пальцами. Пращу приводят в сильное вращательное движение и одну тесьму отпускают.

Метательное орудие ширдолаг изготавливается следующим образом. Берется палка толщиной в большой палец, длиной от 60 до 100 см (чем длиннее палка, тем камень забрасывается дальше). На одном конце палки, отступив на сантиметр от края, делается продольное углубление (наподобие челночка швейной машины). В самом конце продолговатого углубления просверливается дыра. В эту дыру пропускается конец мягкого ремешка (длина 12—15 см, ширина 2—2,5 см). Ремешок на обоих концах имеет две продольные прорези. Продетый через дыру конец ремешка отворачивается назад и закрепляется на конце палки. Ко второй прорези привязывается тесьма. Общая длина тесьмы и ремешка чуть меньше длины всей палки. Круглый или овальный плоский камень вкладывается в ямку, обхватывается поверху ремешком, конец тесьмы захватывается большим и указательным пальцами. Палка зажимается в ладони. Делается один взмах рукой, отпуская при этом тесьму, и камень летит, совершая вращательное движение. Мы видим, что ширдолаг есть по сути усовершенствованная праща, только одна нить (палка) здесь жесткая. Ремешок также называется жлормак.

Тулга-Іад изготавливается из упругого крепкого дерева, обычно из кизильника. У обычного лука для стрел изгибы в верхней и нижней части одинаковы. Лук для камня изготавливался несколько иначе. Верхняя часть лука при метании камня изгибается—несколько круче. Верхняя часть была немного стесана и в разрезе давала контур полуовала. Лук без тетивы (лучина, как и в луке для стрел) по-ингушски и чеченски именуют Іа д д а р г Іа (Іад обозначает лук вообще). (таб. В).

Нижний конец лука для камня несколько заострялся,

верхний конец обрезывался прямо. На верхнем наружном (от изгиба) конце делалось слегка наискось углубление для тетивы. Углубление это носит по чеченски название *вениз* // *вениз*. Тетива в луке для камня, в отличие от обыкновенного лука, двойная. Самая лучшая тетива изготовлялась из оленьей кожи, вырезанной из спинной части. Тетива толщиной в полтора—два миллиметра слегка скручивалась, обильно смазывалась воском. Общая длина сложенной вдвое тетивы чуть больше *Гаддартла* (лучины). Прежде чем натянуть тетиву на лучину, изготавливали ремешок, в котором, как и в пращу, вкладывался камень. Размеры ремешка 12×3 сантиметра. Кромки ремешка отгибались и прошивались так, чтобы с обоих концов оставались трубчатые отверстия; В эти отверстия пропускались концы тетивы. Смотри по длине лука ремешок, с расчетом, чтобы он был посередине тетивы, подтягивался вверх. Два пропущенных через ремешок (который также носит название *жюрмак*) конца прочным узлом привязывались к нижнему заостренному концу лучины. В верхней части тетивы, образовывалась петля. На расстоянии 10—12 см, тетиву расчаливали палочкой в карандаш толщиной в сантиметров 10—12 длиной. Лук изгибали и петлю, образовавшуюся в середине тетивы, утопляли в углублении, в верхнем конце лука (*вениз*). Палочка — расчалка носит название *лаг* (букв, шея).

Так как нити тетивы от нижней части кверху расходятся лучеобразно, то тетиву именуют *Зенаш* — лучи. Это же название имеет тетива лука для стрел.

Камень вкладывали в ремешок (как в детской рогатке) и натяжением тетив (лучеобразно расходящихся от нижнего конца лука к расчалке) метали. Величина метаемого круглого камня — от лесного ореха до грецкого.

Мы отметили, что углубление — *вениз* — делается чуть наискосок. Это делалось для того, чтобы бросаемый камень не попадал в лучину. Для правой углубление делали справа *вниз*, для левой — наоборот. Еще на памяти пишущего эти строки, взрослые люди, даже старики, с таким луком ходили охотиться на птиц. Ловкий охотник на двадцать метров без промаха бил голубей, уток и даже зайцев. Специально соб-

ранные на реке круглые камни они носили в сумочках, перекинутых через плечо.

Теперь перейдем к нашему предположению. Мы полагаем, что наряду с лучным боем, ведшимся стрелами с железными или бронзовыми наконечниками, с боевой башни вели бой и с помощью лука для камня. Камень величиной с грецкий орех с силой сброшенный с двадцатиметровой высоты, будет иметь вполне достаточную убойную силу. Запасаться же круглыми камнями в боевом этаже можно было в достаточном количестве.

Метательными орудиями — пращей и ширдолаг — невозможно пользоваться в тесном помещении верхнего этажа. Праща и ширдолаг могли применяться на открытом месте.

Для доказательства нашего положения, что боевые башни назначались и для каменного боя, перейдем к этимологии и семантике вейнахского слова тІом — война, бой, битва. Ингуши употребляют слово тІом чаще в значении «война».

Слово тІом несомненно образовалось от слова тІо — камень (значение тІо — собирательное). Словообразовательный суффикс м очень часто образует новые слова от глаголов. И у ингушей и у чеченцев есть поговорка: «тІо беттахь, гІорг ва со», — если даже камень будет бить, я пойду.

Общеизвестно, что в нарттовском эпосе великаны ведут битву, бросая друг в друга глыбы скал. От слова тІом образовалось слово тІемло — боец, воин (тІом — тІомло — тІемло). По-видимому, от общего корня слова бІов — вІов — боевая башня, произошли слова бІо — войско и бІахо — воин. Более позднего происхождения слово эскар — заимствованное из тюркского.

Но было ли слово, обозначающее понятие «войско» до того, как начались стронься боевые башни. Мы считаем, что таким словом было ныне почти забытое сур. Употребляется оно у чеченцев сейчас для несколько иронического поименования кучи детей. «И вогІура берийн сур тІаькъа а хІоттийна» — он шел впереди целого войска детей (чеч.).

В связи с этим уместно остановиться на одном моменте из труда Л. П. Семенова. Ссылаясь на сведения арабских географов IX—X веков о существовании на территории ны-

нешней горной Ингушетии царства Сур с крепостью Баб-Сур (Баб-Сур) и комментарии Н. А. Караулова к этому указанию арабского источника, автор разделяет мнение последнего, согласно которому «Царство Сур не что иное, как Цори во Владикавказском округе Терской области (сравни так же ниже по течению р. Ассы ингушский аул Сур-Хойхи)»⁸.

Здесь впали в ошибку, как Н. А. Караулов, так и Л. П. Семенов. Произошло это из-за искаженной передачи названия Цори. По ингушски это общество называется не Цори, а Цхьори. По нашему мнению здесь речь идет не об Ассинском ущелье, а о Ханкальском, начинающемся в пяти километрах, на юге от Грозного. Известно, что у входа в это ущелье находилась Хан-кхаьлла — Ханская крепость. Ханкальский проход по-чеченски называется Шина Суьйран Юкъ — проход между двумя Сурами (коренная гласная «у» в этом слове в родительном падеже смягчается). Обе горы, отделенные друг от друга расстоянием в 1—1,5 км носят одинаковые названия Суьйран-Корт — гора войска. В Веденском районе есть еще третья гора, под названием Суьйран-Корт. Имеются и другие подобные топонимы. В Шатоевском районе есть хребет именуемый БIаьн-Дукъ. Хребет войска, в Итум-Калинском БIо-бохкучугутIе (на картах Бабаш Гуда) обозначающее «холм, где находится войско» (или «зарыто войско»).

Ошибочно у Н. А. Караулова и толкование топонима ингушского села Сурхохи. Сурхо-хи обозначает «река Сурхо». Имя это очень распространено и в Ингушетии, и в Чечне. Этимология его следующая. Конечное — словообразовательный суффикс, образующий слова профессии или деятельности, подобно русскому суффиксам — ец и — чик. Сурхо следовательно обозначает «боец». Образовалось оно совершенно подобным же образом, как вышеупомянутое слово бIахо — боец, от бIо — войско.

В 1964 году во время рекогносцировочного обследования памятников средневековья в ущели Тёрлой-Ахк М. Х. Ошаев

⁸ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг., 68.

имел беседу с пастухом Юнусовым Анаудином (1894 г. р.) из с. ДЕРЕ ХАЧАРОВЕВСКОГО уЩЕЛЬЯ (горного аула Чечни). По его сообщению он слышал от стариков о том, что в прошлом в горах воевали камнями, а также шарами из обожженной глины. Это сообщение весьма знаменательно. Е. И. Крупнов в Сержень-Юртовском поселении обнаружил массу шаров для метания из пращи. Горцы Шатоевского и Итум-Калинского районов называют камень словом тІулг (произшедшее от тІо — уменьшительное тІо-лиг//тІулг) и кхийра. Одинаково можно сказать «тІулг тоьхна» — ударил камнем и «кхийра тоьхна». Но кхийра это обожженная глина. Глиняный кувшин именуют кхийра кх дба, глиняную посуду — кхийра пхъегІа. Вполне возможно, что термин кхийра употреблявшейся для обожженного глиняного катышка, переосмыслился, и камень параллельно стали именовать и словом кхийра.

Подводя итоги нужно сказать следующее:

1. Боевые башни строили столь высокими потому, что они давали их защитникам ряд преимуществ при обороне: дальность обстрела из лука, большую убойную силу стрелы, сравнительно большую безопасность защитников, меньшую убойную силу стрел противника. По всей вероятности защитники наряду с лучным боем (стрелами) использовали и лук для метания камня, дававший защитникам возможность использовать как средство боя, камень, который возможно было накопить в неограниченном количестве.

2. Этимология слова тІом — бой, война, а также три вида метательных орудий: праща, шурдолг и лук для камня свидетельствуют о том, что издревле камень служил у нахов, как важное средство боевой техники.

Р. Л. ХАРАДЗЕ, А. И. РОБАКИДЗЕ

ХАРАКТЕР СОСЛОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Несмотря на многочисленные комиссии, выделенные царской администрацией в целях изучения общественного устройства горцев Кавказа по поводу предполагаемой крестьянской реформы, характер социальных отношений кавказских горцев и в том числе нахов в дореволюционной литературе был безнадежно запутан. Этому способствовала двойная политика русского царизма, который, первое время, желая иметь опору на местах, создавал феодальную верхушку там, где таковая отсутствовала, а в период реформ, имея в виду финансовые обязательства, не видел феодалов там, где они существовали на протяжении веков.

Вопрос сословий в горной Ингушетии был одним из самых запутанных.

В архивах С/О АССР хранится журнал, в котором зарегистрировано «Прошение доверенных Джераховского общества, от 15-го декабря сего (1862—авт.) года, в котором просят разобрать права их по происхождению вместе с туземцами Тагаурского общества, особо от жителей Ингушского округа». Как видно из дальнейшего хода прошения, соответствующей комиссии было предписано разобрать этот вопрос¹.

Таким образом, часть жителей Армхинского ущелья ставила вопрос о рассмотрении их сословных прав отдельно от остальных жителей — тоже ингушей — того же ущелья.

¹ ЦГА С/ОАССР, ф., 291, д. 31, л. 1.

Кто же конкретно является просителем? Один из просителей Эльбуздуко Цуров писал: «Считая себя с братьями и их семействами принадлежащими по происхождению к высшему сословию..., прошу причислить к той категории высшего сословия, к которой комиссия найдет возможным»². Эта просьба мотивируется тем, что они имеют «свой аул, холопей и кавдасардов», иск о закреплении за ними земли в Длинной Долине, а кроме того родство с Тагаурскими алдарами, которые выдавали за Цуровых своих дочерей. Законными претендентами на высшее сословие автор заявления считает также Хаматхановых. Вместе с тем податель заявления признает что до 1871 года население Ингушевского округа «не имеет никаких сословных подразделений». Аналогичные устремления были и у Лаудаевых.

Желание отмежеваться от соплеменников, которые не признавали за Цуровыми, Лаудаевыми и Хаматхановыми сословных привилегий, и «причислиться» к осетинскому высшему сословию, не является оригинальным. После присоединения Кавказа к России многие фамилии, за которыми кавказские горцы не признавали сословных прерогатив, пытались при поддержке русской администрации добиться этого признания. Так напр., в документе датированном 1872 годом, указано: «Шапсугские и патухайские дворяне, будучи не довольны своеволием и непокорностью народа, отвергающего права и власть дворянства и провозглашающего равенство сословий в своих обществах, вознамерились отделиться от народа и составить соединенное общество, покорное Государю Императору»³.

Более ранние архивные документы и некритически следуемые за ними исследователи также упорно твердили, что «Сословных различий в чеченском племени (включая сюда и ингушей, авт.) нет»⁴. Однако отрицая существование сословий, те же источники вместе с тем подтверждали наличие таких элементов в общественном быту ингушей, которые указывали на довольно высокий уровень развития социаль-

² ЦГА С/ОАССР, ф. 262, д. 12, л. 72.

³ ЦГА С/ОАССР, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 76.

⁴ ЦГА С/ОАССР, ф. 262, д. 1, лл. 114—115.

ной дифференциации. Так, напр., приведенный архивный документ, заявляющий об отсутствии в Ингушетии сословий, там же признает, что в прежнее время здесь был «класс рабов».

Некоторые документы, так же как и исследователи, обращали внимание лишь на лиц, выделенных внутри той или иной фамилии. Так, например, один документ семидесятых г. XIX века сообщает о «Лучших и почетнейших людях от 6 ингушских фамилий»⁵. В это же время Н. Грабовский говорит о наличии «заслуженных лиц», к которому народ относится «...с большим почтением нежели к обыкновенному смертному»⁶. По сообщению Ч. Ахриева «Жители всегда выбирали из своей среды отличнейших по своему уму, богатству, а не исключительно по происхождению, людей и передавали им право судить и производить расправу»⁷. Далее автор говорит, что и выборные лица свое окончательное решение не могли выносить без согласия старейших членов общества, хотя кровь старшины ценилась вдвое дороже «обыкновенного галгаевца». В этой же работе Ч. Ахриев пишет о слабом развитии у ингушей «аристократического элемента», и отсутствии у карабулаков «каких-либо наследственных общественных обязанностей».

Вместе с тем имеются и противоположные сообщения, касающиеся не отдельных лиц, а целых фамилий. В этом отношении интересное наблюдение содержится в одном описании ингушской свадьбы, в частности: «Если они берут себе вторую или третью жену, выбирают сами... из хорошей фамилии, богатство или бедность не принимается в расчет»⁸. По словам Н. Яковлева в Ингушетии «Из старых благородных родов не успели еще развиться настоящие князья и царьки»⁹.

⁵ АКАК, т. IV, Тиф., 1870, 90; Ср. Б. А. Алборов. Ингушское «гальерды» и осетинское «аларды», ИИНИК, I, Влад., 1928, 150.

⁶ Н. Ф. Грабовский. Ингуши..., ССКГ, IX, Т., 1876, 42.

⁷ Ч. Ахриев. Ингуши..., ССКГ, VIII, Т., 1875; 4.

⁸ З. А. Акимов. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей. СМЭ, III, М. 1888, 144.

⁹ Н. Ф. Яковлев. Ингуши, М., 1925, 102; Н. Н. Харузин. Заметка о юридическом быте чеченцев и ингушей, СМЭ, III, М., 1888, 116.

9. Кавказский этнографический сборник

Т. о. вышеуказанные авторы, отрицая наличие сословий в Ингушетии, вместе с тем подтверждают существование «хороших», «сильных», «благородных» родов, даже «аристократического элемента».

Из историков прошлого привлекают внимание сведения В. Багратиони. Он специально не останавливается на характеристике общественного быта нахов, но при описании нравов обычаев глггов, пишет: «...религией, вероисповеданием, правами, поступками, обычаями разумеи такими, каковы овсы»¹⁰, у овсов же он признает наличие «знатных» и «превосходнейших» родов¹¹. Возможно, в этом случае мы имеем косвенное указание на наличие сословий у ингушей.

И. Гюльденштедт отмечает наличие сословий у чеченцев, отрицая это в отношении ингушей¹².

В наше уже время сформировалось точка зрения, которая видит в Ингушетии «...производственную структуру феодализма, формы феодальной эксплуатации, крепостничество, внеэкономическое принуждение и др. черты феодальных отношений»¹³.

Из работ последнего времени, посвященных специально проблеме общественного быта нахов, привлечением новых архивных данных и обстоятельностью их анализа отличаются исследования Б. В. Скитского, А. В. Фадеева, Н. П. Гриценко. В свете археологического материала этот вопрос рассмотрен Е. И. Крупновым, а в свете этнографического И. М. Саидовым.

Б. В. Скитский напр., также как и Г. Мартиросиан придерживается более крайней формулировки, согласно которой ингушская общественность характеризовалась «основными чертами феодальной формации»¹⁴.

Более осторожной формулировки придерживается А. Генко, по словам которого «Ингуши, подобно большинству че-

¹⁰ Вахушти Багратиони. География Грузии, Т., 1904, 152.

¹¹ Там же, 140—141.

¹² Путешествие Гюльденштедта по Грузии, 11, Т., 1964, 73.

¹³ Г. К. Мартиросиан. История Ингуши, Ордж., 1933, 32.

¹⁴ Б. В. Скитский. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа, ИЧИНИИ, т. I, в. I, Грозный, 1959, 160.

ченцев, почти не знали фиксированных в правосознании социальных подразделений (в своей среде) на привелигированных и бесправных»¹⁵. Среди современных авторов подробно останавливается на этом вопросе Е. И. Крупнов. Имущественное неравенство, накопление богатств в руках отдельных фамилий, наличие рабства, появление частной собственности на земли и скот, обособление старшин, при наследственном характере их власти и т. д. дают основание автору говорить о том, что «...ингушское общество к XIX в. находилось накануне образования классового общества»¹⁶. А. В. Фадеев говорит о натуральном хозяйстве и патриархально-феодалных формах общественного быта, которые были характерны для горцев Кавказа, а в том числе и для чеченцев и ингушей ко времени присоединения их к России, признавая вместе с тем наличие элементов капитализма к концу XIX века¹⁷. По Н. П. Гриценко в XVIII и первой половине XIX века в Чечено-Ингушетии, в частности «В нагорной полосе шел процесс феодализации, хотя феодальные отношения только зарождались и находились в первоначальной стадии своего развития»¹⁸. Довольно расплывчато представлен этот вопрос в соответствующем разделе «Народы Кавказа», в котором сказано: «Ингуши не имели своих ханов, бегов и князей. Однако издавна существовало значительное имущественное неравенство и патриархальное рабство... Сильные фамилии подчиняли себе более слабые, нередко присваивая их скот, земельные участки»¹⁹.

Можно было бы привести и другие эксцерпты из дореволюционных произведений, касающихся Ингушетии, но все без исключения они страдают либо чрезвычайно общими фор-

¹⁵ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, ЗКВ, V, Л., 1930, 722.

¹⁶ Е. И. Крупнов. К истории Ингушии, ВДИ, 1939, № 2, 89.

¹⁷ А. В. Фадеев. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России, ИЧИНИИЯЛ, т. II, вып. I, История, Грозный, 1960, 4.

¹⁸ Н. П. Гриценко. К вопросу о социально-экономических отношениях к Чечено-Ингушетии, ИЧИНИИЯЛ, т. V, вып. I, Грозный, 1964, 3.

¹⁹ Народы Кавказа, I, М., 1960, 383.

мами, либо представляют попытку втиснуть социальные взаимоотношения, характерные для ингушского общества, в общие социологические схемы без учета местных особенностей, либо рассматривает и Чечню и Ингушетию, и горы и равнину в одном аспекте.

Это является результатом некритического подхода к архивным материалам, невнимательного отношения к памятникам материальной культуры горного Кавказа, но в первую очередь отсутствия письменных источников.

Не претендуя дать решение этого сложного вопроса, попытаемся привести в систему имеющиеся этнографические материалы, пополненные новыми данными с целью их возможного использования для освещения некоторых сторон общественного быта ингушей в частности их военно-демократического уклада в период достигаемой для этнографических методов исследований.

По этнографическому материалу, неоднократно фиксируемому нами в горной Ингушетии, население различало сильные и слабые тейпа, среди которых первые именовались эзди тейпа, а вторые—лай тейпа. Необходимо учитывать, что в момент сбора материала под термином тейпа подразумевается довольно неопределенная группа родственных групп. В литературе для обозначения сильного тейпа иногда употребляется понятие эзди нах, что означает слово в слово благородные люди. Лишь в одном случае (сел. Бейни, Воксак Мериевич Шоухалов, 91 года) записан термин йикъер нах в значении «средняя фамилия, между эзди и лей, которая никому не подчиняется и которой никто не подчиняется»²⁰.

От таргимских сказителей записаны сведения, согласно которым «Таргимхой, Хамхой, Эгхой были видные по всей Ингушетии тейпы»²¹. В данном конкретном случае термин тейпа употребляется сказителем в наиболее широком смысле этого слова; оно подразумевает население сел Таргима, Хамхи, и Эгикала, в которых, как было отмечено, проживали са-

²⁰ Б. Г а м к р е л и д з е. Дневник ЧИЭЭ, 1963, тет. № 1, 10.

²¹ Т а м же, тет. № 2, 45.

мые различные тейпа. В этом смысле вышеприведенное сообщение Г. Мартирозиана об особом положении галгаев вполне соответствует данным этнографии, собранным нами.

Однако конкретное значение термина сильный и слабый, так же как и выражение «особое положение» остается все же неясным, а термины эзди тейпа, лай тейпа и йикъер наькъе тейпа не удалось проиллюстрировать на фактическом материале для того, чтобы более или менее полно понять их содержания. В пределах имеющегося у нас материала мы можем утверждать, что термин эзди имеет непосредственное отношение к общеизвестному на Кавказе термину уздень, а лай — к термину лаг.

Уздень, как известно, у горцев Кавказа широко распространен, однако в различных районах горного Кавказа он имеет различное значение. В Кабарде, где феодальные отношения достигли сравнительно высокого уровня развития, уздень равнозначен дворянину. У кумыков существовали четыре категории узденей: сала-уздени, занимающие промежуточное положение между феодалами и зависимым сословием, догерек-уздени, составляющие социально зависимый слой, кара-уздени, стоящие одной ступенью ниже, и азат-уздени, освобожденные от личной зависимости. Къара ёзден в Карачее (и каруздин в Балкарии), в свое время, обозначали лично свободное сословие, однако в результате развития оно распалось на две группы — сийлыёзден и сийсызёзден, среди которых первая объединяет «почетных» лиц, а вторая «непочетных». У некоторых народов Дагестана, напр., аварцев, термином уздень обозначается лично свободный, а у кайтагцев он имеет два значения — в горах он означает свободного, а на плоскости — зависимого. У лакцев в прошлом этот термин обозначал лично свободного.

Этот краткий обзор значения социального термина уздень у различных народов горного Кавказа довольно явно указывает насколько различно его содержание в зависимости от конкретно-исторической среды своего бытования. Наглядна также беспочвенность употребления в качестве его эквивалента термина дворянин. В этом случае общим для

всего горного Кавказа является лишь то, что термин узденъ обозначает «определенную» социальную прослойку, но какую именно — этот вопрос надо решать в каждом отдельном случае самостоятельно.

Лей//лай в значении зависимого сословия встречается лишь в Ингушетии и Чечне. Он обычно переводится термином раб. У тюрко-язычных народов Кавказа в этом же значении употребляется термин кIул (карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы); он употребляется также кайтагцами. Горцы Западного Кавказа, в частности, кабардинцы и абазинцы для обозначения раба пользуются соответственно терминами унаут и увнав, дословно — домашний человек. В Абхазии соответствующий термин — ахашвла — выражает понятие добыча.

Среди горцев Восточного Кавказа наибольшим распространением пользуются термины лук (лезгины), лагI (аварцы и лакцы). Одна из форм этого термина — лиг — распространена, наряду с термином увнав, у абазинцев, при чем она обозначает бывшего раба, но уже обзаведенного своим хозяйством.

Некоторые исследователи термины лаг, лиг и т. д. увязывают с осетинским лӕг в значении человек. А. Генко, напр., предполагает, что термин лей общекавказского происхождения со связями с одной стороны с осетинским лӕг, а с другой — с аварским (лезгинским? авт.) лук²².

В. И. Абаев в связи с осетинским термином lag в значении 'человек' 'мужчина' приводит авар. lagh 'раб', дарг. lagh 'раб', лак. lak 'племенное название', лезг. luk 'раб', чечен-ингуш. lăj 'раб' абаз. ləg 'крестьянин'.²³

Фонетическая закономерность, согласно которой в заимствованных словах с конечным г в нахских языках это послед-

²² А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, 721; Ср. Х. Рамазанов. К вопросу о рабстве в Дагестане. УЗИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. IX. Махачкала, 1961, 156.

²³ В. И. Абаев. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка, ОЯФ, I, М.-Л., 1949, 90; М. К. Андроникашвили. Очерки по праиско-грузинским языковым взаимоотношениям, I, Т., 1966, 99.

нее либо трансформируется либо вовсе теряется, говорит в пользу происхождения этого термина из осетинского.

И. Саидов пытается увязать ингушское лай со Страбоновским лаои. Эта попытка не лишена привлекательности. Как установлено, лаои сравнительно редко встречается у Страбона и имеет в основном два значения: «войско» и «пришлые поселенцы»²⁴. С. Н. Джанашиа, в одной из своих основных работ по истории раннего феодализма в Грузии, посвятил специальный параграф термину лаои, обозначавшему у Страбона четвертый «разряд» населения Иберии. Возможными источниками образования этого «разряда» (гене) С. Н. Джанашиа считает: 1. Социальную дифференциацию, в результате которой складывается зависимое сословие. 2. Прикрепление к земле царских рабов, 3. Завоевание инородных племен господствующей верхушкой в социальном отношении довольно дифференцированного общества. Указывая на необходимость привлечения новых материалов для окончательного решения этого вопроса, автор склонен видеть в лаои Страбона применительно к Иберии зависимое сословие, образовавшееся в результате завоеваний инородных племен²⁵. В этом отношении вышеуказанное предположение И. М. Саидова не лишено интереса, хотя оно нуждается как в исторической так и в лингвистической аргументации. Происхождение этого термина не является предметом нашего исследования — по вопросу существует уже довольно солидная специальная литература, но для того, чтобы представить себе более или менее конкретно реальное содержание бытовавших в Ингушетии терминов эди и лай, попытаемся посмотреть на них с позиции этнографического материала.

Ингушские оборонительные башни, как это было указа-

²⁴ Т. С. Каухчишвили. География Страбона, Тб., 1957, 48—52 (на груз. яз.); З. Алексидзе. Древнейшие грузинские социальные термины, «Моамбе» Отделения общественных наук АН ГССР, 1963, № 1, 180. Там же литература вопроса (на груз. яз.).

²⁵ С. Н. Джанашиа. Ранний феодализм, Труды, II, Тб., 1952, 166—167 (на груз. яз.).

но выше, имели в нижнем этаже ямы различного назначения. Одни из них применялись для хранения продуктов питания, воды и т. д., а другие, несколько большие по размерам, выполняли функции темницы; эти ямы назывались ларма²³. Одна такая яма описана и графически фиксирована в сел. Кошк в Армхинском ущельи. Яма устроена в самом нижнем этаже, который обычно заполнен инертной массой, как говорят строители — забучен. Высота ямы превышает два метра, а пол представляет неправильный четырехугольник размером 1,5×1,5 м. Яма имеет лаз, на котором лежит каменная крышка, одновременно маскирующая яму, т. к. ее местонахождение составляло тайну семьи.

Наличие подобных ям в Ингушетии известно и по литературе. Так, напр., Н. Яковлев в связи с вышеуказанным термином пишет: «Так называется по-ингушки» «каменный мешок», тесное и глубокое каменное помещение, которые устраивались в каменных, похожих на башни, горных домах ингушей. Служило оно для хранения муки, зерна и других продуктов. Сюда же сажали провинившихся рабов и пленников»²⁷. По словам М. Мамакаева «Ларим — клетка для заключения пленников — имеются почти во всех башнях Чечено-Ингушетии»²⁸. В тех случаях, когда практика пленения носила характер широко и правильно поставленного систематического занятия, строили специальные здания в виде сильно укрепленных комплексов. Один такой комплекс описан Г. Мартиросяном в сел. Мецхал в следующих словах: «Это большое мрачное, с высокими сводами, помещение, находящееся в центре владения, окруженного каменной стеной, защищавшей башни, и примыкающие к ним жилища»²⁹. Между прочим здесь же были обнаружены кандалы.

²⁶ Термину ларма в грузинском соответствует *срмо*, а в осетинском *варг* который увязывается с др. инд. *vaṛaṭ* в значении укрытия, закрытого места (М. К. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, I, 102).

²⁷ Н. Ф. Яковлев. Ингуши, 77.

²⁸ Е. М. Мамакаев. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения, Грозный, 1962, 27.

²⁹ Г. К. Мартиросян. История Ингуши, 45.

На эту деталь ингушского жилого комплекса в свое время обратил внимание И. Щеблыкин. Описывая указанные помещения, автор говорит «Эти колодцы — мешки предназначались для пленников, где их держали закованными в ручные кандалы. Колодцы сверху прикрывались толстой каменной плитой. В подобных помещениях пленники иногда томились по несколько лет, ожидая выкупа или обмена. Во время тревоги пленников переводили в нижний этаж боевых башен»³⁰.

Пленение в прошлом у народов горного Кавказа представляло собой широко распространенное явление. Ингушетия и в этом отношении не составляла исключения. Собранный нами этнографический материал дает возможность обрисовать более или менее полную картину этого института, пережитки которого долгое время бытовали после того как почва, породившая его, была уже давно пройденным этапом.

По материалам, записанным в сел. Лежги, «раньше занимались пленением иноплеменников и взятием за него выкупа. Однако, если пленник — эсар — не мог быть выкупленным его близкими, он оставался у того кто брал его в плен и превращался в раба. Пленник, превращенный в раба, здесь именовался лей»³¹.

После этого лей работал в семье его пленившего; на него возлагали уход за скотом, уборку помещения, кормление скота, пахание, посев, уборку урожая, его устройство на хранение на зиму, сенокошение, скирдование, уборку на зиму, заготовление запаса дров, обеспечение семьи водой.

Лей не имел своего дома; ему давали пристройку к дому. Он не мог жениться, не имел земли, не имел сельскохозяйственных орудий. Будучи лишенным права на средства производства, естественно, он не имел и тейпового наименования.

Пленение происходило за пределами своей общины, преимущественно за пределами ущелья, т. к. в некоторых ущельях располагалось несколько общин. Пленение наносило пле-

³⁰ И. П. Щ е б л ы к и н. Искусство ингушей..., ИИНИИК, I, Влад., 1928, 283; ср. 272.

³¹ А. И. Р о б а к и д з е. Дневник ЧИЭЭ, 1962, тет. № 1, 17—18.

ненному непоправимый моральный ущерб — даже после выкупа он не мог восстановить своего бывшего престижа. Это говорит о том, что пленение происходило не только на почве материальной заинтересованности.

По материалам, записанным в Джайрахи, «Пленного мужчину помещали в яму (ларма). Пребывание в яме продолжалось 5—6 дней, до того пока похититель наводил справки относительно плененного — его личности, родни, выкупной способности и т. д. После этого его высвобождали из ямы и держали в общем помещении, но под присмотром. Если ближайшие родственники не могли или не хотели его выкупить, пленный оставался в селении у того члена дружины, которому он доставался по договору. Договор же строился на основе равного распределения всей добычи между похитителями. При разделе братьев судьбу пленника решал жребий. По происшествии неопределенного времени пленный, если конечно он верно служил своему хозяину, получал от него участок земли с условием выплаты натуральной ренты, а вместе с тем приобретал право поставить свой собственный дом, иногда даже башню, но не завершенную, и обзавестись своей семьей. Потомство его именовалось ёсар берйш: оно всегда было в долгу перед семьей похитителя и несло довольно неопределенную подать за пользование землей, отправляя и личные повинности.

Бывали случаи, что пленники, после того как обзаводились своим хозяйством, обогащались, усиливались, делались со своей стороны владельцами ёсар и приобретали право строить завершенную башню.

В селении Джайрах оставленный на домашние работы ёсар назывался кѳул³², видимо, под влиянием тюркоязычных соседей.

По материалу, зафиксированному в сел. Эрзи, похитители спустя несколько дней после пленения, через подставных лиц, зондировали почву для получения выкупа. В случае если близкие пленника не имели желание или возможности выкупить его, пленник оставался в доме своего хозяина в качестве

³² Г. Г. Гегечкори. Дневник ЧИЭЭ, 1962, тет. № 1, 12.

работника, с перспективой через некоторое время получить в аренду участок земли и обзавестись своим собственным хозяйством. По словам информаторов, оставленный на произвол судьбы пленный сам уже терял желание возвратиться домой, предпочитая остаться у хозяина. Во всех случаях оставления на работу ёсар именовался леем. Леем же он именовался и после того, как получал право владения на средства производства.

В большинстве случаев это происходило при разделе семьи, либо при кончине главы семьи — цIенда — и замене его новым. Новый цIенда, как правило, освобождал лей от рабства и сажал его на землю. Несмотря на это лей продолжал «работать на своего хозяина»³³.

Лей на все время состояния в качестве раба питался также как и остальные члены семьи, но садиться за стол вместе с ними не имел права³⁴.

Систематическими набегами на соседние общины с целью добычи скота, оружия и пленников славилось селение Шени, отдельные тейпы которой промышляли пленников в Осетии, Чечне и Хевсурети³⁵.

По сведениям, записанным в сел. Лежги, ёсар составлял предмет «охоты» молодежи. После завершения набега пленный находился поочередно у членов военной дружины. По истечении некоторого срока пленный закреплялся за одним из членов дружины по договоренности между ними и, затем, получив участок земли в аренду, обзаводился семьей.

Военная дружина в сел. Джайрахи именовалась глаьр; она состояла из хорошо вооруженных удальцев, спаянных тесными узами дружбы, не носила постоянного характера и создавалась в каждом отдельном случае самостоятельно. Объектами добычи были скот, оружие, драгоценности и люди.

Если за пленника удавалось взять выкуп — йоал — он делился поровну между участниками набега. Шенцы уст-

³³ Б. В. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1963, тет. № 1, 46—47.

³⁴ В. Дж. Итонишвили. Дневник ЧИЭЭ, 1963, тет. № 1, 9.

³⁵ А. И. Робаклидзе, Дневник ЧИЭЭ, 1963, тет. № 1, 25.

раивали набеги главным образом в Осетии, Кабарде, Грузии. По преданиям пленение ингушей адатом не было запрещено. Однако набеги внутри одного шахара запрещались самым категорическим образом.

После определения состава дружины, что держалось в самой строгой тайне, приступали к подготовке, которая включала обсуждение маршрута и времени набега. Надо было вместе с тем подготовить лошадей со всем снаряжением, оружие. Необходимо было также поупражняться в стрельбе и скачках. До выхода в набег члены дружины помещали свои семьи в оборонительных башнях, приводили в порядок саму башню в ожидании ответной акции от противника, учреждали надзор за противником, а также за окружающей свое селение местностью. Продажа пленников на сторону видимо имело место, но в сообщениях информаторов об этом ничего не говорится.

Таковы основные черты набегов за добычей в которой пленник занимал не последнее место.

После завершения набега, похитители, как было указано, зондировали почву, нащупывая возможность получения наибольшего выкупа. Одновременно близкие похищенного ходили по ущельям и ближайшим общинам, обращались к *вõккха саг* — «почетным людям» — с распросами о похищенном. «Почетные люди» того селения, в котором находился пленник, не скрывали этого, хотя и не называли семьи, похитившей пленника. Установив местонахождение, его близкие возвращались в свое селение и посредством своих людей устанавливали связь с селением похитителя. «Почетные люди» обоих сел вели переговоры относительно размера выкупа до того, пока не определялась сумма выкупа, либо пока стороны не приходили к выводу об отсутствии смысла дальнейших переговоров. В случае же соглашения, близкие пострадавшего приводили обусловленное количество быков, сдавали их «почетным людям» селения похитившего, взамен получали от него пленника.

Взаимоотношения кровной мести на почве пленения не возникали, хотя после выкупа плененный считал себя мораль-

по ущемленным и уже не пользовался прежним авторитетом.

Ингушский этнографический материал дает основание утверждать, что основной причиной пленения в определенных случаях действительно был выкуп. Это видно хотя бы из того, что при выборочных набегах главное внимание обращалось на зажиточность семьи, откуда собирались похитить кого-либо.

Для обозначения выкупа в Армхинском ущельи зафиксирован термин *герд*, который вместе с тем обозначает единицу измерения и равен приблизительно одному пуду зерна³⁶. На практике же расчет во время выкупа производился по количеству быков.

С точки зрения нашей темы наибольший интерес представляет тот случай, когда близкие *есар* не выкупали пленника и он превращался в *лея*.

Е. И. Крупнов в цитированной выше «К истории Ингушии», перечисляя источники рабства, во главе угла ставит войны. Невыкупленный и превращенный в *лея* пленник долгое время проживал в новой для него этнической среде, изучал язык, нравы и обычаи нового для него народа, привыкал к новым условиям быта. Происходил процесс его ассимиляции и полный разрыв с прошлым. Лишь после этого было возможным прикрепить его к земле, сделав одновременно лично обязанным, ибо вне этого он был бы просто арендатором. Таким образом, перед нами классический пример внеэкономического принуждения, которое предшествует прикреплению к земле в качестве одного из условий образования зависимого сословия.

Надо полагать, что под ингушским *гIаьр* мы имеем вооруженную дружину, сколачиваемую с целью набега и приобретения добычи, в которой определенное место занимал пленник. Организация этой дружины, порядок набега и способ раздела добычи бесспорно указывают на военное демократический характер этого института. Место пленника в добыче, случаи превращения его в *лея* с последующим закрепле-

³⁶ В. Дж. Итоншвили. Дневник ЧИЭЭ, 1963, № 1, 10.

нием за землей при условии выполнения им натуральной ренты и личных обязанностей, также бесперно указывает на особый характер рабства, которое имело целью не развитие рабовладельческих отношений, а ассимиляцию инородных элементов как необходимое предварительное условие закрепощения этого элемента. Стойкая сохранность общинного уклада при наличии далеко зашедшей имущественной дифференциации на первых порах препятствовала закрепощению соплеменников, а семейно общинная собственность на средства производства мешала развитию рабства, естественной почвой которого является частная собственность.

Имеющиеся литературные сообщения однако указывают на роль этого института в закреплении и соплеменников. По свидетельству М. Мамакаева «Пленение и продажа людей в Ингушетии тоже было довольно развитым ремеслом. Чаще всего продавали сирот, детей и вообще слабых, беззащитных людей. Их дарили или продавали»³⁷. Это сообщение интересно тем, что в ней подчеркивается захват слабых и беззащитных людей в противоположность сообщению о захвате иноплеменников из сильных и состоятельных семей. Очевидно, в одном случае мы имеем захват с целью получения возможно большого выкупа, а в другом продажу пленника на сторону или его использование в хозяйстве. В отношении последнего случая можно привести аналогии из прошлого быта горцев Грузии, в частности, сванов.

Из сванского этнографического материала явствует, что и там захватывались беззащитные, слабые в большинстве случаев люди, имеющие какие-либо физические недостатки, особенно страдающие распространенным в Сванетии зобом, способствовавшим развитию кретинизма, однако годные к выполнению домашних работ. Наличие в роду неполноценных людей не только ущемляло самолюбие остальных членов рода, но и наносило материальный ущерб семье так как это обстоятельство отрицательно влияло на условия заключения брака. Известный нам по хевскому этнографическому

³⁷ М. Мамакаев. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения, 27.

материалу обычай «расследования», который предшествовал заключению брака и предполагал изучение родословной брачующихся сторон в первую очередь именно с точки зрения физической полноценности³⁸, в различных формах был известен и другим народам горного Кавказа. Именно поэтому захват такого члена семьи не грозил ответной акцией со стороны семьи и рода по отношению к похитителю даже тогда, когда похищение происходило в пределах одной этнической среды.

Эта серия материалов указывает на существование местных источников образования зависимого сословия, ибо и пленный одноплеменник, так же как и инородец, превращенный в раба, давал начало поколению, которое в силу поземельных взаимоотношений с пленившим обязано было последнему натуральной рентой, а в силу факта пленения — личными услугами. Таким путем устанавливались поземельные и личные взаимоотношения, носившие, конечно, не рабовладельческий, а феодальный характер.

Гиа́р — институт типично военно-демократического происхождения — привлекает внимание и в другом отношении — в этой среде происходит формирование т. н. баты́р, человека по существу оторвавшегося от производительного труда и превратившего набег в регулярное занятие, в своего рода ремесло. У батыра обычно была хорошо выхоженная лошадь, полный набор возможно дорогого оружия, надежно укрепленное жилище. Его отличительными чертами являются высокий уровень военно-физической подготовки, который предполагал владение в совершенстве конем, оружием, тактикой наступательного и оборонительного боя. Для достижения этой цели, как установлено В. И. Элашвили на этнографическом материале горцев Грузии, система физического воспитания была подчинена интересам главным образом военно-физической подготовки³⁹. Помимо вышеуказанного, батыр отличался безукоризненной верностью в дружбе, безусловным

³⁸ В. Дж. Итонншвили. Из истории семейных отношений грузин-горцев, Тб., 1960, 71 и след. (на груз. яз.).

³⁹ В. И. Элашвили. Народная система физического воспитания в Грузии, КСИЭ, XXXI, М., 1959, 77.

постоянством в любви, строгим почитанием старших подчеркнутым уважением к женщине, самым широким гостеприимством, безоговорочной готовностью положить голову за интересы своей общины. На этой стадии развития батыр пока еще остается т. н. народным героем. Однако по мере накопления богатства и роста общественного авторитета, среди батыр появляются тенденции к использованию своего авторитета для расширения личной власти, к противопоставлению себя в общине, а затем и к порабощению своих соплеменников. Несомненно мы здесь имеем параллели в соответствующих материалах из других районов горного Кавказа, которые более четко показывают процесс превращения «народных героев» в поработителей народа. У сванов напр., записана легенда относительно Кахана, который спас Латальскую общину от чудовищного змия, но за это потребовал для всего своего села права преимущественного пользования некоторыми общинными угодиями, а также минеральным источником, составлявшими до сих пор достояние всех сел, входивших в Латальскую общину. Но в данном случае Кахан проявляет заботу в отношении всего села и личных преимуществ еще не требует. Однако, признавая за Каханом большую заслугу, село решает установить в его честь специальную деревянную миску, из которой жители данного села во время праздника должны пить за здоровье Кахана, как за благодетеля всего села⁴⁰.

Дальнейшее развитие сванский Кахани получает в хевсурском Хирчла Бабураули, наделенном почетным наименованием *ка и къ ма* (ჯოო უმა). Прославившись в борьбе против иноземных захватчиков, Хирчла сделался предметом воспевания. Про него слагаются т. н. *андрези* (აბჯრჯო предания), которые переходя из поколения в поколение восхваляют деяния его на пользу общины. Однако, в отличие от сванского Кахани, для хевсурского Хирчла ставят особый сосуд, в котором находится специально для него приготовлен-

⁴⁰ Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Сванское село в прошлом, Т., 1964, 111, 112.

ное пиво. Из этого сосуда — чхути (ჩხუტი) — раздавать напиток могут уже только лишь прямые потомки Хирчла Бабураули, что указывает на превращение личной прерогативы в потомственную⁴¹. Дальнейшее развитие сословной дифференциации мы имеем опять-таки в сванском в аргѝ (ვარგი), который по своей социальной природе имеет непосредственное отношение к интересующему нас термину каи кѝма и в этом контексте заслуживает особого внимания.

Кѝма в грузинском имеет несколько различных значений — отрок, молодец, крепостной... В средневековых письменных источниках он обозначает преимущественно крепостного и противопоставляется термину мо на в значении раб. Но в форме мо кѝме⁴² (მოკიდე) в отдельных случаях он сохраняет значение «молодец», «рыцарь». Происхождение и развитие социального термина кѝма самостоятельная и большая проблема, останавливаться на которой здесь нет места. Укажем лишь на возможную связь хевсурского каи кѝма (в значении «молодец», он же ингушский батыр), фиксируемого в этнографических данных, с мо кѝме средневековых письменных источников. Эта связь разрешает предположить, что в хевсурских преданиях отложилось то древнее значение термина каи кѝма (молодец), которое предшествовало позднему мо кѝме (рыцарь).

Вышеуказанное обстоятельство со своей стороны указывает на место военно-демократического уклада в формировании классового общества и его роль в определении именно феодального характера ранне-классовых отношений у горцев Кавказа.

Значительным источником образования зависимого сословия в Ингушетии являлось неоднократно указываемое в литературных источниках кабальное рабство, однако отсутствие по данному вопросу каких-либо конкретных указаний в

⁴¹ Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Сванское село в прошлом, 112.

⁴² Ш. Руставели. Витязь в тигровой шкуре, Тб., 1957, 84₁; 301₂ (на груз. яз.).

этнографическом материале, представить здесь более или менее определенную картину не дает возможности.

Вышеуказанное дает основание говорить о процессе классообразования в Ингушетии, который, так же как и в других районах горного Кавказа, протекал на базе разложения сельско-общинного быта, предполагал участие военно-демократических начал и шел в направлении формирования раннефеодального, а не рабовладельческого общества.

Здесь идет речь, конечно, не о формально-юридических институтах, представляющих собой уже надстроечные явления в своем завершенном виде, наличие которых буржуазная историография считает необходимым для того, чтобы признать в данном обществе феодальную организацию — несостоятельность этой точки зрения хорошо показана в советской исторической науке⁴³; здесь идет речь о базисных, глубинных процессах, которые, особенно в начальной стадии, чрезвычайно трудно уловимы и значительны скорее тенденцией развития, нежели определенностью форм.

Имущественная дифференциация в горной Чечне, сравнительно с горной Ингушетией, носила более глубокий характер. В качестве примера богатой семьи К. Ган приводил семью некоего Цотеша, который имел до 500 баранов, 20 коров, 8 быков и наличными деньгами несколько тысяч рублей⁴⁴. Наличие в Чечне безземельных крестьян и кабальных форм земельной аренды указывает на то же обстоятельство. Более развита была и структура чеченского общества. Правда, в дореволюционной литературе, да и не только в дореволюционной, были попытки отрицать существования здесь сословных делений. Так, напр., А. Ипполитов писал: «Сословных каст здесь нет вовсе, хотя некоторые фамилии и считаются происхождением высшего, нежели другие»⁴⁵. Такого же

⁴³ Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии, М., 1964, 18—19.

⁴⁴ К. Ф. Ган. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей, КВ, 1900, № 6, 65.

⁴⁵ А. П. Ипполитов, Этнографические очерки Аргунского округа, ССКГ, I, 1868, 4—5.

мнения придерживался и Е. Максимов вместе с Г. Вертеповым. Они писали, что «население Чечни совсем не имеет словесных групп»⁴⁶. Это мнение ведет свое происхождение от У. Лаудаева, по словам которого «Чеченцы не имели князей и были все равны между собой»⁴⁷. Однако дело обстояло конечно не так. По свидетельству того же А. Ипполитова «...фамилия Ахчипатой, вышедшая прежде других на плоскость Чечни и взыскивавшая когда-то подать за эту землю, признается за аристократическую»⁴⁸. Помимо того в Чечне были известны фамилии, именуемые русскими источниками XIX века «владельческими», в собственности которых находились значительные фонды земли. Правда, эти фамилии имели не чеченское происхождение. Так напр., Айдемировы и Чупаловы вели свое происхождение от кумыков, Бековичи-Черкасские от кабардинцев, Турловы от аварцев и т. д., однако, даже при подтверждении вышеуказанных генеалогий, это обстоятельство сути дела не меняет.

Отсутствие непосредственных показаний для характеристики общественного быта горных чеченцев и здесь в некоторой степени компенсируется памятниками материальной культуры и особенностями института пленения. Известные нам памятники материальной культуры в горной Чечне ларме в виде каменного мешка для помещения пленников не имели. Однако по сообщению И. М. Саидова термин ларме бытовал и в Чечне. В основе этот термин имеет глагол лар в значении *хранить* и означает «место для заключения человека»⁴⁹. Возможно здесь, также как и в Дагестане, пленников сажали в специально для этой цели сделанную яму.

Раб в Чечне обозначался термином л ай. Существование рабства в Чечне отмечалось в литературе еще во второй половине XIX века. По этому поводу Н. Н. Харузин писал: «Лай мог быть продан, наказываем по произволу, лишаем жизни

⁴⁶ Е. Максимов и Г. Вертепов. Туземцы Северного Кавказа, Влад., 1892, 32—33.

⁴⁷ У. Лаудаев. Чеченское племя, ССКГ, VI, 1872, 24.

⁴⁸ А. П. Ипполитов. Этнографические очерки Аргунского округа, 5.

⁴⁹ За сообщение относительно термина ларме в Чечне в этом значении приношу благодарность И. М. Саидову.

по прихоти господина». Вместе с тем вышеуказанный автор отмечает, что «на рабов смотрели, как на младших членов семьи; нередко бывали и случаи отпущения их на волю. Отпущенник тотчас же получал все права». Помимо того «... отпущенный на волю оставался навсегда в доме своего бывшего господина, брал в замужество одну из дочерей или родственниц его и навсегда водворялся при нем как член его семейства»⁵⁰.

Главным источником рабства и в Чечне были пленные. По сообщению К. Гана «Чеченцы военнопленных, которых не продавали, обращали в рабов и называли «лай» т. е. «терпеливыми»⁵¹. Несколько более поздние источники говорят о наличии в Чечне клана рабов⁵², а затем и класса рабов, которые возникают «путем войны и права сильного»⁵³.

В Чечне так же как и в Ингушетии, пленные, до выяснения их дальнейшей судьбы, именовались ё с а р. Впоследствии либо за них брали выкуп, либо их продавали, либо оставляли для работы в хозяйстве и называли их л а й. Пленение общинника с последующим превращением его в раба в Чечне не зафиксировано. Однако в горных районах Чечни и Ингушетии существовал термин к а р а в и л л а, которым обозначался как отданный в залог за ссуду так и «...человек, совершивший против кого-либо преступление и по решению старейшин передаваемый временно для эксплуатации потерпевшей стороне»⁵⁴. Как будет видно ниже, аналогичное явление имело место и у горцев Грузии.

Общая же тенденция использования пленника сперва в качестве раба, а затем крепостного на чеченском материале

⁵⁰ Н. Н. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей, 117.

⁵¹ К. Ф. Ган. Экскурсия в нагорную Чечню и западный Дагестан, летом 1901 г., ИКОРГО, XV, 1902, 217.

⁵² Е. Максимов и Г. Веретепов. Туземцы Северного Кавказа, Влад., 1892, 33.

⁵³ А. П. Ипполитов. Этнографические очерки Аргунского округа, 51—52.

⁵⁴ За сообщение относительно термина к а р а в и л л а приношу благодарность И. М. Саидову.

так же хорошо прослеживается, как и на ингушском. И здесь превращение пленника в раба на определенное время имело целью ассимиляцию инородного элемента с его неременным закрепощением в дальнейшем.

Об институте рабства в Чечне имеется свидетельство А. Берже, по словам которого в массе коренного населения существовал немногочисленный класс личных рабов, бывших военнопленных, постоянно захватываемых чеченцами во время наездов. Они составляли два разряда: лай и ясир, среди которых последний находился в положении пленника, судьба которого еще не решена, тогда как лай, «забывший свое происхождение и религию, делался неотъемлемой собственностью своего хозяина»⁵⁵.

Точно такое положение описано и в Осетии, где зафиксировано существование в башнях «каменных подвалов», предназначавшихся главным образом «... для рабов и пленников, которых содержали здесь до выкупа их родственниками или до продажи куда-нибудь на сторону»⁵⁶.

В быту народов Дагестана этот институт представлен в несколько ином виде. По сообщению Дж. С. Габиева чечено-ингушскому термину гла̄р соответствует лакское давлаци и даргинское дявлизир. Набеги устраивали как беднейшие сельчане, которым по выражению автора, «нечего терять кроме своей жизни», так и состоятельные люди, которыми руководили феодалы.

В зависимости от состава дружины происходил и дележ добычи.

В тех случаях, когда давлаци готовились к набегу на Грузию, местом сбора дружины служили селения Бежита, Тлядаль, Кутлаб, Кидеро и др. Маршруты наступления и отступления заранее были известны. Дорога шла сперва по Стибирскому ущелью, а затем по еле заметным тропам пересекала Кавказский хребет. Очутившись на территории Грузии, дружина производила тщательную рекогносцировку,

⁵⁵ А. П. Берже. Чечня и чеченцы, Т., 1859, 91.

⁵⁶ Г. А. Кокиев. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии, ИЮОНИИ, II, Сталинир, 1935, 221.

особо следя за режимом работы и отдыха в избранном для нападения села. После захвата добычи давлаци отступали по другой тропе под прикрытием специально для этого подобранных людей.

При однородном составе дружины добыча делилась равномерно, а в тех случаях, когда дружиной руководил феодал, обеспечивавший в то же время дружину снаряжением, добыча делилась на четыре части, первая из которых принадлежала руководителю дружины, вторая шла в пользу мечети, а также беднейших сельчан и семей погибших в набеге членов дружины, а две оставшиеся части делились поровну между остальными участниками набега. В тех же случаях когда дружина была однородной по своему социальному составу и в ней не участвовал феодал, добыча делилась на пять частей, три из которых принадлежали членам дружины, а две — мечети, беднейшему населению села и семьям погибших в набеге.

Пленников и здесь до определения их судьбы содержали в каменных пристройках к дому, именуемых ханнал кваланг, хотя нередко их помещали прямо в ямах⁵⁷.

Пленник и здесь именовался и е с ы р, после же того как вопрос относительно его выкупа или продажи отпадал и его оставляли для домашних работ, он именовался лаками и даргинцами лаг I, а лезгинами лу к I. Проданного раба по-аварски называют к ы з а й р а г, что указывает на практику продажи не только пленников, но и рабов.

Организация, подобная чечено-ингушской гIаьр, существовала и у дидойцев. По словам К. Гана «Зимой какой-нибудь предприимчивый дидоец собирал вокруг себя маленький отряд надежных и ловких людей и содержал их на свой счет. Как только при наступлении весны горные тропы становились проходимыми, они отправлялись в поход. Каждый из участников обязан был иметь при себе хорошее оружие и 40 пуль, бурку, две пары чувяк, 25 фунтов хлеба, семь фунтов копченного курдюка и известное количество пшеничной му-

⁵⁷ За сообщение сведений в письменном виде приношу благодарность Джейрану Саидовичу Г а б и е в у.

ки для приготовления бузы... Взрослых и детей, которых схватывали, уводили в плен; когда кого-либо из разбойников убивали, то и они убивали первых, т. е. взрослых, а детей, преимущественно мальчиков брали с собой в аулы, где те должны были принять ислам и часто были усыновляемы; взрослые же пленные продавались в рабство... Многие молодые грузины до того привыкли к новой обстановке и к новому образу жизни у своих похитителей, что отказывались возвратиться на родину»⁵⁸. Далее автор подробно останавливается на характеристике порядка раздела добычи и других сторонах этого института, тоже совершенно очевидно военнo-демократического происхождения, что дает основание и здесь видеть один из источников появления зависимого сословия.

Таково положение с образованием зависимого сословия в горных районах Дагестана и местом пленников в этом процессе, которые набирались не только у соседних народов, но и внутри своего народа.

В Балкарии ежегодные набеги с целью захвата добычи, в которой пленники также занимали немаловажное место, назывались джилджуру. Каждое ущелье, в большинстве случаев община — аузу⁵⁹, самостоятельно устраивало набеги с целью захвата добычи — тоноу. В джилджуру участвовали лучшие молодцы общины — батир. Добыча и в этом случае распределялась между участниками набега поровну. И здесь некоторая часть пленников продавалась на сторону, за некоторых брали выкуп, а часть оседала в Балкарии, составляя инопленный источник образования зависимого сословия.

Чечено-ингушскому глаър и балкарскому джилджуру соответствует осетинское балц. Этот термин В. И. Абаев объясняет как «отлучка из дому», «поездка», «путешествие» и т. д. В нарттовском эпосе по словам В. И. Абаева балц значит «военная экспедиция» или «поездка за добычей», а а ф а з балц

⁵⁸ К. Ф. Ган. Экскурсия в нагорную Чечню, западный Дагестан, 238—239.

⁵⁹ Р. Л. Харадзе. Сельская община в Балкарии, МЭГ, XI, Тб., 1960, 121 (на груз. яз.).

— «годовая отлучка на войну или за добычей»,⁶⁰ Считая это последнее значение наиболее древним, автор совершенно справедливо видит в нем институт, характерный для военной демократии. Интересные сведения в отношении Осетии сообщает нам и Вахушти Багратиони. По его словам осетины «...пленопродавцы (но своих не продают)»⁶¹. И далее: «Денег не знают, но деньги заменяются войлоком, чохой, небеленым холстом, сукном, коровой и пленником, и между собой торгуют ими»⁶².

В далеком прошлом набегами на соседние общины занимались и горцы Грузии как в восточном так и в западном секторе Кавказа. У хевсур наиболее примитивная форма набегов называлась *а парекоба* (აპარეკობა), которая в процессе развития переросла в *лашкроба* (ლაშქრობა)⁶³; в Сванети этой последней соответствовала *свимра* (სუმრა)⁶⁴.

С. Макалатиа подтверждает наличие в хевсурских башнях помещения для пленников, что еще раз указывает на значение института пленения в быту хевсур в прошлом⁶⁵.

Хевсурское *апарека* В. И. Абаев рассматривает в связи с осетинским *abyræg, abærag, abæreg*, обозначающим «разбойник». Это слово В. И. Абаев считает общекавказским, быть может восходящим к пехлевийскому *āragak* и *āragan* в значении «грабить». В связи с указанными терминами В. И. Абаев приводит грузинские диалектальные формы *abragi, abrakī, aráreka*, в том числе и мегрель-

⁶⁰ В. И. Абаев. ИЭСОЯ, Т. М.-Л., 1958, на слово *valc*.

⁶¹ Вахушти Багратиони. География Грузии, 140.

⁶² Там же, стр. 142.

⁶³ Р. Л. Харадзе. Хевсурское «рджули», Аналеби, 1, Тб., 1947, 178—179 (на груз. яз.).

⁶⁴ Р. Л. Харадзе. Система народного управления в Сванети, МЭИ, VI, Тб., 1953, 189 и след. (на груз. яз.).

⁶⁵ С. И. Макалатиа. Хевсурети, Тб., 1935, 122 (на груз. яз.).

ское abrаgi, сванское amberg, а также абхазское abrаg, абазинское abirik и др.⁶⁶

Во всех вышеуказанных случаях мы имеем дело с довольно широко распространенным институтом, который подразумевал организацию систематических вооруженных набегов с целью захвата добычи у соседних племен, среди которой, наряду со скотом, оружием и прочим имуществом, существенное место занимали пленники. Пленники по вышеуказанным материалам приобретались в первую очередь с целью продажи или получения выкупа, а также с целью использования их в сельскохозяйственных работах, при чем, как правило, в первое время они находились на положении бесправных рабов, однако в дальнейшем закреплялись за землей и отбывали повинности перед своим хозяином как натуральной рентой, так и личными услугами, т. е. фактически превращались в крепостных.

Практиковался также захват пленников внутри своего племени. Эта практика распространялась преимущественно на физически неполноценных людей и имело целью приобретение рабского труда. Однако и в этом случае дело кончалось выделением участка земли, посредством которого раб постепенно превращался в крепостного со всем своим потомством.

Грузинский этнографический материал подтверждает вышеуказанные выводы, но вместе с тем содержит и новые данные.

В наиболее полном виде этот институт нами изучен в Сванети, поэтому целесообразнее привести в качестве сравнительного материала данные сванской этнографии.

В Сванети описано несколько форм жилого комплекса, среди которых наибольшим распространением пользуется комплекс, состоящий из жилого помещения k h o z (ქოზი), оборонительной башни м у р к ъ в а м (მურკვამ), тока к а (კა), навеса к а р п а н (კარპან), д е п ђ а н (დეფან), ц а л м а г (ცალმაგ)

⁶⁶ В. И. Абаев. ИЭСОЯ, I, на слово авугаг; ср: М: К: Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, I, 76, 140.

и, наконец, подсобного деревянного сооружения мегмем кнор (მეგმემ კნორ). Жилой дом в большинстве случаев состоит из двух этажей нижнего — ма ч у б (მ ა ლ ბ) или с г и р (ს გ ო რ) и верхнего ма ж и б (მ ა ჟ ო ბ) или д а р б а з (დ ო რ ბ ა ზ). Сванский дом описан неоднократно⁶⁷, поэтому здесь нет необходимости останавливаться на нем. Укажем лишь, что и по литературным данным и по нашим полевым материалам подтверждается наличие в этом комплексе каменного мешка, который также как и в вышеописанных случаях, служил не только хозяйственным целям, но употреблялся также как темница для узников.

Это помещение называется по свански д и л е г (დ ო ლ ე გ), т. е. термином, попавшим в сванскую среду посредством грузинского, в котором он бытовал начиная с VIII века имея иранское происхождение⁶⁸. Имеется и собственно сванский термин — л а м т к ъ в и р, (ლ ა მ ტ უ ვ ო რ), по своему содержанию соответствующий вышеуказанному дилег. По описанию Б. Нижарадзе, который базировался на ушкульском материале, такого рода темницы устраивались в нижней части оборонительных башен. В других общинах Верхне-бальской Сванети темницы делались также и под полом нижнего этажа. Впервые нами подобная темница была описана в 1945 г., в сел. Жамуши Мулахской общины верхнебальской Сванети. До этого на существование темниц в жилых комплексах Сванети указывали Г. Лежава и М. Джандиери⁶⁹. Подобная темница существовала в замке Дадешкелиани⁷⁰. Мы располагаем уникальным описанием, оставленным нам Б. Нижарадзе, благодаря которому есть возможность вос-

⁶⁷ М. И. Чартолани. Из истории материальной культуры грузинского народа. Тб., 1961, 10—109 (на груз. яз.).

⁶⁸ И. А. Джавахишвили. Материалы по истории материальной культуры грузинского народа. I. Строительное искусство древней Грузии, Тб., 1946, 69—70 (на груз. яз.).

⁶⁹ Г. Лежава и М. Джандиери. Архитектура Сванетии, М., 1938, 10.

⁷⁰ М. Шостак. По Раче и Сванетии, ИКОРГО, XVI, Т., 1903, 46.

становить в довольно подробном виде характер этого института. По данным Б. Нижарадзе, похищение соплеменника обычным правом было запрещено, хотя эта норма обычного права, как видно из документов, систематически нарушалась. В первое время похищенный был на положении гостя — он свободно разгуливал по дому, хотя не мог оставить пределы дома. При желании мог зарезать домашнюю птицу, иногда даже свинью или барана. В таком положении пленник находился до выяснения вопроса о желании и возможности близких выдать за него выкуп. Если близкие похищенного проявляли неуступчивость, с целью нажима на них в отношении пленника применялись репрессии — его сажали в каменный мешок. Видимо и в Сванети одной из причин похищения являлось желание получить выкуп — сахІсар (სახსარ). И здесь посредниками между сторонами выступали старейшины — махви (მავხი). После установления размера выкупа несколько человек со стороны похитителя являлись за получением выкупа в селение пострадавшего, при чем столько же представителей с пострадавшей стороны находилось в качестве заложника у похитителя.

После возвращения похищенного домой, он считался морально оскорбленным и до того пока не выполнял акта мщения по отношению к похитителю, считался не выполнившим своего долга; любой общинник мог посрамить его⁷¹.

Однако получение выкупа не являлось единственной причиной пленения; иногда похищение производилось с целью продажи пленника. Помимо этнографических материалов об этом говорят сообщения письменных источников позднефеодального периода.

Эта серия письменных источников содержит свидетельства о том, что в определенных случаях к похищению прибегали при нарушении норм обычного права. Так, напр., в одном документе указано, что так как имя рек выкрал лошадь, пострадавший похитил мать и дочь укравшего лошадь, после

⁷¹ Б. Ш. Нижарадзе. Историко-этнографические письма, I, Тб., 1962, 120—121 (на груз. яз.).

чего выборные лица и порешили дело к обоюдному согласию⁷². В данном случае похищение является средством принудительного выполнения норм обычного права. В одном неопубликованном письме Б. Нижарадзе пишет Р. Эристави, который очевидно тоже заинтересовался этим институтом, «Должен сообщить, что человека пленили тогда, когда он кому-нибудь должен был что-либо и поэтому с него брали то, что и без этого должны были получить, но по своей воле он не давал»⁷³.

Наконец еще одной причиной пленения была необходимость иметь домашнего рабочего — пхамли (ჟამლი), который по своему общественному положению был приравнен к рабу. Чрезвычайный интерес представляет сообщение Р. Нижарадзе, согласно которому пхамли мог быть собственностью всей общины⁷⁴.

По собранным нами этнографическим материалам иноплеменные пхамли в Сванети находились сперва в состоянии рабов, но по истечении длительного времени, здесь так же как и в других районах горного Кавказа, они прикреплялись к земле своим хозяином, заводили хозяйство, строили дом, создавали свою семью, но были обязаны своему хозяину податью, как в виде натуральной ренты, так и в виде личных услуг. Это обязательство было потомственным.

Вышеуказанные причины пленения носят различный характер; они восходят своими корнями к различным стадиям общественного развития. Пленение с целью получения выкупа очевидно наиболее раннее явление, характерное для развитых форм сельско-общинного быта. Пленение с целью принудительного выполнения норм обычного права говорит об ослаблении системы общинного управления. Пленение с

⁷² П. Ингорюк. Исторические памятники Сванетии, вып. II, Тб., 1941, 87 (на груз. яз.).

⁷³ Институт рукописей АН ГССР, фонд Р. Эристави, № 283, 8 (на груз. яз.).

⁷⁴ За сообщение сведений в письменном виде приношу благодарность Рафилу Бессарионовичу Нижарадзе.

целью приобретения рабочей силы относится к ранним формам возникновения и развития зависимых отношений...⁷⁵.

Все вышеуказанные формы дружин по своему составу, цели и характеру действия являются институтами военнотемократического уклада, которые в свое время служили интересам общины, но в процессе развития стали на службу силам, ведущим общество по пути феодализации. Пленение иноплеменников также как и соплеменников конечной целью имело создание класса закрепощенных крестьян, предварительным условием чего являлась та форма рабства, которая была известна в Ингушетии. Таким образом и лей по своему фактическому положению на первых порах пленения хотя и находится на положении раба, по тенденции своего развития являет пример крепостного. Только этой тенденцией можно объяснить такое положение, что по горской переписи 1868 г. во всей Чечено-Ингушетии, насчитывающей свыше 130.000 чел., было освобождено всего около 300 рабов⁷⁶.

У некоторых горцев Кавказа, в частности, у абазин существует два термина, отдельно обозначающих пленника: у в н а у в — пленника в состоянии раба и л ы г — пленника, переведенного на положение крепостного. У ингушей этого нет. Тем более специфики в ингушском понимании термина лей, который очевидно не совсем соответствует понятию раб.

Ингушетия знала и другие пути образования зависимого сословия. Еще В. Христиановичем записано хорошо известное предание о переселении одной фамилии, происходящей из сел. Цори, в Чулхойское ущелье, где она основала селение Салги и приняли фамилию Салгиевых. Став владельцами селения и прилегающих к нему земельных угодий, в дальнейшем они приютили еще одну фамилию, составившую в последствии селение Гу. Население этого села, получив наименование по занимаемому месту — Гухоевы, — находилось в

⁷⁵ Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. К вопросу о значении сванского «ламткІвир», ВИНК, Тб., 1966, 99—109. (на груз. яз.).

⁷⁶ Е. Максимов и Г. Вертепов дают цифру в 338 человек (Туземы Северного Кавказа, 33).

зависимом от Салгиевых положений. То же самое произошло и в сел. Кашет, где фамилия Шоухаловых, приютившая своей территории пришлых Гамботовых, поставила их в зависимое по отношению к себе положение и поручила им выполнять все кузнечные работы. И. Гухоевы и Гамботовы считались зависимыми соответственно Салгиевых и Шоухаловых, хотя по происхождению являлись хизанами, а по характеру взаимоотношений (личные услуги и натуральная рента) находились в положении крепостных.

Но здесь намечаются две тенденции: если пришлые предполагали возможностью выстроить оборонительные сооружения и внести свой вклад в оборону села, а также на поддержку со стороны местного тейпа ответить тем же, они принимали фамилию приютивших и становились равноправными членами селения. Оформлялось это обычаем *თავებია* *ვოშალ* — дословно «пришлые братья», который в зависимости от состояния просителя предполагал заклание быка, коровы или козы. Соответственно этому обычай назывался *ისტარა* *ვოშალ* (уст — бык), *იატთა* *ვოშალ* (ятт — корова), *გაზა* *ვოშალ* (гāза — коза). Этот обычай в основных чертах соответствует грузинскому *ხარკი* *ვაბით* *შემოკრიბა* (*ბაბ-ჟაბით* *შემოკრიბა* «объединение быками и котлами») ⁷⁷. Он и в Грузии и в Ингушетии выполнялся при желании слабой фамилии объединиться с сильной в надежде обеспечить себе поддержку, хотя в Грузии и не требовал изменения фамилии.

Этот институт трансформированный в феодальном обществе применительно к его интересам, в грузинских письменных источниках именуется *მოკიდული*/*მოკიდეული*. Он, по исследованию Н. А. Бердзенишвили ⁷⁸, сыграл существенную роль в истории развития феодальных взаимоотношений в Грузии.

⁷⁷ Р. Харадзе. Хевсурское «дзир» и «гвари», «Мимомхилвели», Тб., 1949, 192 и след. (на груз. яз.).

⁷⁸ Н. А. Бердзенишвили. К термину «мокидебули» («партия»), «Мимомхилвели», I, 1959, 55 (на груз. яз.).

При отсутствии возможности принять фамилию местной тейпа, пришлый элемент, в качестве хизана, не мог рассчитывать на равное с остальными сельчанами положение до того, пока не приобретал общественного веса и экономической независимости. Пришлый элемент селился в отдалении от селения и основывал в дальнейшем самостоятельное село. К аналогичному институту «объединения» прибегали и местные обедневшие фамилии. Не имея возможности принять активное участие в обороне села, а наиболее дорогостоящей частью имущества были именно оборонительные сооружения, оплатить за получаемую помощь тем же, обеспечить увеличением земельных угодий естественный рост семей, они вынуждены были ценой подати и личных услуг иметь поддержку со стороны сильных фамилий. И этот путь, как правило, приводил к закрепощению, так же минуя рабство.

Вообще же фамилия пришлого элемента образовывалась либо по эпониму — Илиевы, Гамботовы и т. д., либо по наименованию местожительства — Гухоевы, Хамышковы и т. д. Образование фамилии по признаку социального положения, которое мы знаем по общекавказскому материалу, в частности многочисленные на Кавказе, Кулиевы, Куловы, Кулаевы и т. д., или по признаку этнической принадлежности — Абазовы, Черкесовы, Кумыковы и т. д. в Ингушетии не имело широкого распространения, если не считать Оздоевых (от эзди) и Яндиевых (от Iанди—ингушское наименование андийцев).

Лай как социальный термин противопоставляется термину эзди, однако между ними стоит еще одна социальная прослойка под названием йикъер наькъе. Считая эту прослойку промежуточной между лай и эзди, местные информаторы так характеризуют ее: «Когда эзди приглашал помощи, к нему обязательно должны были прийти и лей и йикъер наькъе — низкие и средние фамилии. Однако, если помощи нужны были лею, к нему эзди не приходил, но йикъер наькъе мог прийти. Лей никогда не садился за один стол с эзди; ему давали пищу, сажали где-либо в углу и после еды он уходил. Йикъер наькъе садился за стол вместе с эзди, но на некотором расстоянии от него. Йикъер наькъе был свободен; он не

подчинялся эзди⁷⁹. По материалам, записанным в сел. Фуртоуг, когда люди собирались на сельской площади, лей приходил лишь в том случае, если у него было какое-либо дело. Он становился поодаль и после получения ответа покидал площадь. Здесь первое место принадлежало эзди... Низкие и средние фамилии не имели права брать в жены дочь эзди. По закону лей мог жениться на дочери йикъер наькъе, но фактически последние не желали этого»⁸⁰.

Иногда в понятие, «средняя фамилия» попадали обедневшие фамилии или фамилии по какой-либо причине потерявшие достоинство. Н. Яковлев приводит пример нарушения одной семьей правил гостеприимства, в результате чего она потеряла престиж. По словам Н. Яковлева «С тех пор за ним укрепились презрительная кличка «дважды умерший» и род его стал считаться наравне с родами рабов, из его «фамилии» избегали сватать невест и т. д. Словом, ингуш, не сумевший с оружием в руках защитить свое право хозяина как бы потерял при этом все права свободного человека»⁸¹. Возможно, что в йикъер наькъе включались и освобожденные леи после того, как они приобретали богатство и силу, придававшие им авторитет. В литературе зафиксировано несколько случаев установления родственной связи между бывшим леем и семьей его хозяина. Один такой пример приводит А. Берже, по словам которого отпущеник, пользуясь личной свободой не покидал своего бывшего хозяина, брал в жены его дочь и «навсегда водворялся при нем, как член семейства»⁸². Аналогичное сведение содержится в сообщении К. Гана,

⁷⁹ Б. В. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1963, г., тет. № 1, 13. Имеется одно сообщение о паличии в Ингушетии трех сословий. По этому сообщению «Кроме старших в роде, большим влиянием на общественные дела пользовались... ишгелеи — трудящиеся, т. е. крупные землевладельцы, уруги — абреки и, наконец, чангури, — балалаешники, нечто вроде пародных ораторов» (Г. Вертепов. Ингуши, 86). Однако, это сообщение не находит подтверждения ни в литературных источниках ни в этнографическом материале.

⁸⁰ Б. В. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1963, тет. № 1, 30.

⁸¹ Н. Яковлев. Ингуши, 87.

⁸² А. П. Берже. Чечня и чеченцы, 91.

согласно которому невольники из числа военнопленных «... могли жениться на дочери своего хозяина и тогда становились свободными и равноправными с другими»⁸³. Думается, что вместе с К. Ганом А. Берже допускает преувеличение, когда возводит в обычай освобождение рабов с превращением их в «класс вольных»⁸⁴.

Эзди, несомненно, ранее составляло прослойку свободных общинников. Но очевидно эта прослойка давно уже подвергалась разложению, в результате чего среди эзди часть пошла по пути захвата общинных земель и закрепощения своих же соплеменников, а часть стала пополнять ряды йикъер пакъе. Здесь, так же как и в других районах горного Кавказа, выделение из среды свободных общинников привилегированной прослойки на первых порах происходило за счет лиц, имевших какие-либо заслуги перед общиной, завоевавших по той или иной причине авторитет, затем вставших на путь борьбы за превращение общественного авторитета в социальную прерогативу и, наконец, в результате присвоения общинных земель, противопоставивших себя общине.

Возможно наименование одного селения в Галгай-чюж — Оздик — так же отражает социальный состав его населения (эзди), как и вышеуказанный топоним Лешки (лей).

В Ингушетии лица, имевшие личные заслуги перед общиной, именовались баъри//майра. Их отличительными чертами являются сила, бесстрашие, широкое гостеприимство, способность пожертвовать собой во имя дружбы, вежливое отношение к старшим и особенно к женщине и т. д. Майра одет в одежду обыкновенного ингуша, но вооружен отлично, имеет лошадь возможно лучшего качества — за лошадь он может отдать все свое имущество.

Но затем в преданиях появляются сравнительно новые мотивы. Майра оказывается беспокоит людей, отбирает у них

⁸³ К. Ф. Г а н. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей, 64—65.

⁸⁴ А. Б е р ж е. Чечня и чеченцы, 91.

то, что ему понравится, причиняет им страдания. Народ восстает против майра и изгоняет его.

Этот путь превращения свободного общинника в посягателя на свободу общинника хорошо прослеживается и по чеченскому материалу. По словам М. Мамакаева именно гаьр является той средой, в которой лучше всего видно превращение личной доблести и храбрости в знатность, выделение группы имущих и процесс становления привилегированного сословия⁸⁵.

Это является чрезвычайно характерным моментом для общественного быта горцев Кавказа, насыщенного военно-демократическим духом. Особенности данного пути возникновения зависимого сословия находят широкие параллели у всех народов горного Кавказа, они перекликаются и с соответствующими данными из области этнографии горцев Грузии. Хевсурский каи кьма, ингушский майра, батыр некоторых народов Дагестана и т. д., и т. п., выдвинувшись из гущи свободных общинников благодаря личным заслугам перед общиной, превратили созданный таким образом общественный авторитет в источник захвата личных прерогатив. В процессе развития социальных противоречий они добиваются признания личной прерогативы, становятся на путь узурпации власти и ее распространения на основную массу общинников и, наконец, в результате острой и длительной борьбы придают личным прерогативам наследственный характер, подчиняя себе остальных общинников.

К сожалению, мы не можем точно датировать начало этого процесса в Ингушетии из-за отсутствия письменных источников. Однако на помощь и здесь приходят памятники материальной культуры. Не может быть сомнений, что процесс образования привилегированного сословия шел параллельно с процессом формирования крупных оборонительных сооружений типа галан//гIап. Очевидно, наличие оборонительной башни уже отражает зачатки социальной дифференциации, а формирование укреплений замкового типа является свидетельством выделения их общей массы общинников с одной

⁸⁵ М. Мамакаев. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения, 31.

стороны привилегированного сословия в лице эзди, а с другой зависимого в лице лей//лай.

Эти башни, как указывалось выше, датируются XIV — XVIII вв. в пределах чего и надо искать хронологические ве-хи процесса возникновения и развития феодальных взаимоотношений в Ингушетии.

Таким образом, под термином лей следует подразумевать зависимое сословие в Ингушетии, которое первоначально было образовано путем захвата иноплеменников (и соплеменников), их пребывания в состоянии рабства до ассимиляции на местной почве и закрепления их в последующем за землей.

Этим же термином обозначаются хизаны, вынужденные селиться на земле, имевшей своего владельца. Отсутствие возможности за короткий срок создать оборонительные сооружения обязывало их личными услугами, а пользование землей — натуральной рентой по отношению к владельцу земли, также способствуя превращению их в крепостных.

Тот же термин применяется для обозначения обедневших фамилий, потерявших возможность принять равное с другими фамилиями участие в обороне села и обеспечить рост семей увеличением земельных угодий. И в этом случае гарантия экономической и военной помощи со стороны сильных фамилий покупались ценой закрепощения.

Эзди, по данным ингушской этнографии, касающихся ее горных районов, слой населения, свободный от каких-либо форм зависимости. Однако он неоднороден — в процессе развития он постоянно выделяет с одной стороны беднеющие фамилии, ставшие на путь превращения в йикъер наькъе, а с другой богатееющие и приобретающие леев. Третья и наиболее значительная часть эзди остается в положении, соответствующем первоначальному значению этого слова: они не являются леями и не владеют ими.

Йикъер наькъе — среднее сословие, тоже неоднородное; оно питается главным образом обедневшими эзди и разбогатевшими леями.

Ни одно из вышеуказанных сословий не имеет постоянного состава и находится в процессе изменений, происходя-

щих за счет изменения положения тех или иных фамилий.

Формы зависимости между вышеуказанными сословиями не регламентированы: в условиях отсутствия чечено-ингушского государства и решающего значения военных дружин, оборонительных сооружений и вооружения, они регулируются силой узурпатора и степенью сопротивления его жертвы.

Отсутствие государственности в полном смысле этого слова мешало юридической фиксации сословного деления, без чего социальные различия не могли сложиться в систему правовых норм, характерную для развитого феодального общества. Это обстоятельство накладывало свой отпечаток на процесс классовообразования вообще и в частности, на положение лея в горной Ингушетии. Обычные для рабовладельческого общества, жестокости по отношению к рабам уже занятым в производстве (ослепление, повреждение ног, заключение в кандалы), применяемые для того, чтобы воспрепятствовать бегству пленника, здесь, как правило, не имели места, а темницы, в которые сажали пленников в первое время пленения, представляли собой скорее средство репрессии для получения большего выкупа или принудительной ассимиляции пленника, нежели обычный режим содержания леев.

Это обстоятельство с учетом фактического положения леев в горной Ингушетии дало основание некоторым исследователям говорить о т. н. патриархальном рабстве, тогда как в этом случае мы имеем дело с определенной формой принудительной ассимиляции, которая предполагала именно закрепощение пленника, а не его порабощение в прямом смысле этих слов.

Р. Л. ХАРАДЗЕ

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ СЕЛЬСКО-ОБЩИННОГО БЫТА ГОРНЫХ ИНГУШЕЙ

а. Пережитки общинной собственности

В период крестьянской реформы ингушское общество составляло сложный конгломерат различных укладов, ведущим среди которых были ранне-феодальные отношения. Важным ингредиентом социальной жизни горных ингушей вместе с тем был сельско-общинный уклад, особенности которого придавали феодальным отношениям специфические черты, характерные для т. н. горского феодализма. Эти особенности наиболее яркое выражение находят в формах собственности, в некоторых нормах обычного права.

Среди различных пережитков сельской общины, изучением которых удастся проследить за историей развития общественной жизни того или иного народа, решающее значение имеют формы собственности, в частности, общинная собственность, которая в различных модификациях долгое время продолжает существовать в условиях развитого классового общества. В письме к К. Каутскому Ф. Энгельс по этому вопросу писал, что любая общность, — будь то общность земли, или жен, или чего бы то ни было, непременно является первобытной¹. О длительном существовании общинной собственности того же мнения был и К. Маркс, по словам которого общинная собственность была старогерманским институтом,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35, II изд., М., 1964, 376. Все ссылки на источники и литературу, появившиеся в 1965 и последующих годах, и подтверждающие положения автора данной статьи, внесены редакцией.

сохранившимся под покровом феодализма². Относительно крестьянской собственности В. Ленин говорил: «Формы крестьянского землевладения — компромисс между общинным и частным землевладением.

В частной собственности: усадьба, дом; полосы земли в различных «котлах» поля.

В общинной собственности: «выгоны»³.

Марковскую общину, по словам Ф. Энгельса — «осколок настоящего родового строя», он характеризовал как «локальную сплоченность и средство к сопротивлению, которым располагали крестьяне» в условиях жесточайшего средневекового крепостного права⁴. В советской историографии никто не оспаривает положения, что «...в жизни средневекового общества община марка очень долго сохраняла роль почти универсальной формы общественной организации»⁵. Следовательно, бытование традиции общинной ответственности в классовом обществе, солидарной системы управления, норм обычного права в некоторых сферах общественной жизни не только возможно, но и вполне закономерно. С другой стороны, становится ясным, что классовое общество не может создать общинных форм, как это пытаются доказать представители культурно-исторической школы в этнографии. Именно против подобных попыток направлена фраза Ф. Энгельса в цитированном письме к Каутскому: «нигде и никогда мы не находим такого случая, чтобы из первобытного владения развилась в качестве вторичного явления общность»⁶. Попытки объяснить существование общинных форм владения в качестве вторичного явления, имели место и в Закавказье⁷, но буржуазный характер этих попыток раскрыт достаточно

² К. Маркс. Das Kapital. I. Moskau, 1932, 763.

³ Ленинский сборник XIX, 31.

⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1951, 162.

⁵ Б. Поршнев. Феодализм и народные массы, М., 1964, 296.

⁶ Естественно, имеются в виду досоциалистические формации.

⁷ И. Сегаль. Крестьянское землевладение в Закавказье. Тиф. 1912, 55.

убедительно⁸. Материалы, касающиеся народов Кавказа и в этом отношении содержат ценные, в значительной степени все еще не использованные данные, хотя этот вопрос неоднократно затрагивался в кавказоведческой литературе.

Вопрос о наличии в частности в Ингушетии общинных форм собственности нашел довольно широкое освещение в соответствующей литературе. По сообщению П. Грабовского «Земля в участках разделяется на частную и общественную собственность» к первой принадлежат пахотные участки, лесные дачи; а ко второй — выгоны и во многих местах покосные земли и леса⁹. Н. Харузин общинную собственность заметил только лишь по отношению к лесам и пастбищам. По его словам «Пастбище, как и леса, находятся в общем владении; каждый двор может выпасать на эти пастбища сколько ему угодно голов скота»¹⁰. Комиссия, созданная в декабре 1905 года для изучения землеустройства в нагорной полосе Терской области и возглавляемая Абрамовым, правда, специально изучала формы землевладения в Джайрахском ущельи, но не заметила наличия здесь общинной собственности на сенокосные луга¹¹. Комиссия эта также не подтвердила наличия общинной собственности на сенокосы ни в Мецхальском обществе¹², ни в Хамхинском и Цоринском¹³. Именно поэтому В. Христианович, излагая данные Комиссии, со своей стороны добавляет, что «В большей части Цоринского и Хамхинского обществ в подворно-наследственном пользовании находятся ближайшие к селениям поливные и так называемые суходольные сенокосы, а отдельные горные сенокосы ежегодно переделаются подымпо»¹⁴. Г. Мартиросиан подходит к

⁸ П. Гугушвили. Общинное землевладение в Закавказье, Труды Института экономики, I, Тб., 1947, 36. (на груз. яз.).

⁹ Н. Ф. Грабовский. Экономический и домашний быт..., ССКГ, III, 1870, 13.

¹⁰ Н. Н. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей, СМЭ, III, М., 1888, 133.

¹¹ Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования..., Влад., 1908, 169—170.

¹² Там же, 177.

¹³ Там же, 181.

¹⁴ В. П. Христианович. Горная Ингушия, Р. н/Д, 1928, 77.

вопросу с учетом различий между горными и равнинными районами Ингушетии. По его словам «В горах Ингушетии, в противоположность плоскости с ее общиной, семейно-родовое право на пашни и сенокосные участки, родовое на лес»¹⁵.

Этот вопрос нашел свое отражение и в современных историко-этнографических исследованиях. В обстоятельной статье Н. П. Гриценко, посвященной социально-экономическим отношениям в Чечено-Ингушетии в пореформенный период, в части касающейся обзора источников исследования, говорится о посемейных списках 1886 года, указывающих на наличие к этому времени общинных земель¹⁶. В той же статье автор пишет о захвате ингушской верхушкой общинных земель в более ранние времена¹⁷. В дальнейшем, конкретизируя свое положение, автор приходит к выводу, что «...на протяжении веков у горцев существовал обычай, по которому пастбищные угодья являлись общинной собственностью, а пахотные, усадебные и покосные земли были на правах частной собственности»¹⁸.

Таким образом, Н. П. Гриценко, правильно признавая существование общинных форм землевладения, вместе с тем ограничивает их только пастбищами.

И. М. Саидов в статье, посвященной вопросам землевладения и землепользования у чеченцев и ингушей в XVIII — XIX вв., приводит выразительный и богатый этнографический материал, подтверждающий положение о раннем развитии у ингушей института частной собственности. Его выводы относительно того, что «...даже в отдаленные времена пахотные участки, скот, сенокосы, основные пастбища и местами леса были частной собственностью малой семьи»¹⁹, не вызывают

¹⁵ Г. К. Мартиросян. Нагорная Ингушля, ИИНИК, I, Влад., 1928, 73.

¹⁶ Н. П. Гриценко. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период, Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии, Грозный, 1964, II.

¹⁷ Там же, 17.

¹⁸ Там же, 30.

¹⁹ И. М. Саидов. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII—XIX веках. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии, Грозный, 1964, 169.

возражений, постолько, они не содержат отрицания существования у ингушей в прошлом наряду с частной собственностью и малой семьей общинной собственности и семейной общины, хотя формулировка «отдаленные времена» и отсутствие попытки поставить эти явления в более или менее приближительные хронологические рамки, в некоторой степени ослабляют значимость этих выводов.

Помимо вышеуказанных публикаций существуют и другие, но они в большинстве случаев повторяют ранее высказанные мнения.

Данные этнографии, касающиеся народов Кавказа, содержат более конкретные указания на этот счет. Ингушский этнографический материал и в этом отношении не представляет исключения. Он может сослужить немалую службу в освещении этой важнейшей стороны общественного быта.

В ингушском языке существует дифференцированная терминология, отдельно обозначающая частную и общую собственность соответственно ший боахам и юкъара боахам. Помимо этого существовали термины для обозначения общей собственности на отдельные угодия земли, производные от вышеприведенных, в частности, юкъара латта — общие пастбища, юкъара цон — общие сенокосы, юкъара дакъа — общий участок земли. Сельские сенокосы были известны под наименованием юрта цон, в отличие от тейпа цон.

Исключительно интересно наблюдение Х. Д. Ошаева относительно нахского местоимения мы. По словам автора «Инклюзивная форма вай — мы — употребляется в том случае, если коллектив говорит о себе внутри этого коллектива. Если коллектив разговаривает с другим коллективом или отдельным лицом — употребляется эксклюзивная форма тхо — мы»²⁰.

Горная Ингушетия — страна развитого животноводства. Особое внимание уделялось пастбищам и сенокосным лугам.

²⁰ Х. Д. Ошаев. Вопросы истории чечено-ингушского народа 20—21, (рук.).

Пастбище, как будет видно ниже, принадлежало селу или группе сел, а сенокосные луга в большей своей части составляли семейную собственность. Лишь некоторая часть сенокосных лугов находилась в общесельском пользовании.

Обратимся к конкретному материалу.

В сел. Фуртоуг, напр., были три тейпа — Лияновы, Ахриевы и Гудаевы. Гудаевы в общесельской собственности не принимали участия. Общесельскими пастбищами были Пхьатиа, Саьннад и Бёри-Дукъ. Пашни это село имело в других селениях, в частности в Эми, Пемете и Джайрахе, однако они находились в посемейном пользовании. Лесной массив под наименованием ТогIашке принадлежал Ахриевым и Лиановым — он не был между ними поделен.

Сенокосные луга вышеназванного села были расположены в четырех местах — Бага-хъун, Баркъ, Дикъ и Бежни-ахк²¹. Первый из вышеуказанных массивов принадлежал Лияновым (Гюйсолта-цон) и Ахриевым (Къазбика-цон). Однако, эта общая площадь не была поделена. По полевой записи «Это был общий сенокосный луг Лияновых и Ахриевых; он не был поделен; на косовицу выходили все вместе и после делили скошенное сено». В таком же порядке снималось сено с участка под наименованием Дикъ, который принадлежал тем же Лиановым и Ахриевым. Четвертый участок принадлежал всем тейпам, но его деление происходило перед каждой косовицей.

Таким образом, мы имеем дело с пережиточной формой общинной собственности, которая в одном случае предполагает ежегодный передел земли, а в другом раздел сена после его уборки.

Сел. Бейни было богато сенокосными лугами. Здесь проживало четыре тейпа, сенокосы которых были расположены в следующем порядке: Диакхаъш, Хотишк, Кюзишк, Шелмиах, Каързигишт, Тиелекорт и Шинхънюкъ. Из этих сенокосных лугов Тиелекорт принадлежал двум тейпам, Шинхънюкъ всему селу, при чем в обоих слу-

²¹ Б. В. Гамкрелидзе, Дневник, ЧИЭЭ, 1963, тет. № 1, 26—28.

чаях сено распределялось после косовицы, которая выполнялась совместными усилиями²².

Сенокосные луга сел. Леелаг составляли Лаьлаг I ой-лишк, Джилшт, Мейхьахе и Нейбосе. Все луга были поделены подворно за исключением первого, который скашивался всем селением с последующим распределением скошенного сена²³.

Аналогичное положение засвидетельствовано в сел. Эбан, в котором в подворном пользовании была незначительная часть всего покосного фонда. Основные луга составляли сельскую собственность; они ежегодно подвергались разделу по числу семейств. Раздел происходил в мае, после чего каждая семья приступала к очистке своего участка и к уходу за ним. Убирали сено раздельно, но после уборки луга использовались в качестве выгона всем селением²⁴.

В селении Пемет всего было два тейпа; село имело один участок для покоса сена — Пемет-кхог, который подвергался дележу непосредственно до начала сенокоса. Сенокосные луга делились по количеству семей равномерно. Семьи, с большим количеством скота ходили за сеном в горы, однако, если по каким-либо причинам ожидалась нехватка сена, в общий сельский фонд поступали и горные сенокосные луга²⁵.

В Ассинском ущелье, в селении Таргим, помимо сенокосных лугов, состоявших в подворном владении, имелся большой участок — Олорт I, — который ежегодно до покоса подвергался разделу между отдельными семьями всем селом²⁶.

И в селении Эгикал были свои сельские сенокосные луга, известные под наименованием Гиелч I о ж. На сенокос обычно выходили все семьи, после чего сено делилось по количеству семей²⁷.

²² Б. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1963, тет. № 1, 19—20.

²³ Там же, тет. № 2, 28.

²⁴ Там же, 1964, тет. № 1, 11.

²⁵ Там же, тет. № 2, 1.

²⁶ Там же, 1963, тет. № 2, 40.

²⁷ Там же, тет. № 3, 10.

В селении Лежги сенокосные луга были распределены по тейпам и соответственно этому именовались — Хути-тейпа цонеж, Куски-тейпа цонеж, Бейкр-тейпа цонеж и Хирси-тейпа цонеж, однако все они были поделены по отдельным семьям. Но если внутри тейпа изменялось количество семей, производился передел после обсуждения этого вопроса на пхьегIа²⁸.

Вышеприведенные данные этнографии подтверждают, что вплоть до крестьянской реформы, а в высокогорных районах Ингушетии и после нее, существовала сельско-общинная собственность, которая по объекту владения включала в первую очередь все основные горные пастбища, затем некоторые сенокосы в большинстве случаев малорентабельные, выгоны и, наконец, пашни, использованные под выгоны лишь на короткий период времени.

Таким образом, если принять во внимание наличие общей собственности на леса, можно утверждать, что в горной Ингушетии в пореформенный период, при господствующем положении частной собственности на землю существовала и пережиточная форма сельско-общинной собственности, которая в различной степени охватывала все виды земельных угодий.

Некоторые исследователи, помимо общесельской собственности, по субъекту владения, в пореформенной Ингушетии находили и родовую собственность. Это ошибочное представление есть результат той путаницы, которая была внесена в вопрос о характере ингушской тейпа. Большинство исследователей в тейпа видело родоплеменную организацию. По своему типу тейпа действительно является родовой организацией, однако за известный нам период ее существования она имела совершенно иной характер.

Вышеуказанные толкования термина тайпа исходят очевидно из определения У. Лаудаева, согласно которому «Эта родственная связь членов фамилии называется по-чеченски тайпан или тайпа, что означает: одна фамилия, люди, одно племя... В отношении фамильного родства все его члены

²⁸ А. И. Робакидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1962. тст. № 1, 15.

называются братьями — вежерей или воша, а целая связь — братством вошала... с умножением фамильных членов, они нося общее название, разделились еще на гаары, или неки, т. е. ветви или линии»²⁹.

Вопрос о генезисе тейповой организации и ее социальной сущности в поздний период существования является предметом специального исследования, однако ввиду частого упоминания этого термина и в сообщениях сказителей и в письменных источниках, необходимо определить наше отношение к его содержанию.

Сегодня тейпа (инг.), тайпа (чечен.) и в научной литературе и в быту применяется в различном значении. По сложившемуся мнению этот термин происходит от арабского тейфа, проникшего в языки народов горного Кавказа вместе с распространением ислама. Основное его значение по существующему словарю род, племя³⁰. Однако, это определение, берущее начало, видимо, также у У. Лаудаева, не совсем точно. Ни другими литературными источниками, не зависящими от У. Лаудаева, ни этнографическими материалами употребление тайпа/тейпа в значении племени не подтверждается. Более того, имеется сообщение относительно того, что «В обычном смысле «тайп» не является племенем»³¹. Возможно формулировка «родоплеменная группа» является наиболее приемлемой для ранней стадии развития тайпа/тейпа³².

Тайпа/тейпа в значении рода широко распространено в современных компендиумах³³. В отдельных случаях он употребляется в значении общества и сельской общины³⁴. Иногда же им обозначается родственное население одного села³⁵.

²⁹ У. Лаудаев. Чеченское племя, ССКГ, VI, 1872, 15.

³⁰ Чечено-русский словарь, М., 1961, на слово тайпа.

³¹ Х. Д. Ошаев. Вопросы истории чечено-ингушского народа, 15 (рук.).

³² А. А. Саламов. Правда о «святых местах» в Чечено-Ингушетии, Сборник статей, Грозный, 1964, 156.

³³ Народы Кавказа, I, М., 1960, 347.

³⁴ В. И. Маркович. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанти-Аргуна, ДЧИ, М., 1963, 256.

³⁵ К. Ф. Ган. Экскурсия в нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 г., ИКОРГО, XV, 1902, 219.

Однако, тайпа//тейпа в нахских языках является заимствованным термином. В частности в чеченском ему соответствовал термин г̃а́р а³⁶, который в настоящее время употребляется и для обозначения подразделения рода. Ингушским соответствием чеч. г̃а́ра является в а̃р, неоднократно фиксируемый нами в условиях полевой работы³⁷.

Таким образом, в литературе термин тайпа//тейпа применяется в различных значениях, но в большинстве случаев остается в пределах одной родственной организации, хотя и различных степеней. В народном словоупотреблении он не имеет одного содержания, однако редко выходит за пределы понятия рода.

В Чечне, где распад древних форм социальных взаимоотношений начался раньше, чем в Ингушетии и протекал более интенсивно, сейчас уже трудно уловить первоначальное значение этого термина. Ингушский этнографический материал, более насыщенный пережиточными явлениями, дает основание предполагать, что он обозначал организацию, которая в свое время носила черты рода. Видимо чечено-ингушский г̃а́р а//ва̃р и является тем термином, который некогда обозначал род, в дальнейшем закрепился за родственной организацией и, наконец, был заменен иноязычным тайпа//тейпа в том же значении. Наличие двух терминов для обозначения родственной организации, в процессе развития данного коллектива, привело к раздельному употреблению тайпа//тейпа и г̃а́ра//ва̃р, первого в значении более широкого круга родственников, а второго в значении его разветвления.

Взаимоотношения между чеч.-ин. г̃а́ра//ва̃р в значении рода и груз. г̃ в а̃р-и в том же значении нуждается в лин-

³⁶ Чечено-русский словарь, на слово г̃а́р а.

³⁷ М. Мамакаев считает, что чеченским соответствием тайпа в свое время был термин ва̃р, (см. его «Чеченский тайп...», 10, прим. 2).

гвистическом анализе, независимо от того аспекта, в каком будет решен вопрос его происхождения³⁸.

Подразделения рода первого порядка и в бацбийском именуется г I а р. Самый широкий круг Цискаришвили у бацбиев именуется Ц и с к р о б а, и это соответствует современному понятию тайп а/тейпа. Подразделение же первого порядка Цискроба, в частности Эдишеридзе, Джимшершвили и т. д. именуются соответственно И д ш е р г I а р, Д ж и м ш е р г I а р и т. д.³⁹.

Последующим нисходящим подразделением гāр а//в а ь р является чечено-ингушское не к ъ и//н а ъ к ъ е и последним, наимельчайшим — д о ъ з а л//д ē з а л в значении семьи⁴⁰.

По сообщению В. И. Марковина, которое касается Малхисты, «...жители этого общества составляли один тейп, разделенный на более мелкие родственные группы «гар» и «некий» (некье)»⁴¹.

Для правильного понимания соотношения между терминами, обозначающими различные круги родственной организации, в сел. Гямах Хачароя была составлена подробная генеалогия Баты-тейпа. По преданиям эпоним данного тайпа Баты имел четырех сыновей — Бахмата, Лабаза, Хаза и Веты. Каждый из них со своей стороны имел свое потомство. По словам информатора каждый из вышеуказанных братьев дал начало самостоятельному гāра, а термином наѡкье обозначалось родство ц х ѡ а да витина, т. е. «через одного отца». В процессе естественного развития и размножения членов данной родственной организации гāра перерастал в тайпа, неѡи в гāра, а доѡзал в наѡкье. В этой цепи родственных организаций возможно существуют и другие звенья. М. Ма-

³⁸ М. К. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, I, Тб., 1966, 303.

³⁹ Эти сведения сообщены А. Шавхелшвили и В. Цискаришвили, за что приношу им глубокую благодарность. По сообщению Тедо Кавтарашвили (село Алвани) родственное объединение, подобное Цискроба, здесь носило наименование Пешкроба, которое включало несколько подразделений БендургIар, БахтаргIар и т. д.

⁴⁰ М. Мамакаев. Чеченский тайп..., Приложение № 1.

⁴¹ В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники..., 256.

макаев напр., выделяет на основе чеченского материала тукхум⁴² в значении фратрии и цIа в значении фамилии. Это делает структуру родственных организаций чеченцев более сложной, но и более интересной, хотя конкретное содержание термина тукхум в нахских языках для нас остается не вполне ясным.

Содержание термина доьзал не ставит никаких вопросов — этим термином обозначается семья (и индивидуальная и пережиточная форма семейной общины). Каково же реальное содержание остальных терминов?

Тот неполный материал, который удалось собрать в части, касающейся семейных разделов, проливает свет на характер имущественных отношений в сфере наследования. При разделе семьи имущество, как правило, делилось между дольщиками — сыновьями. Вместе с тем некоторые элементы семейного имущества не подвергались разделу и оставались в общем пользовании выделившихся самостоятельно семей. К неделимым видам имущества относилась в первую очередь оборонительная башня, которая по мере развития данной семьи и образования все более широких кругов родственников переходила сперва в собственность некий, затем гIара и, наконец, тайпа. Помимо того, известная часть сенокосных лугов, преимущественно отдаленных, также оставалась в общем владении разделившихся семей; они, как правило, подвергались ежегодным переделам, производившимся до косовицы. Н. С. Иваненков в цитированной работе указывает на случаи, когда сонаследники пользовались загонами попеременно.

Расселение выделившихся семей происходило вокруг «старого дома», в непосредственной близости от оборонительной башни. Это способствовало выполнению некоторых сельскохозяйственных работ совместными усилиями разделивших-

⁴² Широко распространенный на Кавказе тохум//тухум термин иранского происхождения. В древне-перс. он представлен в форме ta i(h)ma в значении рода, племени, родственника; авест. taohman, санскр. takman, пехл. tōhm обозначает семья, племя (М. К. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, I, 379 и след.).

ся семей, а также совместному уходу за скотом, который уже был поделен.

Вышеуказанная структура тайповой организации, порядок раздела и расселения разделившихся семей, наличие неразделенного имущества и формы взаимопомощи говорят о том, что в данном случае мы имеем дело с патронимической организацией, наиболее ранней формой которой является некъи, а наиболее поздней — тайпа. Эта патронимическая общность по мере расширения круга родственников и включения чужеродцев постепенно ослабевала и характер взаимных обязательств определялся степенью родства. Именно поэтому в Чечне различали «коренные», «основные», «старые» гָраы или тайпы, именуемые бухера тайпа, от «новых» — х I н ц а л ё р а тайпа. Вышеуказанное вместе с тем говорит о том, что тайпа в том виде, в каком она дошла до XIX в., не может быть квалифицирована как родовая организация. Она является патронимическим образованием позднего порядка, организацией в основном родственной, но не родовой.

Сегментация семьи, образование некъи, превращение последних в гָра с последующим объединением их в тайпа представляло собой непрерывный процесс развития родственной организации, в котором трудно установить грань между отдельными ее звеньями, уловить момент когда одна форма переходит в другую. Именно поэтому очень часто одно и то же родственное объединение в одно и то же время именуется и тайпа и гָра, либо и гָра и некъи. О непрерывности этого процесса и незаметном переходе одной формы в другую говорит хотя бы тот факт, что, современные наименования тайпа носят в себе следы пребывания их в состоянии гָра. Так, напр., в Чантое информатор сообщил нам о существовании здесь трех тайпа, среди которых две именовались Эжингָр и Кушангָр⁴³. По материалам, записанным в Гухое, одна из старых тайп именовалась Тюлегָр⁴⁴, а из числа новых — Инггар, Толдигар и Кюхагָр⁴⁵.

⁴³ Б. В. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1965, тет. № 6, 2.

⁴⁴ А. И. Робакидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1965, тет. № 3, 16.

⁴⁵ Там же.

Для характеристики тайпа, как термина обозначающего наиболее широкий круг родственников, необходимо учесть и предания, указывающие на различное происхождение отдельных ответвлений, входящих в одну тайпу. И в Ингушетии и в Чечне неоднократно зафиксированы предания о «пришлых» фамилиях, приселившихся к «коренным жителям» села и в силу своего позднего прихода или иных обстоятельств, ставших по отношению к кореным в зависимое положение. На первых порах эта разница чувствуется во всем — и в праве построить завершенную башню, и в праве поставить большой каменный дом, и в праве пользования земельными угодиями. Однако по мере ассимиляции и установления связей с местным населением пришельцы постепенно уравниваются в правах с местными жителями села.

Вместе с тем действует обычай, согласно которому пришелец в известных случаях может принять фамилию коренного жителя. Для этого он режет быка, корову или козла в зависимости от состояния, входит тем самым в родственные взаимоотношения с какой-либо местной фамилией и после этого принимает эту фамилию. В составе многих тейп можно обнаружить таких пришельцев, искусственно вошедших в родство тейпа.

Для правильного понимания социальной сущности тейпа значение может иметь и грузинский сравнительный этнографический материал. Ближайшим к чечено-ингушскому нам кажутся в частности давшие этнографии хевсур, по которым наиболее широкий круг родственных объединений именуется термином гвари. Гвари распадается на дзири. Этим термином обозначается род. Дзири со своей стороны состоит из дзвели и ахали мамани. (букв. старые и новые отцы)⁴⁶.

Такая структура родственного объединения хевсур и вытекающие отсюда обязательства между членами ее различных звеньев указывает на то, что в Хевсурети характер гвари соответствует структуре своей чечено-ингушско-

⁴⁶ Р. Л. Харадзе. Хевсурское «дзири» и «гвари», «Мимомхилвели», I, Т., 1949, 187 и след. (на груз. яз.).

му тейпа, подразумевающему более широкое объединение, а хевсурское дзири — чечено-ингушскому г̃а́ра — ваьр. Однако сходство между хевсурской и чечено-ингушской структурами родственных объединений на этом не кончается — оно находит свое продолжение в делении у хевсур на дзвели и ахали мамани, которое аналогизируется с чеченским бухера тайпа и х̃инцал̃ера тайпа, а еще более с ингушским, в котором отдельные звенья вышеуказанной структуры именуются до а а, т. е. отцами (т. е. также как и в Хевсурети мамани), представленные в виде ген ар (дальних) и би хир (близких).

Аналогичный материал из быта других народов горного Кавказа, по-нашему, должен подтвердить вышеуказанные сопоставления. Это даст возможность утверждать с большой убедительностью, что чечено-ингушский тайпа//тейпа является организацией, собственность которой хотя и относится к общинным формам, к родовой отнесена быть не может.

Подробно рассматривая различные формы семьи в связи с формами собственности. Ф. Энгельс отмечал, речь идет не о том «общая или частная собственность, а о том какова была форма общей собственности»⁴⁷. В отношении горной Ингушетии, как отмечалось имеется сравнительно богатая терминология, которая дает возможность осветить и эту сторону вопроса. Для обозначения частной собственности в чеченском также существует термин до а л а х, общая же собственность обозначается ю к̃ а р а. В зависимости от характера угодий различали ю к̃ а р а меттиг (общая земля), ю к̃ а р а ц а н а (общие сенокосы), ю к̃ а р а к х а й (общая пашня). Вместе с тем для обозначения сельских покосов применялся термин ю у р т а н ц а н а, а для обозначения тайповых — тайпа н а ц а н а. Земельные угодья, подвергавшиеся систематическим переделам, именовались к у п⁴⁸.

⁴⁷ Ф. Энгельс. Происхождение..., К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, 21, М., 1961, 140.

⁴⁸ Е. Максимов и Г. Вертепов. Туземцы Северного Кавказа, Чеченцы, Влад., 1892, 39. Ср. Н. С. Иваненков. Горные чеченцы, ТС № 7, Влад., 1910, 48—49, И. М. Саидов. Землевладение и землепользование..., 162 и след.

Полевой материал подтверждает наличие и в Чечне общинных земель. Так, напр., в ущельи р. Чанти-Аргуна, в Ушкалое, которое объединяло несколько селений, имелось общее для всего Ушкалоя пастбища Мичел-Гарди. Общими пастбищами тоже большой общины Бугларой было названо место Велендукъ, Нижалоя — АкъантIа, а Гечамхели — Цамдзене⁴⁹. Аналогичное положение зафиксировано и в других общинах, хотя в большинстве случаев пастбищами пользовались по отдельным селениям, а не общинам. Каждое село (юрт) имело свою гору (лоам), куда выпасался сельский скот без деления пастбища по отдельным кварталам или семьям. При соответствующем расположении селений этими горами пользовались сообща все селения, входившие в данную общину.

Помимо пастбищ часть сенокосов также находилась в сельском пользовании. По полевым записям сел. Лому имело общесельские сенокосы на горе Аамтие, которые подвергались ежегодным переделам⁵⁰. Аналогичные сведения записаны в Чеберлое, население которого сообща пользовалось сенокосами Алати, Хьаркъарой-лām, Цаной Дукъ, Хьашкара⁵¹. То же самое можно сказать и относительно Шароя, население которого сообща пользовалось некоторыми сенокосами, подвергавшимися переделу ежегодно до начала косовицы⁵². Макажой имел следующие сенокосы в общем пользовании: Садойн-лām, Къуьсунчу⁵³.

Вышеуказанные материалы еще раз подтверждают, что в Чечне, так же как и в Ингушетии в дореволюционное время часть сенокосов все еще находилась в общесельском пользовании. Эти материалы вместе с тем указывают и на то, что в некоторых случаях те или иные угодья находились в тейповом пользовании. В Чантойском ущелье напр., был зафиксирован случай, указывающий на наличие тейповых пастбищ.

⁴⁹ Б. В. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1965, тет. № 6, 12—13.

⁵⁰ Там же, 37—38.

⁵¹ Там же, тет. № 7, 31.

⁵² Там же, 13.

⁵³ Там же, 35.

Здесь два больших участка — Малхбоьрачу и Дуркьо́чу, среди которых одним пользовались только представители Эжинтейпа, а другим, разделенным на две части — Бахматтейпа и Кушенгиртейпа⁵⁴.

Помимо пастбищ в Чечне существовали и тейповые сенокосы. В том же Чантое в общей собственности Эжинтейпа находились сенокосы КIарт-халха и ГIайчу. Бахмат-тейпа имела общие сенокосы под наименованием PorgIy-халха, а Кушенгартейпа — ЧоргIа⁵⁵. По другой полевой записи все те селения, в которых проживали Эжинтейпа, ходили на Чантой-лом, где производили посредством жеребьевки передел сенокосов по отдельным семьям⁵⁶.

В условиях тейпового расселения нередко тейповые сенокосы совпадают с сельскими. Однако в тех случаях когда тейпа, проживающая в одном селе, имеет сенокосы в различных местах, или тейпа, проживающая в различных селениях, имеет сенокосы в одном месте, наличие тейповой собственности на сенокосы не может вызвать сомнения.

Лишь в одном случае удалось зафиксировать существование тейповой пашни. В Хильдихарое, в сел. Гловзте были три тейпа, каждая из которых имела общетейповую пашню, ежегодно переделяемую перед пахотой по отдельным семьям⁵⁷.

Существование права частной собственности в прошлом в Чечне, так же как и в Ингушетии, одно время некоторыми исследователями не признавалось — эту форму собственности считали внесенной русским царизмом. По словам напр.. Е. Максимова и Г. Вертепова «... до появления русских в Чечне право личной собственности на землю не было известно чеченцам»...⁵⁸. Это положение И. М. Саидовым подвергнуто основательной критике. В уже цитированной его работе приведены многочисленные факты, подтверждающие существо-

⁵⁴ Б. В. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1965, тет. № 6, 5—6.

⁵⁵ Там же, тет. № 25.

⁵⁶ Там же, тет. № 4.

⁵⁷ Там же, тет. № 7, 1—2.

⁵⁸ Е. Максимов и Г. Вертепов. Туземцы Северного Кавказа, 58; ср. Е. Максимов. Чеченцы, ТС, в. III, кн. 2, Влад., 1893, 40 и след.

вание частной собственности в Чечне задолго до присоединения Чечни к России. Однако в полемике с вышеуказанным положением Е. Максимова и Г. Вертепова И. М. Саидов впал в крайность и стал по существу на путь отрицания существования **общинных форм собственности на землю**. Он пытается доказать, что в общей собственности находились лишь неудобные для пользования земли. По словам автора «Общими или запасными оставались в основном высокогорные пастбища, неудобные для использования места (скалистые берега и русла рек и др.), ограниченные участки, служащие для пастбищ части скота односельчан и некоторые участки леса. Использование этих общих или неудобных для деления мест регулировалось старейшинами»⁵⁹.

Вышеприведенный этнографический материал, думается, подтверждает, что пережиточные формы общинного землевладения бытовали в дореволюционной Чечне не только в пределах лишь негодных угодий, но и в отношении сенокосов, а в некоторых случаях и в отношении пашен. Это положение отмечено было и в более ранней литературе. Н. С. Иваненков, специально изучавший этот вопрос, писал: «Вообще говоря, что было пережито другими человеческими обществами, то самое наблюдается и в горных обществах Чечни: в развитии права на землю здесь были, есть и теперь еще ступени, начиная от форм общинных и общественных и кончая формами личного владения и полного распоряжения землей»⁶⁰. Что это положение касалось не только пастбищ, видно из другого места его исследования, где говорится: «Что сказано об общественных покосах, то вполне относится к таким же пашням. Пай пашни называется «юрт юкеркай». Разница здесь только в том, что площадь общественных распахов очень мала»⁶¹. Общинные земли Н. С. Иваненков называет «общественными», постольку поскольку в литературе того времени «общество» употреблялось как синоним «общины». К таким землям вышеуказанный автор относит горные пастбища,

⁵⁹ И. М. Саидов. Землевладение и землепользование..., 169.

⁶⁰ Н. С. Иваненков. Горные чеченцы, 60.

⁶¹ Там же.

выгоны, сенокосы и пашни⁶². Вместе с тем он описывает порядок переделов, который предполагал раздел всей площади сенокоса на отдельные полосы по количеству семей, называемые «юрт юкир дцана», и затем жеребьевку⁶³. Е. Максимов и Г. Вертепов в данном случае ссылаются лишь на предания о былом существовании общинного землевладения, не приводя соответствующих фактов⁶⁴.

Таким образом и предания, сохранившиеся в народе, и данные литературы, и полевой материал, отражающий фактическое положение вещей, подтверждает, что несмотря на длительное существование частной собственности в Чечне и в Ингушетии, там вплоть до XIX века спорадически бытовала в виде пережитка общинная собственность, распространенная на все виды угодий.

Практика общинного землепользования нашла свое отражение и в храмовом хозяйстве. По материалам, записанным в Итум-Кале «Мечеть имела свои земли—ДжамаIатап латта, доходы с которой употреблялись на нужды мечети. Пшеницу продавали и выручку тратили на мечеть. Часть шла на праздники; ее делили между теми, кто ухаживал за землями мечети, а также между односельчанами. Обработку земли мечети и организацию всех соответствующих работ вели служители мечети — туркх. Они поручали определенным лицам обработку этой земли»⁶⁵.

И по материалам, записанным в Хачарое, мечеть имела свою землю — пашню, которую обрабатывала одна из семей селения. Урожай однако делился на все семьи селения. Часть урожая оставляли на нужды праздника и сообща пользовались им. На следующий год обработка земли мечети поручалась другой семье.

По состоянию сохранности этнографического материала в Чечне сегодня уже не удастся восстановить более или менее полную картину хозяйства мечети, однако литературные ис-

⁶² Н. С. Иващенко. Горные чеченцы, 57.

⁶³ Там же, 58—59.

⁶⁴ Е. Максимов и Г. Вертепов. Туземцы Северного Кавказа 56.

⁶⁵ Б. В. Гамкрелидзе. Дневник ЧИЭЭ, 1965, тет. № 7, 21.

точники дают возможность пролить свет на этот весьма интересный материал. По данным литературы напр., устанавливается, что мечеть имела не только пашни, но и другие виды имущества, в частности, сенокосы (м а ъ ж д ы г а н ц а н а) баранту (м а ъ ж д ы г а н ж а) и т. д. По свидетельству Н. С. Иваненкова, в сел. Хулундой на 100 дворов была одна мечеть. Имущество мечети составляли 12 загонов и 300 овец. Это имущество накапливалось в результате пожертвований со стороны сельчан. Это сообщение вышеуказанный автор заключает: «Хотя участки, овцы и прочее имущество жертвователей и находится в ближайшем ведении муллы, но все же высший надзор над ними принадлежит обществу»⁶⁶. Более подробно Н. С. Иваненков описывает хозяйство мечети в сел. М. Варанда. По словам автора большая мечеть этого селения имеет 8 загонов, которые отдаются на обработку семье, приносящей обществу наибольшую выгоду. Здесь же указывается на статьи расхода урожая. Гамхоевская мечеть оказывается имела 28 загонов в различных местах селения, Ведучинская 9 загонов, Атенбаусская 28, Кахходойская 5 и т. д. «Часть зерна, поступающая мечети,—пишет Н. С. Иваненков,—сохраняется лицами обрабатывающими участки. Они же варят галушки из мечетной муки, пекут хлеб и приносят говельщикам в ноябре месяце»⁶⁷.

Вышеприведенный материал, конечно, недостаточен для полной характеристики мечетного хозяйства в Чечне, но и приведенный достаточно ясно указывает на некоторое сходство с аналогичными институтами у горцев Грузии в виде святилища — хати — и его имущества, а также обслуживающего персонала и порядка обработки земли святилища и распределения урожая. Есть попытка объяснить этот институт восточными формами землевладения⁶⁸, хотя эта попытка и не может быть названа обоснованной. Поскольку дело касается попыток объяснения этого института, было бы более целесообразным сопоставить его с соответствующим этногра-

⁶⁶ Н. С. Иваненков. Горные чеченцы, 90.

⁶⁷ Там же 89 и след.

⁶⁸ Там же.

фическим материалом горцев Восточной Грузии, ибо и в этой серии материалов мы видим черты которые указывают на сходство.

Однако вышеуказанные формы общинного землепользования находились уже ко времени реформы на последней стадии своего существования—ведущим элементом в сфере форм собственности в Чечне данного периода, так же как и Ингушетии, была частная собственность феодального порядка.

Б. Некоторые нормы обычного права

Среди норм обычного права, характерных для сельской общины, особое место занимает обычай кровной мести, корнями своими восходящий к родовому быту, но продолжавший существовать и в последующие периоды соответствующим образом изменном виде. В условиях сельскообщинного быта, в котором родственные связи уступили ведущее место территориальным, это единственный институт, сохранивший наиболее тесные связи с породившей его средой, ибо это единственный более или менее важный институт, непосредственно отражающий отношения между родами, а не территориальными группами.

Обычай кровной мести, по мере развития общества, меняет свою природу. Появившись как норма, соответствующая принципу «око за око, зуб за зуб», обычай этот постепенно перерастает в систему композиции, которая в процессе развития все более отходит от своего первоначального значения, все более приближаясь к вине, как к стоимости крови: Именно поэтому обычай кровной мести не может быть нейтральным по отношению к изменениям в общественно-экономической жизни народа, уровень развития которого всегда находит непосредственное отражение в системе композиции.

Вахушти Багратиони, видимо хорошо осведомленный относительно этого сектора Центрального Кавказа, пишет: «...не знают они смертоубийства и мести за кровь; но если случится (убийство), то мирятся через совет своих старейшин»⁶⁹. Эта характеристика обычая кровной мести в Ингу-

⁶⁹ Вахушти Багратиони. География Грузии, Тб., 152.

шетии совершенно категорически указывает на то, что к середине XVIII века он уже давно потерял свой первоначальный характер, превратился в церемонию примерения, характерную для развитого общества, и основанную на материальной ответственности.

Некоторые стороны ингушской системы композиции довольно ясно указывают с одной стороны на высокий уровень ее развития, выявляя вместе с тем небезынтересные параллели с аналогичными явлениями из быта горцев Грузии и других народов Кавказа.

Старейшины, избираемые по каждому отдельному случаю возникновения взаимоотношений кровной мести, руководствовались нормами дошариатского происхождения, ибо ислам в Ингушетии, как известно, проник сравнительно поздно. Нормы вырабатывались на всенародных сходах, которые устраивались при святилище Т х а б а - Е р д ы. Это святилище, одинаково чтимое всеми ингушами, а вместе с ними и их ближайшими соседями, являлось местом, где наряду с другими вопросами, решались и вопросы норм композиции.

Аналогичные места схода существовали и в Чечне. Наиболее значительными из них были Майста, Кхеташ-корта (в Ичкерии), Жеминбарз (ок. Чечен-аула) и т. д.⁷⁰.

Эти сходы старейшин назывались кхиел, а старейшины кхиел-хой. Аналогичным центром схода старейшин для регулирования норм обычного права в Хевсурети являлся Гудани. В виду того, что взаимоотношения кровной мести могли возникнуть и между иноплеменниками, практиковалось совместное совещание старейшин, представлявших заинтересованные народы, на котором решались спорные вопросы. По свидетельству У. Лаудаева майстийцы были прекрасными знатоками норм обычного права, поэтому их часто приглашали для рассмотрения наиболее сложных случаев кровной мести⁷¹. По полевым записям хевсуры нередко приглашали ингушей для разрешения вопроса о применении норм

⁷⁰ А. А. С а л а м о в. Огъыв, 12.

⁷¹ У. Л а у д а е в. Чеченское племя, ССКГ, VI, Тиф. 1872, 50.

обычного права к тому или иному конкретному случаю, так же как и ингуши приглашали хевсур с той же целью.

Такого рода взаимоотношения между соседними народами горного Кавказа способствовали возникновению общих черт в сфере норм обычного права населения восточной части горного Кавказа.

К числу этих общих черт относится в первую очередь институт *кхийел-хой* и связанный с ним *кхийел*. Примерно в том же ряду стоят хевсурские *хелосани*, *мехеле* и *хелити* (*ხელოსანი*, *მეხელე*, *ხელოთი*). Этот термин в свое время привлек внимание исследователей. По словам А. Генко, напр., ингушское *кхийел*, в настоящее время имеющее значение «совет», «решение», «постановление», первоначально означало третейский суд выборных стариков — медиаторов, откуда и «народный судья», «медиатор». Этот термин А. Генко сопоставляет с грузинским *хели* в значении рука, власть, правосудие⁷².

В этом ряду фактов привлекает внимание и сообщение И. Цискаришвили, по свидетельству которого у тушин *хели* выражало понятие нормы обычного права, а *хелхом* — людей, опытных в вопросах обычного права⁷³. От этого термина ведет свое происхождение и ингушское *кхелам*; обозначающее размер виры — «стоимость крови». По свидетельству К. Борисевича, которое относится ко второй половине XIX века, термин *кхелам* им фиксирован в значении «задаточного калыма», который в данном случае обозначает предварительный взнос просящего примирения для обеспечения начала переговоров⁷⁴. В отношении чеченцев имеется сообщение Ф. Леонтовича, по словам которого «Когда посредством переговоров... оба противника согласятся: обид-

⁷² А. Генко. Из культурного прошлого ингушей, ЗКВ, V, Ленгр., 1930, 739.

⁷³ И. Цискаришвили. Записки о Тушетии, «Кавказ», Тиф. 1948, 159; ср. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, вып. II. Ф. Леонтович, Одесса, 1883, 55.

⁷⁴ К. Борисевич. Черты правов православных осетин и ингушей Северного Кавказа, Э. О. 1889, №№ 1—2, 261—262.

чик для получения мира заплатить обиженному, что суд определит, а обиженный — принять от обидчика плату за обиду, то приступают к выбору судей (по осетински тарханлагте, по чеченски кхелахой), число коих также должно быть определено предварительными переговорами...»⁷⁵. О значении термина кхелахой в чеченском Ф. Лентович говорит и в другом месте цитированной работы⁷⁶.

Некоторые архивные документы подтверждают, что кхели в значении группы старейшин встречается и у народов Дагестана. В одном из них в частности читаем: «Для решения спора и дел, важных для дагестанцев, собирается джамат из старшин селения или общества, называемый хели»⁷⁷.

Хел в обычном праве горцев Грузии имеет различные значения. По обычному праву хевсур кровники делятся на две группы, одну из коих составляют метаве — сторона убитого, а другую мехеле — сторона убийцы. После определения размера виры, она выплачивалась в двух видах, имея в виду в качестве основного эквивалента стоимости корову, (дэроха), хелити дэроха и пехити дэроха, (ბეღოთო ძროხა, უგბოთო ძროხა), при чем первый представляет собой различные предметы в сумме своей стоимости соответствующие корове (посуда, ковры, мелкорогатый скот и т. д.), а второй — стоимость, выдаваемую в виде коров. Наконец, хевсурские нормы обычного права знают термин хелис мамкиде букв. держащий за руку, который выступал в качестве соприсяжника при выполнении обвиняемым клятвы о своей невинности.

Таким образом термин хели, обозначающий в грузинском руку, власть и т. д., выступает вместе с тем как один из основных терминов обычного права. В таком же значении он известен и некоторым народам горного Кавказа. Имея в виду вышеуказанный обычай совместного обсуждения вопросов, вытекающих из практики применения норм обычного права, такое схождение не должно вызывать необходимость его объ-

⁷⁵ Адаты кавказских горцев, 11, 21.

⁷⁶ Там же, 11, 114.

⁷⁷ ЦГВИА. Ф. ВУА, д. 6528, ч. I, лл. 130—135.

яснения. С другой стороны место старейшин, т. е. обычного права, в юридическом быту горцев Кавказа подчеркивает живучесть селскообщинного быта.

Институт кровной мести в Ингушетии, именуемый до в, видимо уже ко времени Вахушти Багратиони принял характер сложных имущественных обязательств между кровниками—до вхо, также как и у многих других народов Кавказа. По записям Н. Яковлева полная стоимость крови в Ингушетии равнялась 120 коровам, трем лошадям, в числе которых одна должна была быть полностью снаряжена, отрезу шелковой ткани грузинского производства и одному быку, который закалывался при примирении⁷⁸.

Вышеуказанный размер виры, по сообщению многих авторов, одинаково распространялся на все слои населения и какого-либо различия по отдельным фамилиям или обществам не наблюдалось. Однако имеются сведения, что люди одного общества в Армхинском ущелье, предки которых считались пришлыми, т. е. по представлению ингушей, не составляли коренного ингушского населения, оценивались в половинном размере общепринятой виры, хотя и независимо от фамилий. Вместе с тем по сообщению Ч. Ахриева согласно нормам ингушского обычного права кровь «старшего» оценивалась на 50% дороже крови «обыкновенного галгая»⁷⁹, что вместе с вышеприведенным сообщением о наличии определенной группы населения, стоимость крови которой равнялась одной трети стоимости крови «старшего», бесспорно указывает на наличие по крайней мере трех слоев населения, различающихся по своему общественному положению.

Вместе с тем существовала и другого рода дифференциация, предполагавшая различную ответственность членов родственной группы убийцы в зависимости от степени родства с ним. По сведениям, записанным Н. Харузиным, брат убийцы должен заплатить 12 коров, ближайший двоюродный брат — 11, двоюродный брат в второй степени 10 и т. д.⁸⁰.

⁷⁸ Н. Ф. Яковлев. Ингуши, М., 1925, 72.

⁷⁹ Ч. Ахриев. Ингуши..., ССКГ, VIII, 1875, 4.

⁸⁰ Н. Н. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей, 118—119.

Это обстоятельство также бесспорно указывает на значительное ослабление родственных уз даже в сфере кровной мести.

Сопоставляя ингушский этнографический материал, касающийся системы композиции, с горно-грузинским, мы обнаруживаем некоторые общие аспекты отношений, ибо при высокоразвитом феодальном праве в равнинной Грузии, горные ее части долгое время сохраняли в своем юридическом быту нормы обычного права. Памятники грузинского феодального права самым строгим образом дифференцируют виру в зависимости от социального положения истца и ответчика, примером чему служит «Судебник» Баграта III-го, составленный в начале XI века⁸¹. Однако в высокогорных районах Грузии население все еще продолжало жить нормами обычного права. В первой половине XIV века Георгий V, в борьбе за внедрение среди горцев феодальных правопорядков⁸², добивается лишь временного успеха. Об этом говорит то обстоятельство, что спустя более чем четыре столетия после появления вышеуказанного «Судебника», становится необходимым создать специально для Арагвского эриставства «Уложения для равнины и горных мест»⁸³. Вторая часть «Уложений» касается главным образом именно той зоны горной Грузии, которой был посвящен «Судебник». Делая целый ряд исключений для горной полосы Арагвского эриставства, по сравнению с равнинной, «Уложения», явственно отражают все еще живучие здесь институты сельско-общинного быта⁸⁴.

Окончательно ликвидировать пережитки сельско-общинного быта не удалось и XVIII веку; видоизменяясь, они продолжали существовать и в XIX-ом. Именно поэтому мы имеем возможность сопоставить ингушскую систему с хевсурской и сванской и придти к выводу, что так же как и хевсур-

⁸¹ И. С. Долидзе. Древнегрузинское право, Тб., 1953, 335 и след. (на груз. яз.).

⁸² И. С. Долидзе. Судебник Георгия Блистательного, Тб., 1957, 15. и след. (на груз. яз.).

⁸³ Я. Путкарадзе. К истории права грузинских горцев, Тб., 1964, 105 и след. (на груз. яз.).

⁸⁴ Я. Путкарадзе. К истории права грузинских горцев, 85.

ская, содержащая элементы дифференциации по признаку «пришлых» и «коренных» фамилий, именуемых здесь мегандзури (მეგანდჳური),⁸⁵ и она характеризуется наличием какого-то деления, но по отношению к сванской ингушская намного отстает, ибо сванская содержит совершенно четкое деление. Сванское обычное право отдельно рассматривает определенный круг фамилий, вира за убийство представителей которых в два раза превышает виру за убийство «рядового» свана⁸⁶. В этом отношении сванская система композиции среди народов горного Кавказа ближе всего стоит к кабардинской⁸⁷.

Обычаи, связанные с ингушской системой композиции, содержат некоторые черты, позволяющие проследить за истоками этой системы и вместе с тем выявить новые параллели в сфере культурно-исторических связей между народами Кавказа, в данном случае, грузино-нахские культурно-исторические связи.

Ингушская система композиции, хотя и не содержит социально кодифицированных различий виры, по ее дифференциации, в зависимости от места ранения и степени повреждения, довольно последовательно повторяет соответствующие данные этнографии народов горного Кавказа.

Степень повреждения в частности определяется глубиной раны и ее длиной, которая соответствующим образом измеряется. По свидетельству Н. Яковлева в Ингушетии измерение раны производится зерном или пальцами⁸⁸. Этот способ измерения раны описан и другими авторами; он известен и другим народам Кавказа.

Н. Хизанашвили, описывая обычаи, связанные с кровной мстостью, подробно излагает порядок измерения раны. По его словам хевсуры, различая членовредительство от ранения, в

⁸⁵ Р. Л. Харадзе. Хевсурское «рджули», «Аналеби» I, Тб., 1947, 190 (на груз. яз.).

⁸⁶ Р. Харадзе и А. Робакидзе. Сванское село в прошлом, Тб., 1964, 96.

⁸⁷ В. К. Гарданов. Система композиции в обычном праве адыгов (черкесов) XVIII — первой половины XIX века, М., 1964, 3.

⁸⁸ Н. Ф. Яковлев, Ингуши, 75.

первом случае имеют заранее разработанную шкалу, а во втором производят измерение раны посредством зерен, укладываемых попеременно в длину и поперек, по шерстяной нитке, соответствующей длине раны⁸⁹. Более раннее свидетельство об указанном способе измерения раны в Хевсуретии принадлежат Д. Цискаришвили, по словам которого «Ранение лица определяют ее размером: сперва измеряют длину раны стеблем растения или чем-либо другим, затем начертят соответствующую линию, а потом раскладывают по ней зерна пшеницы в длину и зерна ржи в ширину, отбрасывают крайние зерна и по оставшемуся количеству зерен определяют количество коров»⁹⁰. Этот способ измерения раны по Цискаришвили распространяется на ранение лица. В остальных случаях стоимость раны заранее известна и измерения не требуют.

Аналогичное сообщение содержится и в описаниях Важа Пшавела, который указывает вместе с тем и стоимость коровы в размере пяти рублей⁹¹.

То же самое практиковалось и в Пшави⁹².

Сообщения о данном способе измерения раны попали и в компилятивный труд Н. Дубровина⁹³. Коснулся данного вопроса и Н. Худадов, который указывает, что к такому способу измерения прибегают лишь при ранении части лица, находящейся под волосным покровом. Помимо того Н. Худадов, в отличие от Н. Хизанашвили, указывающего на одну треть отбрасываемых зерен, их количество определяет в две трети⁹⁴. Р. Эристов, в своих очерках следовавший за Н. Хиза-

⁸⁹ Н. Т. Хизанашвили. Статьи по этнографии, Т., 1940, 50—51 (на груз. яз.).

⁹⁰ Д. Цискараули. Нравы и обычаи хевсур, Институт рукописей АН Груз. ССР, 2814 (на груз. яз.).

⁹¹ Важа Пшавела. Этнографические письма, Тб., 1937, 116 (на груз. яз.).

⁹² Там же. 126.

⁹³ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе Т. I, кн. II, СПб., 1871, 302 и пр. 2.

⁹⁴ Н. Худадов. Заметки о Хевсуретии, ЗКОРГО, вып. I, Тиф. 1890, 76.

нашвили, полностью повторяет сведения последнего⁹⁵. Несколько иначе представлено дело у К. Гана. По тексту видно, что он следует в основном за Н. Худадовым, называет этот способ измерения раны «оригинальным», и описания Н. Хизанашвили ему быть может не известны⁹⁶.

Этой стороны обычая кровной мести в последующем коснулся ряд исследователей, в том числе А. Камараули⁹⁷, С. Макалатия⁹⁸, но более подробного чем Н. Хизанашвили описания никто не дал.

Однако заслуга Н. Хизанашвили состоит не только в описании этого обычая; он же дал нам и исторический анализ его. Касаясь используемого хевсурами при измерении раны орудия хвџІ, автор пишет: «ХвџІ и скребло со стальным или железным наконечником, такое же как и то, которое Судебник Вахтанга называет «железом определения»⁹⁹. Также поступает Н. Хизанашвили и при анализе виры за ранение, сопоставляя хевсурский обычай с Судебником Вахтанга. Сравнивая Судебник Вахтанга с нормами обычного права, существовавшими в Хевсурети в связи с обычаем кровной мести, Н. Хизанашвили приходит к выводу о том, что последние «... не знают достоинства фамилии пострадавшего, так как все они равны перед правом»¹⁰⁰, имея в виду, четко ограниченную социальную иерархию, подобную той, которая ему была известна по другим районам Грузии, характеризующимся развитыми формами феодализма.

Н. Хизанашвили, следуя свойственному ему методу, нормы обычного права, действующие у горцев Грузии, сопоставляет с юридическими нормами феодальной Грузии, подразумевая между ними определенную связь. Он очевидно исходит из того, что «кровь» занимала центральное место в феодальном судопроизводстве и это в отношении горцев не могло оставаться нейтральным. Георгий V-ый, мотивируя необходимость на-

⁹⁵ Р. Эристов. Извлечение из этнографических очерков Урбнели о хевсурах, ЗКОРГО, XV, вып. 1, 171—172.

⁹⁶ С. Hahn. Bilder aus dem Kaukasus Lpz, 1900, 187.

⁹⁷ А. Камараули. Хевсурети, Тб., 1932, 73 и след. (на груз. яз.).

⁹⁸ С. И. Макалатия. Хевсурети, Тб., 1935, 38.

⁹⁹ Н. Т. Хизанашвили. Статьи по этнографии, 50—51.

¹⁰⁰ Там же.

саждения в горных районах Грузии феодальных правопорядков, основным аргументом выдвигает тот беспорядок, который с точки зрения царя Грузии, господствовал в сфере кровных взаимоотношений горцев. По справедливому замечанию И. Джавахишвили, термином «кровь» феодальное право обозначало имущественную ответственность лишь за убийство и ранение, при наличии другого термина для обозначения имущественной ответственности за другие виды преступлений. А это дает основание заключить, что первоначально это понятие имущественной ответственности полностью совпадает с прямым содержанием термина кровь, лишь позднее приняв значение виры¹⁰¹. То же самое произошло и в горной Грузии, где это понятие приобрело смысл материальной ответственности, не потеряв однако полностью своего первоначального прямого значения в сфере взаимоотношений кровников. И в виду того, что это последнее обстоятельство явно противоречило феодальному праву и затрагивало его общественные устои, подведение горцев под феодальное ярмо должно было быть начато именно с установления дифференцированной виры в зависимости от социального положения господствующего класса, на защиту которого и становился Закон.

Таким образом, судопроизводство в горных районах Грузии, сохраняя нормы обычного права, в тоже время не было свободно от влияний со стороны центральной феодальной власти. Не восприняв систему дифференцированной композиции по признаку социального происхождения, в том виде, в каком она бытовала на плоскости, оно ввело в практику довольно сложную шкалу штрафов за ранение по месту ранения и ее степени. Для этого понадобился определенный способ измерения раны, для чего и были применены зерна пшеницы и ржи. Н. Хизанашвили, сопоставляя хевсурское орудие для измерения глубины раны — хвѣц Iи (ხვეცი) — с аналогичным оружием, упоминаемым в феодальных Судебниках, мог пойти дальше и привести хорошо известное место из Уложения Вахтанга, в 49-ом параграфе которого

¹⁰¹ И. А. Джавахишвили. История грузинского права, к. II, ч. 2, Тб., 1929, 504 (на груз. яз.).

установлен порядок измерения раны посредством зерен ржи. По этому Судебнику одно зерно при ранении крестьянина равно одной корове, при ранении служилого—вдвое больше, при ранении дворянина низшей ступени—в восемь раз больше и т. д.¹⁰². В практике судопроизводства этот способ определения штрафа действовал и в XVIII веке, что видно из одного документа, датированного 28 января 1793 года¹⁰³.

Помимо Хевсурети и Пшави этот способ измерения раны был известен и в Хеви, где, по сообщению В. Итонишвили, пользовались преимущественно рожью. Размер виры и в Хеви, также как и в Хевсурети и в Мтиулету не дифференцировался по признаку социального положения: здесь особо выделялась лишь кровь «гергетца» — людей, которые обслуживали святилище «Самеба» так же как и кровь «человека Ломиси» в Мтиулету, т. е. людей, обслуживающих святилище Ломиси. Однако ранение в зависимости от места и степени и здесь расценивалось дифференцировано.

Вышеуказанный способ измерения раны практиковался и в Осетии. По свидетельству В. Пфафа в Осетии для этого пользовались пшеницей¹⁰⁴. Видимо описанный способ знали и другие народы Кавказа¹⁰⁵. Во всяком случае относительно Кабарды определенно можно говорить о практике измерения раны в целях определения штрафа¹⁰⁶.

Обычай измерения раны посредством пшеницы в Ингушетии описан и опубликован Х. Д. Ошаевым.

Для выявления взаимоотношений между ингушским и хевсурским способом определения степени ранения и, соответственно, штрафа за рану, небезынтересно сопоставить этнографический материал из Хевсурети с данными письменных источников феодальной Грузии. Выше было отмечено, что

¹⁰² Вахтанг VI. Свод законов, Тб., 1952, 64 (на груз. яз.).

¹⁰³ Древности Грузии. Тб., 1910, 476—477 (на груз. яз.), ср. Д. Пурцеладзе. Грузинские дворянские грамоты, Тб., 1881, 28.

¹⁰⁴ В. Б. Пфаф. Народное право осетин, ССК, II, Т., 1872, 272.

¹⁰⁵ Л. Люлье. Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев. ЗКОРГО, VII, вып. I, Тиф. 1886, 13—14.

¹⁰⁶ А. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним, ССКГ, I, Тиф., 1868, 36.

аналогичный способ зафиксирован и в Судебниках. Однако нам не известно где надо искать начальную форму этого обычая — в Судебнике или в обычном праве?

Грузинская метрология располагает довольно сложной системой единиц измерения длины, площади, объема и т. д. Еще Вахушти Багратиони указывал, что мельчайшей единицей длины в Грузии является зерно¹⁰⁷. Зерно однако представляло мельчайшую единицу измерения и веса¹⁰⁸.

По одному документу, датированному XIII веком, зерно опять выступает в качестве мельчайшей единицы измерения веса¹⁰⁹.

Зерно в качестве мельчайшей единицы, измерения было известно и в других странах мира. В Иране, напр., оно имело вес одной шестой части золотника¹¹⁰. Однако имеется косвенное указание на то, что зерно в Иране являлось также единицей измерения длины. В «Книге назидания» Усама ибн Мункыза сказано: «Этого юношу поразила стрела, но не вошла в кожу и на глубину ячменного зернышка»¹¹¹. Упоминание зерна в связи с определением степени ранения, нам кажется, не случайно.

Для Европы мы располагаем сообщением А. Мейтцена, по словам которого в деревнях еще до 17-го века часто пользовались, как мерой длины, ячменными зернами¹¹². К. Ган, касаясь этой же единицы измерения в Хевсурети, как указывалось выше, называл ее оригинальной. Надо полагать, что аналогичная единица измерения существовала и в других странах мира.

Значительная часть современной метрологии генетически связана с древневосточными цивилизациями, и это положение

¹⁰⁷ Вахушти Багратиони. География Грузии, 26.

¹⁰⁸ И. Джавахишвили. Грузинская метрология..., Тиф., 1925, 97 (на груз. яз.).

¹⁰⁹ Там же, 64.

¹¹⁰ Там же, 143.

¹¹¹ Усама ибн Мункыз. Книга назидания, М.-Л., 1922, 111.

¹¹² А. Мейтцен. Формы расселения. «Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков», СПб., 1899, 284.

ние не нуждается в ссылке на литературу. И интересующая нас единица измерения также берет начало в этой цивилизации. В Междуречье напр., основную единицу измерения длины составлял локоть (*ammatu*), который в различных районах страны и в различное время имел различную величину. В Лагаше он равнялся 0,495 м, а в Нипуре — 0,518 м; древне-вавилонской мерой длины являлся палец (*ubâpu*), равный одной тридцатой локтя.

Для измерения поверхности в качестве основной единицы пользовались понятием «гряда» (или «сад»), равной 35,2836 кв мет.; отсюда производился расчет больших и меньших единиц измерения площади. Наибольшей единицей являлась «бездна», равная 63510,4800 кв. мет., а наименьшая — «зерно», равная 0,196 кв. мет. Тоже зерно применялось и в качестве мельчайшей единицы веса (*še-u*), будучи равной 0,04675 г.¹¹³

Опубликованные А. Рифтиным древневавилонские юридические и административные документы показывают, что в Вавилонии зерном, в транскрипции автора *še'um*, пользовались в качестве единицы измерения и площади и веса, причем в качестве первой она равнялась 0,19602 кв мет., а в качестве второй — 46 мг¹¹⁴.

Вышеуказанное дает основание утверждать, что «оригинальный» способ измерения раны в связи с системой композиции, описанный у хевсур, также как и у других горцев Грузии, есть результат влияния грузинского феодального права, которое, как известно, на протяжении многих веков насильственно внедрялось в их быт, а в первую очередь в сферу взаимоотношений, возникавших на почве кровной мести, в частности в нормы материальной ответственности за кровь.

В тех районах горной Грузии, где существовало четко выраженное сословное деление (напр., в Сванети), в обычное право была внесена дифференцированная вира в зависимости от социального положения и степени поражения. Однако там,

¹¹³ И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флитнер. Очерки по истории техники Древнего Востока, М.-Л., 1940, 124—125.

¹¹⁴ А. Рифтин. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР, М.-Л., 1937, 157.

где этой четкости не существовало, обычное право восприняло дифференциацию виры в первую очередь лишь по месту и степени ранения (Хевсурети).

Совместное обсуждение норм обычного права в сфере кровной мести хевсурами, ингушами, чеченцами, при наличии многих сходных черт культуры и быта, способствовало формированию стандартов композиции, что без наличия единой системы определения степени нанесенного физического ущерба, было невозможно осуществить. «Оригинальный» способ измерения раны таким образом должен был принять общий для многих народов Кавказа характер.

В грузинское феодальное право этот способ измерения, вероятнее всего, попал благодаря историческим связям грузинского народа с народами Древнего Востока. В пользу этого соображения говорит не только общий тезис о вышеуказанном культурно-историческом родстве, но, более определенно, другие заимствования из области метрологии, следы которых хорошо прослеживаются в практике строительства¹¹⁵.

При наличии таких параллелей более естественно было бы предположить, что и зерно в качестве единицы измерения длины и площади является наследием древневосточных цивилизаций, попавшим в Судебники, в качестве древнейшего способа измерения раны, а отсюда, в процессе борьбы феодального общества за распространение своих правопорядков на горные районы Грузии, проникшим и сюда.

Вышеизложенное дает основание говорить о том, что в Ингушетии мы имеем сравнительно развитую систему композиции, которая давно заменила нормы обычного права, восходящие к родовому быту даже в той сфере, где пережитки этого быта наиболее стойко сохранили свое существование. Становится бесспорным существование некоторых норм обычного права, которые были общими для ряда народов горного Кавказа. Почвой для этой общности являлись сходные условия общественно-экономической жизни, а непосредственным поводом их возникновения близкое общение между этими народами.

¹¹⁵ И. Ц и ц и ш в и л и. Об единицах измерения длины в Древней Грузии, Сообщения АН Груз. ССР, т. IX, № 5, 1948, 332.

И. М. САИДОВ

МЕХК КХЕЛ (СОВЕТ СТРАНЫ) У НАХОВ В ПРОШЛОМ

Мехк кхел является древнейшей верховной организацией нахов. Отрывочные сведения, относящиеся к этой важной теме, записаны у Вахушти Багратиони, Гюльденштедта, С. Броневского, Ив. Попова, Г. Вертепова, П. И. Головинского, Н. Семенова, Н. Ф. Яковлева и др.

Вахушти Багратиони, например, пишет в отношении организации старейшин галгаев XVIII века: «... не знают они смертоубийства и мести за кровь; но если случится (убийство), то мирятся через совет своих старейшин¹.

С. Броневский, ссылаясь на Гюльденштедта, сообщает названия ряда округов (территориальных общин) и сборных мест местных или провинциальных кхелов (главных или «старших» населенных пунктов)². Последние сведения сообщаются С. Броневским со следующими, на наш взгляд весьма важными пояснениями: «Сие разделение на округа нельзя почитать определительным; если бы оно и верно было в размещении округов, то не доставляет желаемого различия округов или волостей от колен, представляя под тем же нарицанием обширные области и малые волости, заключающие в себе несколько деревень, без ограничения, к какому принадлежат колену... вероятно, что подобных округов или волостей должно быть гораздо более в Кистинских землях: ибо

¹ Вахушти Багратиони. География Грузии, Т., 1904, 152.

² С. Броневский И. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, М., 1823, 156—157.

каждое колено здесь разделяется на малые общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из которых одна признается главою союза или сборным местом, и, обыкновенно все общество называется по имени главной деревни»³.

С. Броневский сообщает и некоторые другие подробности о чеченских и ингушских сборных местах и старейшинах.

Согласно народным преданиям, древнейшими вейнахскими центрами старейшин или мехк кхел служили: район реки Чанти Аргун (Цой пхеда), Майсти, гора Мизир-корта, Жем-барз (при с. Чечень), с. Кий, местечко Говраш тосу б а с о («место для привязи коней»), возле г. Грозного, с. На-шаха, курган Кхетеш-корта, и др.

В ущелье р. Армхи (западная Чечено-Ингушетия) до сих пор помнят случаи разбора спорных дел в сел. Майсти. Один из пастухов, рассказывает предание, с согласия второго, решил отдохнуть и заснул на земле. Когда пришло время будить его, второй пастух решил пошутить и ударил палкой о землю возле головы спящего. Пастух, которого даже не задела палка, умер.

Долго разбирали это дело мудрецы местного кхел, но решить не смогли. Наконец, жалобщики дошли до Майсти. Допросив пастуха, ударившего палкой товарища и осмотрев местность, где это произошло, майстинские старейшины сделали следующий эксперимент: поставили круглую чашу с цельным кислым молоком на то место, где лежала голова умершего, и предложили обвиняемому повторить свой удар палкой о землю. В результате его удара кислое молоко, находившееся в чаше, расплескалось.

Судьи решили, что пастух виновен в убийстве, но учитывая обстоятельства, постановили взыскать с виновного штраф в размере 1/2 полной крови.

Вариант этого предания записан Н. С. Иваненковым в восточной Чечено-Ингушетии. Это предание говорит о том, что майстийский центр был авторитетом для всех нахов.

Ив. Попов придает большое значение мехк кхел на Кхетеш-корте. Он даже считает, что этот мехк кхел способство-

³ С. Броневский. Ук. работа, 157—158, 159, 163—164, 168, 181 и др.

вал сплочению различных племен, процессу формирования чеченской нации⁴.

Курган, заметный на возвышенности Кхетеш-корт, насыпан, по преданию, руками представителей пахских общин, договорившихся разделить общую участь. Насыпка каждым представителем общества по горсточке земли, считавшейся в народе священной, по-видимому, являлась клятвой быть добросовестным и честно соблюдать решения, принятые на этом месте.

Ив. Попов сообщает о мехк кхел на Кхетеш-корте, также следующее: «Живя до того без прав на собственность, не имея гражданских положений, обеспечивающих права на имущество, даже на жизнь каждого, здесь они в первый раз условились сообща создать адат — обычай. Первая встреча народа на горе Кхетеш-корт не была последней: сюда собирались для изменения адата, если он был неприменим к условиям общественной жизни, развивавшейся больше и больше... В тех же спорных случаях, на которые обычая еще не существовало, ичкеринцы — старики отправляли спорщиков в Нашахэ, откуда они всегда возвращались удовлетворенными. Самый чистый обычай, по мнению чеченцев и ичкеринцев, существовал в Нашахэ, куда так еще недавно отправлялся обиженный для проверки приговора по делу... Ичкеринский язык хотя относительно древний, но возник путем указанных мною обстоятельств по всем вероятностям еще в Нашахо»⁵.

Приведенные сведения подтверждают преемственность кхетешкоринского мехк кхел от нашхойского.

Нахские старейшины в мехк кхел устанавливали порядок землевладения и землепользования⁶ и согласовывали нормы поведения и меры наказания за их нарушение; решали вопросы торговли как внутренней (установление единиц измерения, цен на скот и проч.)⁷, так и внешней⁸, принимали меры

⁴ И. Попов. Ичкеринцы, ССТО, в I, Влад., 1878, 262—263.

⁵ И. Попов. Ук. работа, 263.

⁶ У. Лаудаев. Чеченское племя, ССКГ, VI, Тиф., 1878.

⁷ П. И. Головинский. Чеченцы, ССТО, I, Влад., 1878, 39, 244.

⁸ АКАК, т. VII, 917—918; ЦГВИА, ф. 26, оп. 152, д. 514, лл. 126—127.

Рапорт ген. Ртищева военному министру Барклаю де Толли, № 1858, от 6 октября 1811 года.

для того, чтобы обеспечить необходимую оборону крепости, строили боевые башни, создавали сторожевые или пограничные поселения, решали вопросы войны и мира, для общественных нужд проводили сборы материальных средств и определяли различные обложения и повинности⁹. Если отдельные сельские или территориальные общины не подчинялись решению мехк кхел, их могли даже полностью уничтожить. О власти, бывшей в прошлом у мехк кхел, свидетельствует, по-видимому, и народное изречение: «Махко динарг диона, махкана динарг диона дац» (За действия страны не мстили, действия против страны не прощали).

Таким образом, мехк кхел нахов являлся важным институтом, действенным образом регулировавшим разностороннюю жизнь народа.

Н. Семенов дал обстоятельную характеристику значения старейшин в общественном быту нахов, хотя и несколько преувеличивал их демократичность. Он писал: «Все вопросы, выходящие из круга частных интересов, затрагивающие жизнь целого аула, общества или всего племени, разрешаются всегда на сходках старших (отцов) и решение сходов признается обязательным для всех членов той или другой общественной группы, а если они приняты по вопросам, касающимся всего народа, то для всех истинных членов его... Везде общество, народ в лице главарей его (не тех, которых мы выдвинули из народа, а тех, которых народ сам считает таковыми), а отдельная личность идет за главарями в силу глубоко укоренившейся в ней общественной дисциплины»¹⁰.

Приведенные сведения сообщаются Н. Семеновым в качестве примечания, необходимого для правильного понимания важнейшей стороны общественного быта чеченцев. Они полностью соответствуют общественным отношениям ингушей.

М. А. Иванову, исследовавшему верховья р. Фортанга (Мартанга), удалось собрать ценные сведения о нахском мехк кхел на горе Муйти-корт. Он не без основания считает,

⁹ Материалы экспедиции в Чеберлой.

¹⁰ Н. Семенов. Туземцы Северо-восточного Кавказа, Чеченцы, СПб., 1895, 97—98.

что гора Муйти-корт, на которой в одно время находился мехк кхел, в историческом прошлом края играла значительную роль¹¹. М. А. Иванов писал: «Для решения всяких спорных дел и установления условий собирались в то время наши почетные старики — представители племен ингушей, карабулаков, чеченцев, мелхастинцев и даже отдельные тушины и хевсуры на граничной горе (Муйты-кер). Со стороны Аккинского общества на склоне этой горы есть большой плоский камень, который служил как бы трибуной для председателя таких совещаний представителей, а имя его было Муйты. Предлогом занятий совещания бывало установления цены на выкуп пленных, цен на скот и т. п.»¹². Члены оповещались заблаговременно. Муйты-кер назван так по имени первого председателя здешнего мехк кхел. Согласно приведенным сведениям председатель мехк кхел имел здесь решающий голос. Кроме того, к этим сведениям, как нам кажется, примешаны более или менее древние предания, существовавшие до усиления мехк кхел нахов. Например, сведения о ценах на выкуп пленных. Пленения жителей соседних территориальных общин и многие другие беспорядки и междоусобицы, согласно многочисленным, по сей день бытующим преданиям, при усилении мехк кхел, как логичное последствие этого факта, исчезли. То же самое свидетельствуют вышеуказанные сведения И. Попова.

Свои сведения о нахском мехк кхел М. А. Ивановым совершенно не датируются. Это, действительно, на сегодня очень трудно сделать. Ясно только, что сообщенный М. А. Ивановым порядок рассмотрения дел не соответствует шариату. Следовательно его сведения относятся к домусульманской Чечено-Ингушетии. Об этом же говорит наличие в них сведений о хевсурах.

Данный мехк кхел находился в горах. М. А. Иванов даже не пытается связать его с плоскостью. Между тем жители ущелья Фортанги принадлежали арштхойской территориаль-

¹¹ М. А. И в а н о в. В горах между рр. Фортангой и Аргунюм, ИКОРГО. XVII, в. I, 1904, 49.

¹² Т а м же, 49—50.

ной общине, а арштхойцы (карабулаки), как известно, жители плоскости.

Важно упомянуть также широко известный центр старейшин в Ассинском ущельи. Если центр старейшин в с. Нашиха дал этноним нохчий (самоназвание чеченцов), с. Кий—кисты, с. Онгушта—ингуши, то с ассинским или кекаллинским обществом связано самоназвание ингушей-ГалгIай (калкай или галгай). В этом месте расположен храм Тхаба-Ерды. Это замечательное сооружение могло быть построено только в исключительно важном месте¹³. На этом месте собирались старейшины многочисленных территориальных общин. Именно здесь собрались «в далеком прошлом» представители кекаллинцев и других общин для избрания князя¹⁴.

Величественный храм Тхаба-Ерды является на сегодня единственным памятником материальной культуры, свидетельствующим важность описываемого места сбора старейшин нахов.

Но совет старейшин при Тхаба-Ерды не мог остаться постоянным центром для более или менее значительного количества территориальных общин нахов хотя бы по своему отдаленному от плоскости географическому положению. Нахи с издавна пользовались плоскостными землями¹⁵. Если временами захватчикам и удавалось на долгое или короткое время закрепиться на этих землях, то рано или поздно, волей или неволей они оставляли плоскость¹⁶. С закреплением на плоскости, как было отмечено выше, они переселяли туда и совет старейшин. Например, кроме упомянутого нами центра

¹³ В. Б. Виноградов. К. З. Чокаев. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен, АЭС, Грозный, 1966, 51—58.

¹⁴ В. Далгат. Материалы по обычному праву ингушей, ИИНИИК. Вып. II—III. Влад. 1930, 313—314. Н. Яковлев. Ингуши, 102.

¹⁵ И. Пантюхов. Ингуши. 122; ЦГИА ГССР, ф. 13, оп. 15, д. 1702, л. № 67—68; П., Землевладения у чеченцев. ССТО, вып. 1, Влад., 1878, 268—269; Е. Максимов. Чеченцы. ТС., вып. 3, кн. 2, Влад., 1893, 268; Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжа, ТГИМ, вып. XVII, М., 1948, 34; А. И. Шахелишвили. Ук. работа., 74; М. А. Иванов. Ук. работа 32 и др.

¹⁶ И. Пантюхов. Ук. работа 122 и др.

Онгушта, согласно сведениям, сообщенным нам исследователем нахов Н. Ахриевым, на правом берегу р. Терека существовал еще один, ранее неизвестный в литературе центр старейшин страны. Он находился в семи км к югу от г. Орджоникидзе и назывался Алам-бос (курган Знамя). Существовали у нахов на плоскости и другие более стабильные мехк кхел, но они были расположены значительно восточнее (Воко или Боко, Жеми-барз и др.)¹⁷.

«Мехк кхел» дословно переводится примерно так: совет страны, суд страны. Значение слова «кхел» в «мехк кхел», от кхиэл — судьба, обязательное решение, говорит в пользу того, что постановление совета понималось в свое время как обязательное для выполнения решение.

О том, что мехк кхел нахов имел сильную исполнительную власть и мог даже сжигать неповиновавшиеся села, говорят и письменные сведения¹⁸.

Мехк кхел собирался для обсуждения общенародных вопросов и разбора трудных частных споров регулярно (чаще два раза в год) в определенном месте. В чрезвычайных случаях проводился внеочередной совет. В промежутках между сбором мехк кхел главой его считались старейшины (къаной) во главе с председателем (баьчча).

До распространения в стране ислама в мехк кхел господствовала местная знать. Лаи (зависимое сословие) в мехк кхел, как правило, не избирались. С усилением ислама во многих районах Чечено-Ингушетии, особенно в восточных, местные авторитеты в кхел вытеснялись теологами (алими — ученые). В мехк кхел же, по крайней мере с XVIII в., теологи господствовали безраздельно. Алимы были более эрудированы, чем неграмотные жрецы и старейшины, руководствовавшиеся неписанным законом — адатом. При разборе спорных дел замена шариатом устаревших норм адата, локализация наказания на одном преступнике и замена многочисленных присяжных непосредственными свидетелями¹⁹ не встречало

¹⁷ И. Саидов. Этнографические заметки. Мехк кхел, ИЧИНИИЯЛ, вып. I, том V, Грозный, 1964, 124—125.

¹⁸ ЦГА Даг. АССР, ф. 1406, д. 294, лл. 4—8.

¹⁹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 3, д. 1550, л. 11—12.

сопротивления. Руководствуясь письменным правом—шариатом они разбирали дела быстрее и проще, чем старейшины, руководствовавшиеся неписаным законом — адатом. Все это помогло алимам занять господствующее положение в мехккхел.

Большое значение для избрания в совет страны в XVII—XVIII вв. имели знания обычаев, шариата, личная способность, богатство, происхождение, авторитет в фамилии и в обществе, а также возраст, не позволяющий считать молодым, неопытным. Но по традиции главным требованием для того, чтобы стать «любимцем» народа» все же оставалось умение красиво, логично, правдиво, дельно и убедительно говорить. Недаром Вахушти Багратиони считал, что кисты, как мужчины, так и женщины «речисты».

В. Дж. ИТНИШВИЛИ

ПЕРЕЖИТКИ СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ В ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

1. Состав семьи¹

Известно, что научное изучение семейных взаимоотношений, вместе с другими основными вопросами общественного быта, начинается со второй половины XIX в., когда этнография оформилась в качестве независимой научной дисциплины².

С этого же времени внимание исследователей привлекает и семейный быт кавказских народов. Большой интерес исследователей к изучению форм семьи был обусловлен длительно сохранившимся тут богатым фактическим материалом, который лег в основу многочисленных описаний и исследований. Этот материал по его опубликованию вышел за пределы Кавказа и превратился в достояние общей этнографии.

Вопреки т. н. «патриархальной теории», согласно кото-

¹ Настоящий труд, в котором рассмотрен состав семейной общины, сохранившейся в пережиточной форме в дореволюционной Горной Ингушетии, представляет собой часть монографии — «Семейный быт в Ингушетии». В последующих главах названной монографии изучены: руководство семьей и существующая в ней организация труда, экономические основы семьи, порядок раздела семьи и принципы распределения имущества.

² Ф. Энгельс. Происхождения семьи, частной собственности и государства, Москва, 1952; М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности, Москва, 1939; М. Косвен. Семейная община и патронимия, Москва, 1963; Р. Харадзе, Грузинская семейная община, I—II, Тбилиси, 1960—1961.

рой человечество на протяжении своего существования знало якобы лишь моногамную семью и патриархальный строй, Ф. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» обосновал, что до моногамной семьи существовала семейная община. Заслуживает внимания то обстоятельство, что при формулировании этого положения Ф. Энгельс обратил особенное внимание на Кавказ и использовал в качестве одного из своих источников труды М. Ковалевского, написанные последним именно на материале относительно семейного быта народов Кавказа. Данный факт свидетельствует о том, что кавказский этнографический материал сыграл важнейшую роль в исследовании проблемы форм семьи в свете общей этнографии.

Семейные взаимоотношения кавказских народов изучены с большей или меньшей полнотой; если, например, грузинскому семейному быту посвящены капитальные монографии³, относительно соседней Ингушети с этой стороны не существует даже труда последовательно описательного характера. Однако, несмотря на наличие столь резкого неравенства в разработке упомянутого вопроса, специалисты придерживаются одного определенного мнения. Каждый серьезный исследователь, занятый вопросами семейных взаимоотношений и знакомый с кавказским этнографическим материалом, без колебаний признает существование семейной общины в древнейшем прошлом кавказских народов. Вместе с тем среди компетентных советских этнографов не вызывает споров и то обстоятельство, что у народов Кавказа с развитием классового общества господствующей формой семьи стала индивидуальная семья, но рядом с ней спорадически продолжала существовать и сохранившаяся в виде пережитка семейная община.

Исследователи этнографии и истории Кавказа бесспорной истиной считают и тот взгляд, что среди древностей прочих видов, ранние формы семейной общины сохранились в горах

³ Р. Харадзе, Пережитки большой семьи у сванов (на грузинском языке с резюме на русском и французских языках), Тбилиси, 1939; Грузинская семейная община, I, 1960, II, 1961 и др.

лучше, чем в низменных районах. Указанное обстоятельство выявилось и на примере Грузии. Аналогичное положение замечается, вместе с другими уголками Кавказа, также и в Ингушетии, однако тут же следует отметить, что с точки зрения расселения историческая Ингушетия резко отличается от Грузии. Если грузины издревле проживали как в плоскостных, так и горных районах, и это дает возможность судить относительно специфики быта равнинных и горных грузин, на примере исторической Ингушетии возможность такого разграничения исключается.

До XVII в. ингуш был горцем, а Ингушетия — горной страной. Вся жизнь Ингушетии была приспособлена к естественно-экономическим условиям гор и, если так можно выразиться, характеризовалась «чисто горскими» признаками. Лишь после того, как Ингушетия начинает стремиться к равнинным районам⁴ появились поселения плоскостных ингушей и на их быте отразились соответствующие изменения. В следствие этого разница, наблюдавшаяся в быту горских и плоскостных ингушей, является результатом воздействия нового времени, а не такой же традиционной, как разница, характерная для гор и плоскостных районов Грузии.

До переселения в низинные районы, одной из характерных сторон социального строя горских ингушей являлся обычай проживания нескольких поколений единой семьей. Привлекает внимание то обстоятельство, что наряду с индивидуальной семьей, семейная община сохраняет свое существование в качестве этнографического пережитка и после массового перемещения этих общин с гор в низинные районы. Указанное явление хорошо видно как из отрывочных литератур-

⁴ Н. Ф. Грабовский. Ингуши, ССКГ, вып. IX, Тифлис, 1876; Н. П. Гриценко. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период, ИЧИНИИЯЛ, т. IV, вып. I, Грозный, 1964; Г. К. Мартиросян. Нагорная Ингушия, ИИНИИК, I, Владикавказ, 1928; В. П. Христианович. Горная Ингушия, Ростов-на-Дону, 1928; А. И. Шавхелишвили. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину, ИКМ Чечено-Ингушской АССР, вып. X, Грозный, 1961.

ных данных, так и этнографического материала, собранного нами в 1963-64 гг.

Существование больших семей у чеченцев и ингушей отметил в конце XVIII в. Рейнегс⁵. Каждая семья, писал он, с прадедовских времен живет нераздельно в одном доме и владеет им совместно. Наименьшая семья имеет от 5 до 10 боеспособных мужчин, другие — больше. Нередко численность одной семьи составляет от 40 до 50 душ мужского пола. Старший мужчина является главой семьи, и вся семья во всех семейных делах без возражений ему повинуетя. Когда такая семья чрезмерно размножается, она делится⁶.

Отдельные случаи проживания неразделенных семейств фиксированы в этнографической литературе также и со второй половины XIX в. С данной стороны в первую очередь обращают на себя внимание результаты путешествия Н. Харузина по Чечено-Ингушетии. Среди прочих случаев, он в 1886 г. лично видел и описал проживавшую в с. Каирахи семью, состоявшую из 27 членов. Исследователь тут же указал, что это не было редким исключением, поскольку «Нередко можно встретить семьи, в которых живет до десяти взрослых мужчин»⁷.

Конечно, семья, в которой находилось до десяти совершеннолетних мужчин, представляла собой социальную единицу, объединявшую несколько поколений, а не индивидуальную семью, основанную на одной брачной паре.

По указанному вопросу интересный фактический материал привлекается известным исследователем ингушской этнографии Г. Далгатом.

Когда Г. Далгат пишет, что под одной кровлей проживали (и проживают) родители, дети, внуки, и правнуки, этим он сообщает о факте нераздельного проживания четырех поколений. Однако он не довольствуется сведением общего ха-

⁵ J. Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, Bd. I, Gotha und st. Petrb., 1796, 39.

⁶ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, Москва, 1961, 95.

⁷ Н. Н. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей, СМЭ, вып. III, Москва, 1888, 123.

рактера и довольно подробно описывает состоявшую из 20-ти членов семью Тенкиевых, проживавшую в с. Кайрахи Мецхальского общества. Согласно описанию Г. Далгата предок Тенкиевых был Тенки, которого сменил его сын Парч. Старший из 4-х сыновей Парчи, Темирко был руководителем названной семьи, а хозяйкой являлась его жена Губи.

Г. Далгат заметил и то обстоятельство, что пищу для всей этой семьи готовили на общей кухне старшие по возрасту женщины, а мужчины и прочие женщины находились отдельно в различных помещениях дома⁸.

Как видим, в одном и том же ингушском селении Н. Харузин установил случай проживания под одной кровлей 27-и членов семьи, а Г. Далгат описывает семью, состоявшую из 20-ти членов. Небезынтересно отметить, что факт нераздельного проживания семьи под одной кровлей засвидетельствован упомянутым автором не только в горной, но и низменной Ингушетии. Он упоминает состоявшую из 40 членов семью Местоевых, которой руководил Муса, отец 5-ти женатых сыновей⁹.

Правда, ни один исследователь нашего времени не написал специального труда относительно ингушских семейных отношений, но в процессе исследования других вопросов некоторые авторы касаются и семейного быта и считают семейную общину характерным компонентом ингушской жизни. Например, В. Христианович, касаясь форм землевладения, считает большую семью или дворовую общину экономической единицей, владеющей пахотной землей; при этом автор отличает дворовую общину от современной индивидуальной семьи¹⁰.

В. Христианович критикует тех авторов, которые отождествляют ингушское семейное объединение с русским односемейным дымом. «В действительности же эти дворы, — ука-

⁸ Б. Далгат. Материалы по обычному праву ингушей. ИИНИИК, II—III, Влад., 1930, 350.

⁹ Б. Далгат. Ук. работа, 351.

¹⁰ В. П. Христианович. Горная Ингушия, 34.

зывает В. Христианович, — суть многосемейные хозяйственные организации, совершенно идентичные сербской задруге и несущие у социологов наименование дворовой или семейной общины, известной средневековой Европе, Византии и Востоку»¹¹.

В подтверждение того обстоятельства, что для Ингушетии жизнь семейной общиной была характерна, В. Христианович, вместе с упомянутым выше, знакомит с позднейшими фактами, установленными в живой действительности на основе собственных наблюдений, которые отражают процесс окончательного распада пережитков семейной общины. В связи с этим он пишет: «В сел. Хай под одной кровлей и с общим очагом мы нашли одну хозяйственную организацию, состоявшую из трех родственных семейств. Только коровы и домашняя утварь числились в собственности отдельных семейств, двор же, очаг, рабочий скот, сенокосные участки (обычно и пашня, которой в Хая нет) оставались коллективной собственностью. Нам сообщили, что в 1920-22 гг. при выселении из Хая на плоскость четырех подобных же дворовых общин, из них образовалось при оседании на плоскости 16 односемейных дворов»¹².

Процесса развития социальных отношений в Ингушетии и специфики семейного быта коснулся также Е. Крупнов, который использовал в качестве источника для своей концепции фольклорно-этнографические данные. Согласно его взгляду, в историческом прошлом ингуши жили родовыми общинами. С течением времени родовая община распадается и создается типичная патриархальная семейная община или большая семья, которая состояла из проживавших под одной кровлей нескольких поколений и сообща владела средствами производства. В качестве аргумента, подтверждающего существование в Ингушетии до позднейших времен таких семейств, исследователь использует приведенное выше сведение Н. Харузина и заключает: «До последнего времени можно было еще встретить в горных аулах «большие семьи», со-

¹¹ В. П. Христианович. Горная Ингуштия, 73.

¹² Там же, 73.

стоявшие из отца и 2—3 женатых сыновей с детьми, имевших общее хозяйство¹³.

С самого же начала утвердившийся в этнографической литературе взгляд о существовании в Ингушетии семейной общины, разделяется и в исследованиях ближайшего времени. С этой стороны в первую очередь следует отметить обобщающий труд (Народы Кавказа, т. I, М., 1960 г.), посвященный этнографическому изучению специально северокавказских народов. В соответствии с существующими литературными источниками, в отдельной главе относительно Ингушетии рассмотрены и семейные отношения, и одним из компонентов старого ингушского общественного быта принимается семейная община, сохранившаяся долгое время в пережиточной форме¹⁴.

Правильность этого взгляда полностью подтверждает историк Е. Кушева. В своем интересном труде она отмечает, что в Ингушетии существовали семейная община и патронимия. Одним из подтверждающих это положение аргументов автор считает памятники материальной культуры — ингушскую башню и дом-крепость, предназначенные для проживания и самообороны упомянутой социальной единицы¹⁵.

Аналогичной точки зрения придерживается А. В. Фадеев в работе, опубликованной в 1960 году. Ссылаясь на этнографические сведения, сообщаемые авторами XIX века относительно распада пережиточной формы семейной общины, основными причинами этого он считает развитие капиталистических отношений и частно-собственнических тенденций. По справедливому замечанию автора: «Отходничество ускоряло разложение горской семейной общины и приводило к распаду большой семьи. Члены семей, уходившие на заработки, не хотели по возвращении делиться приобретенным имуществом или деньгами с теми, кто оставался в «большом доме». Втор-

¹³ Е. П. Крупнов. К истории Ингушии, ВДИ, Москва, 1939, № 2, 88.

¹⁴ Народы Кавказа. I, Москва, 1960, 383—384.

¹⁵ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., Москва, 1963, 78.

гаясь в большую семью, частная собственность взрывала ее изнутри»¹⁶.

То обстоятельство, что в 60-ых годах XIX в. не только в горной, но и низменной полосе Ингушетии сохранился обычай нераздельного проживания семьи под одной кровлей, выявлено в труде Н. Гриценко на основе архивных документов. Как пишет автор, «Дым в то же время являлся только податной единицей, часто состоявшей из нескольких семейств, живущих одним домом. Там, где дым в 60-х годах состоял из одной семьи в 5—8 человек, земли приходилось больше, и, наоборот, там, где дым состоял из нескольких семей, земли на него приходилось в 2—3 раза меньше»¹⁷.

Из приведенной выписки видно, что в одном случае исследователь считает налоговой единицей индивидуальную семью из 5—8 душ, а в другом случае дым, состоявший из нескольких семей, объединенных под одной кровлей. Тут наше внимание привлекает то обстоятельство, что Н. Гриценко отличает друг от друга эти две единицы — большую и малую не только по величине и структуре, но и по названию. Малую единицу он именует семьей, а объединяющую несколько семей ячейку — дымом. Отсюда ясно, что Н. Гриценко считает семьей одну брачную пару или современную типичную индивидуальную семью. В таком случае остается непонятным, социальной единицей какого вида считает автор то объединение, которое он называет дымом. Если бы исследователь учел этнографические данные, он не затруднился бы сказать, что этот дым представлял собой сохранившуюся в виде пережитка семейную общину, поскольку последняя объединяла несколько брачных пар, а названное исследователем дымом объединение предстает единицей с точно такой структурой.

Как видно из рассмотренной выше литературы, относительно исследуемого вопроса до настоящего времени накопи-

¹⁶ А. В. Фадеев. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России, ИЧИНИИЯЛ, т. II, вып. I. Грозный, 1960, 6.

¹⁷ Н. П. Гриценко. Ук. работа. 19—20.

лись немногочисленные, но достоверные сведения. Исследователи не ограничиваются общетеоретическими аргументами и в большинстве случаев используют в качестве источника для своих заключений фактический материал, собранный в этнографической действительности.

Уверенно можно сказать, что в соответствии с отражаемыми в литературе сведениями, существование в Ингушетии семейной общины не вызывает сомнений, однако, опираясь лишь на эти данные, было бы невозможно изучить формы семьи. Собираение этнографического материала во время экспедиции в Ингушетии ставило целью восполнение отмеченных пробелов.

В соответствии с разбросанными в литературе сведениями и записанным фактическим материалом, для нас теперь вполне ясно, что в горной Ингушетии наряду с индивидуальной семьей продолжали существование неразделенные семьи, состоявшие из 3—4 поколений, как экономические единицы, управление которыми производилось в зависимости от пола и возраста, а организация труда основывалась на коллективном производстве.

На существование таких семей в первую очередь указывают народные предания и генеалогий отдельных семейств. С этой стороны засвидетельствованные нами факты являются более или менее полными. В одном случае сказитель знакомит нас лишь с приблизительным числом членов семьи и именем ее руководителя. Имеются и сравнительные конкретные данные, опираясь на которые становится возможным более или менее точно восстановить состав семьи.

Следует отметить, что имеющиеся у нас материалы в основном знакомят с обстановкой во второй половине XIX в. Мы записали и некоторые такие сообщения, которые недостаточно конкретны, но привлекают внимание своей древностью и указывают на традицию жизни большими семьями. Наконец, некоторые факты показывают, что пережитки семейной общины достигли даже до начала XX века.

В виду того, что существующая относительно Ингушетии литература испытывает недостаток в такого рода материалах.

с целью сравнительно полной характеристики семейных отношений ниже мы коротко коснемся некоторых фактов.

Для установления состава семьи привлекает внимание предание о Чаниевых. Согласно этому преданию, по происхождению они чеченцы; их предок Чани со своими тремя сыновьями являлись хозяевами крупных овечьих отар и коровьих гуртов. Для ухода за скотом они нанимали нескольких пастухов, руководство которыми было доверено одному из сыновей Чана — Хучбару. Как сообщает предание, во время одного из столкновений с пастухами соседних животноводов, Хучбар убил 9 человек. Опасаясь ожидаемой кровной мести, он укрылся в ингушском селе Пялинг и с целью сокрытия своего преступления, принял имя отца в качестве фамилии.

Начиная с описанного инцидента, сказитель Тесбат Тепцович Чаннев (род. в 1885 г.) насчитывает в упомянутой выше фамилии 14 поколений. Из них он вспомнил лишь 11 имен в следующей последовательности: Чан-Хучбар-Итир-Чан-Итис-Пилк-Ларшак-Готек-Хусар-Тепц-Терсбот.

Как отметил сказитель, в этой генеалогии имена эпонимов пропущены от Чана до Готека, после которого имена предков поколений установлены в точной последовательности. А для нас именно эта последняя часть генеалогии имеет существенное значение, поскольку Готек являлся представителем второго поколения от Хучбара, и был руководителем той неразделенной семьи, которая, кроме женщин и детей, насчитывала 30 трудоспособных мужчин.

Когда в пору зрелости входило уже четвертое поколение, произошел раздел на три семьи. Во главе их стали сыновья Готека — Хусар, Умах и Артах.

Вместе с руководителями новой семейной общины сказитель перечислил и имена мужчин последующего поколения, однако вместо 30-ти он вспомнил имена лишь 17 трудоспособных мужчин и в конечном результате мы получили неполную схему семейной генеалогии (см. схему 1).

Некоторые сведения о порядке неразделенной жизни сохранились в существующих народных преданиях относительно фамилии Гагиевых, из которых видно, что название этой фамилии произошло от его эпонима — Гаги. Написан-

ная рукой Килара Гамишовича Сафралиева (род. в 1882 г.) генеалогия, с которой мы ознакомились в семье сказителя, насчитывает от Гаги до настоящего времени 14 поколений. Сам Килар является представителем 12-го поколения (схема II).

Как отметили сказители, в этой фамилии обычай проживания большими семьями утвердился издревле. Для описания истории таких семей на той или иной ступени ее развития в настоящее время установить конкретный материал невозможно, однако потомству известно, что их далекий предок Гаги со своими тремя сыновьями и внуками проживал в конце села Таргим, на правом берегу р. Ассы. Предание сообщает и о том, что проживавшая под руководством Гаги семья включала 25 душ, жилищем являлся сохранившийся до настоящего времени в виде развалин «Гаги-Глалаш».

Согласно преданию, руководителем одного из неразделенных семейств был также Арчхо, с именем которого связано более позднее название селища «Гаги-Глалаш» — «Арчхо-Глалаш». Если выстроенное Гаги жилище раньше упоминали под его именем, последующее поколение связало это название с непосредственным эпонимом — Арчхо.

Существование большой семьи в этой фамилии связано и с именем второго Гаги, упомянутого в генеалогии и отмеченного в схеме в качестве представителя пятого поколения. Предание сохранило и имена проживающих вместе с ним 4-х сыновей. Между прочим интересно, что сыном старшего из этих четырех сыновей — Балха — был Сафрали, эпоним Сафралиевых, выделившихся из фамилии Гагиевых; в свое время упомянутый Сафрали руководил семьей, остававшейся неразделенной до 4-го поколения. К сожалению, сказитель не смог ознакомить нас ни с полным составом этой семьи, ни с ее экономическим бытом. Поэтому мы довольствуемся схемой, составленной в соответствии с существующими возможностями (схема III).

Такая же неполная схема, согласно преданию получилась и относительно нераздельно проживавших в селе Хларпе Джайрахского ущелья Ганиза, Оазонга и Арапхана Матиевых. По информации Магомеда Садулаевича Матиева (род.

в 1910 г.), мы восстановили лишь имена потомка Ганиза (схема IV), но, несмотря на это, все же ясно видно, что семья проживала неразделенной до трех поколений и была достаточно многочисленной.

Неразделенной до третьего поколения проживало также одно из семейств Цицкиевых в селе Эбан Джайрахского ущелья. Эта семья оставалась неразделенной, когда переселилась в «Длинную долину» (схема V).

Примечательно, что первородиной фамилии Цицкиевых считается находящееся в ущелье р. Ассы село Таргим. Родоначальником представляется Наьрт, потомство которого насчитывает 15 поколений. От Наьрта на восьмом поколении находится эпоним Цицкиевых — Цицк, имевший четырех братьев: Марзахана, Цейхаша, Хука и Харси. Все пятеро братьев жили нераздельно вместе со своими сыновьями и внуками.

В селе Эбан Джайрахского ущелья проживает переселившаяся из села Таргим одна часть Цицкиевых, которая за последнее время перемещается в «Длинную долину», а вторая ветвь перебирается на жительство в Балта (схема VI).

Сказителю Магомеду Муртазовичу Цицкиеву (род. в 1900 г.) известно из предания, что в селе Эбан нераздельно проживало потомство сначала Хаши, а затем Олоза. Имена других он не помнит, однако слышал от предков, что семья Хаши состояла из 27—29 душ и под одной кровлей проживали три поколения.

После смерти Хаши семья разделилась. Руководство одним из новых семейств досталось Олозу Хашевичу. Как видно из схемы, Олоз имел 4-х сыновей и 3-х дочерей. Сестры уже были замужем, а братья женаты, когда второй сын Олоза — Анзор выделился из общей семьи и переселился в село Балта. Братья Анзора до 1910 г. продолжали жить под одной кровлей в сел. Эбан. В момент раздела эта семья насчитывала 37 душ. К сожалению, сказитель смог вспомнить потомство лишь Бибота (схема VI).

В 1910 г. семья разделилась на три части. Вследствие переселения из села Эбан и Балта, весьма скоро каждое из этих семейств также расчленилось. Выделившаяся под руководством Бибота семья со своей стороны разделилась на четыре

части; в числе их Хоуд умер бездетным, а остальные три брата образовали свои независимые семьи. Традиция проживания большой семьей характерна и для прошлого других ингушских фамилий. Об этом долго сохранившемся в быту горцев обычае рассказывает Ибрагим Дзамоевич Барахаев (род. в 1867 г.). По его сообщению, в селе Мецхал под одной кровлей проживали братья Катиевы: Гатала (бездетный), Арпи (со своими тремя сыновьями Жандар, Тиби, Джамбот) и Мутукх—с тремя сыновьями (Хадис, Бегбот, Джинал). До раздела семьи детей имели Джандар, его дядя и двоюродные братья. Неразделенное проживание продолжалось и в следующем поколении этой семьи. Когда сказитель ушел с гор, там еще продолжалось проживание под одной кровлей семьи из 15-ти душ под руководством Хьовди.

По сведениям же сказителя, семья Бараховых, переселившаяся в 1917 г. из села Фылхын в Назран, состояла из 16 душ. Вместе проживали отец сказителя Заіма со своим двоюродным братом Темуркьо. Сказитель не смог вспомнить имен детей Темуркья; что же касается Дзамоя, он имел 6 сыновей (Кахарма, Меелора, Сладала, Баадал, Ибрахима, Мурцаіла и 2 дочерей (Зальбика, ПаьтІамат).

Интересные сведения о существовании обычая совместного проживания всей нераздельной семьи сохранились в истории Цуровых. По сведению Арцхо Иссаевича Цурова, из Таргима в Джайрах переехали на житье предки Цуровых — отец с 5-ю сыновьями. Из них четверо братьев были объединены в гІаьр (дружина). Самый младший из этих пяти братьев отказался участвовать в набеге. Однажды при нападении на хевсур с целью грабежа, все четверо участников «набега» погибли. От оставшегося в живых брата и идут Цуровы. Это народное предание относительно неразделённого проживания пяти братьев также показывает традиций семейно-общинного быта.

Такое же сведение о неразделенном совместном проживании, но в значительно более позднее время, было удостоверено и в отношении фамилии Шоухаловых. Тут мы имеем в виду установленный в селе Беини факт совместного прожи-

вания под одной кровлей Майри Шоухалова, его пяти сыновей (МурцIал, Ама, Байсолта, Вокхсаг, СаI) и внуков.

Как на раннем этапе развития, так и в более поздние времена проживание большой семьей было характерным явлением в семье Оздоевых. Сельмурза Мусаевич Оздоев называл эпонимы нескольких поколений этой фамилии (схема VII).

Наименованные сказителем лица (Кори, Мезел, Кирги, Солом, Гири) являются руководителями семейных общин. Однако, если сказитель в начальной части генеалогии знакомит нас лишь с руководителями семейных общин он сравнительно лучше знает последующий этап прошлого Оздоевых, когда вместо Гири руководителем семьи становится его сын ХIожакъо (прадед сказителя). У ХIожакъо было трое женатых сыновей, которые после смерти отца вновь продолжали жить одной семьей под одной кровлей, под руководством старшего брата—Муса. Через несколько лет после смерти ХIожакъо они разделились на три семьи, когда ныне столетнему сказителю было всего 7—8 лет. Селмурза ознакомил нас с составом своей семьи, которой после раздела вновь руководил Муса. Как отмечено на схеме, Муса имел 5 женатых сыновей. Эта семья долгое время оставалась неразделенной. Она разделилась лишь в 1924 г., при переселении с гор на равнину. В это время семьей руководил Селмурза (сказитель), т. к. Муса уже не было в живых.

То обстоятельство, что в старину в Горной Ингушетии существовал обычай проживания большими семьями, хорошо виден и в преданиях, касающихся проживающих в селе Хули фамилий. Как сообщил сказитель Джибраил Кахармович Илиев (род. в 1890 г.) тут издревле обосновались четыре семейства аборигенов: Чахки-тейпа, Бордзу-тейпа, Хадзи-тейпа, Или-тейпа. Относительно того, что они в свое время пришли из других мест, тут никаких сведений не сохранилось. Из рассказов предков сказитель знает лишь то, что по своему социальному положению все четыре фамилии принадлежали к среднему состоянию — «йкъера наькъе». Вместе с тем жители села Хули хорошо знают, что название каждой из упомянутых фамилий непосредственно вытекает из

названия эпонимов. В связи с этим устанавливаются следующие имена предков: Чахк, Бордз, Хадз и Или.

В настоящее время фамилия Чахки-тейпа включает 8 дымов. Бордзу-тейпа 3 дыма, Хадзи-тейпа 2 дыма, а Или-тейпа 42 дыма. С этой стороны иное положение установлено для конца прошлого века. Во времена молодости сказителя, первая из этих фамилий включала 20 дымов, вторая — 10 дымов, третья — 15 дымов, а четвертая — 30 дымов. Такое резкое изменение численности населения последовало за процессом массового переселения с гор в низинные районы.

Как в соответствии с современными данными, так и материалами времен молодости сказителя, в селе Хули господствует обычай проживания малыми семьями. Тамошний житель может вспомнить лишь единичные случаи, которые указывают на существование большой семьи в пережиточной форме. Зато все хорошо знают, что по преданиям предков в селе Хули в далеком прошлом стояли всего 4 дома-крепости и в каждом из них неразделенной семьей проживала та или другая из упомянутых выше 4-х фамилий. К сожалению, не представляется возможным описать ни одну из ранних 4-х семейных общин. Фактический материал постепенно исчез из памяти последних поколений. До нашего времени сохранился лишь тот материал, который отражает позднейшую обстановку. С этой стороны интересное сведение сообщил сказитель относительно семейной общины, которая в пережиточной форме сохранилась до начала нашего века, и одним из членов которой был сам сказитель. Согласно составленной нами схеме, численность этой семьи достигала 53-х душ и включала три поколения (схема VIII). Однако к моменту раздела, по предположению сказителя, вместо 53-х душ в семье числилось до 40 душ, т. к. часть женщин к этому времени уже вышла замуж, а некоторые члены семьи умерли. Схема не дает вполне точной картины вследствие и того обстоятельства, что сказитель не смог вспомнить имена невесток названной семьи. Однако даже из упомянутых данных ясно, что семья объединяла 3 поколения и была достаточно многочисленной.

Засвидетельствованное в селе Хули положение характе-

ризует сохранение до позднего времени традиции проживания большой семьей. Описанному явлению аналогичным является и факт фиксированный нами в селе Беини. По сведениям Касирады Хадисовны Мурзабековой (род. в 1903 г.) в Беини неразделенной проживала семья, хозяйкой которой являлась сама сказительница, а руководителем семьи был ее муж Кэди. Легко представить, с каким поздним явлением имеем дело и как длительно сохранились традиции семейной общины там, где родившаяся в 1903 г. женщина являлась хозяйкой такой семьи.

Перед разделом семья состояла из 20 душ; Кэди и Касирада имели 8 сыновей: Къомболат, Банати, Лемка, Сахар, Махамад-Башир, Ахьмад, Дауд, Башир. Вместе с Кэди проживали и три его брата — Iумар, Асхъат, и Iусман, из которых женаты был лишь Iумар, который с женой ПаьтIамат имел 6 детей: Лида, Юсуп, Юнус, Луба, Магамет и Ахмет.

Состав семьи по литературным сведениям и собранному нами на месте материалу также говорит в пользу существования в Ингушетии пережиточных форм семейной общины. Данное обстоятельство найдет еще больше подтверждений в дальнейшем, при рассмотрении других сторон семейного быта.

Однако, несмотря на то, что большинство исследователей стоит на этой точке зрения, в некоторых трудах, написанных по поводу этнографии Ингушетии, существование тут семьи подобной формы или оставлено без внимания или вовсе отрицается. Например, в 1874 г. Н. Грабовский, описывая дом в Ингушетии, между прочим отметил, что тут проживают иногда семьи, насчитывающие 8 душ¹⁸. От названного места труда Н. Грабовского остается впечатление, будто более многочисленная семья была чужда для старого быта Ингушетии.

¹⁸ Н. Ф. Грабовский. Ингуши, 37.

Некоторые исследователи еще больше углубили эту ошибку и без учета пережитков старого общественного быта дали весьма одностороннее объяснение вопроса. Мы имеем в виду Н. Яковлева, по утверждению которого в Ингушетии не соблюдали обычай неразделенного проживания под одной кровлей. Как правило, новобрачные при помощи родственников строили себе дом, получали участок земли и создавали независимое хозяйство. По сведению упомянутого автора, ингушская семья в среднем состояла из 5—6 душ¹⁹.

В данном случае Н. Яковлев основывается на материалах, объясняющих быт плоскостной Ингушетии. Эти сведения из труда автора, опубликованного в 1925 г., полностью соответствуют действительности той эпохи, над которой ему приходилось вести наблюдение. В условиях советской власти, не только на плоскости, но и в горах мы имеем дело лишь с индивидуальной семьей. Старые семейные традиции и многочисленные семейства встречались как исключение, вместе с пережитками иного рода. Однако, было ли такое положение одинаково характерно для гор и плоскости в Ингушетии прошлого века? На этот вопрос можно ответить лишь отрицательно. Упомянутый выше исследователь не считается с тем фактом, что переселение ингушей в равнинные районы сопровождалось дроблением больших семей на индивидуальные семьи. В. Христианович вполне справедливо заключает по данному поводу, что в результате массового переселения с гор в равнинные районы «Многосемейные дворовые общины почти исчезли и состав двора в горах стал на один уровень с двором на плоскости, где по Всесоюзной переписи 1926 г. на 1 хозяйство также приходится 5,1 душ»²⁰.

Н. Яковлев не учел ни социально-экономических особенностей, как гор так и равнинных районов, ни изменений в семейном быту, явившихся результатом массового движения населения и, что главное, на основе характерного для новой эпохи материала категорически отверг существование в Ин-

¹⁹ Н. Яковлев. Ингуши, М.-Л., 1925, 57.

²⁰ В. П. Христианович. Горная Ингушетия, 62.

гушетии семейной общины в прошлом, не учитывая фактор времени. Поэтому на фоне представленных нами выше данных, этот его аргумент заслуживает категорического отрицания.

Таким образом, в соответствии с существующей литературой и собранным нами на местах этнографическими материалами, можно утверждать, что горные районы в Ингушетии до позднего времени сохранили немало многочисленных семей, которые состояли из нескольких поколений и брачных пар.

Аргументом, подтверждающим сказанное выше, мы считаем название семьи в Ингушетии. Семья, в которой под одной кровлей проживало несколько поколений, называлась *цхъан бӕха* (проживающие вместе, большая семья), *цхъан бӕха вежарий* (вместе проживающие братья) или же *бубенбац вежарий* (неразделенные братья). В отличие от названий описательного характера, отмечающих большую семью, индивидуальная семья по ингушски называется *доьзал*. Само собой ясно, что использование различных терминов связано с существованием семей различного типа. Однако, несколько поколений, объединенных именем одного предка и принципом кровного родства представляют собой характерную сторону семейной общины. Мы можем сказать, что представленные выше материалы показывают сохранение в пережиточной форме семьи именно такого типа.

Как было отмечено выше, Ингушетия не представляла исключения. Пережиточная форма семейной общины бытовала до конца XIX века у всех народов Кавказа. Так же как и грузины, неразделенными семьями жили не редко армяне²¹,

²¹ Э. Карапетян. Армянская семейная община, Ереван, 1958.

азербайджанцы²², народы Дагестана²³, адыгейцы²⁴, кабардинцы²⁵, абхазы²⁶, горские евреи²⁷ и др.

²² Г. Гейбуллаев. Пережитки большой семьи в Азербайджане в XIX веке (по материалам Кубинского района), Азербайджанский этнографический сборник, вып. II, Баку, 1966.

²³ Р. Магомедов К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды второй научной сессии дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР, 1949, Махачкала; С. Гаджиева. К вопросу большой семьи у каякентских кумыков, КСИЭ, 1952, вып. XIV; Х. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, Москва, 1961.

²⁴ М. Меретуков. Семейный быт у абадзехов. Автореферат диссерт. на соиск. уч. степ. кан. ист. наук, Тбилиси, 1954.

²⁵ Е. Студенецкая. О большой семье у кабардинцев в XIX в. СЭ, 1950, № 2.

²⁶ Ш. Инал-Ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов, Абгиз, 1954.

²⁷ М. Ихилов. Большая семья и патронимия у горских евреев, СЭ. 1950, № 1.

Н. В. ДЖАВАХАДЗЕ

ТЕРМИНЫ РОДСТВА У ГОРНЫХ ИНГУШЕЙ

Этнографические материалы, собранные нами в горной Ингушетии выявляют термины, характерные для классификаторской и описательной систем родства, свойства и половозрастного деления.

Вообще понятие «родственники» в ингушском обозначается термином гаргара нāх, в частности, «кровные родственники» — цхъан цIйна нāх, а — «молочные родственники» — шури гаргара нāх. Гаргара нāх вместе с тем обозначает и группу свойственников. Среди кровных родственников различают близких, в пределах четырех поколений, именуемых кхоаччар гаргара нāх, с четвертого до седьмого поколения родственники именуются тайпах гаргара нāх, а после седьмого поколения — хийра гаргара нāх.

Вопроса терминов родства в Ингушетии касается и Н. Яковлев, по словам которого «...в родстве числится целиком вся фамилия матери и дальше фамилии «матери матери» и «матери отца», т. е. роды бабушек с материнской и отцовской стороны»¹. По наблюдению автора ингуши родственников делят на две основные категории — ближних и дальних. В этой связи он пишет: Родственники ближние связаны между собой уже настоящим семейным родством. Сюда относятся родственники из «фамилии» отца в пределах 3—4 поколений, т. е. родные и двоюродные деды, отцы и родные

¹ Н. Яковлев. Ингуши, М.-Л., 1925, 45.

дяди, родные и двоюродные братья, сыновья, племянники, внуки, некоторые родственники по материнской линии, напр., дяди по матери, пользующиеся у ингушей особым почетом, двоюродные братья по материнской линии, брат матери отца, двоюродные внуки по женской линии и шу́чи (двоюродные братья от родной сестры матери) и их сыновья². Автор не приводит дифференцированных терминов, обозначающих различные степени родства, за некоторыми исключениями, ограничиваясь общим замечанием о том, что дальними родственниками ингуши считают всех остальных: «Фамилии отца дальше 3-х поколений, «фамилии» матери, «фамилии» бабок по отцу и по матери, мо х ч и и проч.»³.

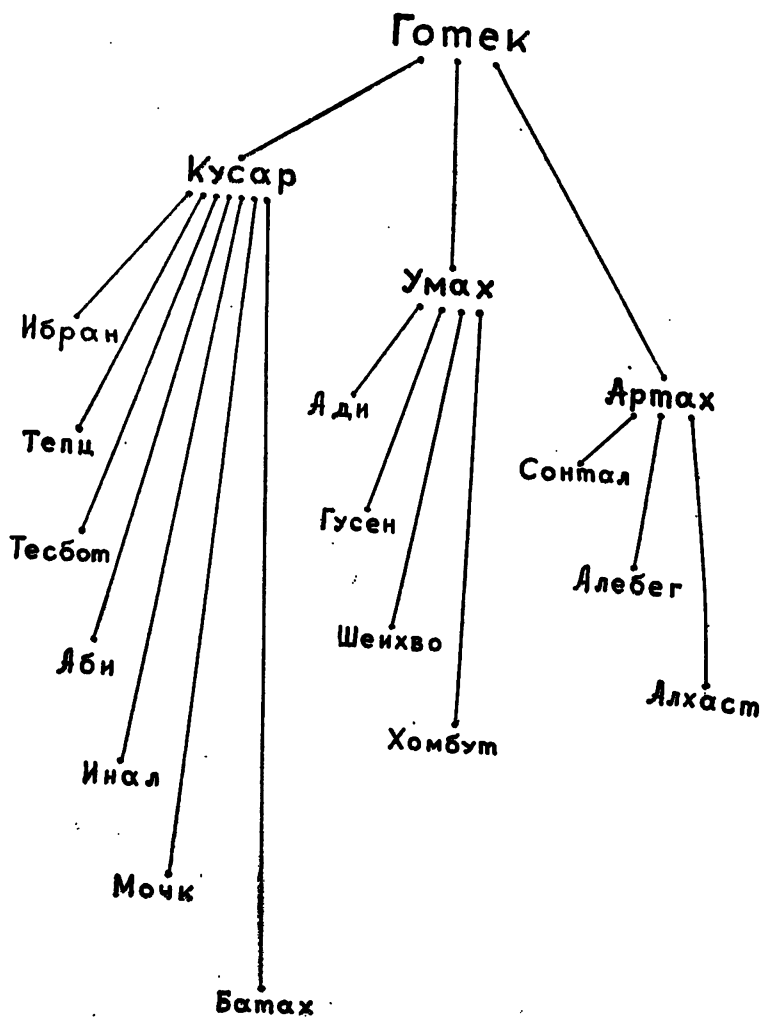
Как известно, классификаторская система охватывает термины, обозначающие родственников как кровных, так и свойственных. Ингушская система подтверждает существующую закономерность — описательная номенклатура родства и здесь создавалась на основе классификаторской системы. Основным термином, обозначающим кровное родство по прямой линии, является дā — отец, а также нā на — мать; отсюда термин дā-нā на — родители. Далее: бер — дети, не только собственные, но и вообще (мн. ч. бера ш); во I — сын (мн. ч. къон ги ш); йо I — дочь (мн. ч. мехкарий). По косвенной линии во ша — брат (мн. ч. вежарий) и йи ша — сестра (мн. ч. йижарий). Братья бывают близкие — бихйера вежарий и дальние — гаьнара вежарий. Термин вошала обозначает двоюродных братьев со стороны матери и отца, при чем и в этом случае выделяются ближние и дальние братья. Эта система номенклатуры родства по своему содержанию напоминает хорошо известный грузинский термин са х л и к а ц и (სახლიკაცი), который в одном случае охватывает родных братьев, в другом двоюродных, а иногда и всех однофамильцев⁴. Ингушское

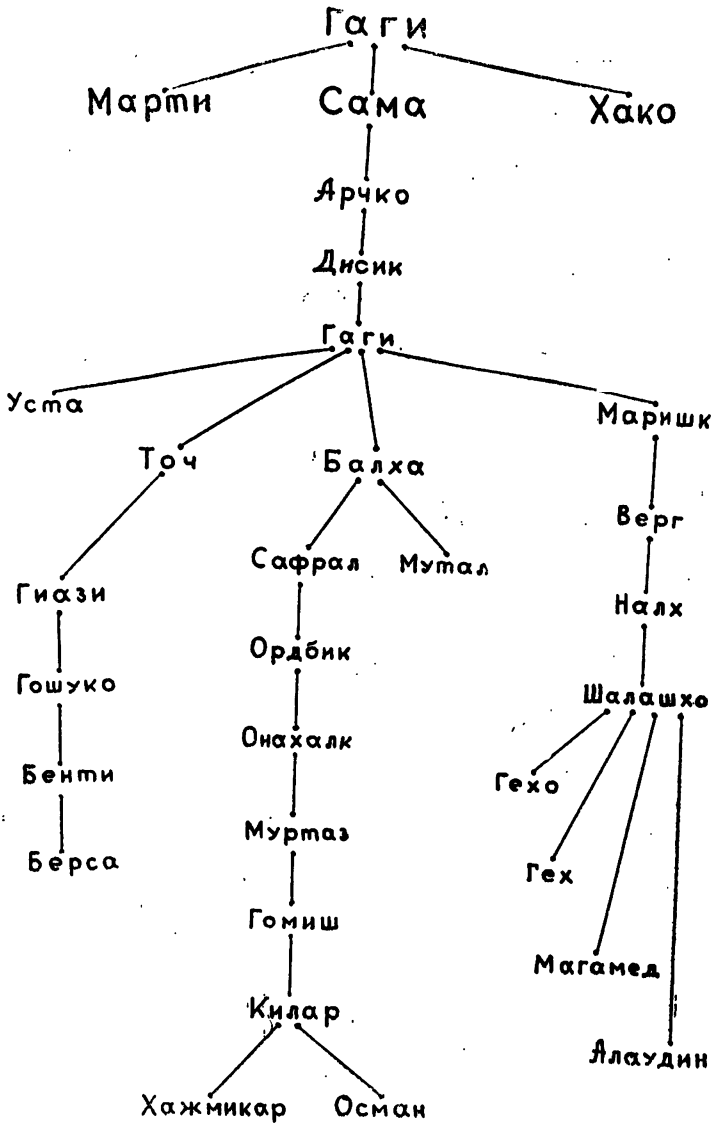
² Н. Яковлев. Ингуши, 66.

³ Там же.

⁴ Р. Харадзе. Хевсурское «дзири» и «гвари», Мимомхилвели, I, Тб., 1949, 201 (на груз. яз.). В. Итонишвили. Из истории семейных отношений грузин-горцев, Тб., 1960, 23 (на груз. яз.).

Схема I

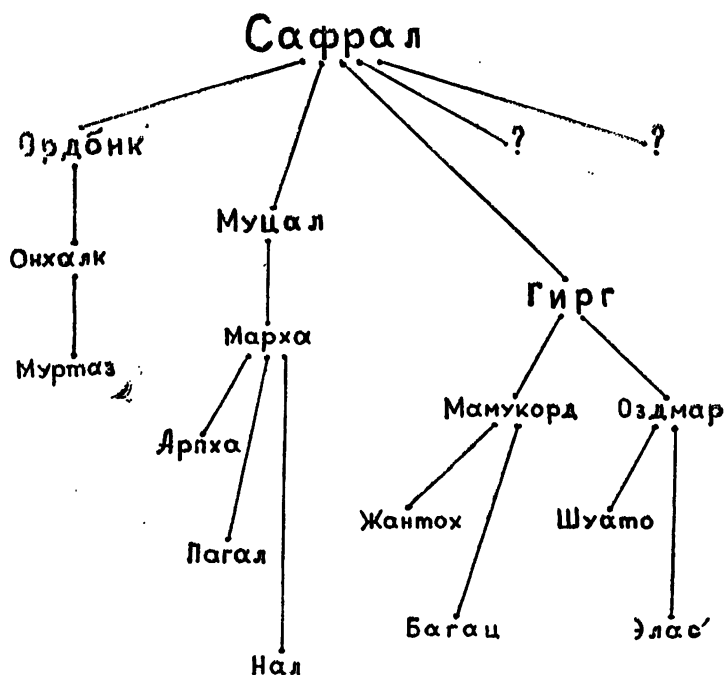
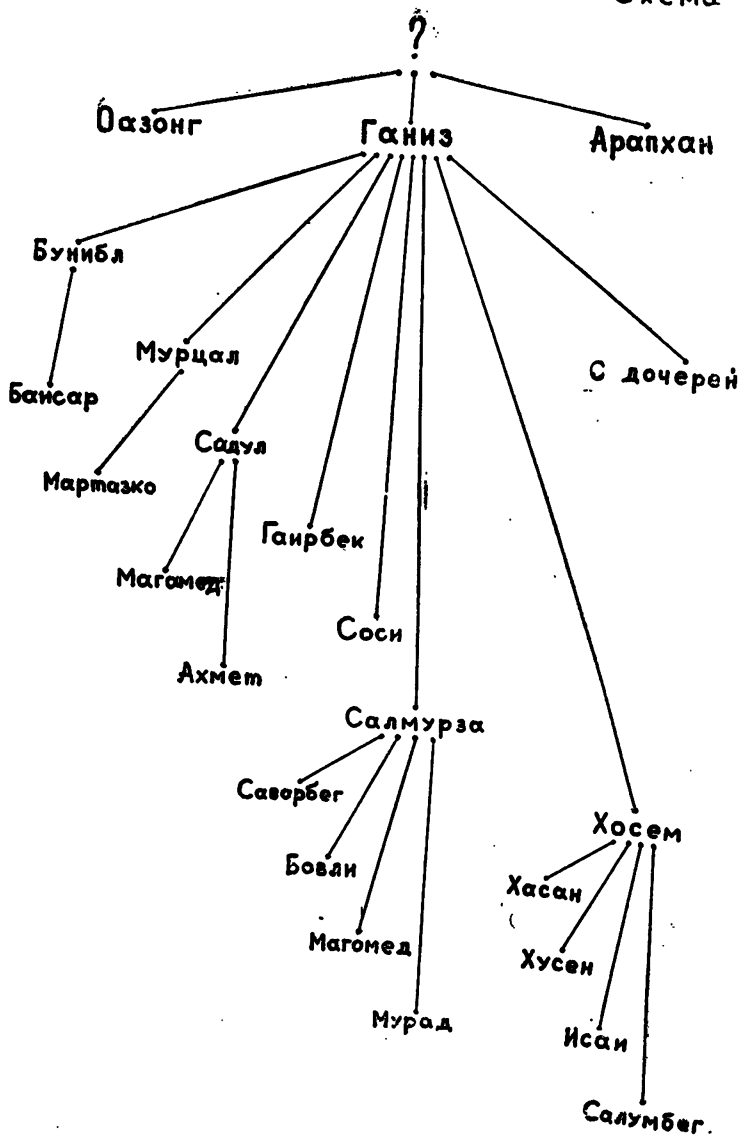
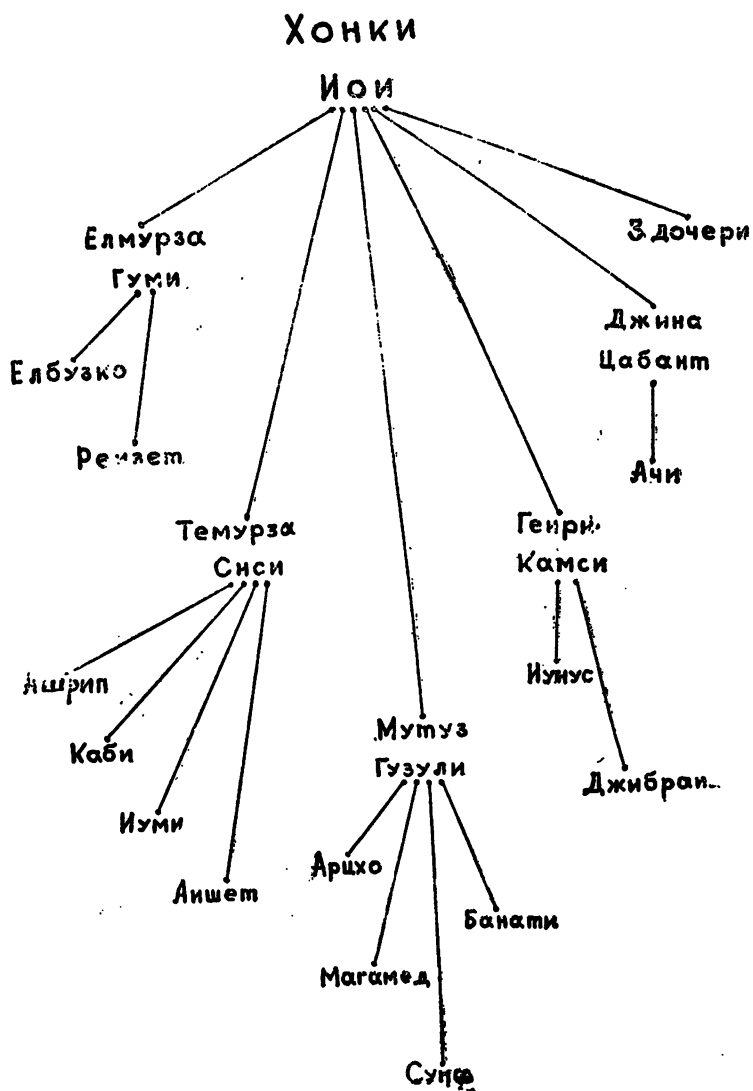
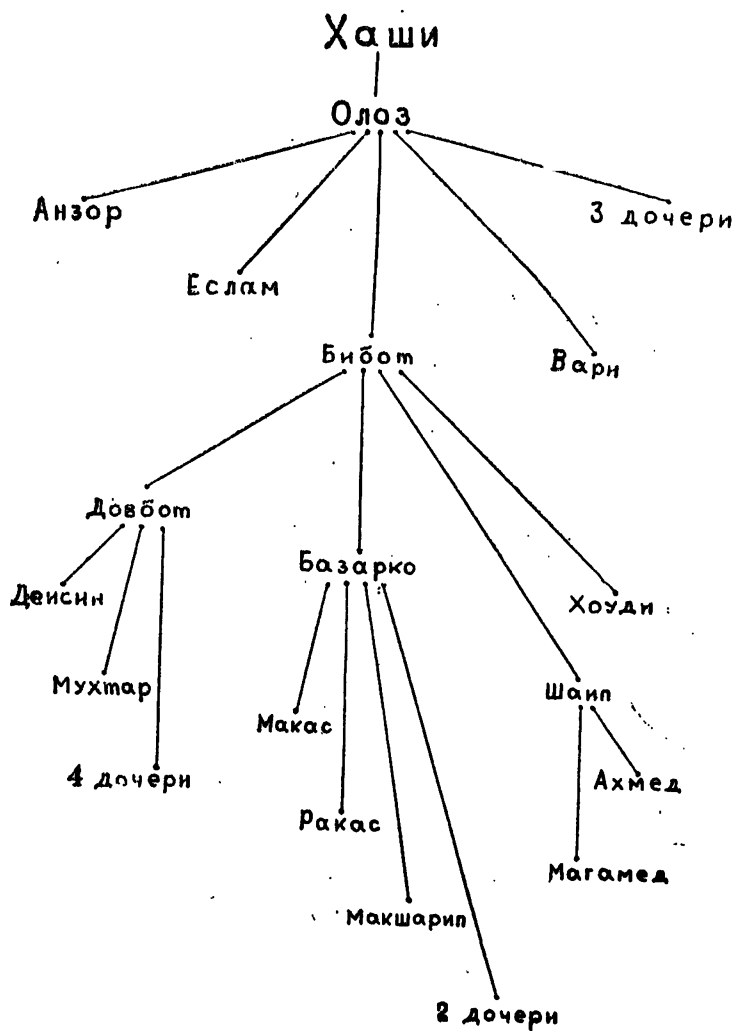
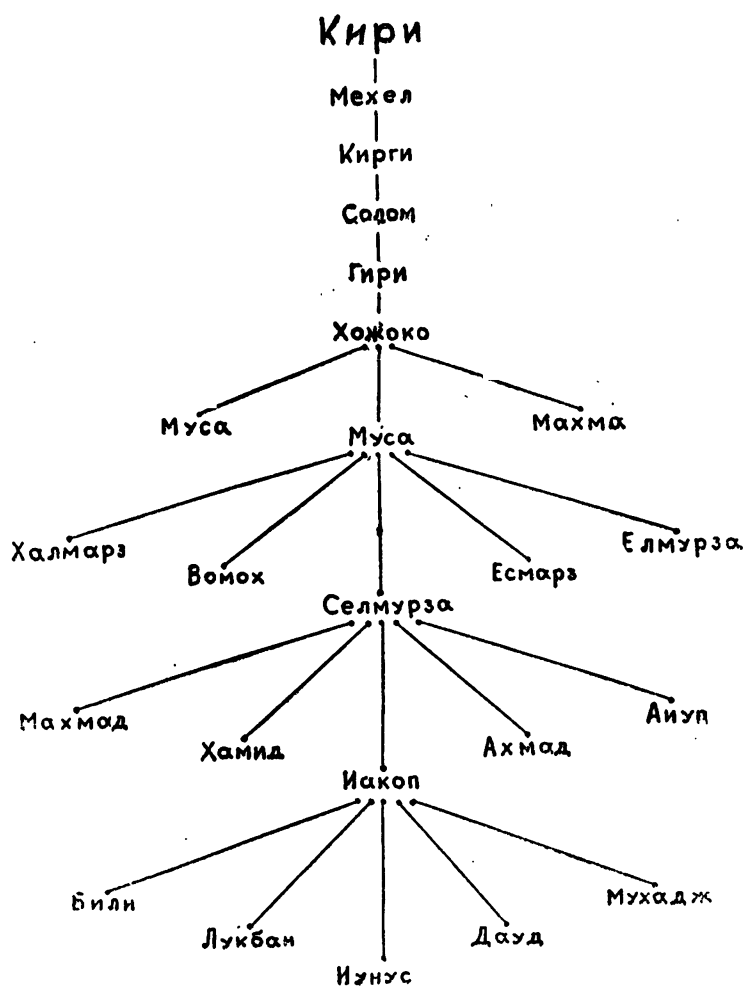

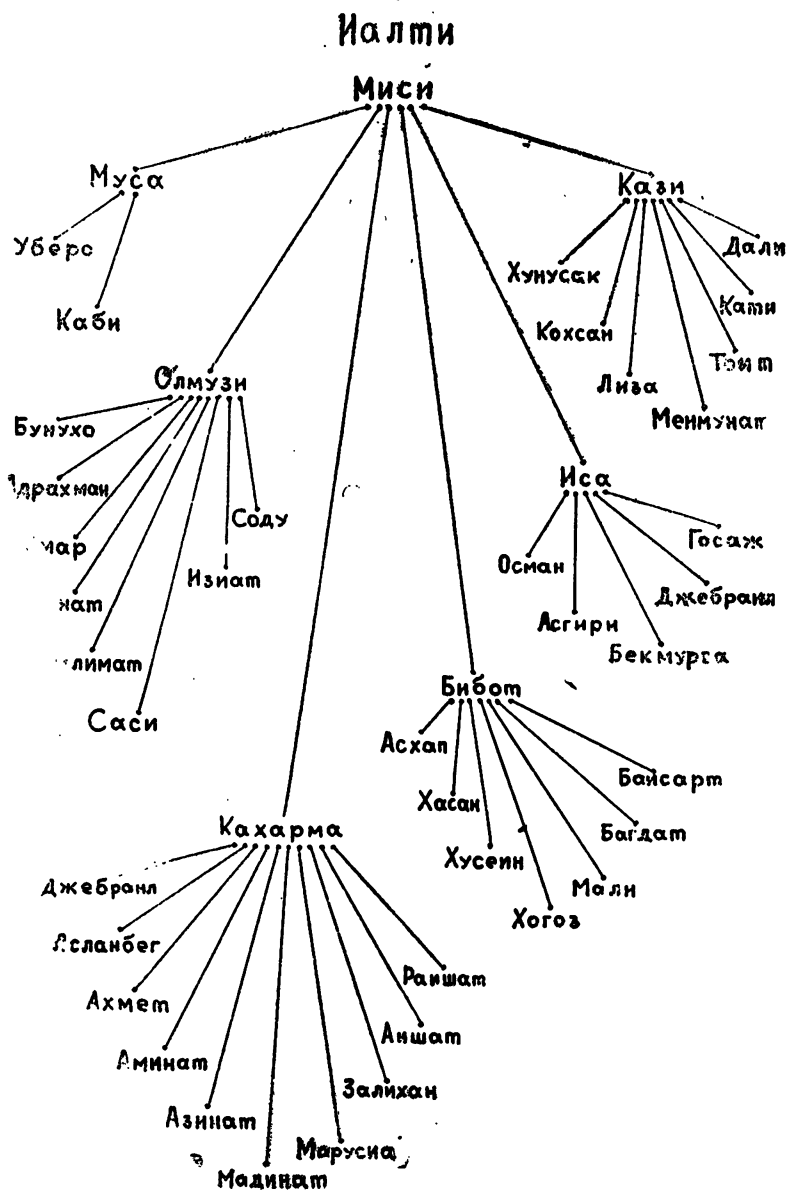
Схема IV

вошала может охватывать две фамилии различного происхождения.

Таким образом, для обозначения классификаторской номенклатуры родства ингушский язык располагает семью основными терминами, имеющими свои параллели во многих языках Кавказа.

Напр., инг. термин *дā* — отец и *дā да* — дедушка сопоставляются с каб. *ʎade//dade* 5, бацб. *дад*, а также с *дēн дā//дā* горских наречий чеченского языка.

Инг. *нā на* сопоставляется с груз. *нена* (гур.) и *нана* (чан.-мегр.). Он является общим с лак. *нину*, каб. *нане*, абх. *нан*, уд. *нане*⁶. Он имеет также отношение к арм. (карабаг.) *нан* в значении «мать»⁷.

Для обозначения собственных детей обоего пола до определенного возраста в груз. употребляется *бавш//бавшви* (*ბავშვ//ბავშვი*), которому соответствует диалектальная форма *боши* (*ბოში* в Мегрелии и Имерети), а также св. *бешу//бобши* (*ბეშუ//ბობში*) и чан. *бере* (*ბერე*). В чеч. этому термину соответствует *бёр*, а в бацб. — *бадер*. Надо полагать, что инг. *бер* в значении ребенка также относится к вышеуказанным терминам.

По наблюдению И. А. Джавахишвили частица *б* во многих языках Кавказа применяется при обозначении объектов без показателей пола и возраста⁸.

К основным ингушским терминам кровного родства по косвенной линии относятся *воша* и *йиша* (соот. брат и сестра). Инг. *воша* имеет очевидно отношение к абх. *оаша*

5 По И. Гюльденштедту в Кабарде термином *Jada||ʎade* обозначается отец (Путешествие Гюльденштедта по Грузии, II, Тб., 1964, -351). По наблюдению И. А. Джавахишвили в Кабарде отца именуют *даде* (И. А. Джавахишвили. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков, Тб., 1937, 243, на груз. яз.).

6 А. С. Чикобава. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь, Тб., 1939, 18; Т. Гопиашвили. Словарные сходжения чеченского и картвельских языков, ИИЯИМК, V—VI, Тб., 1940, 599 (на груз. яз.).

7 С. П. Зелинский. Родство, ИКОРГО, XII, 1899, вып. 3, 151.

8 И. А. Джавахишвили. Ук. работа, 255.

(oucha), а также чи (tchi), и аче (atche) в значении «брат»^{8а}. Имеет он отношение и к грузинскому термину в том же значении дз ма (ďm̌). И. А. Джавахишвили отмечает, что у грузин для обозначения людей мужского пола имеется термин ва жи (v̌aʒi), который в хевсурском диалекте представлен в форме во жи (v̌oʒi), в хевском форме ве жи (v̌eʒi); в сван. ему соответствует гва̌ж (ǧv̌aʒ)⁹. Цовский ва шо (мн. ч. ва жар) и чеч. ва ша (мн. ч. ве жар и й) внешне близки к грузинскому ва жи. По наблюдению Т. Гониашвили, груз. ва жи заимствовано из кавказских языков¹⁰. Абхазский термин, обозначающий сестру (oʒaʒo, oʒaʒo или oʒaʒo, имеет сходство с инг. йиша. По наблюдению И. А. Джавахишвили, в кавказских языках в большинстве случаев для обозначения мужского пола первоначально имелись и, w, а для обозначения женского пола — я. В Чеченском я и и меняют основу слова и придают ему значение женского или мужского пола¹¹.

В ингушской номенклатуре классификаторской системы родства специально выделяется термин для обозначения детей и внуков сестер, независимо от пола; соответственно — шучий и мохчий. Это находит аналогию в хевсурской и пшавской номенклатуре родства, рассмотренной Р. Л. Харадзе, а также в хевской и мтиульской, рассмотренной В. Дж. Итонишвили. У горцев восточной Грузии — хевсур, пшавов, мохевцев и мтиулов эта система родственных отношений обозначается термином шинши (ʒoʒo). В Хеви и Мтиулетии шинши охватывает родство лишь со стороны матери, т. е. в отношениях шинши находятся дети лишь родных и collateralных сестер¹². Хевсурское шинши подразумевает двух-

^{8а} И. А. Джавахишвили. Ук. работа, 175.

⁹ Там же.

¹⁰ Т. Гониашвили. Ук. работа, 602—603.

¹¹ И. А. Джавахишвили. Ук. работа, 139, 254.

¹² В. Итонишвили. Ук. работа, 25; то же самое подтверждается собранными нами полевыми материалами в Мтиулетии, см. Н. В. Джавахадзе. Дневник Мтиульской этнографической экспедиции 1964 г., тет. № 2, 1—2.

стороннее родство, т. е. родство и с материнской и с отцовской стороны. В этом случае шинши по материнской линии являются дети родных и коллатеральных сестер, а шинши по отцовской линии — дети родных и коллатеральных братьев¹³. Значение ингушских терминов родства заключается не только в том, что они содержат термин обозначающий вообще потомство родных и коллатеральных сестер, подобно мтиульскому и мохевскому шинши, но также и в том, что они сохранили нам дифференцированные термины, один из которых — шучий — обозначает первое поколение родных и коллатеральных сестер, т. е. детей, а второй — мохчий — следующее поколение их, т. е. внуков родных и коллатеральных сестер.

В Хевсурети шинши со стороны матери исключает детей брата матери, а шинши со стороны отца, детей сестры отца. Ограничение ингушского шучий детьми сестры матери и исключение из них детей брата матери, этот институт сближает с хевсурскими шинши. Это уже означает обособление матери и ее сестер от отца и его братьев.

Ингушский шучий, естественно, имеет общее происхождение с чеченским шича и с бацбийским шичла I, которыми обозначаются дети сестры матери, вообще дети сестер одной фамилии. Бацб. шичла I никогда не включает детей сестры отца¹⁴. По наблюдению Р. Харадзе, семантическая сущность корня ши//чи и в хевсурском шинши и в нахских шучий //шича//шичла I выражает понятие брата//сестры, что и указывает на древность происхождения этого термина¹⁵.

Аналогичное значение имеет и наблюдение Т. Гониашвили, согласно которому начальные ши и шу чечено-ингушского шича//шучий рассматриваются в качестве корня, характерного для многих терминов, бытующих во многих языках Кавказа в значении брат//сестра¹⁶. К таким терминам относит она и тушинское шинши. Такое понимание терминов шинши//ши-

¹³ Р. Л. Харадзе. К вопросу о системе родства в Хевсурети, ИИЯИМК, V—VI, Тб., 1940, 507.

¹⁴ Т. Гониашвили. Ук. работа, 600.

¹⁵ Р. Л. Харадзе. К вопросу о системе родства в Хевсурети, 513.

¹⁶ Т. Гониашвили. Ук. работа, 600.

ча//шучий и т. д. бесспорно указывает на очень древнюю ступень в истории развития социальных взаимоотношений¹⁷.

Опираясь на данные этнографии Н. Яковлев пишет, что «Первоначально у ингушей было одно название и для мужчины — брата и для женщины — сестры, также как одно и тоже название было для сына и дочери»¹⁸. Однако автор к сожалению не приводит соответствующих терминов. На основе изучения указанных отношений родства, автор подчеркивает то особое внимание, которыми пользуются у ингушей родственники со стороны матери. Об этом же говорит и поговорка приводимая Н. Яковлевым в связи с данным вопросом: «Ноаныхой деахойег буюсеаг хет»¹⁹.

Указанное значение приведенных выше терминов родства привлекло внимание и историков. В работе Р. Л. Харадзе приводится мнение С. Н. Джанашиа, который в свое время подчеркивал, что в Ингушетии родство считают не только по линии отца, но и по линии матери²⁰. Для окончательного решения этого вопроса в первую очередь необходимо выяснить — к какой форме семьи и к какой ступени развития семейных отношений относится вышеуказанный ряд терминов родства. В этом отношении мы можем сослаться на исследование Р. Л. Харадзе, которая на основании анализа соответствующего этнографического материала пришла к выводу относительно того, что институт шиншоба (შინშობა) должен был существовать еще до индивидуального брака²¹.

Основой для ингушской номенклатуры родства служат термины классификаторской системы. По словам Н. Яковлева такие термины как «отец» и «мать», «брат» и «сестра», «сын» и «дочь» дают возможность ингушу выразить понятия «внук» (дословно «сын сына») или «дед» (дословно «отец отца»). Вместе с тем он замечает: «... слово «отец» можно

¹⁷ Т. Гонияшвили. Ук. работа, 600.

¹⁸ Н. Яковлев. Ук. работа, 44.

¹⁹ Н. Яковлев. Ук. работа, 45. В современной транскрипции ноаныхой даьхоол бочагIа хет.

²⁰ Р. Л. Харадзе. К вопросу о системе родства в Хевсурети, 514—515;

²¹ Там же, 515.

понять в смысле предка вообще, а слово «сын» вероятно обозначало прежде всякого потомка»²².

Родственники со стороны отца в ингушском обозначаются термином даьхуо (мн. ч. даьхуой), основой которого является дā в значении «отец». От него же производится следующие термины родства: даь воша — дядя (мн. ч. даь вежарий), состоящий из двух элементов дā — отец и воша — брат. Для обозначения дяди в инг., кроме названного термина, существует еще воти — дядя, как с отцовской, так и с материнской стороны.

Термин даь веший сьесаг (мн. ч. даь вежарий и истий) обозначает жену брата отца. Он состоит из трех элементов дā — отец, воша — брат и сьесаг — жена. Специального термина для обозначения жены брата отца у ингушей не обнаружено. По такому же принципу производятся ингушские термины для обозначения двоюродных братьев и сестер.

Сестра отца в инг. обозначается термином даь йиша (мн. ч. даь йижарий) тоже производный и соответствующих терминов, однако вместе с тем для обозначения той же категории родства в инг. имеется и даьций (мн. ч. даьцарий), внешне схожий с груз. დიაცი (ფოცო) в значении женщины. Термин, обозначающий мужа сестры отца — даь йиший ма̄р (мн. ч. даь йижарий моаруой) или — даь йиша йаха найц (мн. ч. даь йижарий биганайцарий). Таким же образом производятся термины, обозначающие детей сестры отца и всего потомства до четвертого поколения.

Родственники со стороны матери обозначаются общим термином ноанхуой, в которой основой является нāна (мать). В описательных терминах родства со стороны матери чего-либо нового нет — они производятся таким же образом, как и термины родства по линии отца, при основе в виде нāна; напр., брат матери — наьна веший (мн. ч. наьна вежарий). Вместе с тем следует отметить, что кроме опи-

²² Н. Яковлев. Ук. работа, 44.

сательного термина для обозначения сестры матери — наъна йиша (мн. ч. наъна йижарий) в ингушском имеется и специальный термин — наъций (мн. ч. нецаш).

Таким образом в ингушском выявлены семь основных терминов родства, по своей природе классификаторских, которые легли в основу образования описательной номенклатуры родства. Некоторые из них имеют хорошо прослеживаемую аналогию в других кавказских языках, в частности в грузинском.

Ингушские термины свойства также имеют классификаторский характер и являются основой для образования описательной номенклатуры.

Общим термином для обозначения свойства в инг. является захалаш гаграра нāх. К этой группе терминов относятся: мār — муж, (мн. ч. моаруой), сйесаг или уст — жена (мн. ч. йисти), найц — зять (мн. ч. найцарий), нус — сноха, невестка (мн. ч. несарий), нускал — невеста (мн. ч. нускалаш). Родственники со стороны жены обозначаются термином уццIей, а со стороны мужа — марцIей.

С точки зрения грузино-нахских языковых параллелей привлекает внимание инг. мār (муж), аналогизируемый со сванским мārе (მარე) в значении «муж», «мужчина». По мнению И. А. Джавахишвили сванский термин лимару — отважность, смелость — возможно произошел от груз. к мари (ქმარი) в значении мужа с утерей начального к (ქ).²³ Возможно и инг. мār имеет аналогичное происхождение.

Как указывалось в инг. для обозначения жены имеются два термина сйесаг и уст. Сйе обозначает вообще женский пол, а саг — человека. Этот термин, таким образом, производится также как и грузинское деда-каци (დედაკაცი). Термин сйесаг употребляется в личном обращении, а уст только для образования описательных терминов родства по линии жены.

²³ И. А. Джавахишвили. Ук. работа, 226.

Видимо ингушский термин сѣсаг составной, происходящий от термина уст.

Особое внимание привлекает соответствие инг. нус (невестка, сноха) с груз. нус (ნუს). С. С. Орбелиани в качестве термина, обозначающего жену дяди приводит нусадиа (ნუსადია)²⁴. В. Багратиони упоминает мусадиа (მუსადია), что, по мнению И. А. Джавахишвили тоже что и нусадиа. В Мегрелии носа (ნოსა) и ниса (ნისა) обозначают невестку, а в чанском нуса (ნუსა) — невесту, невестку, сноху. Имеется и форма ниса (для хопского). По наблюдению И. А. Джавахишвили все вышеуказанные варианты соответствуют древне-грузинскому сдзали (სძალი) в значении «невестка»²⁵.

Тоже самое следует отметить и относительно инг. термина захалаш, обозначающего свойственное родство, который соответствует грузинскому мдзахали (მძახალი) в том же значении.

Ингушские термины, обозначающие половозрастное деление, в основном отражают различные ступени половой зрелости и возмужалости. В них различаются два периода развития как в отношении мужчин, так и в отношении женщин — период до половой зрелости и период половой зрелости и брака. Однако в обоих случаях отражены различные возрастные группы. В инг. напр., ребенок обозначается терминов бер (мн. ч. бераш). Для обозначения детей — малолеток обоих полов применяются два термина — āgā бер т. е. «ребенок люльки» и нāкхх доалла бер т. е. «грудной ребенок». Мальчика до 2—3 лет именуют зāмига кlāьнк (мн. ч. зāмига кlāьнкаш), т. е. «маленький мальчик». Девочка того же возраста по инг. именуется зāмига йи-Ing (мн. ч. зāмига йиIngаш) — йиIng в инг. обозначает девочку. Мальчика в возрасте от десяти до пятнадцати лет именуют кхувш воагlа зāмигасат. (мн. ч.

²⁴ С. С. Орбелиани. Грузинский словарь, Тб., 1928, 327, 260.

²⁵ И. А. Джавахишвили. Ук. работа, 183.

кхувш боагIа кагий нāх) т. е. «растущий», «в возрасте возмужалости». Девочка того же возраста по инг. именуется кхувш йоагIа йоI (мн. ч. кхувш боагIа мехкарий), т. е. «растущая девочка». С пятнадцати до двадцати лет мальчиков именуют кхийна зIамигасаг (мн. ч. кхийна кагий нāх), т. е. «возмужалый», «зрелый молодой человек», т. е. человек в возрасте бракосочетания. Женщина этого возраста обозначается термином кхийна йоI (мн. ч. кхийна мехкарий), т. е. «зрелая девушка». Вообще мужчину в период возмужалости примерно с десяти до тридцатитрех лет именуют зIамигасаг (мн. ч. кагий нāх), т. е. «молодой человек». Для женщины этот период соответствует возрасту с десяти до двадцатипяти лет, т. е. с девичества до замужества. В этом возрасте она именуется йоI (мн. ч. мехкарий), т. е. девушка.

Женатый человек в ингушском обозначается термином къуōнах (мн. ч. къуōнахий), который вместе с тем имеет и другое значение: къуōнахом в ингушском обозначается самый смелый и сильный мужчина.

Замужняя женщина в инг. носит название сйесаг (мн. ч. йисти). Для обозначения старика в возрасте шестидесяти — восьмидесяти лет имеется термин вōккха саг (мн. ч. боккхий нāх), а для старухи йоккха саг (мн. ч. боккхий йистий). Престарелый мужчина именуется къаъна; от этого же слова происходят и термины, обозначающие старую деву — къаъна йоI и холостяка — къаъна зIамигасаг.

Для обозначения мужчины и вообще мужского пола употребляется термин маIасаг (мн. ч. маIа нāх), а для обозначения женщины и вообще женского пола — кхалсаг (мн. ч. кхал нāх).

Таким образом, ингушский этнографический материал дает возможность выявить классификаторские и описательные термины родства в виде семи основных терминов классификаторского характера, которые легли в основу образования описательных. Как весь порядок образования описатель-

ной номенклатуры родства, так и отдельные термины проявляют близкие связи с соответствующими данными по другим кавказским языкам, в частности по грузинскому.

Эти термины в отдельных случаях сохранили отражение довольно древних ступеней в истории развития социальных взаимоотношений.

Б. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

ИЗ ИСТОРИИ СКОТОВОДСТВА В ИНГУШЕТИИ

В хозяйственном быту населения горной Ингушетии ведущую роль издавна занимало скотоводство.

Вся хозяйственная деятельность семьи, связанная со скотоводством: доение скота, заготовление мясо-молочных продуктов, способы их хранения и формы употребления, очистка скотных стоянок, организация пастушества и др. имели традиционный и высокоразвитый характер. Те маленькие участки пахотных земель, для обработки которых требовался действительно колоссальный труд, зерном не обеспечивали семью.

Как по собранным нами на месте этнографическим материалам, так и по специальным исследованиям видно, что горным ингушам, урожай, собранный ими, хватал на 2—3 месяца¹, поэтому возмещение недостатка происходило за счет реализации продуктов скотоводства.

Да и скотоводство во второй половине XIX и в начале XX века тоже не имело широкого масштаба. По наблюдению Н. Грабовского, горные ингуши, а именно джейраховцы, раньше, когда они использовали зимние пастбища в Тарской долине, были хозяевами многочисленных стад. Но после того, как правительство передало эти земли казакам, джейраховцы

¹ Н. Ф. Грабовский. Экономический и домашний быт жителей горского участка ингушского округа, ССКГ, вып. 3, 1870; 10. Г. К. Мартиросян. Нагорная Ингушия, ИИНИИК, вып. I, Владикавказ 1928, 99, В. П. Христианович. Горная Ингушия, Ростов н/Д, 1928, 41.

вынуждены были сократить стада и количество скота определить соответственно условиям горной естественно-экономической базы². По мнению Н. Грабовского в лучшем положении находилась соседняя община. В целом галгаевцы³, по его наблюдению, имели несколько больше скота и в основном он представлял источник их жизни, но так как земли в их владении были самые неплодородные, поэтому они от казаков и цоринцев брали в аренду пастбища для содержания своего скота⁴.

Более выгодные хозяйственные условия увидел исследователь в третьей общине ингушей — Цори. По его словам цоринцы имели скот в достаточном количестве, поскольку условия для этого здесь были сравнительно более благоприятные, но это преимущество населением использовалось не полностью и большей частью их пастбищами пользовались соседи⁵.

Как видно из этого краткого обзора, уровень развития скотоводства в различных общинах был разнообразен, хотя повсеместно в хозяйстве горной Ингушетии по удельному весу скотоводство преобладало над земледелием. Статистические данные второй половины XIX и первой четверти XX века полностью подтверждают вышесказанное⁶. Аналогичная картина получается по материалам, собранным нами на месте.

Так как скотоводство в горной Ингушетии было лимитировано кормовой базой и его масштабы в условиях нехватки зимних пастбищ, не удовлетворяли потребностей населения, последнее находило выход из этого положения в продаже приплода, в конце осени. В основном ингуши сохраняли дойный скот для заготовки молочных продуктов; бычков старше 3 лет редко оставляли дома, так как в весе они прибавля-

² Н. Ф. Грабовский. Ук. раб. 12.

³ Н. Грабовский галгаевцами называет жителей хамхинской общины. По материалам, имеющимся у нас, галгаевцами называют себя все ингуши, проживающие в ущелье реки Ассы.

⁴ Н. Ф. Грабовский. Ук. раб. 12.

⁵ Там же.

⁶ Н. Ф. Грабовский. Ук. раб. 9. Г. К. Мартиросян, ук. раб. 109—116.

ли столь незначительно, что это не возмещало затрат на их питание⁷.

В горной Ингушетии, также как и в горных районах Грузии, зимой крупный рогатый скот содержали в основном на сухом корму, а развитое овцеводство подразумевало отгон отары овец на зимние пастбища. Отгонное овцеводство нуждалось в зимних помещениях. В данном случае нашей задачей является изучение именно зимних стоянок скота, находящихся в горной Ингушетии, которые представляют собой составную часть жилого комплекса.

Как известно, основу жилого комплекса горных ингушей в прошлом представлял дом-крепость — т. н. гIāла, первый этаж которого был отведен под стоянку для скота. В этом отделении дома, именуемом кхий, скот привязывали в яслях—хъай в определенном порядке к колышкам забитым в землю. Если у семьи крупно-рогатый скот был в малом количестве, одна часть этой площади предоставлялась овцам, а в том случае, когда рогатый скот был представлен в большом количестве, для овец строили стоянку отдельно. Часто в длиноватом камне, вделанном в один из углов и выдвинутом несколько вперед, делали отверстия для привязывания лошадей. Такие же привязи мы встречаем с наружной стороны стоянок, например, в Чулхойском ущелье в сел. Хени в ограде.

Кхий довольно темное помещение, с одним маленьким окном, которое больше напоминало бойницу. Это помещение иногда было вовсе без окон и свет туда проникал только через открытые двери. По краткому описанию Г. Мартиросиана, зимой скот у ингушей содержался в довольно низкой и полутемной стоянке⁸. Аналогичное положение отмечено К. Ганом в отношении чеченского дома: «Пройдя большой мощный двор, окруженный высокой стеной, мы через низенькую дверь вступили в нижний этаж; это темное помещение без света, где помещается скот. Карабкаясь в темноте по узенькой каменной лестнице, мы скоро очутились на втором этаже,

⁷ В. П. Христианович, Ук. раб., 153.

⁸ Г. К. Мартиросиан. Ук. раб., 114.

где живут женщины»⁹. В одноэтажных деревянных домах, сравнительно поздно распространившихся в Ингушетии, хлева были пристроены с боку. В деревне Хули во дворе Маиса Чахкиева имеется хий, к нему пристроена небольшая комната, в которой проживала выделившаяся семья. В хлеву имелись ясли, пол выложен плоскими каменными плитами; в середине помещения стоит каменный столб кхерий бIоагIа, на которой опирается центр потолка хлева. Человеческое жилище отделено от хлева плетённым забором, обмазанным глиной.

Зимой овец держали или в деревне, в крытых стоянках, или в долине на подножном корму, или же на горных зимних пастбищах. Такие пастбища в Армхинском ущелье расположены на южных склонах Мят-лома, или т. н. Столовой горы. Но, как отмечает Г. Мартиросиан, жители избегают вскармливать скот сеном и стараются подольше держать его на подножном корму¹⁰. В некотором отдалении от жилого комплекса, а иногда за пределами деревни строили стоянки для овец. Они представляли прочно возведенную каменную постройку — жегIота. Скот также держали в естественных пещерах — хьех.

В отличие от Армхинского ущелья, где под стоянку скота и овец отведен первый этаж, в ущелье реки Ассы на первом этаже дома-крепости была стоянка крупного рогатого скота, на втором этаже—овец, а на третьем и четвертом этажах цъа жила семья. Второй этаж соединялся с первым широкой доской, по которой овцы поднимались наверх¹¹.

В деревне для летних стоянок крупного рогатого скота устраивали место, огороженное плетённым забором—карт¹².

⁹ К. Ф. Гап. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей (летом 1897 г.), КВ, № 6, 1900 г., 66.

¹⁰ Г. Мартиросян. Ук. раб., 115.

¹¹ Г. Гегечкори. Краткий отчет работы этнографической экспедиции горной Ингушетии 1962—1963 гг., КЭС, I, Тб., 1964, 141. (на груз.яз.).

¹² Карт — по ингушски означает деревянный забор, в то же время этот термин употребляют для обозначения летних стоянок в деревне. Этот термин также находит аналогию как в грузинском, так и в языках народов северного Кавказа. (подробно см. Р. Харадзе, А. Робакн-дзе. Сванское село в прошлом, Тб., 1964, 39, на груз. яз.).

Часто его называют бе ж к а р т. Такие стоянки строила семья, а чаще патронимическая группа и даже тейпа. Подобные стоянки для овец в деревнях называли же к а р т. Вышеуказанный термин карта, как стоянка для скота, упоминается в грузинских документах; он и здесь означал огороженное место, как составную часть крестьянской усадьбы¹³.

Термин бе ж к а р т — производят от слова бо жа, что означает стадо коров в деревне¹⁴; отсюда и термин обозначающий сельского пастуха — бе ж а I у. Наименование стоянки вообще крупного рогатого скота «стоянкой коров», возможно указывает на то, что в ингушском языке бо жа представлял общий термин, обозначающий крупный рогатый скот, также как и грузинское з р о х а (ზროხა) в значении как коровы, так и крупно-рогатого скота вообще¹⁵.

Летняя стоянка скота на горных пастбищах называется м о т т, а место для овец — же м о т т. Такие стоянки могли быть и огороженные и открытые. Стоянку огораживали с целью защиты скота от волков.

Нападение волков иногда наносило такой вред скотоводам, что привлекало внимание общественности. Так, например, Г. Мартиросиан приводит цитату из газ. «Терские ведомости» за № 220 от 1908 года, в которой говорится: «В ночь со 2-го на 3-е октября, вблизи селения Ляжги, громадная стая волков напала на стадо баранов, пасущееся вблизи селения, при чем похищено ими и поранено около ста штук. Волки до того дерзки, что появляются и днем. В ту же ночь было сделано нападение на стадо и в хуторе Длинная Доли-

¹³ Документы по истории Грузии (1862—1917), том I, ч. I. под редакцией Ш. К. Ч х е т и я, Тб., 1954, 308, 447, 474.

¹⁴ Стадо коров на горных пастбищах называются д о а х а н I ул, тот же д о а х а н, в общем, есть термин, обозначающий крупный рогатый скот.

¹⁵ По пояснению Сулхан-Саба Орбелиани „ზროხა ზოგადი სახელი არს ყოველთა ზროხათა, ხოლო მამალსა ზროხასა ეწოდებოდა ჯარი და დედალსა ფური; ხოლო შვილთა მათთა ხბო“. Далее лексикограф разъясняет, что „მეზროხე ზროხათა მწყემსი“-ა, (С. С. О р б е л и а н и. Грузинский словарь. Тб., 1928, см. на слова ზ რ о ხ ა, მ ე ზ რ о ხ ე).

на, в 10-ти верстах от Владикавказа. Следовало бы сделать облаву, на этих хищников одновременно в Джераховском, Мецхальском и Хамхинском обществах, дабы не дать им возможности пробраться на плоскость»¹⁶. Волков особенно боялись пастухи овец, так как стадо овец легко расходуется и не может защищаться. На крупный рогатый скот этот зверь легко не нападает. Боясь его, быки и коровы, при нападении волков, окружают слабых коров и рогами защищаются от хищников.

На горных пастбищах пастухи строили для себя избы б у, землянки тол, или же жили в пещерах. Здесь довольно много было больших камней вулканического происхождения, у которых расширяли нижнюю часть, по сторонам пристраивали стены и использовали их для укрытия. Некоторые из сильных тейпа сооружали на горных пастбищах башни. Такие башни, пещеры и каменные глыбы применялись и для стоянок. Они были особенно необходимы для овец на зимних пастбищах, так как крупный рогатый скот в течение зимы находился дома на сухом корму. По сообщению В. Христиановича, ингуши на зимних пастбищах содержали не только овец, но крупный рогатый скот. На сенокосах — пишет он — устраиваются иногда зимние кутаны и там содержится скот, который зимой кормится заготовленным сеном, а весной, до заказа лугов, пасется здесь же. Вышесказанное касается особенно южных селений скалистого хребта, потому, что эта полоса в течение большого периода зимы не покрывается снегом и является хорошим зимним пастбищем. Для стоянок скота в горах, продолжает В. Христианович, применяются преимущественно первые этажи старинных башен. В лесных местах, на так называемом Передовом хребте¹⁸,

¹⁶ Г. К. Мартиросиан. Ук. раб., 118.

¹⁸ Пять параллельных хребтов, проходящих в горной Ингушетии, Христианович объединяет в два хребта, из которых один представляет Передовой, а другой Скалистый хребет (В. П. Христианович. Ук. раб., 23). Передовой хребет лесистый, и по сравнению со Скалистым низкий. Ингуши его называют *І а ъ р ж а х ъ у*, что означает «черное место», или «теп-листая сторона», а Скалистый хребет, в который входит известная «Сто-

встречаются также деревянные постройки с землянной кровлей, иногда сплетенные и обмазанные глиной и навозом. Коровы, находящиеся на зимних пастбищах, ночь проводят в пещерах¹⁹.

По материалам, собранным нами в Ингушетии, скот всех видов проводит лето на высокогорных альпийских пастбищах; с сентября он спускается вниз на осенние и весенние пастбища, с ноября же крупный рогатый скот спускается в деревню, где переводят его на сухой корм; овец выгоняли на зимние пастбища. Зимние пастбища некоторых селений находятся в ее окрестностях и поэтому овцы и крупный рогатый скот спускаются в селения, где и зимует. Но были селения, которые вообще не имели зимних пастбищ. Жители этих селений овец держали на сухом корму, в виду чего вынуждены были держать их в малом количестве, в противном случае они должны были брать пастбища в аренду в горах или долинах. Местные климатические условия давали возможность в течение зимы держать овец на пастбищах в окрестностях селения, а сухой корм давали им только утром и вечером в определенном количестве. В течение целого года дойные коровы паслись на пастбищах, расположенных вокруг селений, так как большинство населения имело столько коров, сколько было необходимо для удовлетворения семьи продуктами. На горные летние пастбища дойных коров выгоняли те семьи, у которых было больше 10—15 голов.

Существующие на горных пастбищах пещеры, так же как и пастбища, находились в общем пользовании села или общины. Ими пользовались те, которые приходили раньше всех и ставили знак. Сильные тейпа старались постепенно превратить в свою собственность эти пещеры и большие камни, пригодные для стоянки овец. Это случалось в результате затраты определенного труда для приспособления пещер и камней под стоянку.

ловия гора» называют Цеилоам, что означает «красное место» или «солнечная сторона». Б. Г а м к р е л и д з е, краткий отчет работы этнографической экспедиции горной Ингушетии, 1962—63 гг., КЭС I, 135, (на груз. яз.).

¹⁹ В. П. Христианович. Ук. раб., 141.

Среди искусственных стоянок на пастбищах, особое значение приобретают оборонительные башни, примером чему является башня в Іоу-гие на пастбищах Чулхойского ущелья.

Чулхойское ущелье расположено восточнее Армхинского ущелья. Между ними находится гора МагІматІе; по ней проходит тропинка, которая дойдя до вершины, делится на две ветви, одна из которых идет налево в направлении ущелья р. Ассы, а другая направо (на юг), спускается вниз по направлению к Чулхойскому ущелью. Дорога идет по сенокосам вдоль ручейков. Правая идет прямо к селениям Гу и Селги — колесная и пешеходная. Эта дорога разветвляется в направлении других селений и проходя пастбища, заходит в села Хени и ЛелагІ²⁰. Эти места с конца ущелья до села Хули, называются МагІматІе и используются под сенокосы и зимние пастбища. Эти земельные угодья были разделены на отдельные участки, каждый из которых имел свое название и был разделен на части между селами ущелья. Например, Гувхошке — принадлежал селу Гу; ЭитигІ, Ханаче, Дойхехкаре, ДжагІашка — селу Хени; ЛаьлагІашке, Желашка, Мейхъахе, Неибосие — селу ЛелагІ. Эти места представляют собой склоны горы МагІматІе, которые часто имеют отвесный уклон. Большая часть этой территории, в особенности ее верхний пояс, покрыт камнями вулканического происхождения, часть из которых используется под стоянки. Башня в Іоу-гие построена между двумя огромными камнями на вершине. Она трехэтажная, лицом обращена к югу и сверху смотрит на нижний пояс ущелья. Стены башни опираются на эти камни, а фундамент передней стены выходит из под земли. У правой стены башни, под камнем, находится маленький проход для овец. Внутри камень одной стороной опирается на землю; его внутренняя сторона, имеющая уклон к центру, постепенно возвышается и переходит в перекрытие первого этажа. Ле-

²⁰ Села соединяются между собой тропинками; так же они соединены с лесом, с сенокосами и пастбищами. Сейчас все ущелье оставлено и села превращены в развалины.

вую стену первого этажа составляет второй большой камень, однако, с той разницей, что он образует прямую вертикальную стену. Задней стеной является скала высотой до двух метров, она исполняет вместе с тем функции опоры. В горной Ингушетии являлось обычным использование природных условий, в частности, скалы при постройке как башни так и жилых домов. Следовательно, среди этих двух камней, между которыми находится башня, создается своеобразная пещера, площадью приблизительно в 90 кв. м., которая имеет неравномерную форму. В нее ведут два входа, из которых один предназначен для овец. Пол покрыт утрамбованным навозом, а стены закопчены сажей. В потолке оставлено отверстие для того, чтобы подняться на второй этаж.

Башня принадлежит Чеборзу-тейпа из села ЛелагI. Она была построена специально для овец. Местность вокруг башни носит название Желашка²¹ и относилась к селу ЛелагI. Здесь были луга и зимние пастбища. Сенокосные луга население косило совместно и потом делило сено по отдельным семьям.

Подобные башни на пастбищах горной Ингушетии явление обычное. Таковы в ущелье реки Армхи гIал-гие, к северу от сел. Эрзи примерно на расстояние 3 км. Это двухэтажный дом-крепость, к которому пристроена низкая овчарня. На первом этаже и в пристроенных овчарнях находились овцы, а наверху жила семья. Местность, находящаяся вокруг гIал-гие, и здесь называется также Желашка; она используется для зимних пастбищ; здесь же находятся луга. Жители села не помнят кому принадлежал дом-крепость. По их рассказам хозяин крепости был богат, у него было много овец. Он попросил у населения разрешения построить крепость. Хозяину это разрешили с условием, что он не будет мешать жителям пользоваться пастбищем.

Около села Лежги, на зимнем пастбище, которое прилегает к селу с северо-запада, на холме выстроена трехэтажная башня. Она называется И ж а р-гI а л а, а местность вокруг

²¹ Название местности Желашка на пастбищах указывает, что оно было предназначено для овец.

нее И ж а р т е. По преданию, хозяин башни был очень богат. на первом этаже у него находились овцы, а наверху жил сам. Кроме того он наблюдал за окрестными угодьями и следил, чтоб посторонний не мог пользоваться ими. Несмотря на то, что эти пастбища были общие, без его разрешения пользоваться ими никто не мог.

В ущелье реки Ассы, на правом берегу реки, расположены земельные участки — Гиурит, Кал-гІалашка, ГІанаг-Іалче, и т. д., прилегающие к селам Таргим, Гиурит, Барэл. Ими пользовались как зимними пастбищами, находились они в их общем пользовании. В этих местах под горой Гей-лаом, выстроена башня к І а л - г І ā л а. По преданию, в селе Таргим жили следующие тейпа: Іарчакха, Гане, Малсага, Бека, Чопа; Гарбака, Пхыле, Іумар, Тимарза, Султига, ЖогІарт-хоаной. Отсюда Арчакха-тейпа отделилась от Гане а Іумар, Тимарза, Султига и ЖогІарт-хоаной отделились от Пхыле, Чимара. вышедший из тейпа, наименование которой не удалось зафиксировать, построила к І а л - г І ā л а, а Тимарза, Султига и ЖогІарт-хоаной выстроили г І а л а выше села Таргим на холме в Гиурити.

Как было отмечено выше, перечисленные башни на пастбищах являлись собственностью не отдельной семьи, а всей тейпа, так как в их строительстве принимала участие вся тейпа. Такие большие стройки превышали возможность отдельной семьи. Луга и пастбища были в общем пользовании села. Такое же положение было и в селе: вся тейпа общими усилиями строила оборонительные башни, а они также представляли общую собственность всего рода. Во время сегментации семей башня оставалась неприкосновенной, она не разделялась. Вновь создаваемые семьи группировались вокруг тейповой башни и таким образом формировали в селе отдельные кварталы.

На примере Гиурити видно, что развитие овцеводства имело значительное влияние на поселение. В одном случае зажиточные тейпа строили башни и дома-крепости на пастбищах, что создавало повод для окончательного присвоения этих мест; во втором случае села появляются непосредственно на горных пастбищах. Население для жилья ищет такие при-

родные условия, которые способствуют развитию своего ведущего и растущего хозяйства, для чего жители не стеснялись даже вырубать леса. Все это отразилось в народных легендах и сказаниях. Такова легенда об основании села Эгикал, по которой старый род Забиева жил недалеко от вершины горы Цй-лоам. Эти были далекие предки жителей села Эгикал. Однажды осенью Забиевы потеряли семь овец. Весной несколько человек ушло на охоту и один из них увидел овец, которые были потеряны осенью; они были в пещере. Охотники, после того как осмотрели пещеру, заметили не только овец, но и ягнят. Охотники вернулись в село и рассказали об этом своим родственникам. Старики удивились тому, что скот, который был целую зиму потерян, даже размножился. Поэтому они спустились вниз, где сейчас село Эгикал, и подошедши к пещере, узнали своих овец. Вернувшись, они рассказали односельчанам. Жители этого селения посоветовались между собой и с той целью, чтобы найти лучшие условия для развития скотоводства, а особенно овцеводства, переселились в эти места и основали с. Эгикал²².

²² Г. К. Мартиросян. Ук. раб., 44. Автором эта легенда записана от жителя села Эгикал Шахбота Газдиева. По материалам, записанным нами, в село Эгикал первым пришел Эги. До того он жил на горе, эти места же были покрыты лесом. Однажды когда Эги шел на охоту здесь в пещере он нашел овец, которых потерял несколько месяцев тому назад. Кроме того, что овцы здесь хорошо перезимовали, они даже размножились, Эги понравилась эти места и поэтому он первым поставил камень (знак). С тех пор село называлось именем Эги—Эгикал.

Г. Г. ГЕГЕЧКОРИ

ЖИЛИЩА ТИПА «ЦІА» В УЩЕЛЬЕ РЕКИ АРМХИ И ЕЕ ПРИТОКОВ

Ущелье реки Армхи и ее притоков расположено между отрогами Центрального Кавказиони. Оно представляет собой часть нагорной Ингушетии и занимает ее западную область. Северную границу ущелья составляет линия Скалистого хребта. Восточная часть, верховья ущелья, примыкает к Ассинскому ущелью, с юга граничит с Казбегским районом Грузинской ССР, а с запада — Военно-Грузинской дорогой, включая правый берег реки Терек. Длина ущелья достигает 22 км.

Полевые материалы, собранные нами в 1962—1964 гг., дают возможность определить распространенный в XIX в. в описанной выше части горной Ингушетии тип жилищ. В этом отношении наибольший интерес представляют два типа: многоэтажные дома-крепости *glāla* и одно—или двухэтажные многокамерные помещения с плоской крышей — *цІа*. Первый тип жилища представляет собой каменное трех-четырёхэтажное сооружение. По своей архитектуре и строительной технике эти дома являются оборонительными строениями. Второй тип, со слов сказителей, начали строить после присоединения Кавказа к России, с наступлением мирного времени. Одно—и двухэтажные жилища, в основном, существовали в селах, расположенных по ущельям реки Армхи и ее притоков (Хулхой, Шони). О подобных жилищах в центральном ущелье нагорной Ингушетии (ущелье реки Ассы и ее притоков, кроме Цоринского ущелья) мы ничего кроме пред-

положений сказать не можем, так как в этих аулах они уже полностью исчезли (Таргим, Эгикал, Хамхи, Нижний, Средний и Верхний Одзик, Леими, Кхарт, Дошахл, Бархни и др.)¹. Это подтверждается данными некоторых авторов² и собранным нами полевым материалом. Можно сказать, в Ассе, в частности в Цори, цла имели распространение. По данным Г. К. Мартиросиана, опубликованными после описания Н. Ф. Грабовского и Г. А. Вертепова, которые не упоминают жилища типа цла, вообще жилища в нагорной Ингушетии несколько не изменились: «Лишь в некоторых аулах можно наблюдать теперь смешанного типа постройки. Башня в целом сохранена, но часть переделана на новый, несколько городской лад»³. Изменения такого рода Г. Мартиросиан отмечает в сел. сел. Мецхал, Фуртуог, Салги, Таргим. Г. К. Мартиросиан упускает из виду существование жилищ типа цла не только в аулах Ассинского, Чулхойского и Армхинского ущелий, но и во всей нагорной Ингушетии. Он пишет, что «почти ничего не изменилось в отношении жилищ горных ингушей»⁴. Однако, тут же, на стр. 45 он приводит фотоснимок общего вида аула Вовнушки (Цоринская община), по которой ясно можно различить одно—и двухэтажные строения с плоской крышей, т. е. жилище типа цла.

Как будет видно из нижеприведенного описания, жилища типа цла содержат некоторые элементы башни глала (каменные столбы на известковой кладке — хирibox, каменные стены). Однако закономерен вопрос: если в аулах Центральной Нагорной Ингушетии, кроме жилых башен, строили и цла, почему исчез их след — в виде каменных столбов, в то время, как столбы жилых башен все еще прочно стоят. Возможно, здесь имеет место такое же явление, как и в

¹ В указанных селах в данное время есть только полуразрушенные дома-крепости глала и башни влов, кое-где обнесенные остатками крепостных стен.

² Можно назвать фотографию общего вида аула Вовнушки (Цоринская община), приведенную в работе Г. К. Мартиросиана. Нагорная Ингушия, ИИНИИК, Владик., 1928 г., 45.

³ Там же, 67.

⁴ Г. К. Мартиросиан, Нагорная Ингушия; 67.

Грузии, в частности в Мтиулеті. По примеру одного мтиужьского ущелья (Хандо) в домах с плоскими крышами в основном преобладали деревянные детали. Такие же дома другого ущелья Мтиулеті (Хада) строились из камня, на сухой кладке. Для последних также характерны каменные столбы (кула). Если подобную аналогию возможно применить и в отношении Ингушетии, то можно предположить, что жилища типа цІа были характерны для всей горной Ингушетии.

Существование жилища типа цІа со второй половины XIX в. можно доказать и материалами, собранными нами во время экспедиции по ущельям реки Армхи и ее притоков. Опишем два дома — один из сел. Хули, а другой из сел. Джаррах. По преданию дому из Хули сто лет, в другом же родился и вырос наш информатор 72-летний Орцхо Исеевич Цуров. По его словам цІа были распространены по всей горной Ингушетии.

Аул нижний Хули (фото № 1) расположен на пригорке в ущелье Хулхой, которое около аула Шони присоединяется к ущелью Армхи. Дом, принадлежащий Сахрату Мурсалиевичу Хадзиеву, находится в нижней части аула. По преданию он самый старый в ауле (фото № 2). Это одноэтажное прямоугольное жилое помещение с плоской кровлей. По всей его длине расположен балкон — ичи, над которым нависает продолжение плоской кровли. Передняя и левая боковая деревянные стены обмазаны глиной и выбелены известью, остальные две каменные стены — сухой кладки. Перед домом довольно просторный двор — коув, слева он укреплен каменной оградой тоже сухой кладки, правая же сторона упирается в склон горы. Напротив дома в ограду встроены длинные деревянные ворота с поперечными просветами. Они с одной стороны прикреплены к довольно толстому столбу, с другой стороны, закрепляясь упираются в столб меньшего размера и запираются на деревянный запор. Во дворе, слева от большого дома, на четырех столбах стоит плетенный курятник, рядом с ним хлев — к х и й; к нему примыкает однокомнатное небольшое помещение. Тут жила семья, которая в данное время спустилась на жительство в долину. Посередине двора стоит столб с коротко подпиленными сучьями для

привязи лошади. Весь двор и площадь под постройками расположены на сухой каменной почве.

В нагорной Ингушетии существовали свои народные обычаи, связанные с постройкой дома. Выбирая участок, спрашивали совета стариков. Указанный ими участок, несмотря на то, что за ним наблюдали много лет, проверялся разными способами. Маис Логаевич Чахкиев (68 лет) вспоминает, как выкапывали яму и наливали в нее молоко. Если молоко не рассысывалось, т. е. почва оказывалась твердой, участок признавался годным, в противном случае искали новое место. Иногда действовали по-другому. На нескольких участках ставили деревянные или глиняные миски с водой. Если к утру в миске не хватало воды, почва признавалась неустойчивой. Дом строили только там, где миска оставалась полной. Учитывались и возможные обвалы и направление ветров, рельеф ущелья, характер склонов гор, течение рек, количество питьевой воды, расположение угодий...

После соблюдения всех указанных предосторожностей, застройщик вместе с родственниками и соседями «освящал» землю и, принося жертву (белый баран), просил у бога благополучия дому⁵. С этого дня застройщик заготавливал строительный материал, сваливая его прямо на месте строительства.

Деревья срубали в ближайшем лесу, выбирая, конечно, наиболее твердую породу. Рубили топором с длинной рукояткой. Валить лес можно было до цветения, поскольку считалось, что цветущее дерево теряет свои качества. Деревья нельзя было рубить по пятницам⁶. В старину рубить дерево, или даже запрягать волов по воскресным дням считалось большим «грехом».

Камень для строительства домов свозили с ближайших каменоломен в горах, или с берега реки. Иногда с этой целью разбирались старые дома или крепости. В заготовке стро-

⁵ Такой же ритуал выполнялся и при строительстве дома-крепости.

⁶ Житель аула Тарской Абдул Шамович Гуражоу (72 лет) рассказывает, что в старину, во времена его дедов, пятница не была праздничным днем.

ительного материала застройщику помогали родственники и соседи. Камень таскали арбами и в специальных приспособлениях мокхор ги бел а, укрепленных на спине, к большим же бревнам припрягали пару волов. Форма взаимной помощи, которая предусматривала участие и человеческим трудом и тягловой силой, называлась то ба или ба л х и. Хозяин же будущего дома должен был поставить достойное угощение, иначе он становился посмешищем всего аула. Серый, горный сланец не требует обработки; его укладывают в стены, плотно подгоняя камни с и й н а к х е р а друг к другу. Каменные стены опираются на скалу; она используется как фундамент дома. Если в какой-то части нужно было специально уложить фундамент, землянные работы выполнял сам хозяин, кладкой же занимался мастер (как правило, местный). Он старался камни вплотную пригнать друг к другу и никогда не пользовался скрепляющим раствором. Затем стены поднимались одновременно во всех частях дома.

Во всех помещениях, кроме хлева, пол был из плотноутрамбованной земли, в хлеве же он выкладывался сланцевыми плитами.

Переднюю и левую боковую стены выкладывали из камня, вторые две — из пополам разрубленных бревен. Заостренными концами эти бревна сверху и снизу упираются в гнездо, специально вырубленное по всей длине поперечных балок. Топором обструганные четырехгранные балки прерываются в тех местах, где в стену встроены каменные столбы. В передней стене таких столбов два и их высота, как и высота стен дома, не превышает 2,5 м.

Кровля дома, как уже говорилось, плоская, покрытая глиной. Она держится на главной балке о а р ц, которая в свою очередь обоими концами опирается на боковые стены дома. Поперек этой балки укладываются балки поменьше г I а й б а, затем кладутся расколотые пополам мелкие бревна б и к и, сверху рубленое сено, поверх него земля со щебнем и, наконец, глина, которая утрамбовывается специальным приспособлением (т I о а л б а). Так создается плоская кровля — б а д а. Во всех помещениях двери одностворчатые и распо-

жены посередине передней стены. Окна небольшие и четырехугольные.

Дом состоит из четырех комнат и балкона. У каждой комнаты свое назначение и свое название. 1. Материнская комната — нан цІа, 2. Маленькая комната — зІа ми га цІа или ха ма жол кол цІа, 3. гостинная — хьаьш цІа, 4. Комната молодоженов нускл цІа.

Материнская комната была самой большой комнатой и предназначалась для женщин; принимать в ней гостей считалось недопустимым. Здесь посередине комнаты строился и очаг — кхурч. В потолок при помощи специального крепления — да кжол — была вделана цепь (зІи), на которой подвешивался котел и плоский камень для выпечки хлеба. Сам очаг был четырехугольным, слегка выгнутым; он со всех концов обложен плоскими камнями. Здесь хозяйки готовят обед, а члены семьи греются у огня и занимаются рукодельем. Дым выходит через отверстие в потолке. Мужчины занимают правую сторону очага от дверей, а женщины левую. Во время трапезы старший мужчина семьи вместе с женой садится во главе длинного низенького деревянного стола; слева от него по старшинству садятся мужчины, справа — женщины. На стене со стороны женщин висят гребень чакки и веретено йоачІиг. Ночью семья спит в этой же комнате на длинной деревянной тахте паднар, приставленной к стенке. Над той стороной тахты, на которой обычно спали старшие члены семьи, висело оружие хозяина. ЗІа ми га цІа — самая маленькая комната — в основном используется как кладовая для продуктов — масла в кхабилг, молоко в хІанги, сыра в пед. Тут же хранятся ящики из-под муки, всевозможные бочки, старый сельскохозяйственный инвентарь, а на полках стоят миски.

Для гостей предназначена отдельная комната именуемая также ѓл-цІа. Члены семьи редко заходят сюда. Если гость мужчина — его с помощью невестки или младшей дочери принимает хозяин дома, за женщиной же ухаживает сама хозяйка.

В нускл цІа обычно помещают молодоженов. Вначале невеста все свое время проводит в этой ком-

нате, принимая подруг и родственников. Если же в доме одновременно две новые брачные пары — одну из них на время помещают в гостиной. Немного погодя, с помощью братьев и родственников, молодые строят отдельный дом.

Комнаты разделены стенами из брусьев, расколотых пополам и оштукатуренных глиной; все они сообщаются между собой посредством балкона, который тянется во всю длину дома.

Хлев расположен справа от дома. Он, наподобие жилой комнаты, прямоугольной формы. Две стены, передняя и правая, деревянные, с обеих сторон оштукатурены глиной, в которую замешивается солома; две остальные стены — сухой каменной кладки. Кровля полностью воспроизводит перекрытие главного дома. Изнутри ее подпирает несколько не очень крупных балок, которые в свою очередь опираются на плоские сланцевые плиты. Такими же плитами выложен и весь пол. Здесь обычно помещается крупный рогатый скот. Существует определенный порядок расположения скота: сперва привязываются коровы, затем быки; молодняк же ставится к левой стене.

Между стеной и дощатой перегородкой устроены ясли; сюда сыпят корм для скота. С двух сторон этой перегородки забиваются колья, которые и удерживают ее. Они же, будучи немного выше ясель, используются для привязи скота.

Пол выложен, как уже говорилось, сланцем, поэтому выгребать навоз и содержать хлев в чистоте нетрудно.

Описанный дом, как и все примыкающие к нему подсобные помещения, граничит с соседним домом. Обычно же плоская крыша одного дома используется как двор дома, расположенного выше него.

Для того, чтобы более полно представить себе жилище типа ц I а, следует обратить внимание на дом, построенный в 1869 г. (дата высечена на стене дома) в ауле Джайрах.

В данное время он, правда, частично разрушен; обвален второй этаж и местами провалена крыша первого, но восстановить по рассказам его первоначальный вид не представляет трудности. В этом нам помог нынешний хозяин дома О. И. Цуров.

Дом стоит над скалистым оврагом и для предохранения двора (если можно так назвать маленький клочок каменной земли перед домом), с края оврага возведена подпорная стена. Порядок подбора участка, выполнения обычных при закладке дома ритуалов, заготовки строительных материалов и т. д. повторяется во всех случаях (имеется в виду жилище типа цIа). И все-таки этот дом представляет интерес, так как отличается от первого по форме и, будучи характерным для типа цIа, все-таки содержит некоторые элементы жилища гIала. По сравнению с первым домом, он создает впечатление укрепленного помещения, но рядом с гIала выглядит довольно незащищенным. Таким образом он является как бы промежуточным звеном между цIа и гIала.

Этот дом построен на сухой, каменной кладке. Он двухэтажный, четырехугольный, сбоку к нему примыкает хлев. Стены довольно толстые, в передней и правой оставлены отверстия для света пенI и Iург. В передней стене первого этажа имеется вход, с запирающийся на запор (гIув) дверь. Через дверь в левой стене проходят в хлев. Задняя стена целиком, от самого фундамента, упирается в скалу. На скалу опирается и фундамент всего дома.

С центра первого этажа возведен четырехугольный каменный столб⁷, который проходит сквозь оба этажа. Посередине столба имеются выступы, которые используются для укладки головок центральных балок межэтажного перекрытия. Противоположные концы этих балок заложены в боковые стены. На верхушку же столба опирается вся кровля.

Первый этаж, который не разгорожен, также как и второй, использовался под жилье всей семьи. Тут был очаг, хранилась посуда для продуктов (масла, сыра, молока, муки), миски и весь домашний инвентарь.

Между этажами сообщение осуществляется через лаз, кроме того, в задней стене второго этажа имеется выход, а в боковой стене—световые отверстия и ниши. На втором этаже очага нет. Семья, живущая наверху, к огню спускалась вниз.

⁷ При строительстве таких столбов пользуются известковым раствором.

Данные о существовании жилищ типа гIаIа имеются у многих исследователей и путешественников⁸, но в отношении строений типа цIа сведений нет⁹. Данная работа является попыткой описать жилище этого типа. По этнографическим материалам, собранным нами, можно установить, что строения типа цIа со второй половины XIX века становятся одним из самых распространенных типов жилищ. Они и до настоящего времени сохранились в некоторых аулах в пережиточном виде.

⁸ Н. Ф. Грабовский, Г. А. Вертепов, Г. К. Мартirosian, Н. Яковлев и др.

⁹ Если не считать данных Н. Яковлева, которые содержат описание жилищ ингушей типа цIа, встречающихся в низменностях.

ТРАНСКРИПЦИЯ ТЕРМИНОВ (на основе латинского алфавита *)

а

аафаз балц āfaz balc 151
аапста āpsta 87, 151
агварта agvarta 93
арчхо-гIалаш arčxo-γālāš 217
аул ōw! 89
ашхаруа ašxaruа 15
ахашвла ахаšvla 134
а-хьрта а-хəрта 93
аьккаш 'āxkaš 98
атинæг atynäg 99
āга бер 'āga bjer 234
āрц 'ārc 47, 48

б

бавш || бавшви bavš || bavšvi 228
бацо басwo 16
баьри || майра bāri || majra 161
баьчча bāčča 205
бераш beraš 227, 234
бежа Iy beža 'u 241
бепшу || бобши bepšw || bobši 228
бихйера вежарий bixjera vežarij 227
бIахо bwaxwo 124
бIо bwo 60, 124, 125

бIов bwow 44, 60, 70, 73, 124
боккхий йистий boqqij jistij 235
боккхий nāx boqqij nāx 235
божа boža 241
боши boši 228
божал božal 46
бубенбац вежарий bubenbac ve-žarij 224
бухера тайпа buxlera tajpa 177, 179

в

вāрзан vārzan 71
ваша vaša 229
вашо vašo 229
ваьр vār 72, 113, 114, 174
веназ || вениз venaz || veniz 123
вежарий vežarij 227
вежи veži 229
вIов vwow 43, 60, 73
воI vo' 227
вIоу-гие vwow-gie 244
вожи voži 229
воккха sag voqqa sag 132, 140, 235
воти voṭi 232
воша voša 227, 228

*) По техническим соображениям транскрипция терминов, упоминаемых в «Очерках», дана не в основном тексте, а в виде отдельного приложения.

gāza вошал gāza vošal 158
 гала gala 106
 гæнæх gānāx 57
 гаргара дайш gargara dajš 114
 гаргара кха gargara qa 92
 гаргара нāх gargara nāx 226
 гаре къана gare qana 93
 гāйнар gānar 114
 гāйнара вежарий gānara vežarij 227
 гāйнара кха gānara qa 92
 гāла gāla 21, 43, 48, 245, 246, 248, 255
 гāим gāim 48
 гāйба gājba 46, 252
 гāл gāl 48
 гāлгā gālā 11, 15, 20, 21, 27, 30, 34
 гāлгāйчиē gālājčjē 21
 гāлгāй gālāj 204
 гāлмкхо gālmqwo 16
 гāп gāp 44, 77, 162
 гāр gār 175
 гāър gār 139, 141, 143, 149, 150, 151, 162, 219
 гāебарто gājēbartwo 16
 гāер gāer 98
 гāу gāu 97
 гāув gāuv 255
 гāуй gāuj 49
 гāумки gāumki 16
 гвāж gwāž 229
 гуржий guržij 16
 гуържие gūržie 16
 гутани gutani 96
 глигви glijvi 17, 20, 22, 34
 готан gwōtan 96

дā dā 115, 227, 228, 232
 дā-нāна dā-nāna 227
 давлачи dawlači 149
 дакжол dakžol 253
 даха-цā dāха ča 64
 дахчийнох daxčijnoх 96
 дахчан тхов daxčan txow 65
 даь воша dā voša 232
 даь веший сјесар dā vešij sjēsag 232
 даь вежарий йистий dā vežarij jistij 232
 даь йижарий бига найцарий dā jizarij biga najcarij 232
 даь йижарий моаруой dā jizarij moarwoj 232
 даь йиший мār dā jišij mār 232
 даьхуо dāxwo 232
 даьхуой dāxwoj 232
 даьций dācij 232
 даьцарий dācarij 232
 дēзал djēzal 114, 176,
 депан depan 153
 дēн dā || dā dēn dā || dā 228
 джолты žoltē 61
 джамалатан латта žama‘atan lā-tta 102
 джилджуру žilžuru 151
 дзвели мамани zveli mamani 177
 дзири žiri 114, 177
 дзириш мехубарар žiriš mexwba-rar 115
 дзма zma 229
 дзогlал zoγal 65
 дзурдзуки zurzūkī 17, 27
 доаа doā 179

довхо dōuħwō 189
догерек-узден dogerek-uzden 133
дукъу duqu 47
дявлизир dāwlizir 149

е

елца ēlca 253
ѐсар 'ēsar 137, 139, 141, 148
ѐсар бериш 'ēsar beriš 138

ж

жерlота žeyota 240
жекарт žekart 241
жемотт žemott. 241
желашка želaška 245
жела žjēla 46
жlов žwov 71
жlормак žwormak 121, 122, 123

з

заит сахли zait saxli 58
зеда твали zeda tvali 57
зlамига цlа zwamiga ца. 253
зlенaш zwānaš 123
захалаш захалаš 234
захалаш гаргара нāх захалаš
gargara nāx 233
зlē zwē 49
зlи zwij 253
зlамига сар zwamiga sag 235
зlамига йиlиgаш zwamiga ji'igaš
234
зlамига йиlиg zwamiga ji'ig 234
зlамига кlаьнк zwamiga kānk 234
зlамига кlанькаш zwamiga kānkaš
234

и

иесыр jesər 150
иoI jo' 227, 235

истара вошал istara vošal 158
ичи iči 250

й

йижарий jīžarij 227
йиlиg ji'ig 234
йикъер nāx jiqjer nāx 132
йикъер наькъе jiqjer nāqje 133,
159, 161, 163, 220
йисти jistij 233, 235
йиша jiša 127, 228, 229
йихера jixjēra 114
йoарlуг joačig 253
йoал joal 139
йоккха сар joqqa sag 235

к

каи къма kai qma 144, 145, 162
кагий nāx kagij nāx 235
къара-узден qara-uzden 133
карудзин qaruzdin 133
кlал-гlāла kal-γāla 246
карта qarta 93
квиткири kvitkiri 57
керт kjert 93
кlир kir 70, 83
кисти kisti 16, 19, 27, 34, 204
квал kwal 48
къма qma 145, 102, 103, 104
кмари kmari 233
кор kwog 47
кожелг kōžalg 52
кортиш korgiš 64
ком kom 87
кор kwor 65
коув kowv 250
къала qala 88
къара ѓздин qara jozdin 133
къул qul 134
кlōтар kōōtar 89

кIахика мехубарар kaxikā меху-
 барār 115
 кIоитаи koitai 58
 кIул қул 138
 кырт kərt 93
 куп қур 89, 113, 179
 кхор kor 153
 кхабилг qabilg 253
 кхал нāх qal nāx 235
 кхал саг qal sag 235
 кхаьлла qālla 88
 кхеллий qāllij 88
 кхелам qjelam 187
 кхē qē 88
 кхерий бIоарIа qerij бwoауа 240
 кхерч qerc 49
 кхиел qjel 88, 187, 186, 200
 кхиела хой qjēla xwoj 186, 188
 кхий qij 64, 88, 84, 98, 239,
 250
 кхийна зIамига саг qijna zwa-
 miga sag 235
 кхийна мехкарий qijna mexkarij
 235
 кхийна йоI qijna jo' 235
 кхийна кагий нāх qijna kagij
 nāx 235
 кхийра qijra 126
 кхийра тоьхна qijra tōxna 126
 кхийра пхьēIа qijra пхьēуа 126
 кхийра кхаба qijra qaba 126
 кхоаччар гаргара нāх qoaččar
 gargara nāx 226
 кхувш боарIа мехкарий quvš
 боауа mexkarij 235
 кхувш боарIа кагий нāх quvš
 боауа kagij nāx 234, 235
 кхувш боарIа зIамига саг quvš
 боауа zwamiga sag 234, 235

кхувш йоарIа йоI quvš joауа
 jo' 235
 кхурч qurč 253
 къали qali 48
 къāнуой qānwoj 205
 къазбика-цон qazbika con 170
 кхъорг qorg 64
 къонгиш qwongiš 227
 къаьна зIамига саг qāna zwa-
 miga sag 235
 къаьна йол qāna jo' 235
 къуōнах qwōnax 235
 къуōнахий qwonaxij 235
 къуэ qoā 87
 кязайраг қjazajrag 150

Л

лай laj 133, 148, 149, 159, 205
 лакхе laqjē 113
 ламткъвир lamtqwir 154
 ланкIав langaw 98
 лахера цIа laxjēra ца 49
 лей lej 132, 134, 139, 157, 163
 лəг lāg 134
 лимару limarw 233
 лыг ləg 157
 лоамарой loamarwoj 15
 локхе loqe 113
 локхер laqjēr 90
 лыкырта ləkərta 53

М

магIара мауара 90, 113
 майра maira 162
 маIа саг ма'а sag 235
 маIа нāх ма'а nāx 235
 маьждыган цана māždəgan сана
 184

мажиб mažib 154
 махви махvši 155
 маехкæлон māqālon 15
 мār mār 233
 марцлей mārcej 233
 маъждиган жа māždigan ža 101, 184
 маъждиган цана māždigan cana 101, 184
 маъждиган кха māždigan qa 101
 мдзахали mḡaxali 234
 мегандзури meganžuri 191
 мегмем khop megmem kor 154
 метаве metave 188
 мехк кхел mexk kxjēl 205, 206
 мехкарий mexkarij 227, 235
 моартол тхов moartol txow 65
 моаруой moarwoj 233
 моґриш moґriš 97
 мокъме moqme 145
 мотт mwott 241
 мохчий moxčij 227, 229, 230
 мтиули mtiuli 15
 муркъвам murqwam 153
 мусадиа musadia 234
 мятцель mjaṭcel 100

Н

нан цла nan ца 253
 нане nanə 228
 найц najc 233
 найцарий najcarij 233
 накхах доалла бер nāqax doalla ber 234
 наъна йиша nāna jiša 233
 наъна йижарий nāna jižarij 233
 наъна веший nāna vešij 232
 наъна вежарий nāna vežarij 232

наькъе nāqjē 114
 наьций nācij 232
 некъи njēqij 175, 177
 нецаш necaš 233
 несарий nesarij 233
 нихаш nəxaš 98
 ноанхуой noanxwoj 232
 нохчий noxčij 16
 нускал цла nuskal ца 253
 ныгаш nigaš 99

О

оарц 'oarc 250
 ога 'oga 47
 оздой ozdoj 112
 оґларґали oґarґali 98

П

памли pamli 156
 пехони pexoni 98
 петI peṭ 88
 пховели pxoveli 16
 пхъа phəa 89
 пхъе phəe 89
 пхъегIa phəeɣa 89, 98, 172
 пхий pxij 16, 20
 пхьоьха phəḡha 89, 98
 пхьоха phəoxa 89

С

саамджно saamžno 98
 садзрохе sažroxe 57
 сакъмо saqmo 105, 106
 сакъмо-сагlexo saqmo-saglexo 102
 сакъмо-сариго saqmo-sarigo 107
 сакулухо мица saḡuluxo miça 106

сала-уздени sala-uzden 133
 са-нахш-о sa-naxš-o 98
 сапехно sapexno 89
 сатемо мица satemo miça 104
 сахато мица saxaṭo miça 102,
 104
 сахIсар saqsar 155
 саъниад sāniad 170
 свип svip 89, 98
 сдзали szali 234
 сийсыз ёзден sijsiz jozden 133
 сийлы ёзден sijli jozden 133
 сийнакхера sijnaqera 252
 сйесар sjesag 232
 -сопели sopeli 89
 сюййли sūlij 16

Т

тави tavi 83
 тайпа tajpa 173, 176, 177
 тайпах гаргара nāx tajрах gar-
 gara nāx 226
 тапанта ṭapanta 15
 тарханлагте tarxanlāgtə 188
 таулу ṭaulu 15
 тейпа tejpa 69, 107, 110, 111,
 112, 113, 114, 158, 174, 175,
 179, 220
 тейпа цон tejpa con 169
 тиема цIа tiema ça 64
 тIавегIа вошал ṭaveṭa vošal 158
 тIемло ṭemlwo 124
 тIехъашкара кха ṭehəaşkara qa 92
 тIо ṭwo 124, 126
 тIоалба ṭoalba 252
 товха towxa 49
 тIом ṭwom 124

тохум || тухум toxum || tuxum
 176
 тIулга-Iад ṭulga-ʿad 121, 122
 тукхум tuqum 176
 тIулг ṭulg 126
 тIулг тоьхна ṭulg tōxna 126
 туш-бацоё tuš-bacoj 16
 тхвим txwim 83
 тхов txow 48, 65, 83

У

уканкъана uqanqana 53
 унаут wənāʿot 134
 ущей уссьеј 233

Ф

фаьппи бацоё fāppi bacoj 16

Х

хамажол кол цIа хамажол kol
 ça 253
 ханнал кваланг хannal xvalang
 150
 хIанги bangi 253
 хар-khвабит шемокрилоба хар-
 kwabit šemoqriloba 158
 хатис-къмоба хaṭis-qmoba 102
 хаьша ниI хāša niʿ 64
 хвециI хвеci 193, 194
 хе хе 83
 хелис мамкиде xelis mamḱide
 188
 хелити хелiti 187
 хелити дзроха хелiti ḱroxa 188
 хелхом хелhom 187
 хийра гаргара nāx xijra gargara
 nāx 226

хИинцалѣра тайпа hincalēra tajpa

177, 179

хирибох xiribox 249

хИирий hiriј 16

хой xwoј 15

хъай həaj 239

хъойда həojda 47

хъалишкара кха həališkara qa
92

хъаша цІа həaša ça 64, 253

хъех həex 240

хъовхъе həowhəjē 87

ц

цІа ça 44, 46, 249, 250, 254
255

цІеилоам çeijloam 243

цІенда cјendā 139

цІерахъе cераhəjē 87

цІин къана cін qana 93

цІой-бацой cој-bacoј 16

цІурко cурko 65

цхъа да витина chəa da vitina
175

цхъан цІйна нāх chəan cјjna
nāх 226

цхъан баха chəan bāха 224

цхъанбаха вежарий chəanbāха
vežariј 224

ч

чІарІарг çayarg 63

чагма бацой çayma bācoј 16

чардах çardax 84

чакки çaxki 253

чегыркъ çegərq 63

чІергаш çergaš 240

чІерхо çerxo 58

чІож çož 87

ш

ший боахам šij boaxam 169

шида твали šida tvali 57

шина къана šina qana 93

ширдолаг širdolag 121, 122, 124

шича šiča 230

шичлаI šičla' 230

шури гаргара nāх šuri gargara
nāх 226

шучий šučij 229, 230

э

эвла 'evla 88

эІара 'eγara 90

эзди 'ezd 132, 133, 159, 161,
163

эзди нах 'ezdi nāх 132

эзди тейпа 'ezdi tejpa 132

экъа 'eqa 70

эрда-бІогІам 'erda- bəayam 47,
52

эскар eskar 124

эху 'exu 87

ю

юрт jurт 88, 180

юкъ juq 89

юкъара juqara 179

я

ясир jasir 149

І

Іаьржа хъу 'ārža həu 242

ІаддарІа 'addarγa 122, 123

Іанди 'andi 16

Іатта вошал 'ātta vošal 158

Іурр 'urg 255

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКАК — Акты, собранные кавказской археографической комиссией
АЭС — Археолого-этнографический сборник
ВДИ — Вестник древней истории
ВЕ — Вестник Европы
ВИНК — Вопросы истории народов Кавказа
ВС — Восточный сборник
ДЧИ — Древности Чечено-Ингушетии
ЗВОРАО — Записки восточного отделения русского археологического общества
ЗКВ — Записки коллегии востоковедов
ИАН — Известия Академии наук
ИИНИИК — Известия ингушского научно-исследовательского института краеведения Чечено-Ингушской АССР
ИИЯИМК — Известия Института языка, истории и материальной культуры Груз. филиала АН СССР
ИКМ — Известия краеведческого музея Чечено-Ингушской АССР
ИКОРГО — Известия кавказского отдела русского географического общества
ИР — Избранные работы Н. Я. Марра
ИЧИНИИИЯЛ — Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
ИЭСОЯ — Историко-этимологический словарь осетинского языка В. И. Абаева
ИЮОНИИК — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения
КСИА — Краткие Сообщения института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие Сообщения института этнографии АН СССР
КЭС — Кавказский этнографический сборник
МЭГ — Материалы по этнографии Грузии
САН — Сообщения Академии Наук

- СМЭ — Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дагковском этнографическом музее
- ССК — Сборник сведений о Кавказе
- ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах
- ССТО — Сборник сведений о Терской области
- СЭ — Советская этнография
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
- ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
- ТРАГФ — Тексты и разыскания по армянско-грузинской филологии
- ТС — Терский сборник
- ТТГУ — Труды Тбилисского государственного университета
- УЗИИЯЛ — Ученые записки института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
- ЦГА СОАССР — Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР
- ЧИЭЭ — Чечено Ингушская этнографическая экспедиция
- ЭО — Этнографическое обозрение
- ЯМ — Язык и мышление

Список иллюстраций
к статье А. Робакидзе «Жилища и поселения»

1. Вход в укрепление ЭгчIож (Г. Гегечкори, 1966)
- 2а. План I и II этажей жилища Уицима Даоева, Шарой, Чечня (В. Бежанов и Т. Миндиашвили, 1965)
- 2б. Разрез и фасад жилища Уицима Даоева
3. План и разрез жилища Хаси Магомегова, Хакидой, Чечня (Н. Иваненков. Горные чеченцы, ТС, № 7, 1910, таб. VI)
4. План и разрез жилища Курбана Хусейнова, Хакидой, Чечня (Н. Иваненков. Горные чеченцы, таб. VII)
- 5а. План и фасад жилища Адула Муслимова, Хой, Чечня (В. Бежанов и Т. Миндиашвили, 1966)
- 5б. Разрез I—I, II—II и III—III жилища Адула Муслимова
- 5в. Перекрытие жилища Адула Муслимова
- 5г. Интерьер жилища Адула Муслимова
6. Фасад жилой башни из сел. Фылхын, Ингушетия (Т. Горгадзе, 1963)
7. Фасад жилой башни Гамбот-тейпа из сел. Кашет, Ингушетия (Б. Гамкредидзе, 1963)
8. План и разрез жилого комплекса Охор-наыкье из сел. Фуртоуг, Ингушетия (Т. Горгадзе, 1964)
9. Общий вид селения Таргим, Ингушетия (Т. Горгадзе, 1964)
10. Разрез жилой башни из сел. Хусар, Северная Осетия («Народы Кавказа», I, М., 1960, 319)
11. Жилая башня Хевсурети, Грузия (С. Макалатия. Боевые и оборонительные постройки в нагорной Грузии, Тб., 1945, рис. рис. 17, 18, 19)
12. План, разрез и фасад жилой башни из сел. Парсма, Грузия (Г. Лежава и М. Джандиери, 1939)
13. Жилая башня Уокули, Грузия (А. Рамнишвили, 1957)
14. План и разрез жилого комплекса Цурой-тейпа из сел. Джайрах, Ингушетия (Т. Горгадзе, 1963)

15. Фасад жилого комплекса Цурой-тейпа (М. Сахокиа, 1957)
16. Оборонительная башня с каменным мешком из сел. Кошк, Ингушетия (Р. Капанадзе, 1963)
17. Общий вид селения Эрзи, Ингушетия (Т. Горгадзе, 1963)
- 18а. Сил—святилище из сел. Морч, Ингушетия (Б. Гамкрелидзе, 1962)
- 18б. Сил—святилище из сел. Тумаг, Ингушетия (Т. Горгадзе, 1964)
- 19а. План I и II этажей укрепленного жилого комплекса Хани-тейпа из сел. Хани, Ингушетия (Т. Горгадзе, 1963)
- 19б. Фасад и разрез жилого комплекса Хани-тейпа
- 20а. План I этажа жилого комплекса из сел. Эгикал, Ингушетия (Т. Горгадзе, 1964)
- 20б. План II и III этажей жилого комплекса из сел. Эгикал
- 20в. Разрез I—I и II—II жилого комплекса из сел. Эгикал
21. План и разрез жилого комплекса Шивиани из сел. Млета, Грузия (Т. Горгадзе, 1964)
22. Общий вид селения Эгикал, Ингушетия (Т. Горгадзе, 1964)
- 23а. План жилого комплекса Э. Гвидани из Мулахи, Грузия (Т. Горгадзе, 1962)
- 23б. Разрез жилого комплекса Э. Гвидани
- 24а. План I этажа жилой башни Кушти-тейпа из сел. Дохоргешт, Ингушетия (Т. Горгадзе, 1963)
- 24б. План II и III этажей жилой башни Кушти-тейпа
- 24в. Разрез жилой башни Кушти-тейпа
- 25а. План I, II и III этажей жилого комплекса Мурзабек-тейпа из сел. Ингушетия (Т. Горгадзе, 1963)
- 25б. Фасад и разрез жилого комплекса Мурзабек-тейпа
- 26а. План и фасад жилого комплекса Надираани из сел. Арахвети, Грузия (Т. Горгадзе, 1962)
- 26б. Разрез I—I и II—II жилого комплекса Надираани
27. Общий вид селения Эрзи, Ингушетия (О. Сулава, 1966)
28. Крепостное сооружение из сел. Макажой, Чечня (В. Бежанов и Т. Миндиашвили, 1965)
29. Крепостное сооружение из сел. Кезепой, Чечня (В. Бежанов и Т. Миндиашвили, 1965)
30. Ингушское горное село (О. Сулава, 1966)
31. Ингушское горное село (О. Сулава, 1966)
32. Оборонительная башня из сел. Дартло, Грузия (Т. Очнаурн, 1935)
33. План, разрез и фасад оборонительной башни Хевсурети, Грузия (С. Макалатия. Боевые и оборонительные постройки в нагорной Грузии, рис. 22)

34. Уголок ингушского горного села (О. Сулава, 1966)
35. Анапурская башня (Л. Кобандзе, 1966)
36. Тхаба-Ерды, Ингушетия (А. Робакидзе, 1963)
37. Ингушская оборонительная башня (О. Сулава, 1966)
38. Селение Лежги, Ингушетия (О. Сулава, 1966)
- 39а. Разрез квартала Евкур-тейпа из сел. Эрзи, Ингушетия (Т. Горгадзе и Р. Капаадзе, 1963)
- 39б. План квартала Евкур-тейпа
40. Развалины селения Кошк, Ингушетия (Б. Гамкрелидзе, 1963)
41. Ингушские оборонительные башни (О. Сулава, 1966)

К статье Х. Д. Ошаева, Некоторые вопросы использования нахских башен в бою

1. Тiлга-Іад — лук для камня
2. Шурдолг — праща

К статье В. Дж. Итонишвили, Пережитки семейной общины в горной Ингушетии

1. Генеологическая схема семьи Готека
2. Генеологическая схема семьи Гаги
3. Генеологическая схема семьи Сафрали
4. Генеологическая схема семьи Ганиза
5. Генеологическая схема семьи Хонки
6. Генеологическая схема семьи Хаши
7. Генеологическая схема семьи Кори
8. Генеологическая схема семьи Иалти

К статье Б. В. Гамкрелидзе, Из истории скотоводства в Ингушетии

1. Летняя стоянка для скота Бакурхеви, Грузия (Б. Гамкрелидзе, 1962)
2. Общий вид башни ВоІв-гие, Чулхой, Ингушетия (фото Б. Гамкрелидзе, 1963)
3. Башня на пастбищах Кобан, Северная Осетия (Б. Гамкрелидзе, 1964)
4. Пещера ссл. Кобан, Северная Осетия (Б. Гамкрелидзе, 1964)
- 5а. Разрез башни ВоІв-гие (Т. Горгадзе, 1964)
- 5б. План башни ВоІв-гие (Т. Горгадзе, 1963)

К статье Г. Г. Гегечкори, Жилища типа цIа в ущелье Армхи

1. Общий вид селения Нижний Хули (Г. Гегечкори, 1965)
2. Часть селения Хули (Г. Гегечкори, 1965)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
1. Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. К вопросу о нахской этнонимике	12
2. А. И. Робакидзе. Жилища и поселения горных ингушей	41
3. Х. Д. Ошасв. Некоторые вопросы использования нахских ба- шен в бою	118
4. Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Характер сословных от- ношений в горной Ингушетии	127
5. Р. Л. Харадзе. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей	165
6. И. М. Саидов. Мехк кхел—(совет страны) у нахов в прошлом	199
7. В. Дж. Итонншвили. Пережитки семейной общины в горной ингушетии	207
8. Н. В. Джавахадзе. Термины родства у горных ингушей	226
9. Б. В. Гамкрелидзе. Из истории скотоводства в горной Ингушетии	237
10. Г. Г. Гегечкори. Жилища типа «цIа» в ущелье реки Армхи и ее притоков	248
Транскрипция терминов	257
Список сокращений	264
Список иллюстрации	266

Напечатано по постановлению Редакционно-Издательского Совета
Академии наук Грузинской ССР

Редактор А. И. Робакидзе
Редактор издательства Д. С. Бакрадзе
Техредактор Л. Е. Джвებенава
Корректор Л. А. Чхaidзе

Сдано в набор 27.3.1967; Подписано к печати 26.1.1968;
Формат бумаги 60×90¹/₁₆; Печатных л. 21.25; Уч.-Издат. л. 17.56;
УЭ 01215; Тираж 2000, Заказ 435.

Цена 1 руб. 76 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 60, კუტუზოვის ქ., 15
Издательства «Мещниереба», Тбилиси, 60, ул. Кутузова, 15

გამომცემლობა „მეცნიერების“ სტამბა, თბილისი, 60, კუტუზოვის ქ., 15
Типография Издательства «Мещниереба», Тбилиси, 60, ул. Кутузова, 15

Кавказский этнографический сборник

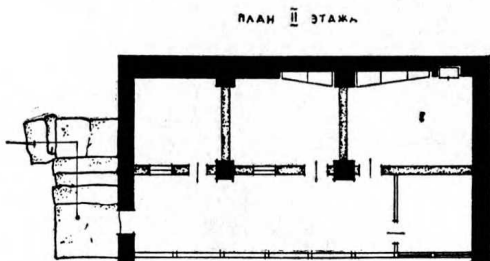
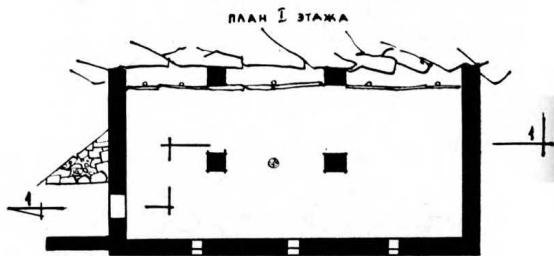
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА» В 1968 ГОДУ ВЫПУСКАЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. Н. Н. Шенгелия. **Сельджуки и Грузия в XI веке.** (на грузинском языке).
2. О. Д. Лорткипанидзе. **Античный мир и Иберия.** (на грузинском языке).
3. Т. Д. Боцвадзе. **Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений XV—XVIII вв.** (на грузинском языке).

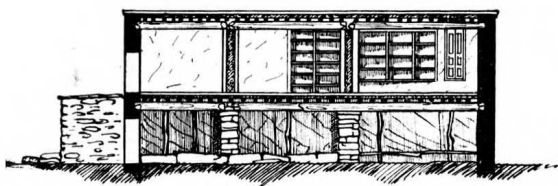

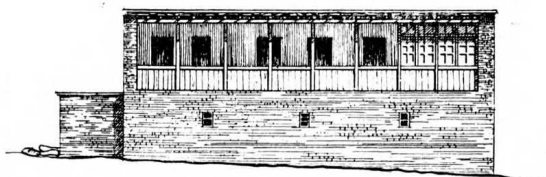
2а

РАЗРЕЗ 1-1

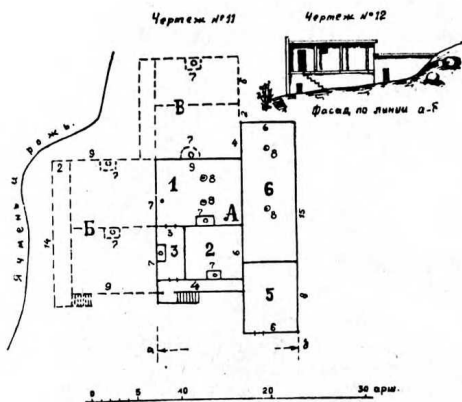
ГЛАВНЫЙ ФАСАД

26

Таб. VI.

План и фасад дома А Хасой Мотоматова
и его соседей Б и В в сел. Мильчехи
Ханжадовского общества /стр. 146, Горн. Чечен/

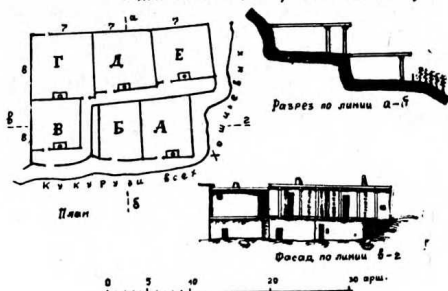
3

Таб. VII

План и фасад домика Курбина Хусейнова
и его соседей в сел. Мильчехи.
Ханжадовского общ-ва /стр. 147, Горн. Чечен/

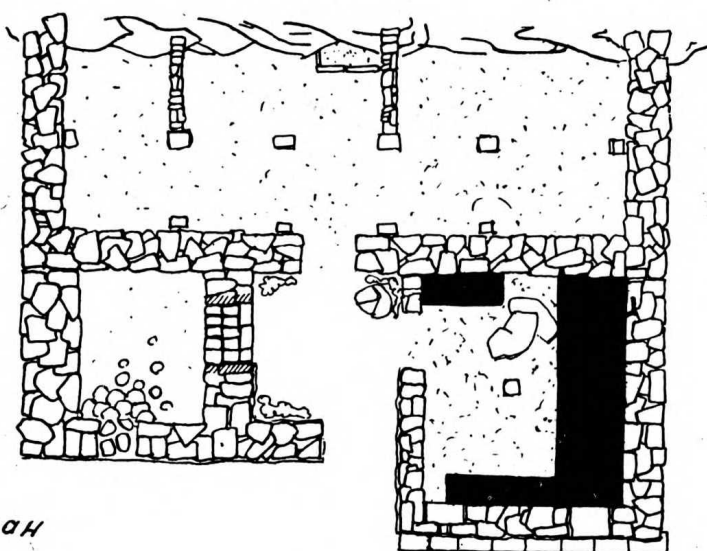
Черт. № 15, 16 и 17. План, разрез и фасад
домиков братьев Хасиевых сел. Матцар
Видучинского стар-ва. /стр. 148, Горн. Чечен/

4

III

II

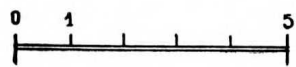
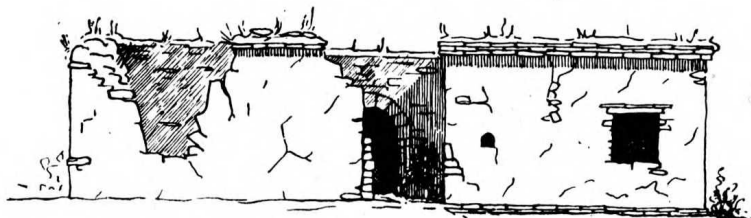
план

III

II

5a

фосса

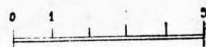
РАЗРЕЗ I-I

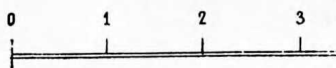
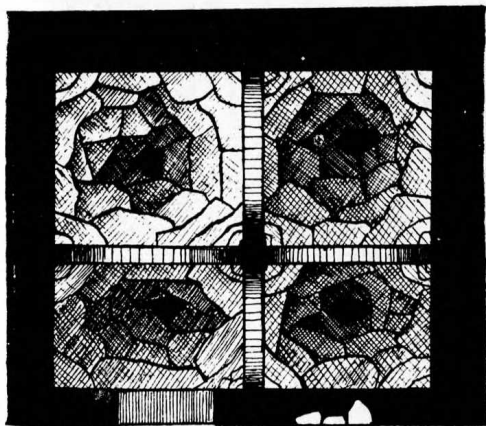
РАЗРЕЗ II-II

РАЗРЕЗ III-III

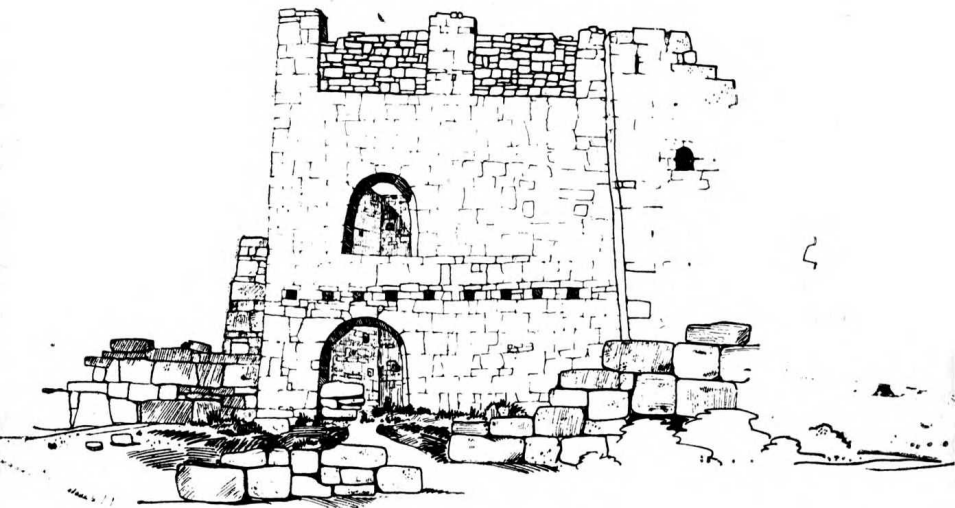
56

5B

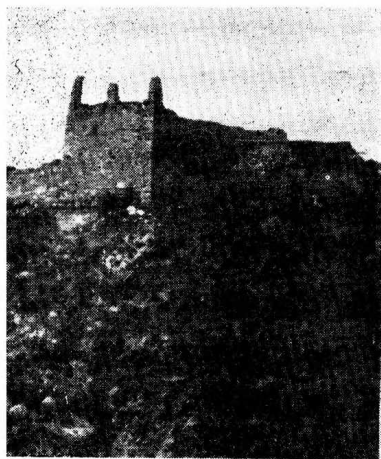

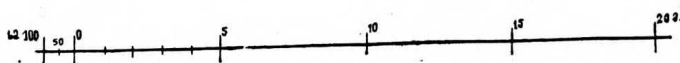
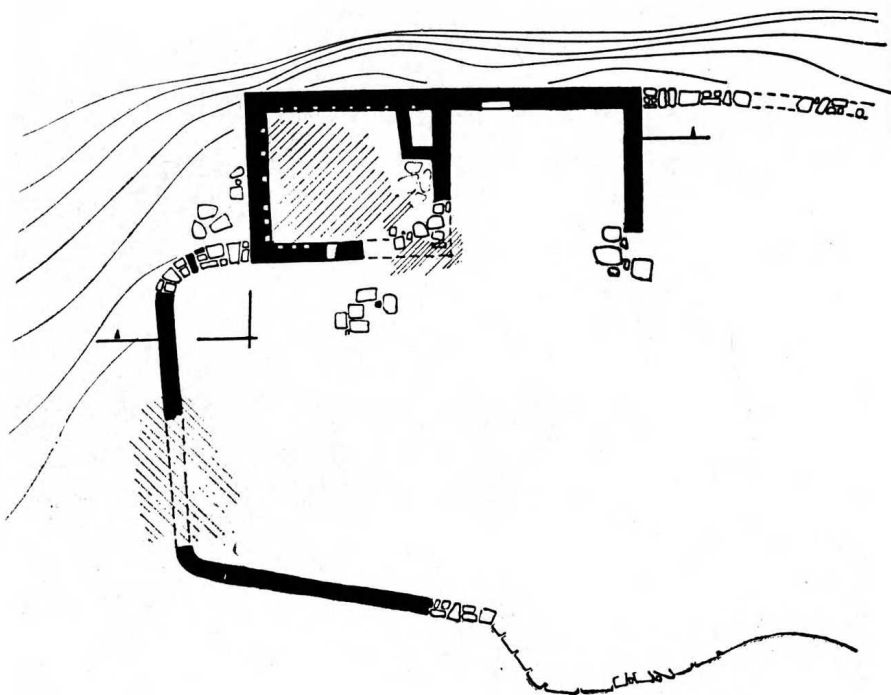
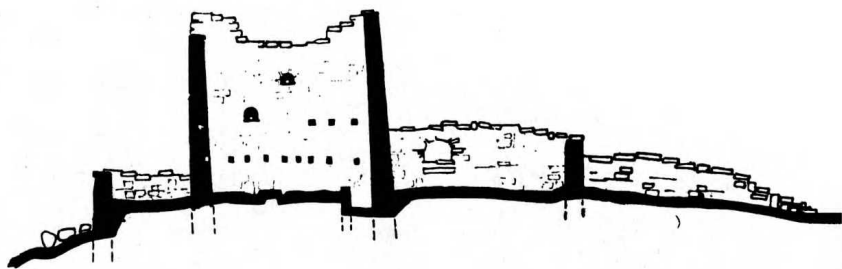
5r

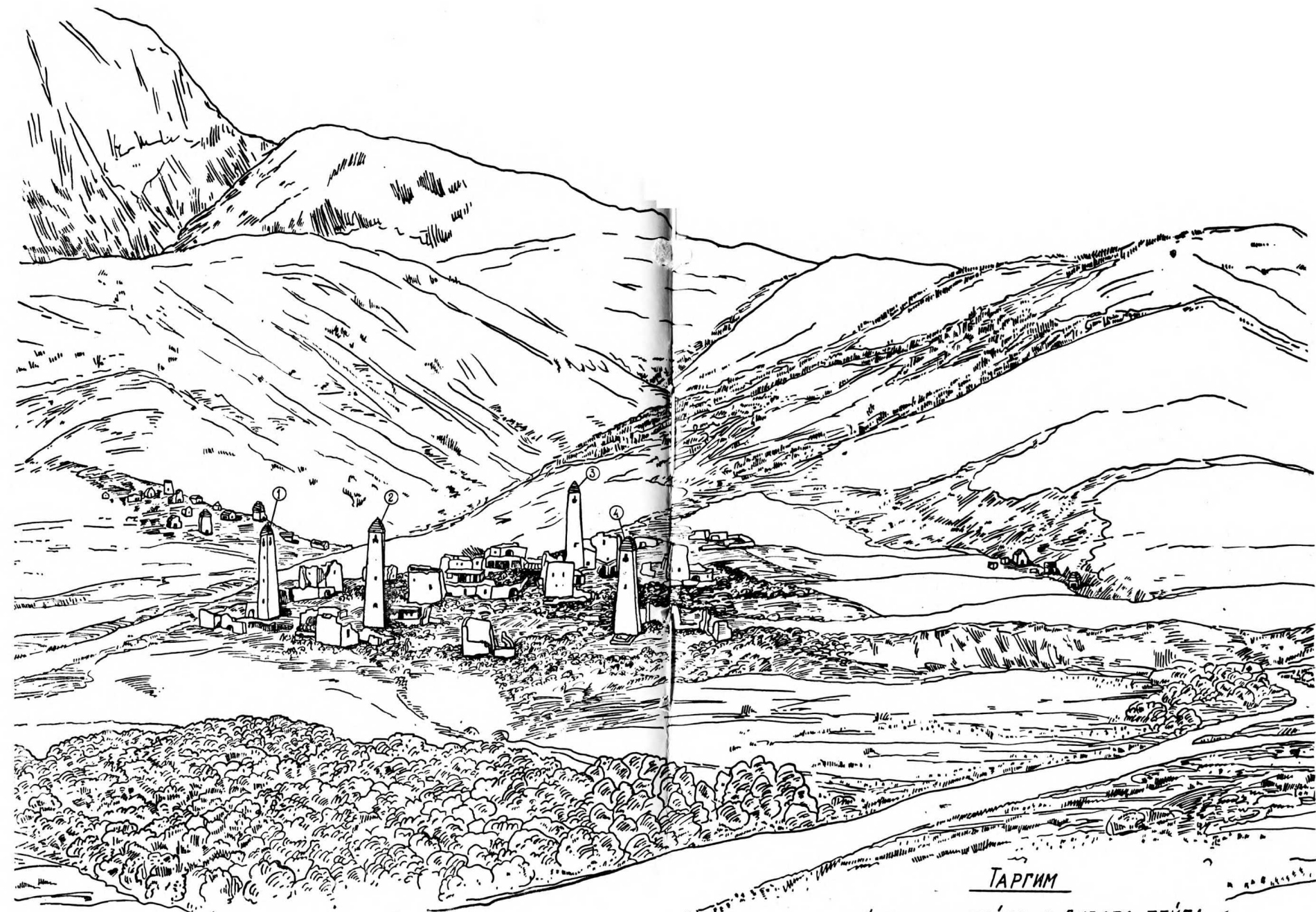

6

7

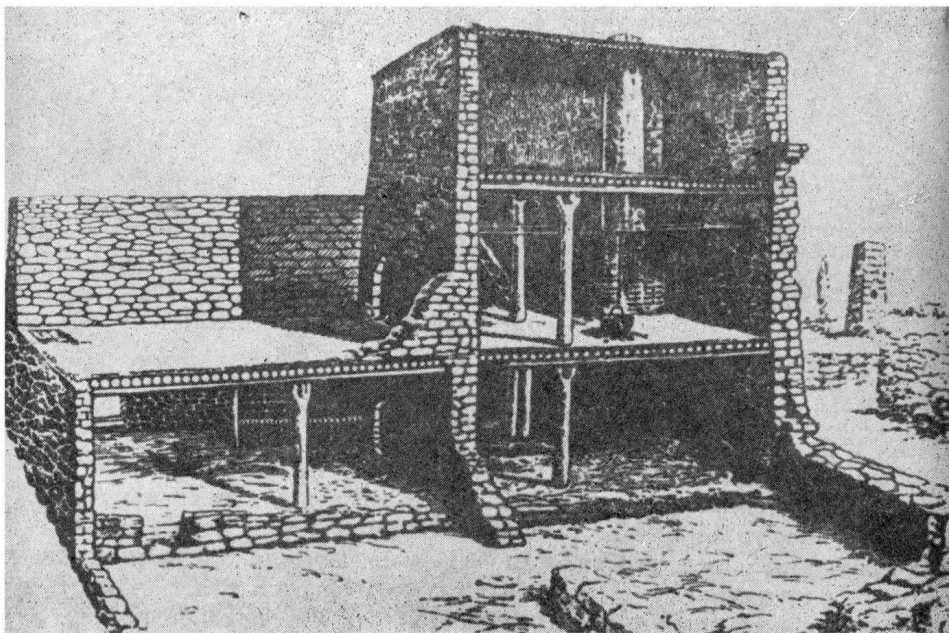

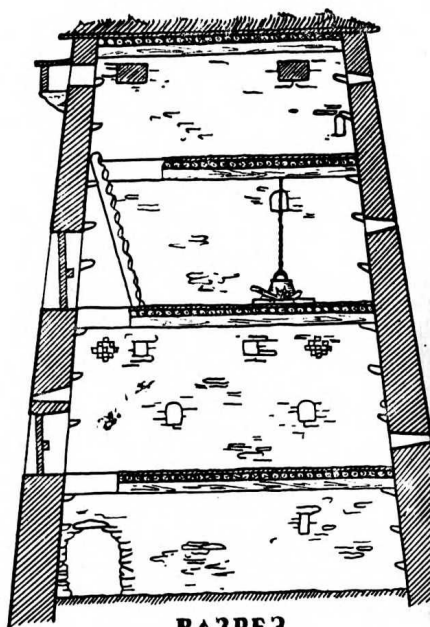
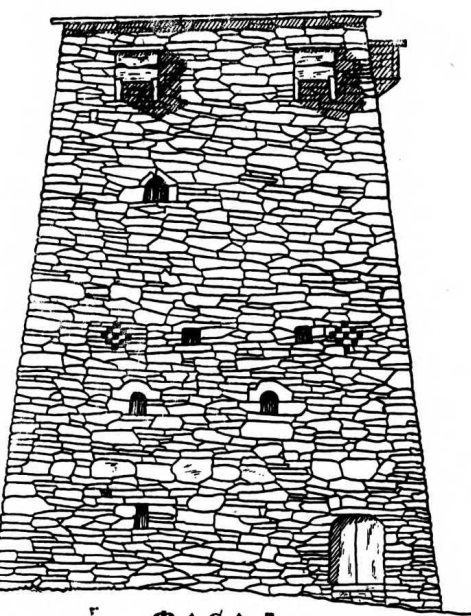

ТАРГИМ

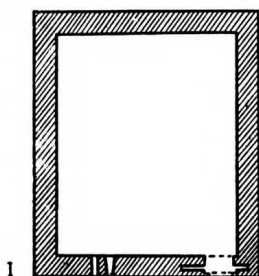
1. АРЧАКХА - ТЕЙПА 3. ДУДАРА - ТЕЙПА
2. БЕКА - ТЕЙПА 4. ХАБРА - ТЕЙПА

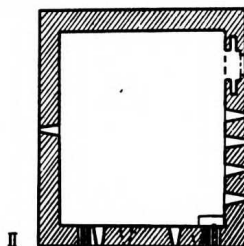

РАЗРЕЗ

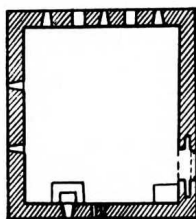
ПЛАНЫ

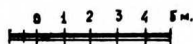
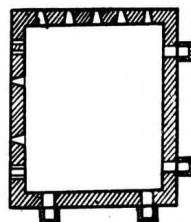
I

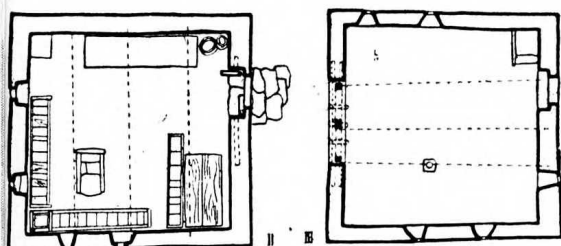

II

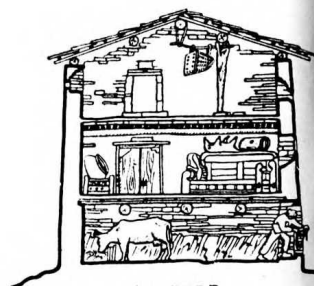

VI

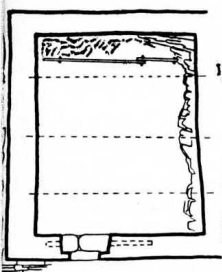

ПЛАНЫ

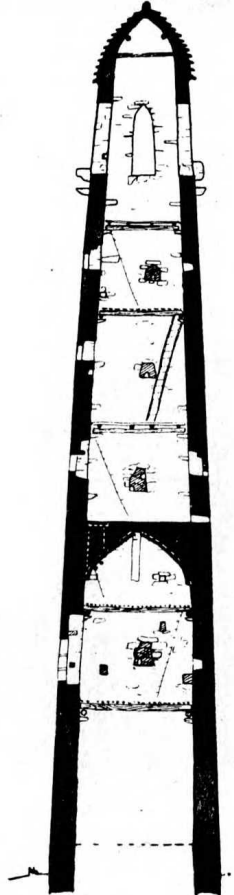
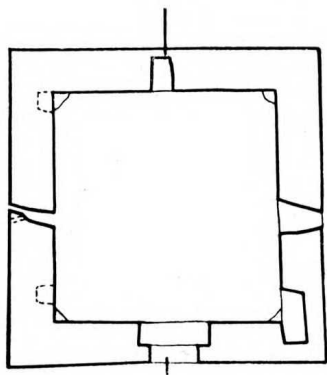
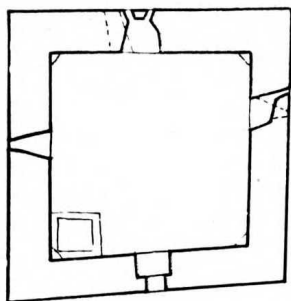
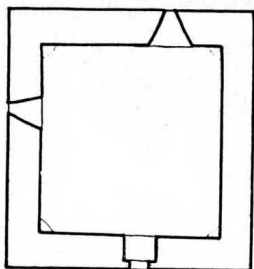
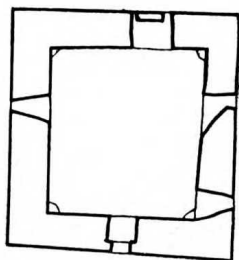
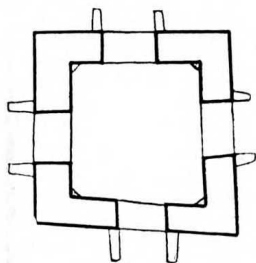
РАЗРЕЗ

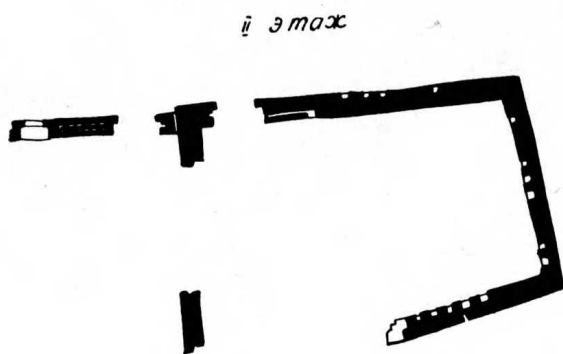
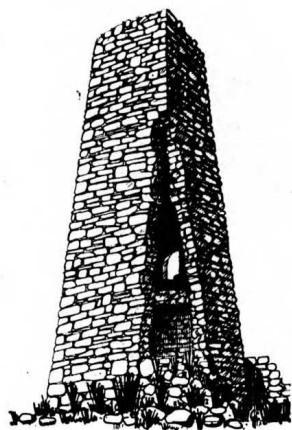
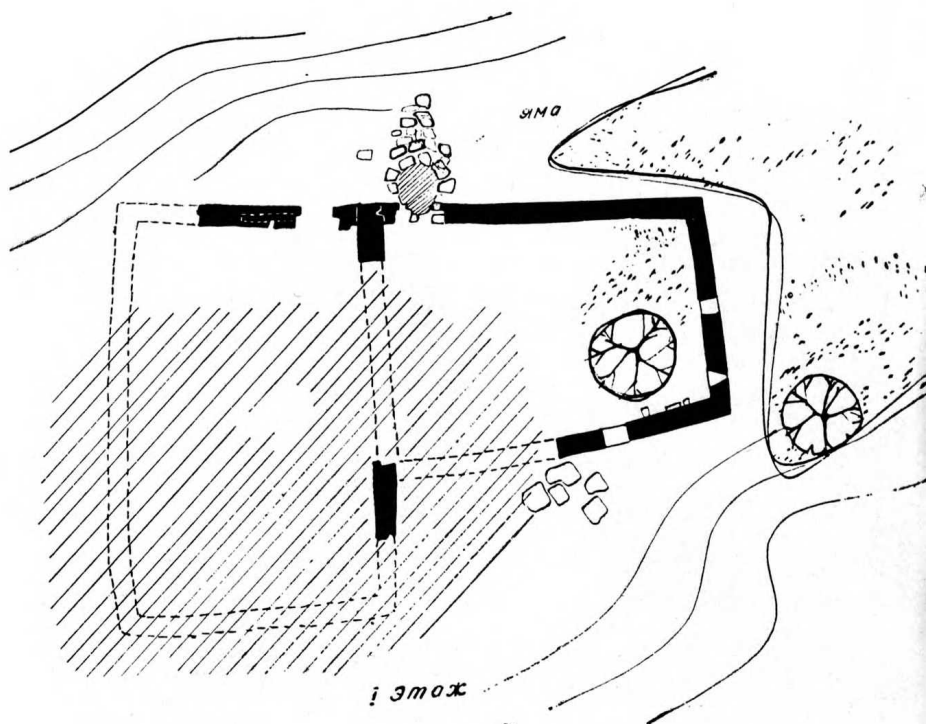
ФАСАД

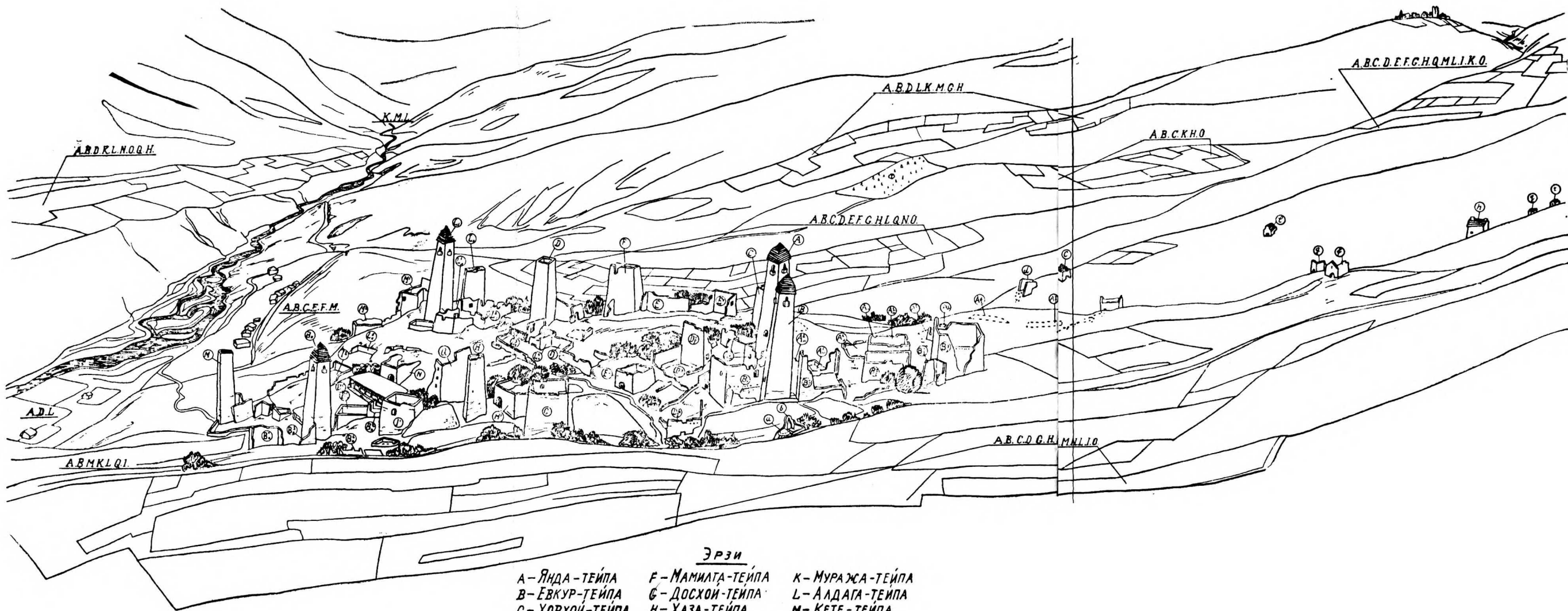

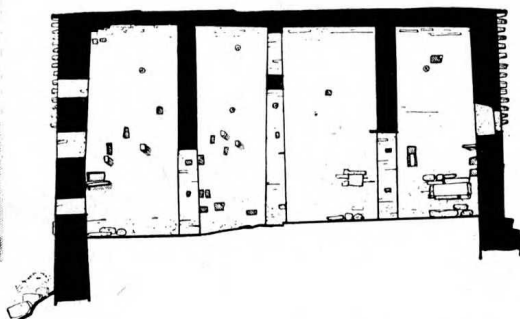
Эрзи

А - Янда-тейпа	Г - Мамилта-тейпа	К - Муража-тейпа
В - Евкур-тейпа	С - Досхой-тейпа	Л - Алдага-тейпа
С - Хорхой-тейпа	Н - Хаза-тейпа	М - Кете-тейпа
Д - Заура-тейпа	О - Хамиш-тейпа	Н - Кари-тейпа
Е - Пазди-тейпа	І - Бати-тейпа	О - Кери-тейпа

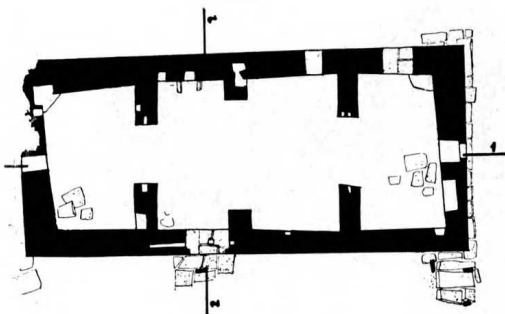
18a

Р03РЕ3 [1-1]

ПЛОХ

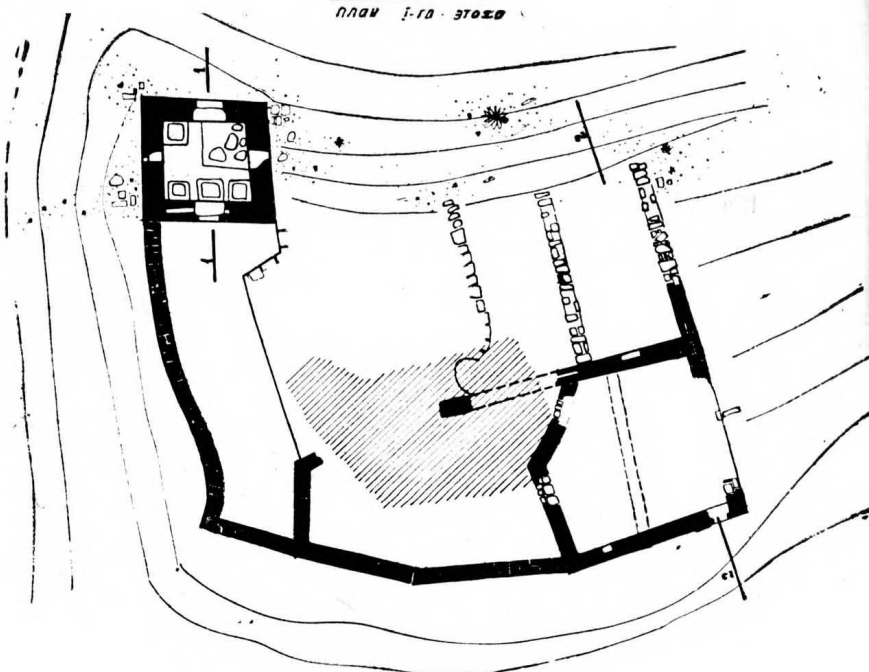
Р03РЕ3 2-2

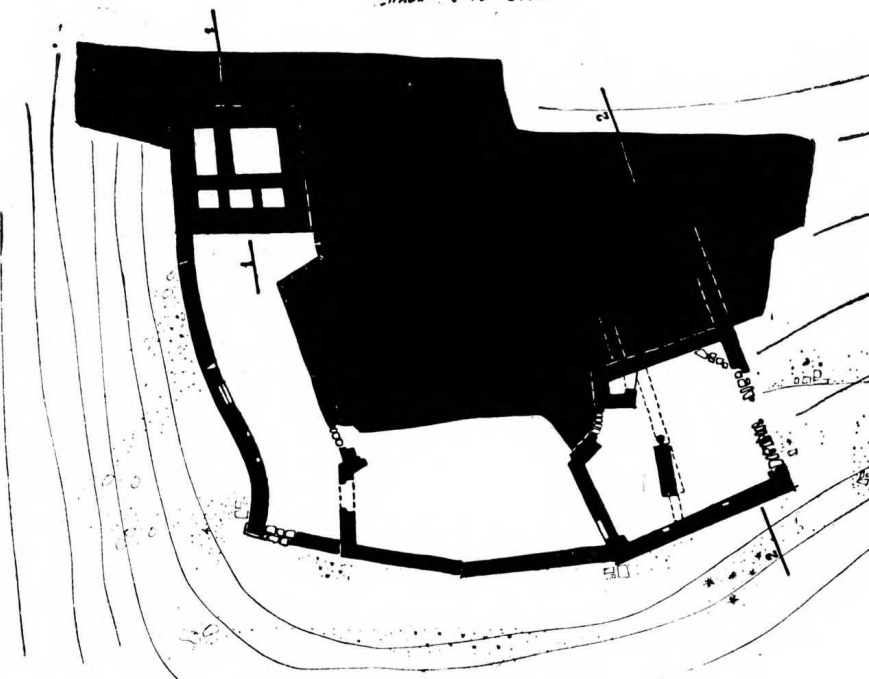
100 50 0 1 2 3 4 5 6

186

ПЛАН 1-ГО ЗТОЗБ

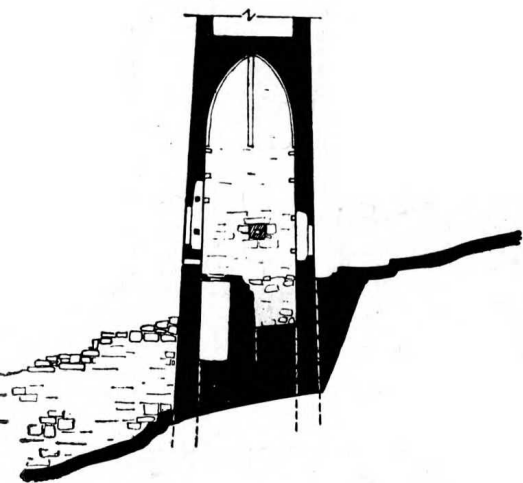

ПЛАН 2-ГО ЗТОЗБ

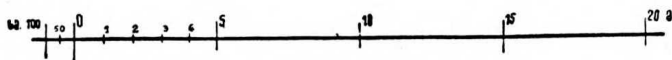
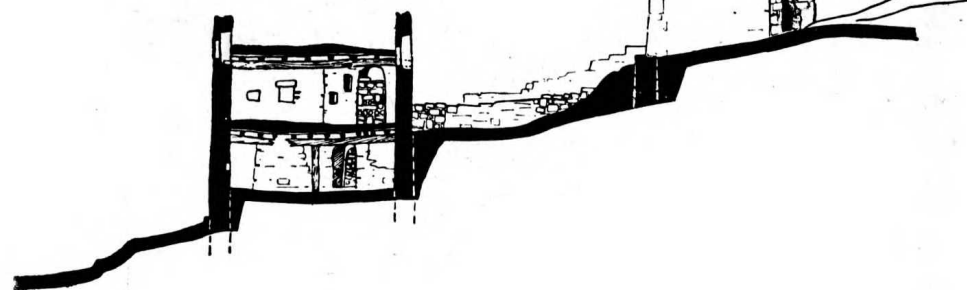

2 100 0 5 10 15 20

Р03РЕ3 i-1

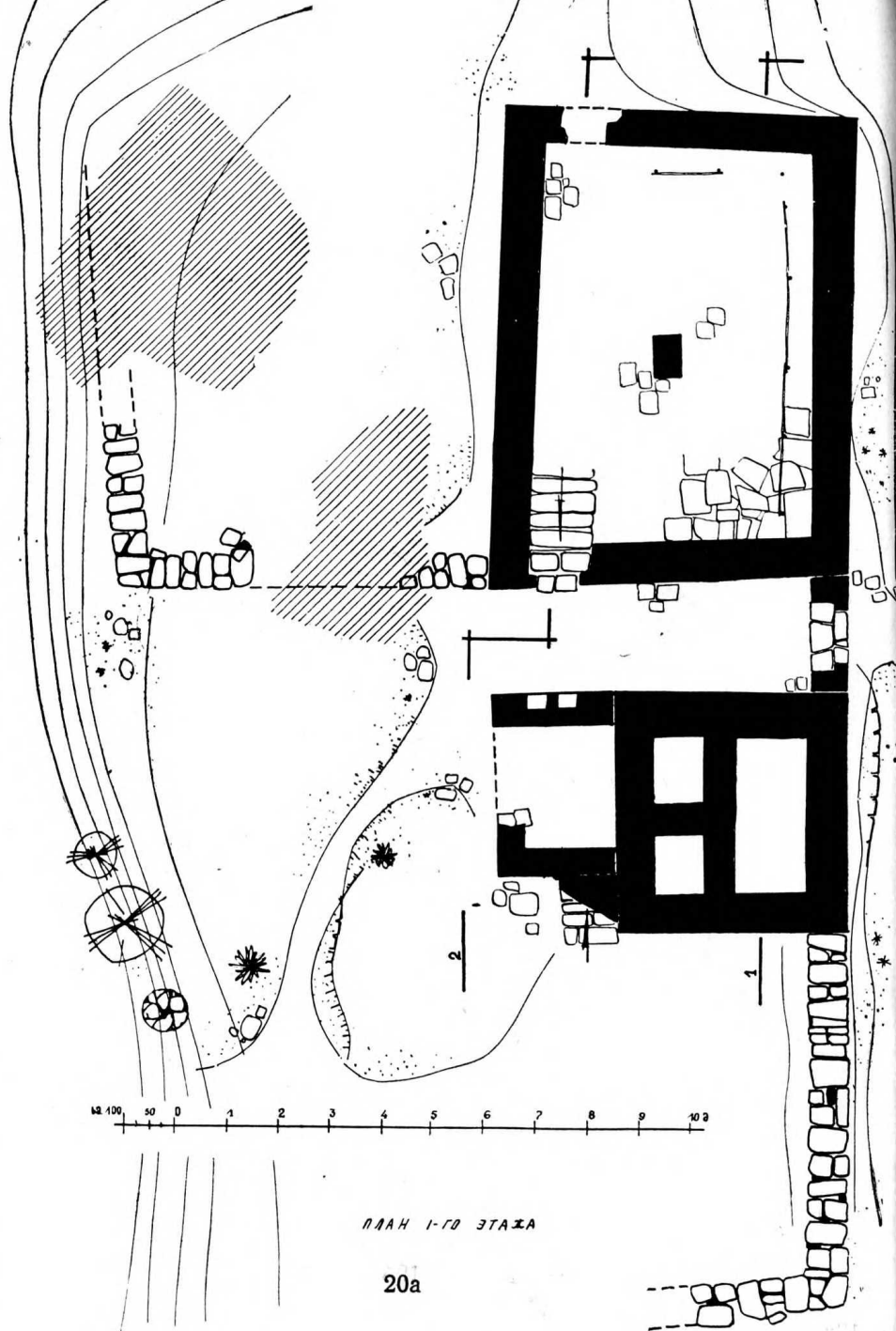
Р03РЕ3 .2-2

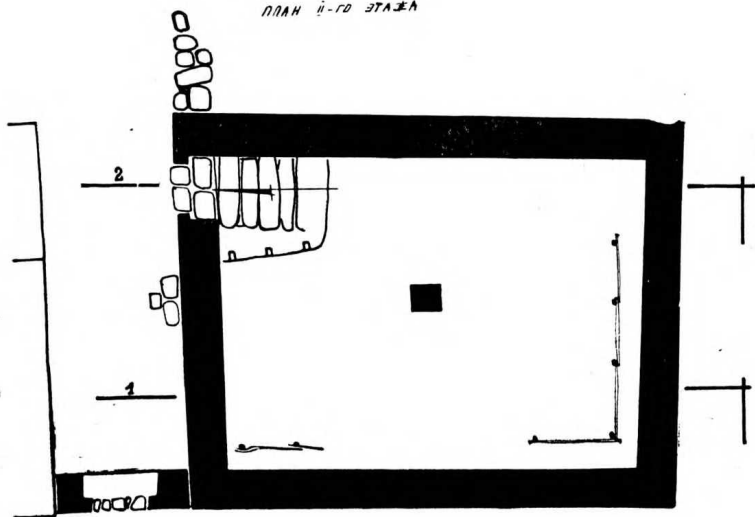
100 50 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 2

ПЛАН 1-ГО ЭТАЖА

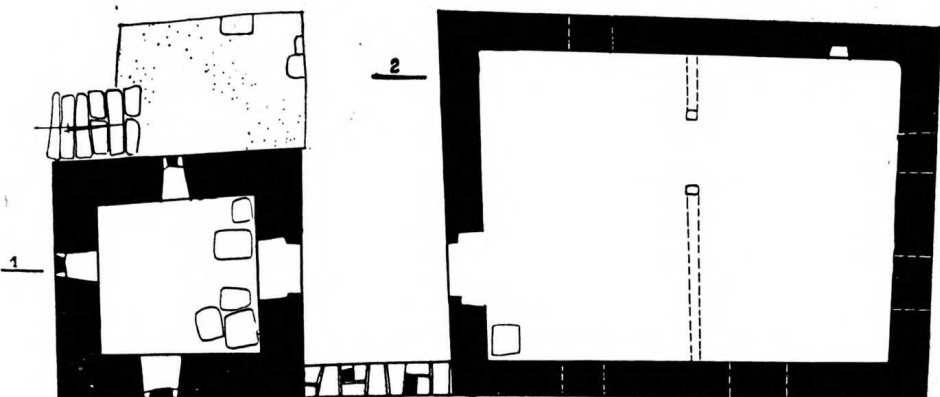
20a

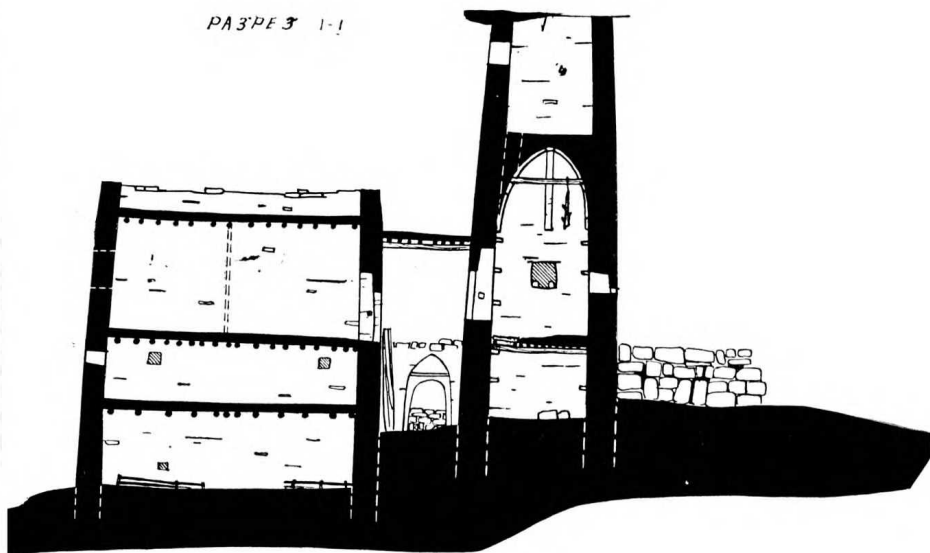
ПЛАН 2-ГО ЭТАЖА

ПЛАН 2-ГО ЭТАЖА

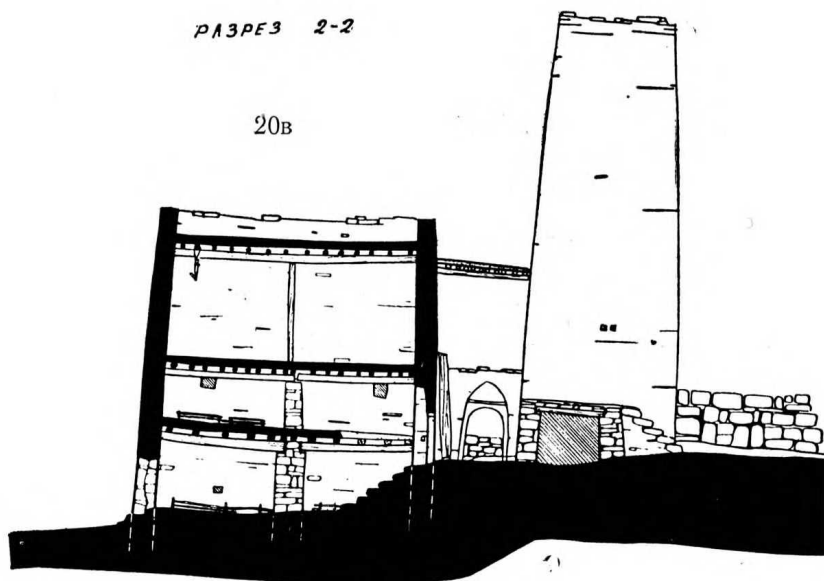

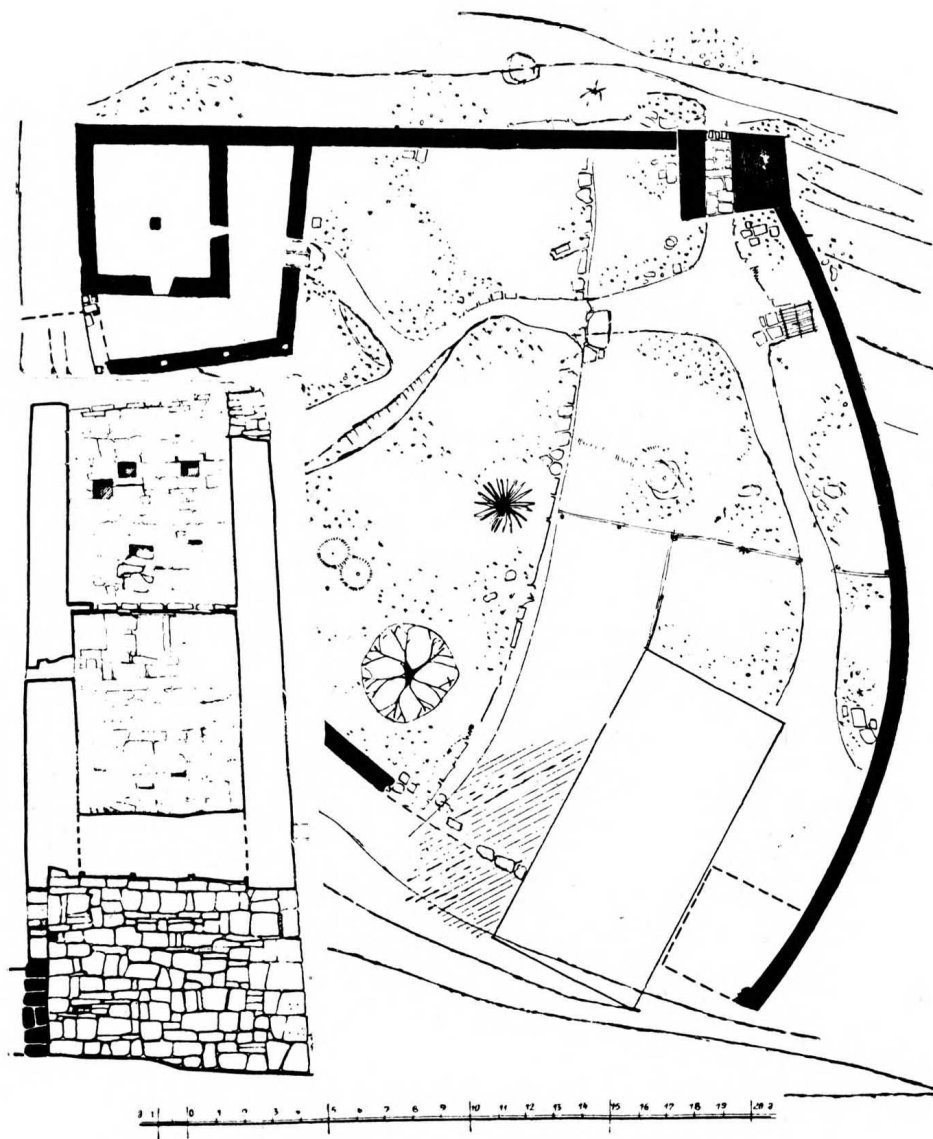
РАЗРЕЗ 1-1

РАЗРЕЗ 2-2

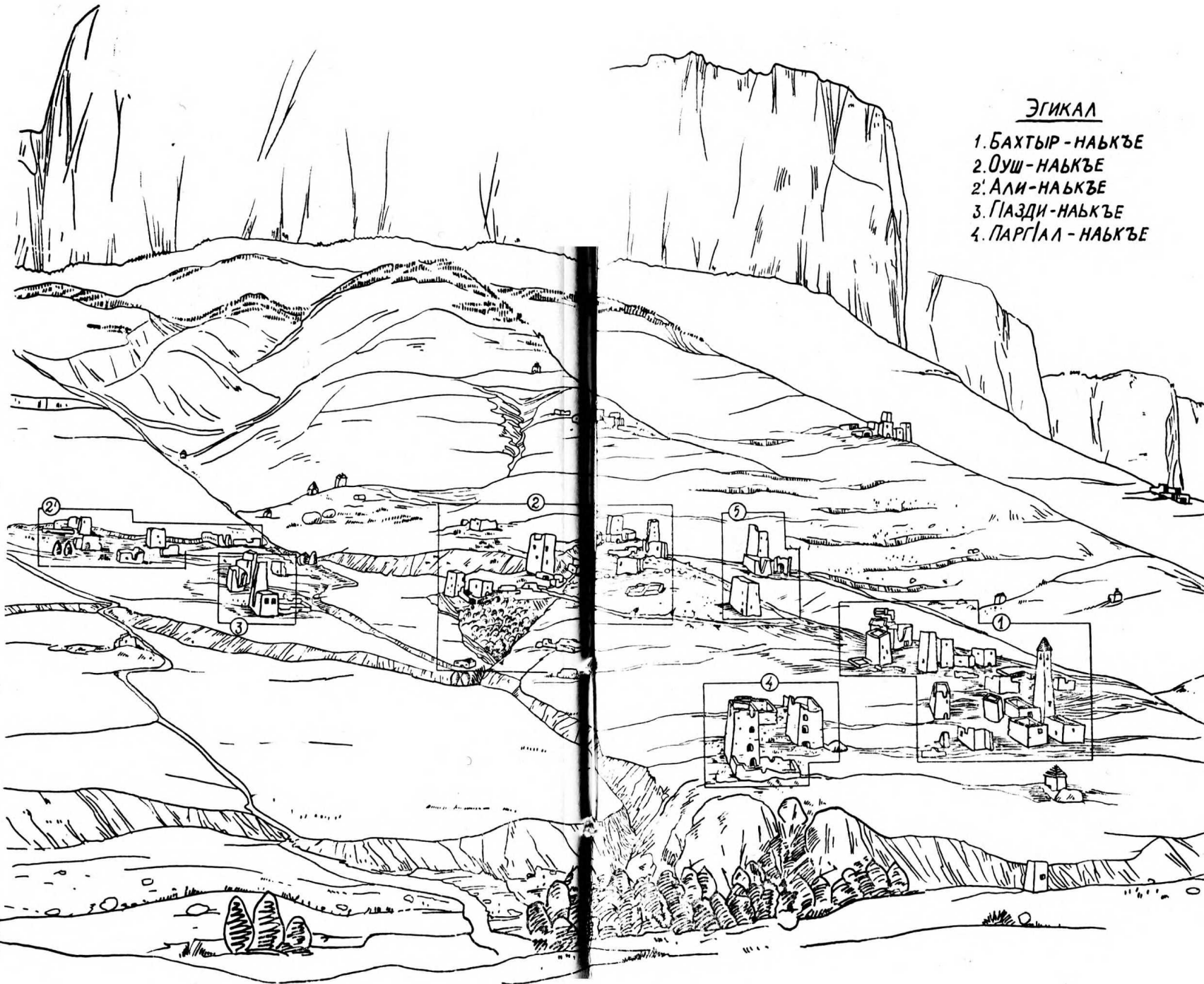
20B

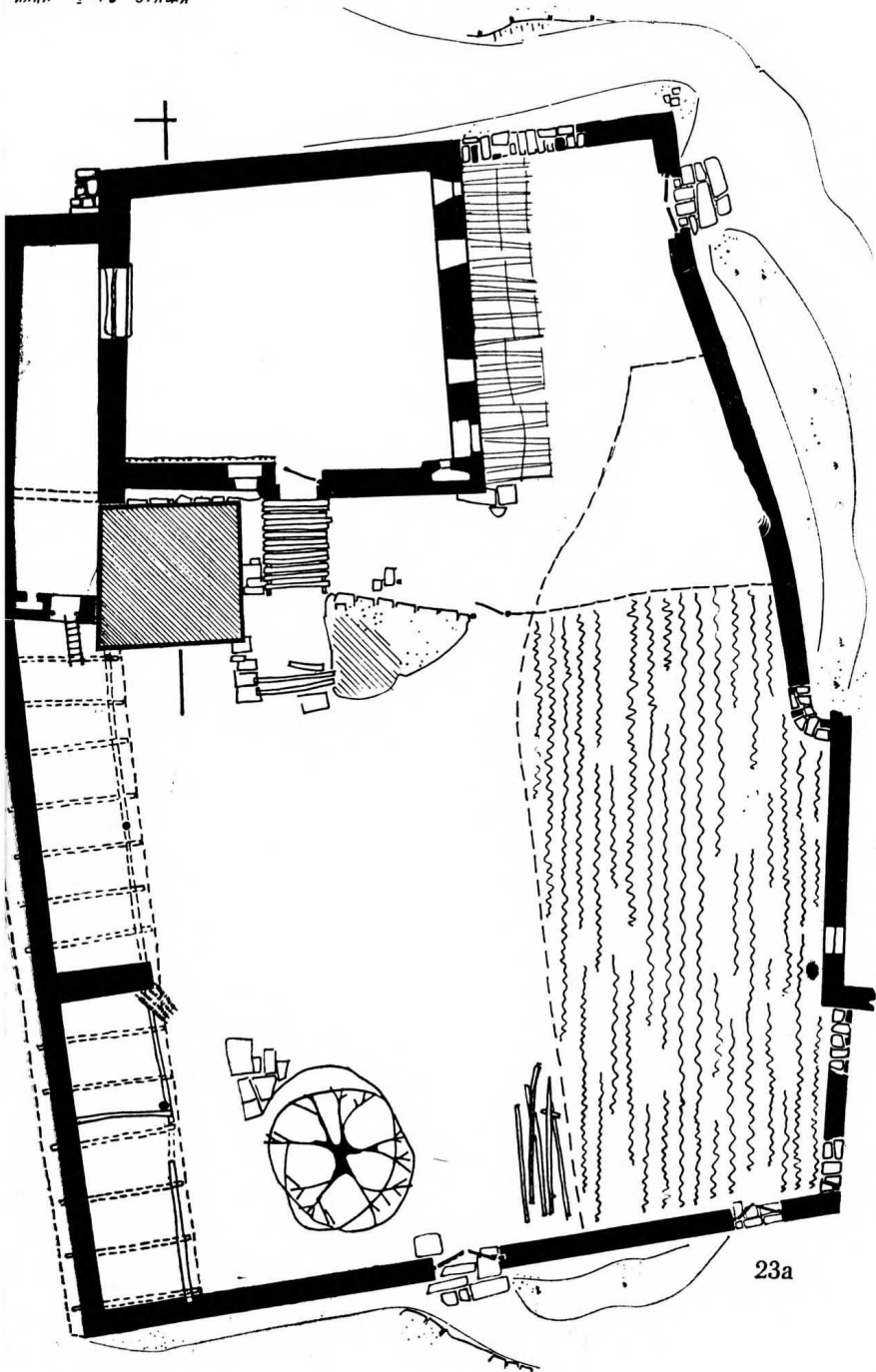

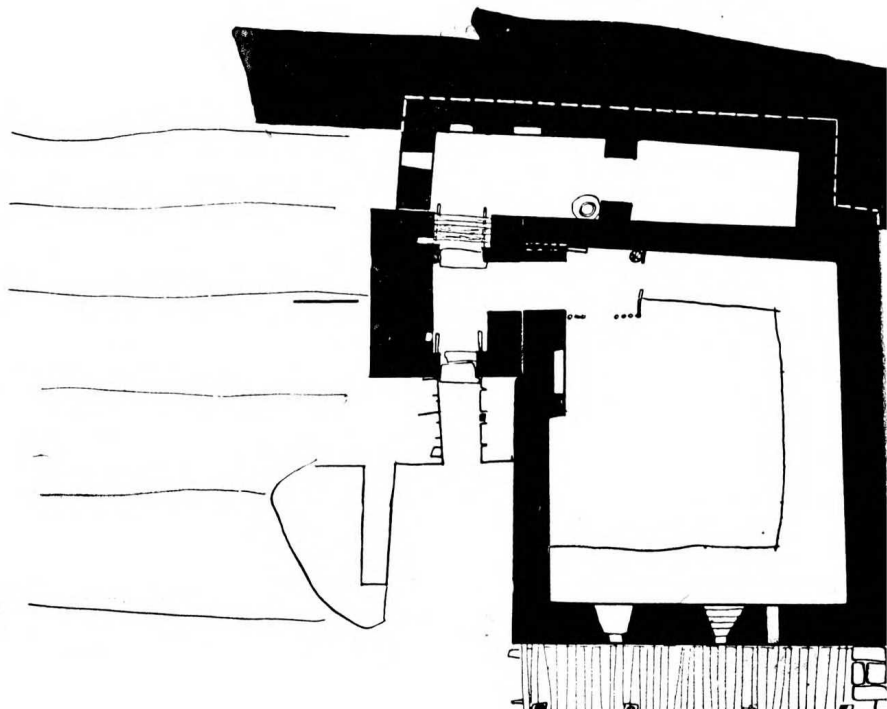
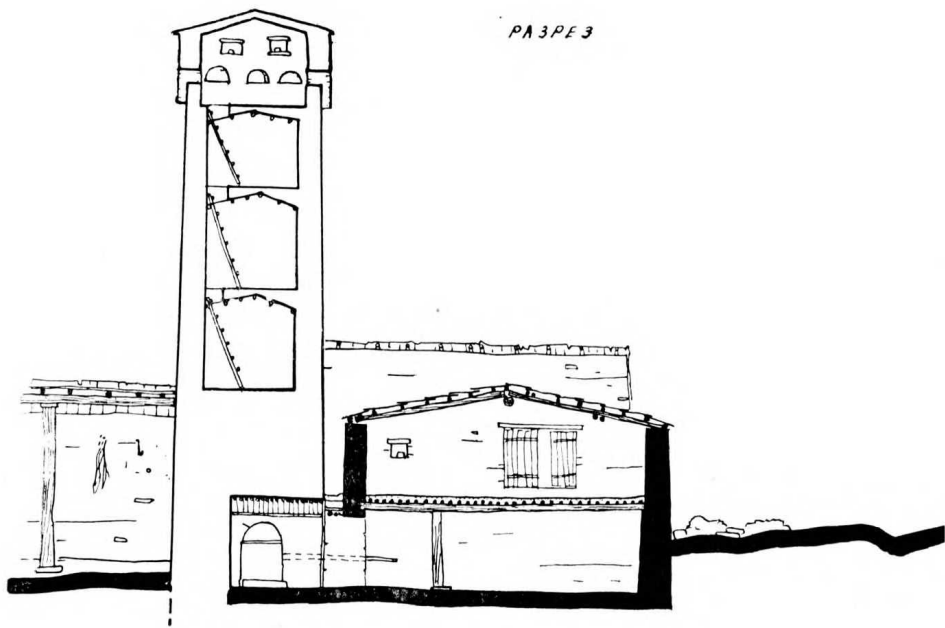
ЭГИКАЛ

1. БАХТЫР - НАБКЪЕ
2. ОУШ - НАБКЪЕ
- 2'. АЛИ - НАБКЪЕ
3. ГЛАЗДИ - НАБКЪЕ
4. ПАРГЛАЛ - НАБКЪЕ

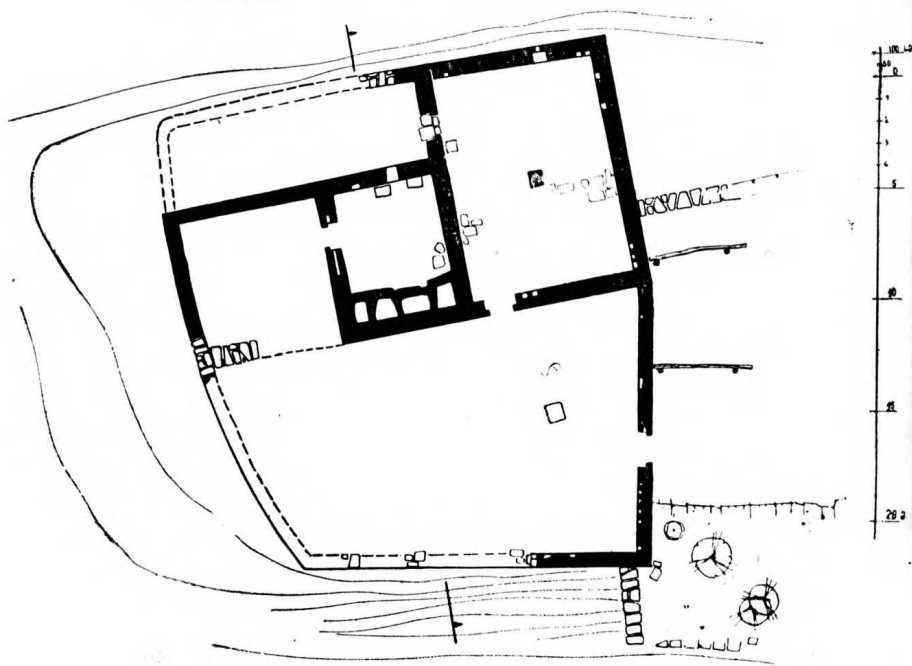

23a

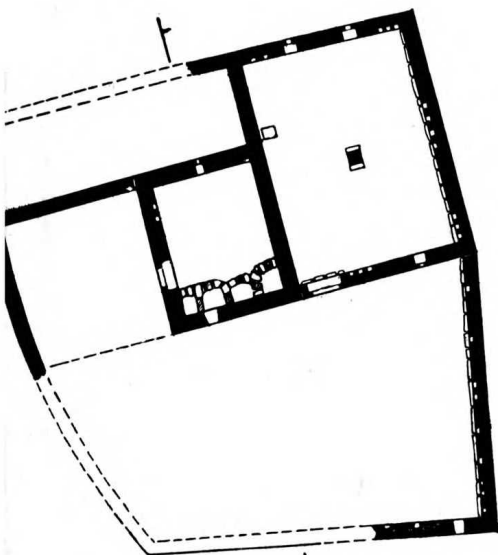

ПЛАН 1-го этажа

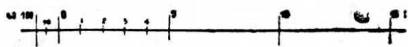
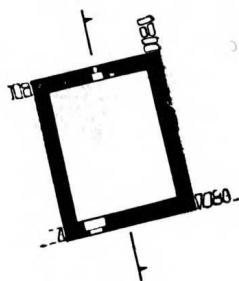

24a

ПЛАН 2-го этажа

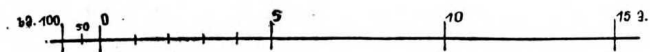
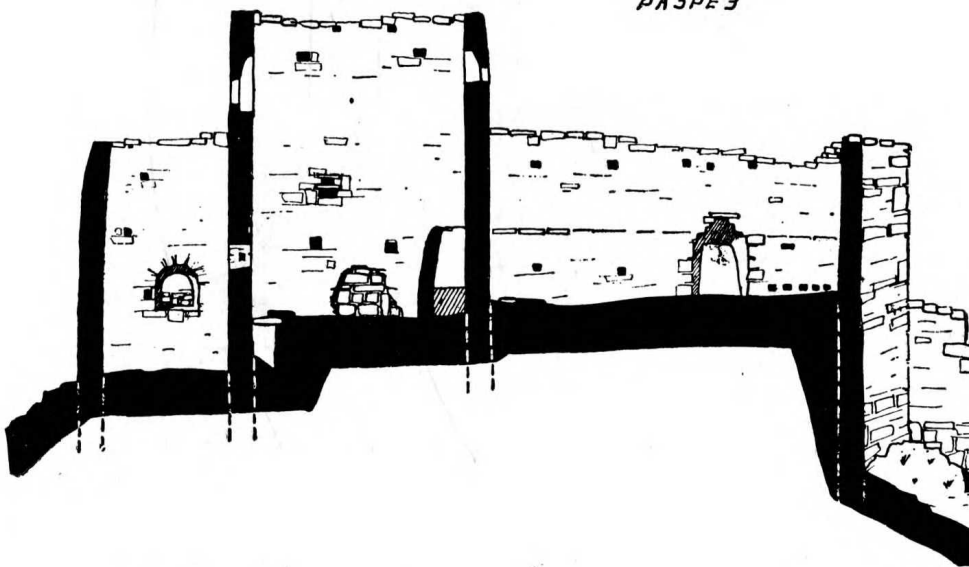

ПЛАН 3-го этажа

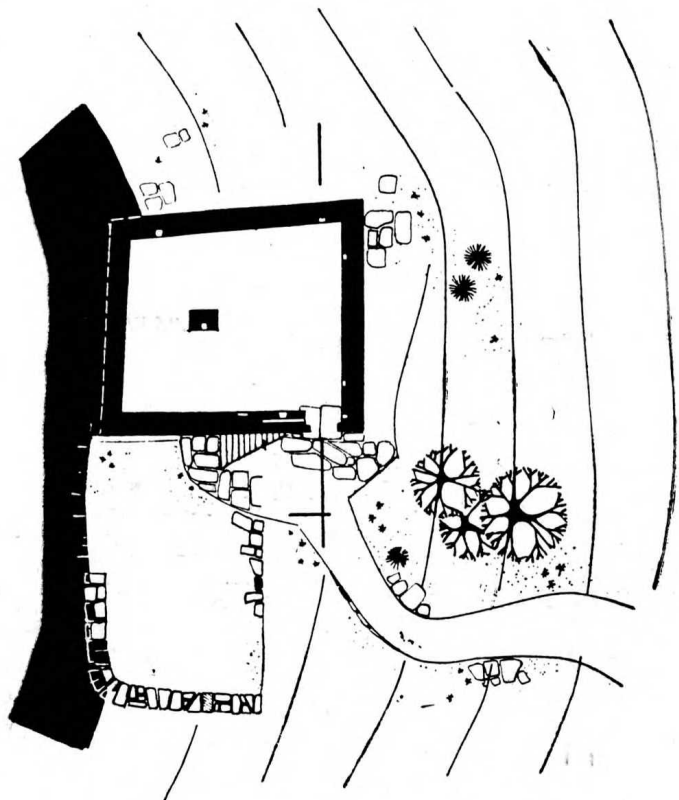
24б

РАЗРЕЗ

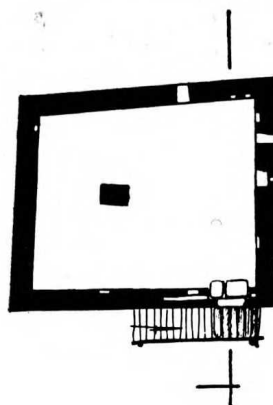

24 В

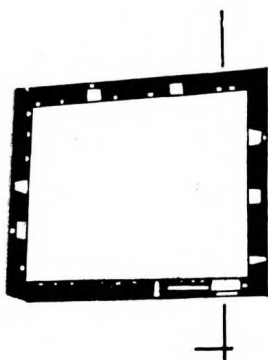
ПЛАН 1-ГО ЭТАЖА

ПЛАН 2-ГО ЭТАЖА

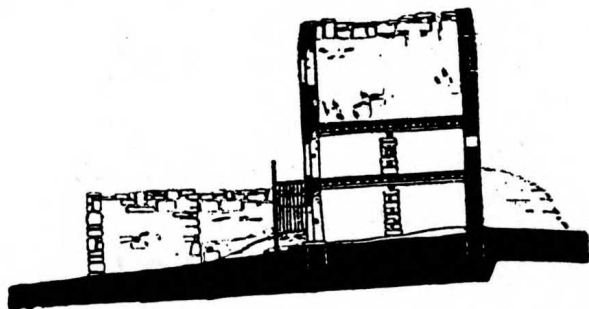

ПЛАН 3-ГО ЭТАЖА

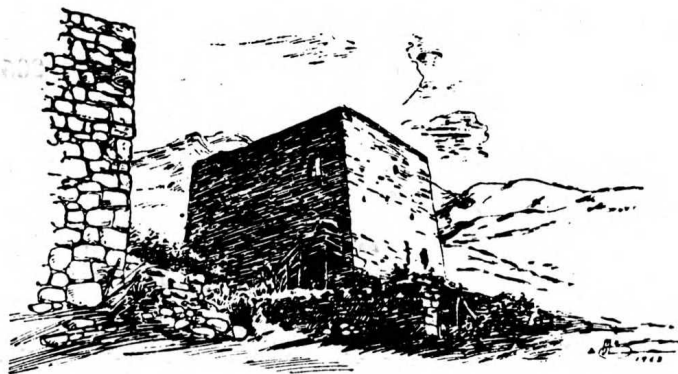
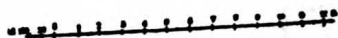

DA 307.3 11

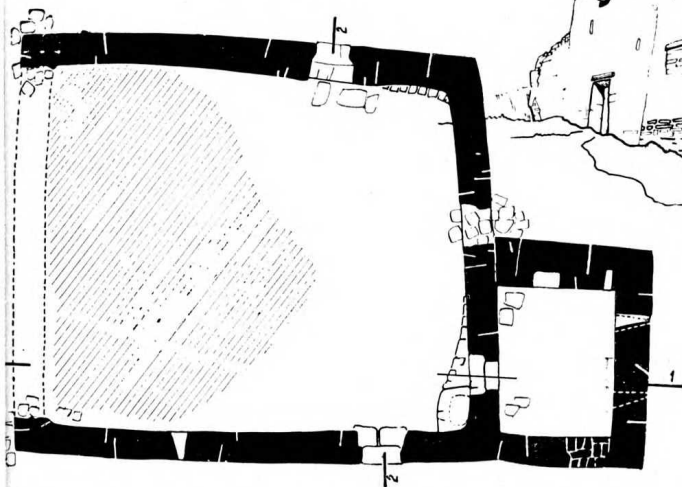
402

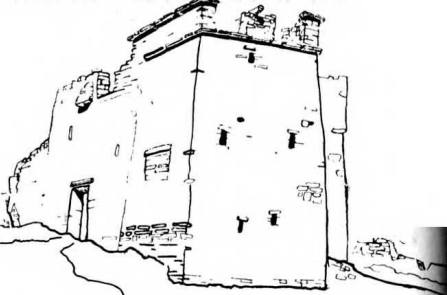
4-72

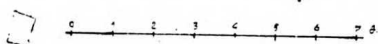
ВРАТ

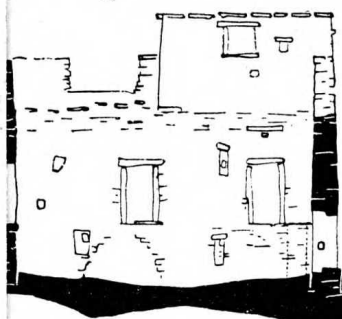
ФАСАД

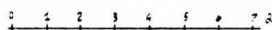
26a

27 →

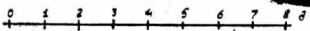
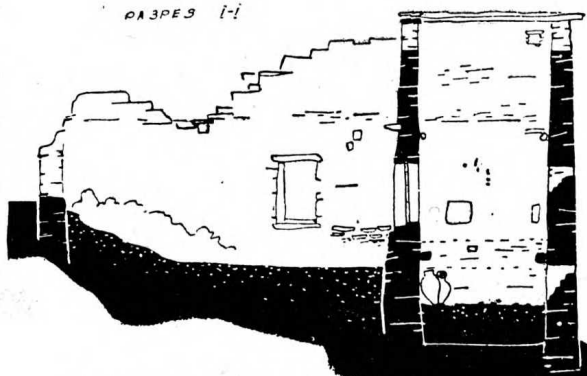
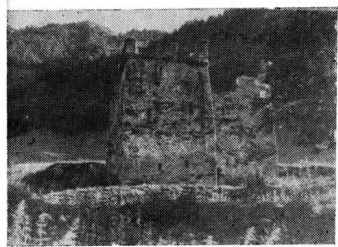

266

РАЗРЕЗ 2-2

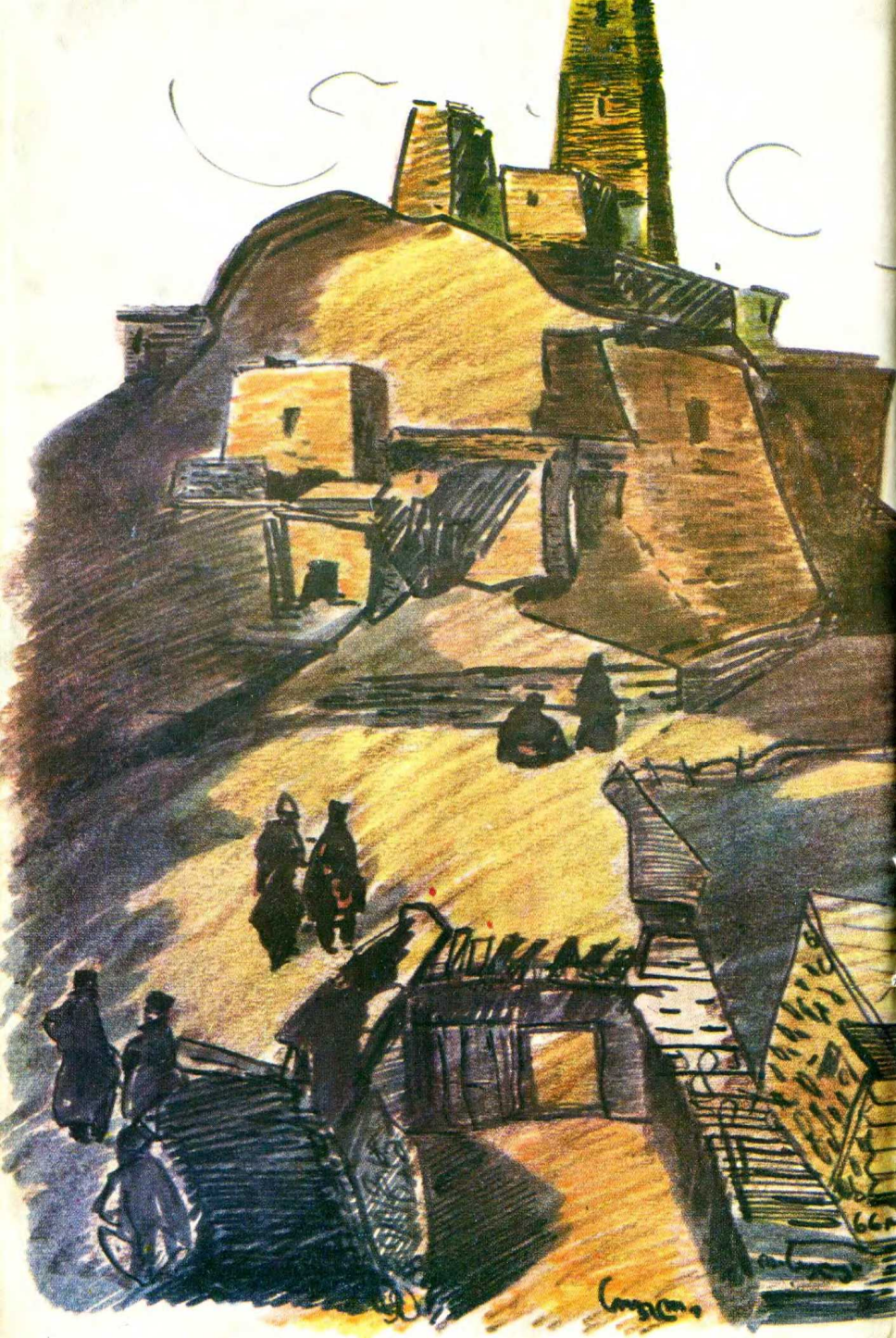
РАЗРЕЗ 1-1

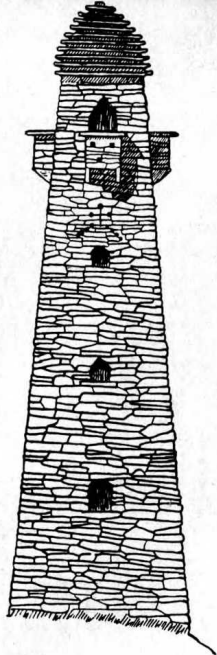

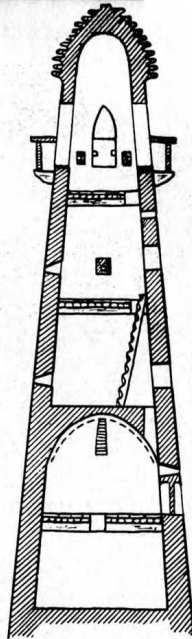

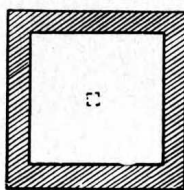
ФАСАД

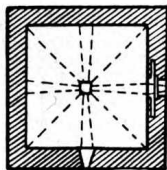
РАЗРЕЗ

ПЛАНЫ

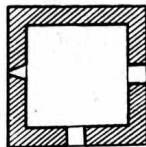
I

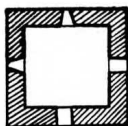
II

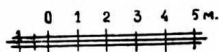
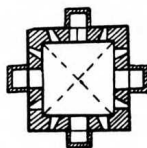
III

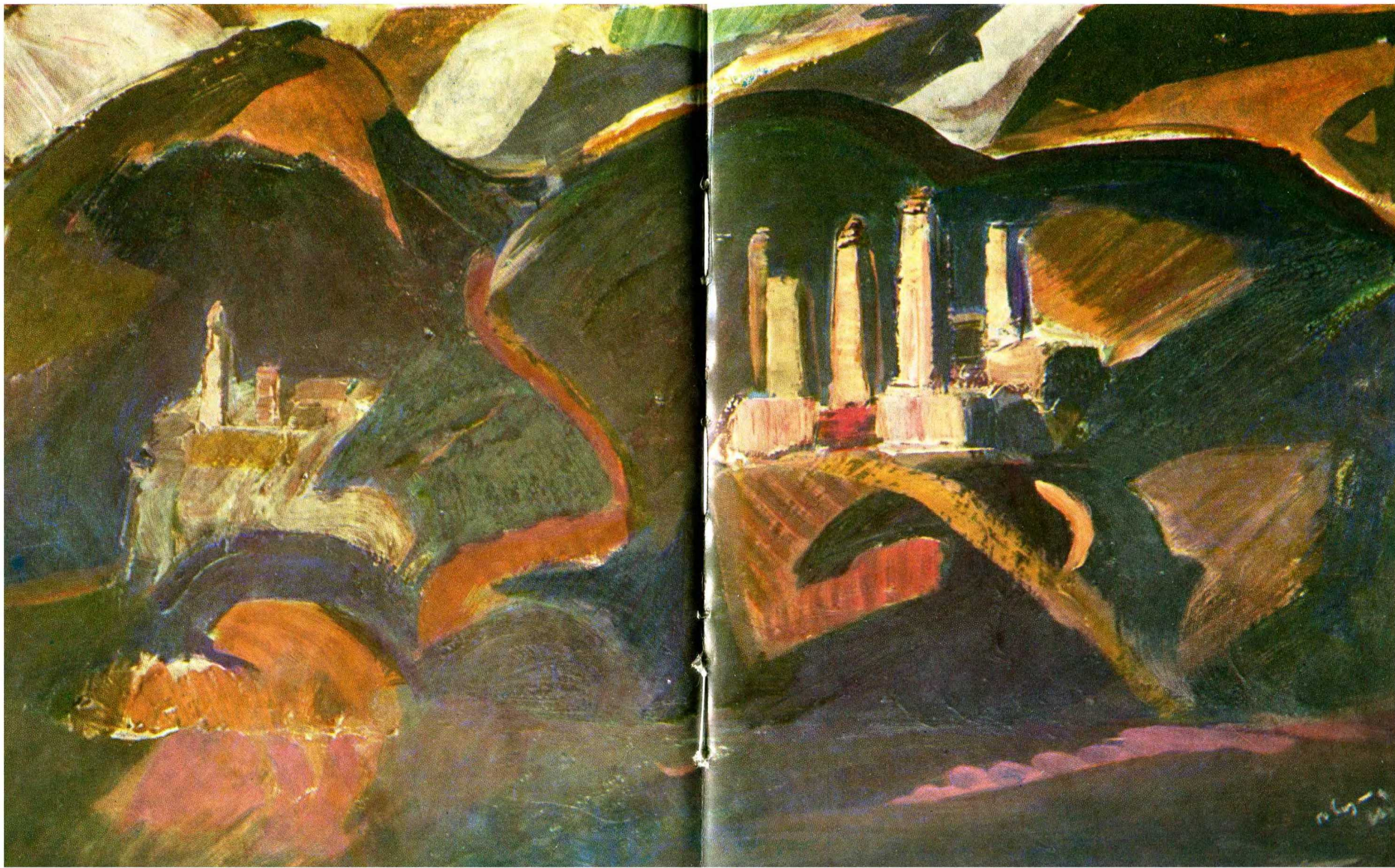

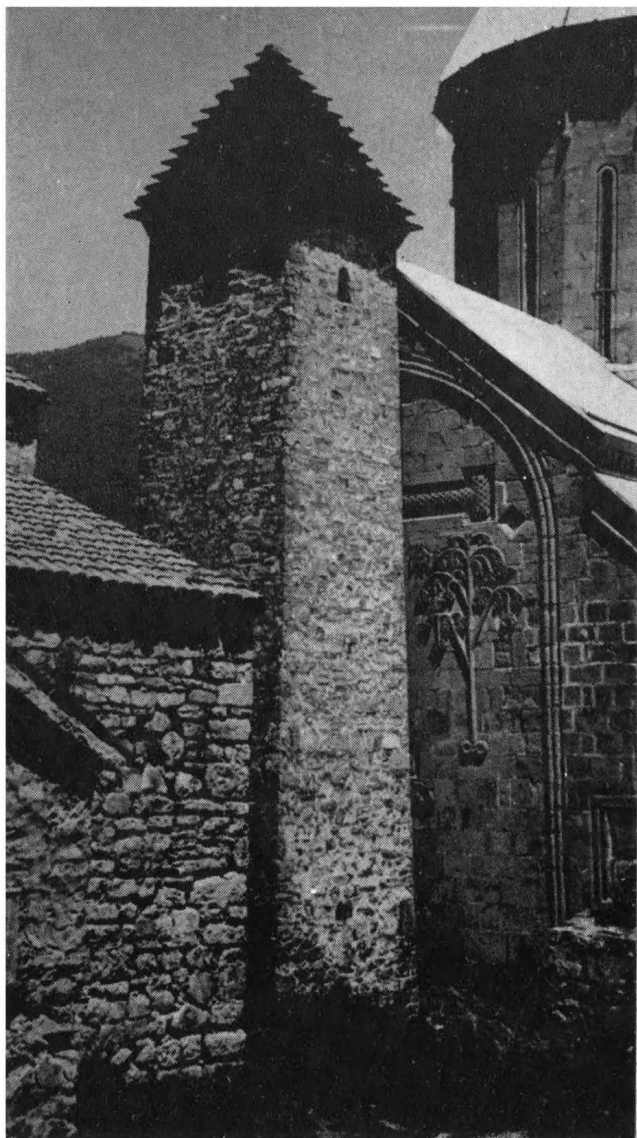
IV

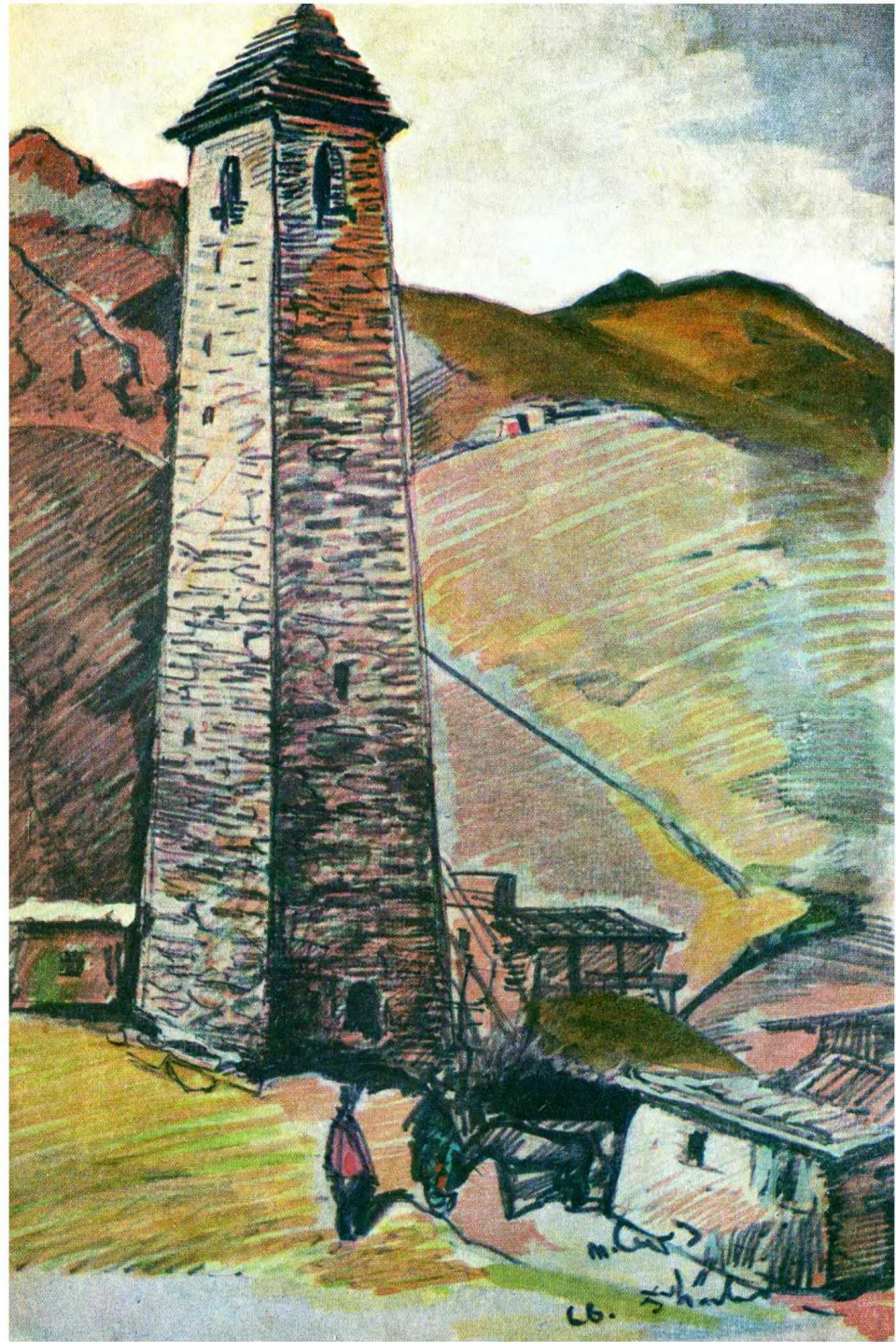
V

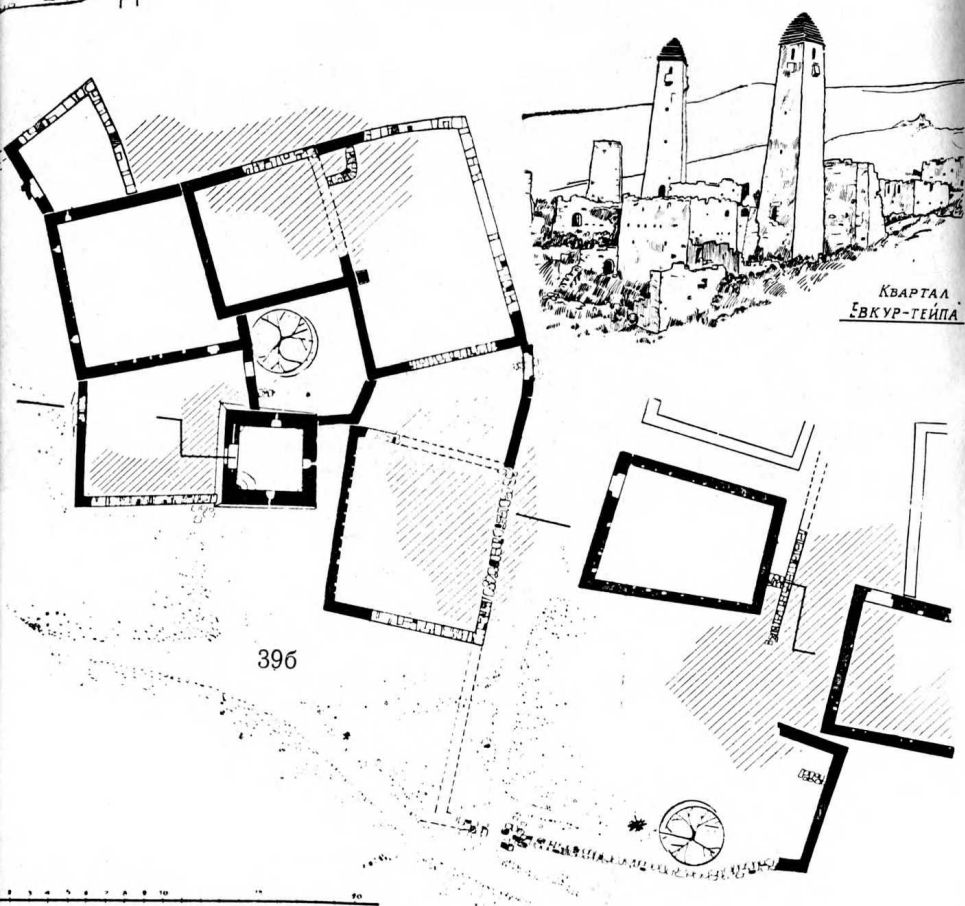
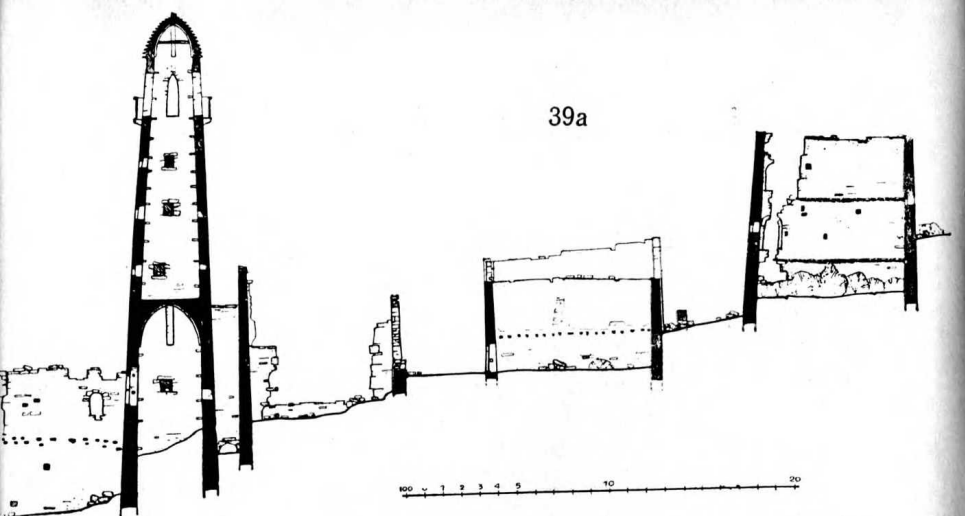

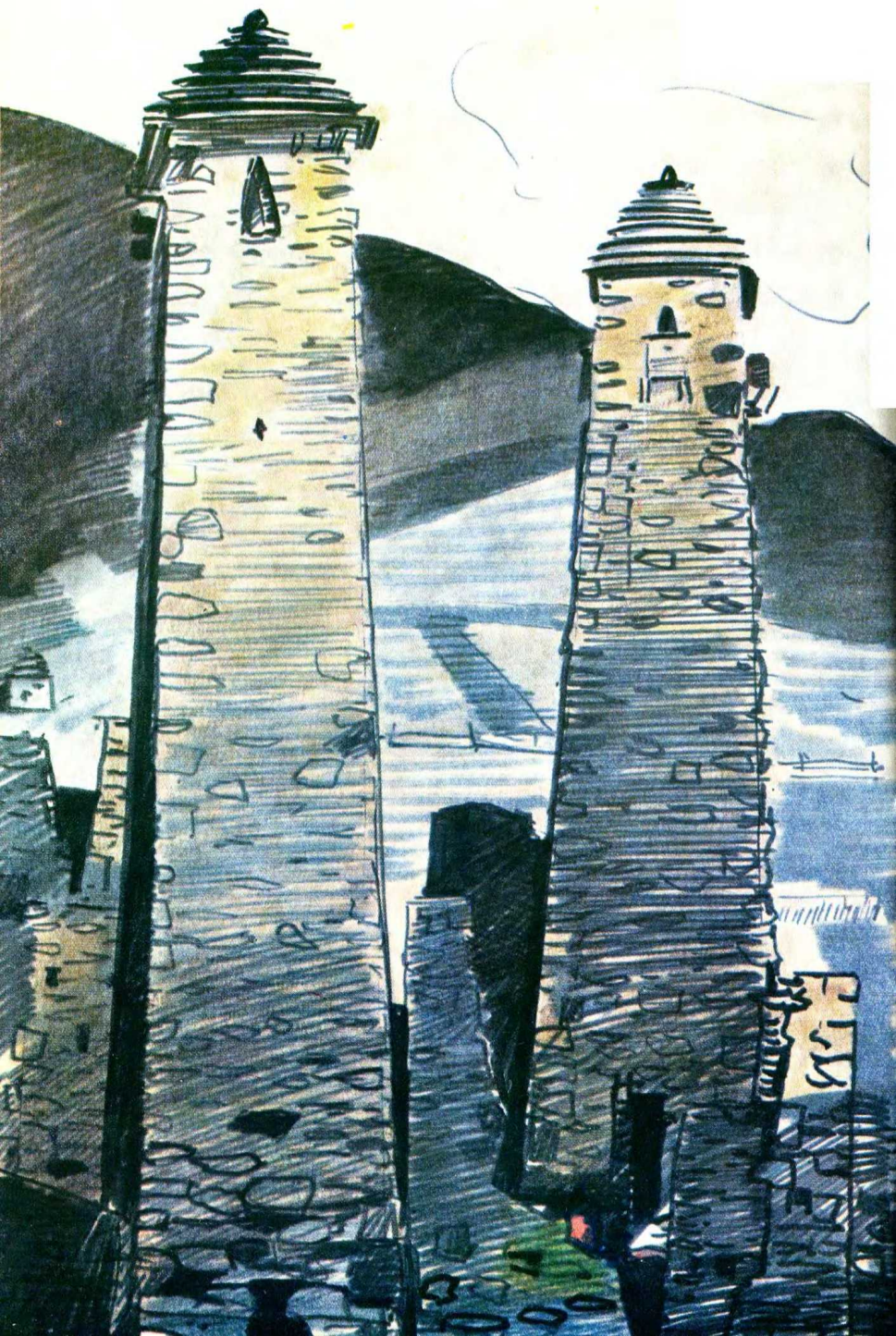

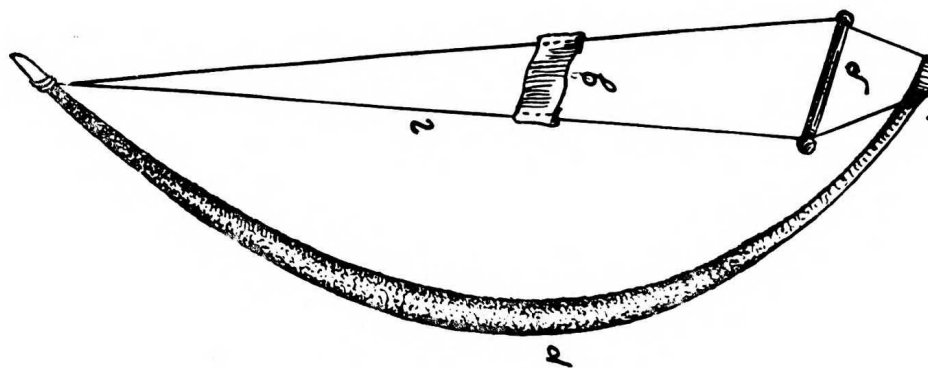
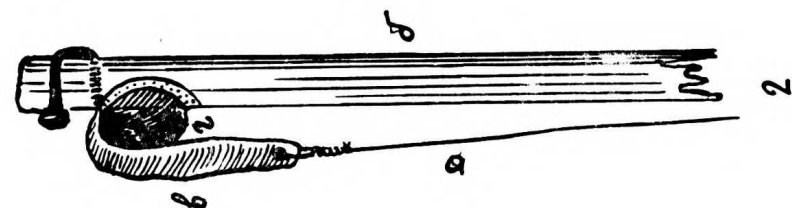
16. *St. Peter's*

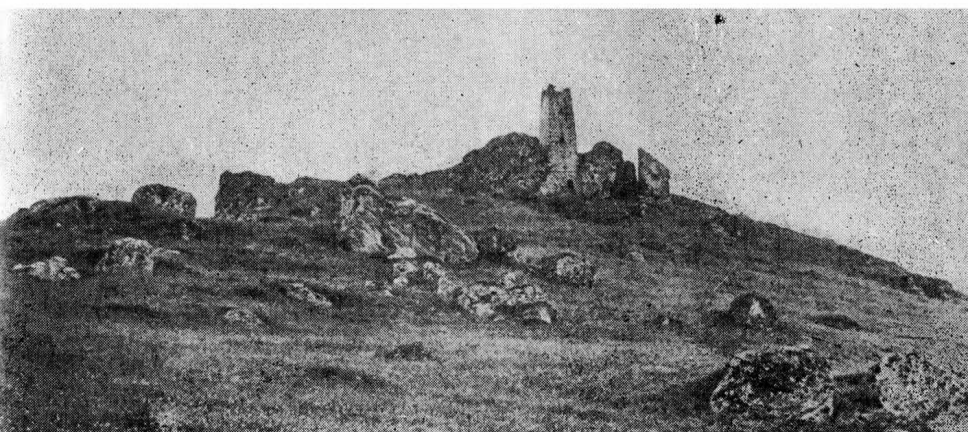

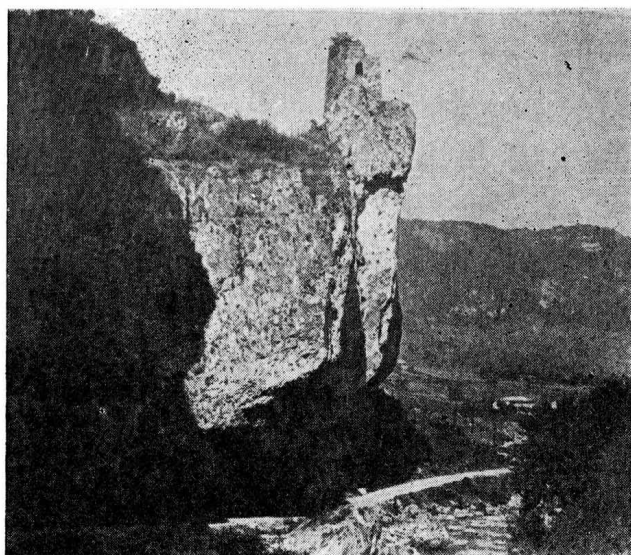

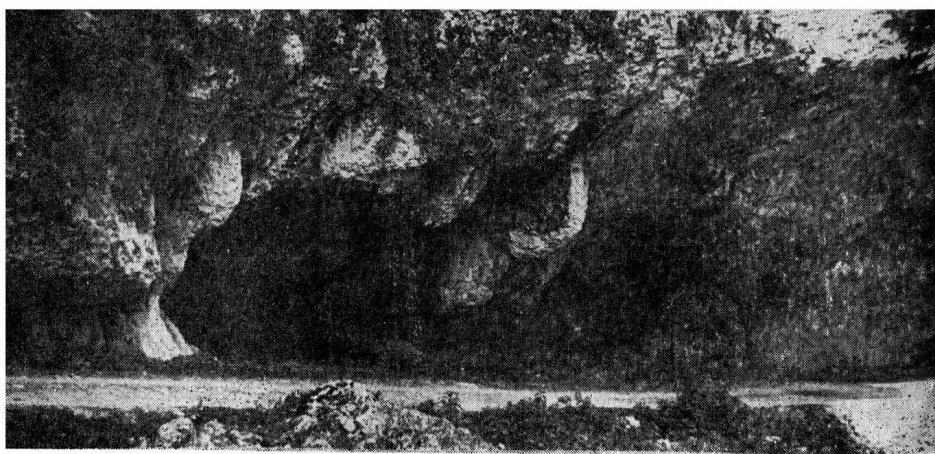
1

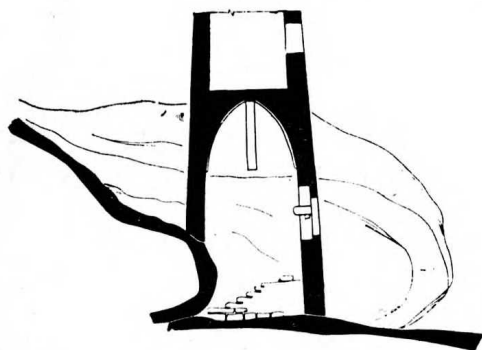
2

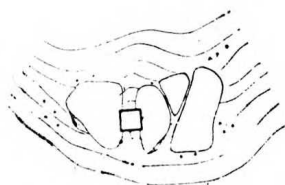
3

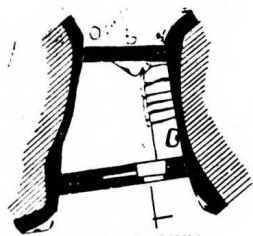
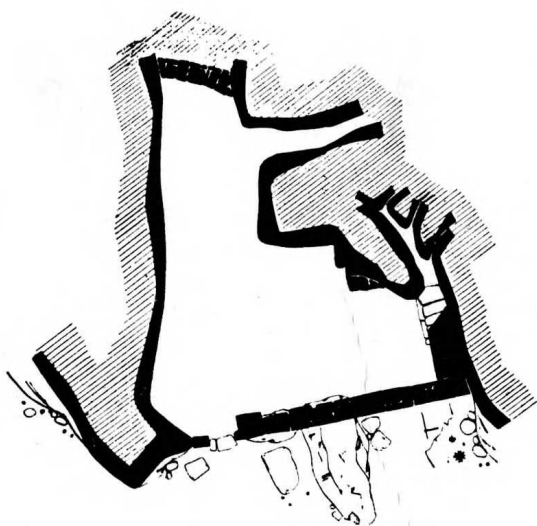
4

5a

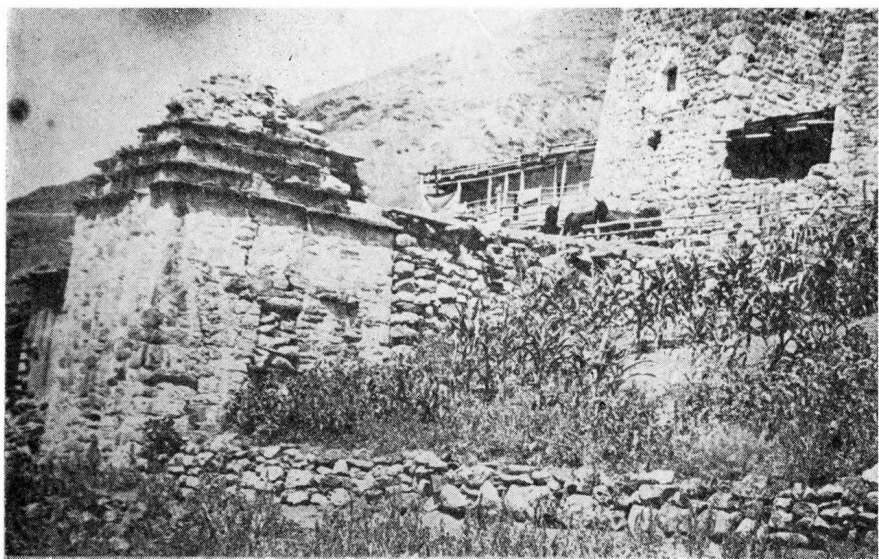
56

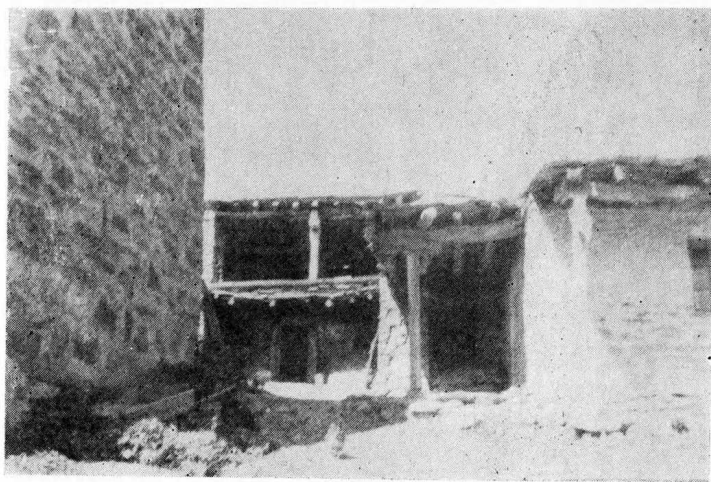
00000 00000 00000

000000 000 000000
00000000 00000 000

1

2